W 301/136
[4.1] 6.1-3

Ш301
Т36

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

2 1 5

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

вып. 1-3

XX-6184

МОСКВА.
Въ Типографіи А. Семена.
1860.

-61

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1юля 16-го дня 1860 года.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

2007041550

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1860 года, января 16-го дня, XXII засѣданіе; пунктъ 9-й. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Николай Алексѣевичъ Елагинъ изъявилъ свое согласіе на предоставленіе оному права издать собраніе пѣсень брата его, покойнаго Члена Общества П. В. Кирѣевскаго. Положено: немедленно приступить къ приготовленію сего изданія, для чего и просить г. Предсѣдателя о полученіи рукописей отъ Н. А. Елагина.»

— Февраля 23-го дня, XXVI засѣданіе; пунктъ 5. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ сообщилъ Обществу, что дѣло о передачѣ Обществу права на изданіе собранія народныхъ пѣсень покойнаго П. В. Кирѣевскаго братьями покойнаго В. А. и Н. А. Елагиными приведено къ окончанію, при чемъ В. А. Елагинъ выразилъ желаніе принять участіе въ трудахъ по сему изданію и могущіе получиться, за покрытіемъ издержекъ по изданію, барыши отъ онаго считаетъ необходимымъ обратить въ пользу малолѣтнихъ наслѣдниковъ покойнаго.— Положено: изъявивъ полное согласіе на означенныя желанія В. А. Елагина, приступить къ изданію.»

— Февраля 29-го дня, XXVII засѣданіе; пунктъ 2. «Д. Членъ К. С. Аксаковъ представилъ Обществу полученныя имъ отъ В. А. Елагина рукописи собранія пѣсень покойнаго П. В. Кирѣевскаго, передаваемыя Обществу для изданія оныхъ.—Положено: а) выразить В. А. Елагину искреннюю признательность за предоставленіе Обществу права изданія оныхъ и б) изданіе поручить Д. Членамъ К. С. Аксакову, П. А. Безсонову и В. И. Далю, при участіи, согласно пункту 5-му протокола 23-го февраля, В. А. Елагина.»

— Марта 11-го дня, XXIX засѣданіе; пунктъ 7. «Въ составъ Коммиссіи для изданія собранія народныхъ пѣсень покойнаго П. В.

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1860-й годъ.

Кирѣевскаго и состоящей изъ Д. Членовъ К. С. Аксакова, П. А. Безсонова и В. И. Даля, при содѣйствіи В. А. Елагина, избраны Д. Члены Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и С. А. Соболевскій.»

— Марта 15-го дня, XXX засѣданіе; пунктъ 4. «Читанъ докладъ Коммиссіи для изданія Сборника народныхъ пѣсень П. В. Кирѣевскаго, съ изложеніемъ плана, которому Коммиссія полагаетъ слѣдовать при семъ изданіи.— Положено: планъ Коммиссіи одобрить и за тѣмъ приступить къ изданію въ возможно-скоромъ времени.»

— Мая 7-го дня, XXXV засѣданіе; пунктъ 5. «По случаю печатанія перваго выпуска Собранія пѣсень П. В. Кирѣевскаго, положено: а) издать его въ числѣ 1,200 экземпляровъ; б) цѣну экземпляру назначить по 50 к. сер.; в) 100 экземпляровъ онаго оставить въ Обществѣ для раздачи Членамъ безплатно, согласно § 6 Устава; г) продажу книги начать въ сентябрѣ сего года и д) всѣ распоряженія по напечатанію и продажѣ сего изданія возложить на Д. Члена П. А. Безсонова.»

*

I.

Пѣсни былевыя.

Время Владимірово.

Выпускъ 1.

Илья Муромецъ,

богатырь-крестьянинъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

По мысли, руководившей постоянно П. В. Кирѣевскимъ, Коммиссія, издающая нынѣ Сборникъ его пѣсень, не ограничивается тѣмъ, что̀ нашла въ бумагахъ покойнаго, но присоединяетъ сюда въ пополненіе и другія пѣсни изъ печатныхъ изданій, а гдѣ нужно, въ *Приложеніяхъ* къ выпуску, помѣщаетъ Сказки, Историческія показанія, Преданія, и т. п.

Изданіе должно бы собственно начинаться народными *Стихами*, или духовными пѣснопѣніями народа: но они помѣщены уже были самимъ Собирателемъ, 1848 года, въ № 9-мъ Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, а дополнительная тетрадь къ нимъ, заключавшая разнорѣчія (варіанты), къ сожалѣнію, доселѣ числится потерянною. Потому, въ настоящемъ случаѣ является—

Отдѣлъ I-й, Пѣсни Былевыя (называемыя у насъ также Былинами, Побывальщинами, Старинами, и т. д.): то есть сперва Богатырскія, и за тѣмъ Историческія въ тѣсномъ смыслѣ, заканчивающіяся особыми пѣснями — *Безимянными*,

о безимянныхъ витязяхъ и мо́лодцахъ, удальцахъ и разбойникахъ.

I-й Выпускъ этого отдѣла, изъ времени Владимірова, — Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ.

Всѣ пѣсни, сюда вошедшія, при которыхъ нѣтъ замѣтки о заимствованіи изъ какого либо прежняго, печатнаго изданія, принадлежатъ Сборнику П. В. Кирѣевскаго. Когда онѣ вошли въ него, какое занимали мѣсто въ его составѣ, въ какомъ найдены видѣ, и тому подобные вопросы рѣшены будутъ въ послѣдствіи, по окончаніи настоящаго изданія и при обозрѣніи всего Сборника, тѣмъ болѣе, что самъ уже Собиратель предложилъ общія свѣдѣнія по этому дѣлу въ Предисловіи къ отпечатаннымъ Стихамъ (въ Чтеніяхъ) и во Вступленіи къ Былевымъ пѣснямъ, которое мы помѣстили вслѣдъ за симъ.

Все, что записано или переписано собственною рукою П. В. Кирѣевскаго, или же носитъ явные слѣды его пересмотра, все то отпечатано съ буквальною точностію, въ самомъ даже правописаніи и въ знакахъ препинанія. Не простирая никакого притязательнаго права на то, что̀ вышло уже *готовымъ* изъ рукъ самого Собирателя, настоящее изданіе удовольствовалось только тѣмъ, что дозволило себѣ, въ текстѣ такихъ пѣсень, *отдѣлить иногда красную строку*, или же *поставить въ скобкахъ* тѣ стихи, которые явно внесены въ пѣсню позднѣе или нейдутъ къ ея собственному составу.

Всѣ *замѣчанія П. В. Кирѣевскаго*, прибавленныя къ пѣснямъ, оставлены также неприкосновенными, съ отмѣткой: *Зам. П. В. Кир.*

Въ замѣнъ того, при остальныхъ пѣсняхъ изъ Сборника и

другихъ печатныхъ изданій, языкъ, разумѣется, удержанъ въ точности, но *правописаніе, раздѣленіе стиховъ*, и т. п., въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнено по усмотрѣнію.

Примѣчанія печатныхъ изданій, какія, въ полномъ или сокращенномъ видѣ, сочтены необходимыми или важными, удержаны всѣ съ отмѣткой: *Прим. 1-го изд.*

Всѣ остальныя соображенія касательно текста, состава пѣсень, языка, и т. п., принадлежащія *настоящему изданію*, отмѣчены буквою *О* (Общество Л. Р. Сл.).

При всѣхъ вообще пѣсняхъ принято: *въ началѣ* ихъ, въ скобкахъ, отмѣчать *мѣстность*, гдѣ онѣ записаны (за исключеніемъ сборника Кирши Данилова или Др. Росс. Стихотвореній, извѣстныхъ всякому по ихъ печатному изданію), а *въ концѣ — кѣмъ* записано, доставлено, или *гдѣ* передъ тѣмъ напечатано.—Гдѣ же, изъ Сборника П. В. Кирѣевскаго, пѣтъ этихъ отмѣтокъ, о тѣхъ пѣсняхъ высказаны будутъ объясненія въ послѣдствіи, при обзорѣ состава цѣлаго Сборника.

Если *разнорѣчія* не нарушаютъ *цѣлости* пѣсни , а напротивъ дѣлаютъ ее отдѣльнымъ и особымъ *цѣлымъ* , въ такомъ случаѣ пѣсни оставлены въ ихъ видѣ и помѣщены въ послѣдовательномъ порядкѣ одна за другою, по мѣрѣ ихъ сродства, хотя бы самаго близкаго. Сводить же разнорѣчія изъ нѣсколькихъ пѣсень къ тексту одной главной, принято тамъ лишь, гдѣ вся разница ихъ *въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ* словахъ и оборотахъ. Въ настоящемъ выпускѣ напечатана въ семъ послѣднемъ видѣ одна лишь пѣсня, 7-я въ разрядѣ II-мъ, тѣмъ болѣе, что она сведена уже изъ разнорѣчій въ бумагахъ Собирателя *).

*) Въ сводъ не внесены только ничтожныя разнорѣчія, вѣрно или нѣтъ прибавленныя къ пѣсни въ Моск. Телеграфѣ 1827 г. № 23, стр. 108, 109.

Правила, здѣсь изложенныя, приняты не только для предлежащаго выпуска, но и для всего послѣдующаго изданія.

Порядокъ, въ которомъ размѣщены одна за другою пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, и самыя *основанія* этого порядка, объяснены на концѣ выпуска, послѣ Приложеній, въ особой *Замѣткѣ*.

Коммиссія отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

*

ВСТУПЛЕНІЕ

къ Былевымъ пѣснямъ,

П. В. Кирѣевскаго *).

Историческихъ народныхъ пѣсенъ дошло до насъ немного, если сравнить ихъ количество съ огромною массою пѣсенъ другихъ разрядовъ; и это едва ли могло быть иначе,— не смотря на живое участіе, которое Русской народъ всегда принималъ въ событіяхъ отечества.—Именно тотъ слой народа, который шелъ во главѣ *историческаго* движенія Россіи и потому естественно былъ ближайшимъ хранителемъ изустнаго историческаго преданія,— съ начала прошедшаго вѣка принялъ надолго направленіе, неблагопріятное для сохраненія родныхъ воспоминаній; а остальной народъ, и до сихъ поръ еще не отвыкшій пѣть народныя пѣсни, могъ сохранить въ памяти только немногіе отпечатки главныхъ

*) Напечатано имъ въ Московскомъ Сборникѣ, 1852 г., т. I, по случаю изданія двухъ Былевыхъ пѣсень (между прочимъ объ Ильѣ Муромцѣ), которыя покойный Собиратель называлъ обыкновенно *Историческими*.—*О.*

эпохъ исторіи.—Подобное же явленіе, но еще раньше, чѣмъ у насъ и еще гораздо сильнѣе, совершилось въ Польшѣ, гдѣ не уцѣлѣло ни одной исторической народной пѣсни.

Историческія пѣсни, находящіяся въ моемъ Собраніи, относятся ко временамъ св. Владиміра, съ именемъ котораго въ народной памяти сливаются и пѣсни, относящіяся къ такъ называемому удѣльному періоду; есть пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ, объ царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ и о Петрѣ; но царствованіе Петрово можно назвать и границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, которыя, послѣ Петра, продолжали возникать только среди Волжскаго и Донскаго казачества. Правда, что поются въ народѣ пѣсни о семилѣтней войнѣ, о Турецкихъ и Шведскихъ войнахъ Екатерины, о войнѣ 1812 года, и многія другія; но эти пѣсни разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ: онѣ лишены всякого поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени.

Замѣчательно, что первыя, полумиѳическія времена Русской исторіи уцѣлѣли въ народныхъ пѣсняхъ свѣжѣе, нежели послѣдующія; между тѣмъ какъ пѣсенъ объ тѣхъ событіяхъ, которыя такъ глубоко потрясали Россію во времена Татаръ и Самозванцевъ—осталось мало. Можетъ быть это потому, что, переходя изъ устъ въ уста, древнее преданіе, по мѣрѣ своей отдаленности, богаче украшается радужными цвѣтами поэзіи; а можетъ быть потому, что и народъ, какъ отдѣльный человѣкъ, въ счастливыя эпохи внутренней тишины—но тишины, разумѣется основанной не на усыпленіи, а на зиждительной сосредоточенности его духовныхъ стремленій — бываетъ доступнѣе для впечатлѣній глубокихъ и прочныхъ, нежели въ эпохи бурныхъ торжествъ, или ожесточенной борьбы.

Въ пѣсняхъ о Іоаннѣ Грозномъ народъ сохранилъ воспоминаніе только о свѣтлой сторонѣ его характера. Онъ поетъ о славномъ завоеваніи Казани и Астрахани; о православ-

номъ царѣ, которому преклоняются всѣ орды Татарскія; объ его любви къ Русскому народу и его радости, когда Русской удалецъ, на его свадебномъ пиру, поборолъ его гордаго шурина, Черкасскаго князя; но не помнитъ ни объ его опричникахъ, ни объ другихъ его темныхъ дѣлахъ. Такая память народа, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полное вниманіе историковъ. ...

Особенно замѣчательно совершенное почти отсутствіе пѣсенъ объ эпохѣ такъ называемаго Татарскаго ига. По крайней мѣрѣ въ моемъ Собраніи Пѣсенъ (а оно, безъ преувеличенія, должно быть названо очень многочисленнымъ), пѣтъ ни одной, которую бы можно было несомнѣнно отнести къ этому времени. Такое отсутствіе воспоминаній объ этой эпохѣ можетъ служить сильнымъ свидѣтельствомъ противъ лицъ, называющихъ это несчастное время эпохою Татарскаго владычества, или ига, а не эпохою Татарскихъ опустошеній, какъ было бы справедливѣе. Иноземное владычество, особенно долговременное, необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народной духъ и не можетъ не оставить воспоминаній незгладимыхъ. Могло бы оно вовсе истребить пѣсни въ Русскомъ народѣ; но, при существованіи такого огромнаго богатства народныхъ пѣсенъ и преданій, не могло бы стереть подобныя воспоминанія.

—

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

*

I.

1.

(Симбирской губерніи и уѣзда, село Языково).

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридсять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Іусъ Христосъ, два Апостола:
« Ты пойди Илья, принеси напить ! »
— Нища братія, я безъ рукъ безъ ногъ!—
« Ты вставай Илья, насъ не обманывай ! »
Илья сталъ вставать—ровно встрёпаный;
Онъ пошёлъ принёсъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
« Много ли Илья чуешь въ себѣ силушки ? »
— Отъ земли столбъ былъ да до нёбушки,
Ко столбу было золото́ кольцё,
За кольцё бы взялъ, Святорусску поворотилъ!—
« Ты поди Илья, принеси другу чашу ! »
Илья сталъ имъ поднашивать,

Они Ильѣ отворачиваютъ;
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
« Много ли Илья чуешь въ себѣ силушки? »
— Во мнѣ силушки половинушка.—
« Проводи Илья насъ въ чисто́ поле,
« Во чисто́ поле, къ высоку́ бугру,
« Къ высоку́ бугру, ко разкатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилёгъ.
Богатырскій сонъ на дѣвнадсять дёнъ.

Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатырёмъ сильнымъ могучимъ *).
Онъ и сталъ Татаръ попытывать.
Выѣзжалъ къ нему младъ Тата́рченокъ,
Младъ Тата́рченокъ, бусурма́ченокъ,
На своемъ конѣ богатырскіемъ;
Онъ тугой лучёкъ натягивалъ,
Кленову́ стрѣлу накладывалъ,
Онъ стрѣлялъ въ Илью во бѣлу́ю грудь;
Не попалъ онъ во бѣлу́ю грудь,
А попалъ онъ во добра́ коня,
Во добра коня въ богатырскаго:
« Младъ Тата́рченокъ бусурманченокъ!
« Кабы мать твоя не кума была,
« Я бы взялъ тебя за праву́ руку,
« Я закинулъ бы во синё море! »
Онъ садился же на добра́ коня,
На добра коня богатырскаго,
Онъ поѣхалъ же во чисто́ поле
Ко тому Соловью ко разбойничку.
То пришли ко Ильѣ три дороженьки,
А межъ трехъ дорогъ бѣлъ горю́чь камень,

*) Эти четыре стиха, явно сбитые пѣвцомъ, записаны такъ:
На бугрѣ Илья отдохнуть прилёгъ.
Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатырёмъ сильнымъ могучимъ;
Богатырскій сонъ на дѣвнадсять дёнъ.

А на камешкѣ подписано:
На Восходъ ѣхать, быть богатому;
Ежли на́ Полдни, быть женатому;
На Западъ ѣхать, быть убитому.
(Тутъ мое житье все и скончилось.)

*

2.

(Гамъ же).

Охъ вы люди люди добрые,
Шабры *) мои приближённые!
Вы прійдите посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите мнѣ про старое,
Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,
Илью Муромца сынъ Ивановича.

Онъ въ сидня́хъ сидѣлъ ровно тридсять лѣтъ,
Тридсять лѣтъ и три года;
Онъ пошёлъ гулять по Салфѣ рѣкѣ,
По Салфецкому круту бе́режку;
Выѣзжалъ Илья на высокъ бугоръ,
На высокъ бугоръ на разкатистый,
Разставлялъ шатёръ—полы бѣлыя;
Разставя шатёръ сталъ огонь сѣчи́;
Высѣча́ огонь, сталъ раскладывать;
Разложа огонь, сталъ кашу варить;
Сваря кашу, сталъ расхлёбывать;
Расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать.
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ,
На двѣнадсять дёнъ на двое суточки.
Гдѣ не взялся . . . . . Тата́рченокъ,
Тата́рченокъ бусурма́нченокъ;
Онъ взошёлъ въ шатёръ, самъ дивуется:

*) Шабры—сосѣди.—*О.*

« Еще быть это Илья Муромецъ *),
« Илья Муромецъ сынъ Иваповичь!
« Соннаго мнѣ убить—не честь не хвала,
« А разбудить его—не сладити.»
Цапъ царапъ его во бѣлу́ю грудь!
Онъ не попалъ злодѣй во бѣлу́ю грудь,
Онъ попалъ злодѣй въ чуденъ зо́лотъ крестъ;
Отъ креста копье загибалося.
Ото сна Илья пробуждается,
Злу Татарченку издивляется:
—Еще что это . . . . . за Тата́рченокъ!
—Въ вышину онъ злодѣй пять аршинъ,
—А въ ширину злодѣй коса сажёнь,
—Голова на нёмъ какъ пивной котёлъ,
—Во лбу глаза по большо́й чашѣ.—
Онъ и снёсъ съ него злодѣя буйну голову
По его могучи плеча.

*

3.

(Симб. губ., г. Сызрань, с. Языково).

Охъ вы люди мои, люди добрые,
Люди добрые, шабры ближніе!
Вы скажите мнѣ про старое,
Про старое про бывалое,
Про стараго козака Илья Муромца!
Какъ старый козакъ въ походъ ходилъ
Подъ тоё ли же подъ матушку
Подъ Софу рѣку́;
Какъ копя сѣдлалъ, какъ съ двора съѣзжалъ;
Онъ бралъ свою збрую ратную,
Копьё Морзомецкое **),
Выѣзжалъ онъ во далече во чисто поле.

---

*) Надо быть—это Илья Муромецъ.—*О.*

**) Мурзамецкое: Муромское, отъ Мураы.—*О.*

Наѣзжалъ онъ въ чистомъ полѣ диковинку:
Разъѣздную походную красну дѣвицу.
Не доѣхавши онъ остановится:
«Охъ ты гой еси душа ли красна дѣвица!
«Охъ ты что́ една въ чистомъ полѣ казакуешь?
«Какого ты роду, царскаго или барскаго,
«Или сильнаго роду княженецкаго?»
Возго́воритъ красна дѣвица:
—Охъ ты гой еси старый казакъ Илья Муромецъ!
—Я не царскаго роду, и не барскаго,
—И не сильнаго роду княженецкаго:
—Я жила была́ у батюшки дочь гостиная,
—Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣне́й,
—Отъ того Олёши Поповича,
—Отъ насмѣшника пересмѣшника.—
Возго́воритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Охъ ты гой еси душа ли красна дѣвица!
«Охъ ты что́ мнѣ давно не сказалася?
«Я бы съ Олёшей перевѣдался,
«Я бы снялъ съ Олёши буйну голову.»
Подъѣзжаетъ старый козакъ къ Софѣ рѣкѣ,
Къ тому ли мосточку калинову:
Онъ разставливаетъ свой полотнянъ шатёръ,
Разставимши шатёръ, сталъ каши́чку варить,
Сварёмши кашичку, онъ позавтракалъ,
Онъ позавтракамши, сталъ почивъ держать.
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ.
Изъ далеча далече изъ чиста́ поля
Не ясенъ соколъ тутъ вылётывалъ,
Не черной воронъ тутъ выпорхивалъ,
Выѣзжаетъ тутъ злой Тата́рченокъ,
Злой Татарченокъ басурманченокъ,
Подъѣзжаетъ онъ ко бѣлу шатру,
Раскрываетъ у шатра полу правую,
Онъ и бьетъ добраго молодца, не жалуетъ;
Далъ онъ ему девять ранъ,
Десятую хотѣлъ смертную:
Ударилъ онъ его въ ретиво́ сердце.

Не угодилъ-то онъ ему въ ретиво́ сердце,
Угодилъ-то онъ ему въ зла́тый чу́дный крестъ.
Отъ креста копье загибалося,
Отъ сна добрый молодецъ пробуждается.
Онъ и всталъ старый казакъ на рѣзвы́ ноги:
« Охъ ты гой еси злой Татарченокъ,
« Что́ ты меня бьешь соннаго, аки мертваго,
« А сидящаго, аки дряхлаго?
« Мы бы съ тобой такъ могли побаталиться,
« А между собой похвастаться!»
Онъ и взялъ его за рѣзвы́ ноги,
Онъ и кинулъ его во чисто́ поле,
Повыше дерева стоячаго,
Пониже облака ходячаго.

*

4.

(Оренбург. губ., Уфимскаго уѣзда, село Новосёлка).

Далече, далеченько въ чистомъ полѣ,
Еще подалѣ во раздольѣ,
Выѣзжалъ туто удалъ молодецъ,
Удалъ молодецъ Илья Муромецъ,
Онъ раскинулъ уже полотнянъ шатеръ,
Онъ раскинувши сталъ почивъ держать.
Издалече, изъ чиста поля,
Выѣзжалъ туто удалъ молодецъ,
Удалъ молодецъ, бѣлъ Борисъ Козловъ.
Онъ натягивалъ свой ту́гій лукъ,
Онъ накладывалъ кленову стрѣлу,
Цѣлится бить Илью Муромца.
Онъ и бьетъ Илью по бѣлу лицу,
По бѣлу лицу, по румяному.
Какъ возговоритъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Илья Муромецъ:
«Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
«Добрый молодецъ, бѣлъ Борисъ Козловъ!

«Ты не бей меня по бѣлу лицу,
«По бѣлу лицу, по румяному:
«Я стопчу тебя на добрыѝмъ конѣ,
«На добрымъ конѣ, богатырскіемъ.»

*

5.

(Сузунскій заводъ, въ Алтайскомъ горномъ округѣ *).

Что по край было синя́ моря́,
На богатырской на за́ставѣ,
Стояли тутъ пять бога́тырей:
Перво́й — Илья Муромецъ,
Второй — Колыванъ сынъ Ивановичъ,
Третій — Самсонъ Васильевичъ,
Четвертый — Добрыня Никитичъ младъ,
А пятый — Алёша Поповичъ.
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,
Ни царскаго, ни боярскаго;
Ни звѣря рыскучаго,
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летитъ —
— Перо выропитъ;
Добрый мо́лодецъ бѣжитъ —
— Головой вершитъ **).
На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,

---

*) Округъ сей занимаетъ самую большую часть Томской губерніи; первоначальное Русское его населеніе образовалось изъ жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерній, въ началѣ прошлаго столѣтія.—*Прим. 4-го изд.*

**) *Головой вершить* — жизнь покончить; сложить голову. *Вершить* — кончить начатое дѣло, сводить шатромъ или конусомъ стогъ, *зародъ* сѣна. *Пора уже стогъ вершить; дѣло завершено.*—*Тожв.*

Отъ сна Илья пробужается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошолъ Илья на Днѣпръ-рѣку,
На Днѣпръ-рѣку умыватися,
А самъ смотритъ во чисто̀ полѐ.
Завидѣлъ онъ до́бра мо́лодца,
Подъ молодцомъ конь какъ бы лютой звѣрь,
На конѣ молодецъ какъ ясенъ соколъ;
Хороша управа *) молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе.
По праву руку летитъ ясе́нъ соколъ;
Въ рукахъ держитъ мо́лодецъ третра-перо **),
Сквозь пера не видно лица бѣлаго.
Не могъ признать Илья добра молодца.
Приходилъ Илья ко бѣлымъ шатрамъ,
Выходилъ Илья середи круга̀,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Братцы вы мои, товарищи!
«Кто изъ васъ удалѣе всѣхъ?
«У кого конь порыскучѣе,
«Бѣжать за удалымъ добрымъ мо́лодцомъ,
«Распросить его о дѣдинѣ, отчинѣ,
«И чей такой добрый мо́лодецъ?—
«Царь или царевичъ,
«Король или королевичъ,
«Или Русской могучій богатырь?
«Если Русской богатырь—то побрататься,
«А невѣрный—поразвѣдаться.»
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ:
—Я, братцы, поудалѣе всѣхъ,
—У меня конь порыскучѣе.—
Побѣжалъ Алеша за добрымъ мо́лодцомъ;
Бѣжалъ онъ день до вечера,

---

*) Хороша *управа* молодецкая — посадка. — *Прим. 1-го изд.*

**) *Третра—перо.* Разумѣть, кажется, должно опахало. Собственное же значеніе *третра* мнѣ неизвѣстно.—*Прим. 1-го изд.* — Вабило, чѣмъ манятъ сокола — *О.*

Темную ночь до бѣла свѣта.
Догоняетъ онъ добраго мо́лодца
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго;
Кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
«Ты постой, постой, добрый молодецъ!
«Ты или Русской богатырь,
«Или засельщина-деревеньщина;
«Ты или коня укралъ, или мужика убилъ,
«А сюда заѣхалъ — хвастаешь,
«Чужимъ именемъ называешься?»
Тутъ-то Бориску за бѣду стало́,
За великую досаду показалося;
Поворачивалъ коня какъ люта́ звѣря́,
На встрѣчу къ Алешѣ Поповичу;
Беретъ Алешу за бѣлы́ руки́,
Снимаетъ его съ добра коня,
Вынимаетъ шелепугу *) подорожную,
Стегалъ онъ Алешу Поповича
И садилъ его на добра́ копя.
Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается,
Ко сѣдельной лукѣ приклоняется.
Завидѣлъ Алешу Илья Муромецъ:
«Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ,
«Не пей ты зелена вина,
«Не ѣшь сладки кушанья.»
Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу:
—Радъ бы я не пить зелена вина
—И не ѣсть сладки кушанья:
—Напоилъ-то меня добрый молодецъ до́ пьяна,
—Накормилъ онъ меня до́ сыта
—Той шелепугой подорожною.—
Хваталъ тутъ Илья своего коня,
Побѣжалъ онъ за добрымъ мо́лодцомъ;

---

*) *Шелепуга* или *шелепъ*—широкій толстый ремень, употребляемый вмѣсто плети. — *Примѣч. 1-го изд.* — Отъ *шлепать*. Плеть; плеть съ обвязанной пулей; кистень; палица.— *О.*

Бѣжалъ онъ день до вечера;
Нагналъ его на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго.
Ударились они палицами боевыми;
Палицы ихъ разгоралися,
Въ рукахъ изломалися.
Скакали они съ добрыхъ коней,
Схватывались они за бѣлы руки.
Тутъ-то Бориско на носокъ востёръ *),
Сшибалъ Илью на сыру землю
И садился ему на бѣлы груди,
Говорилъ Ильѣ таковы слова:
«Ты базыга, базыга **) старая!
«За чѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?»
Береть его Илья на бѣлы руки,
Стаетъ на рѣзвы ноги,
Мегалъ его выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Подхватывалъ его на руки.
Тутъ-то Бориско пріужахнулся,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Ты охота, охота молодецкая!
«Полетай-ко охота къ моей матушкѣ,
«Спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?»
—Говорила я тебѣ, дитя, наказывала:
—Гдѣ ты съ Ильей съѣдешься,—
—Только ты ему низко кланяйся:
—По роду тебѣ онъ отецъ родной.—

(Записано Д. П. Соколовымъ. Изъ прибавленій къ Извѣстіямъ II-го отд. Акад. Наукъ, т. II).

*

*) *На носокъ востёръ:* ловкій, въ борьбѣ на носокъ.—*Прим. 1-го изд.*

**) *Базыга*—хрычъ, глуздырь.—*Тамже.*

6.

(Кирша Даниловъ. Древн. Росс. Стихотворенія).

Какъ изъ славнаго города, изъ Кіева
Поѣзжали два могучіе богатыри:
Поѣзжалъ Илья Муромецъ
Со своимъ братомъ названымъ,
Съ молодымъ Добрынею Никитичемъ.
А и будутъ они во чистомъ полѣ,
Какъ бы сверхъ тоя рѣки Череги,
Какъ бы будутъ они у матушки у Сафатъ рѣки;
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
« Гой еси ты, мой названой братъ,
« Молодой Добрынюшка Никитичь младъ!
« Поѣзжай ты за горы высокія,
« А и я, дескать, поѣду подлѣ Сафатъ рѣки. »
И поѣхалъ Добрыня на горы высокія,
И наѣхалъ онъ Добрынюшка Никитичь младъ бѣлъ шатеръ,
И начался *) Добрынѣ какой сильной могучій богатырь.
Изъ того шатра полотнянаго
Выходила тутъ баба Горынинка.
Заздорилася баба Горынинка.
Молодой Добрыня Никитичь
Скочилъ Добрыня со добра коня,
Напущался онъ на бабу Горынинку;
Учинилася бой-драка великая:
Они тяжкими палицами ударились,
У нихъ тяжкія палицы разгорался;
И бросили они палицы тяжкія,
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.—
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
А ѣздилъ онъ подлѣ Сафатъ-рѣки,
И наѣхалъ онъ туто бродучій слѣдъ —
И поѣхалъ и по тому слѣду бродучему,
А наѣзжаетъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ,

*) *Начался* — начался. — *О.*

Онъ Збута Бориса Королевича.
А на втапоры Збутъ Королевичь младъ
И отвязывалъ стремя вожья выжлока *),
Со руки опускаетъ ясна сокола, —
А самъ ли то выжлоку наказываетъ:
«А тепере мнѣ не до тебя пришло;
«А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,
«И корми ты свою буйну голову.»
И ясну соколу онъ наказываетъ:
«Полети ты, соколъ, на сине море,
«И корми свою буйну голову;
«А мнѣ молодцу не до тебя пришло.»
Наѣзжаетъ Илья Муромецъ Ивановичь.
Какъ два ясна сокола слеталися —
И наѣхалъ Збутъ Королевичь младъ,
Напущается онъ на стараго,
На стара козака Илью Муромца,
И стрѣляетъ Илью во бѣлы груди,
Во бѣлы груди изъ туга лука;
Угодилъ Ильѣ онъ во бѣлу грудь.
Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
Не бьетъ его палицей тяжкою,
Не вымаетъ изъ налушна **) тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Бориса Королевича —
Его только схватилъ во бѣлы руки
И бросаетъ выше дерева стоячаго.
Не видалъ онъ Збутъ Борисъ Королевичь
Что того ли свѣту бѣлаго;
И тоя-то матушки сырой земли —
И назадъ онъ летитъ ко сырой землѣ;
Подхватилъ Илья Муромецъ Ивановичь
На свои онъ руки богатырскія,
Положилъ его да на сыру землю;

---

*) *Вожья . выжлока: вожій выжелокъ* — охотничій песь, котораго водятъ съ собою; *стремя*—съ стремя, съ стремени.—*О.*

**) *Налушно*, налучно. *Налушно* и *сайдакъ*—чехолъ на лукъ.—*О.*

И сталъ Илья Муромецъ спрашивать:
« Ты скажись мнѣ, молодецъ, свою дядину, отчину. »
Говоритъ Збутъ Борисъ Королевичь младъ:
—Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ,
—Я споролъ бы тебѣ старому груди бѣлыя.—
И до того его Илья билъ, покуда правду сказалъ.
А и всговоритъ Збутъ Борисъ Королевичь младъ:
« Я того Короля—Задонскаго. » —
А втапоры Илья Муромецъ Ивановичь,
Глядючи на свое чадо милое,
И заплакалъ Илья Муромецъ Ивановичь:
« Поѣзжай ты, Збутъ Борисъ Королевичь младъ,
« Поѣзжай ты ко своей, ты ко своей сударынѣ матушкѣ,
« Кабы ты попалъ на нашихъ Рускихъ богатырей,
« Не отпустили бы тебя они живаго отъ Кіева. »
И поѣхалъ тутъ Збутъ Королевичь младъ
И пріѣхалъ тутъ Збутъ Королевичь младъ
Ко тому царю Задонскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матушкѣ, а сталъ свою удачу разсказывать:
« А и гой еси, сударыня матушка!
« Ѣздилъ я Збутъ Королевичь младъ
« Къ Великому Князю Владиміру,
« На его потѣшныхъ лугахъ,
« И наѣхалъ я въ полѣ стараго
« И стрѣлялъ его во бѣлы груди —
« И схваталъ меня старой въ чистомъ полѣ,
« Меня чуть онъ не забросилъ за облако —
« И опять подхватилъ меня на бѣлы груди. »
Еще втапоры его матушка,
Того Короля Задонскаго,
Разилася о сыру землю,
И не можетъ во слезахъ слово молвити:
—Гой еси ты, Збутъ Борисъ Королевичь младъ!
—Почто ты напущался на стараго?
—Не надо бы тебѣ съ нимъ дратися,
—Надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ,
—И надо бы тебѣ ему поклонитися

—О праву руку до сырой земли;
—Онъ по роду тебѣ батюшка, старой козакъ
—Илья Муромецъ сынъ Ивановичь. —
И поѣхалъ онъ на горы высокія,
А искати онъ брата названаго
Молода Добрынюшку Никитича.
И дерется онъ съ бабой Горынинкой —
Едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ *).
Говоритъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
« Гой еси, мой названой братъ,
« Молодой Добрынюшка Никитичь младъ!
« Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой дратися:
« А бей ты бабу . . . . . по щекѣ,
« Нипай . . . . . .
. . . . . .»
А и втапоры покорилася баба Горынинка;
Говоритъ она баба таковы слова:
« Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичь младъ,
« Побилъ меня старой козакъ
« Илья Муромецъ единымъ словомъ. »
И скочилъ ей Добрыня на бѣлы груди,
И выдергивалъ чингалище **) булатное,
Хочетъ спороть ей груди бѣлыя —
И молится баба Горынинка:
« Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичь!
« Не прикажи ты мнѣ рѣзать груди бѣлыя,
« Много у меня въ землѣ останется злата и серебра. »
И схваталъ Илья Добрыню за бѣлы руки;
И повела ихъ баба Горынинка
Ко своему погребцу глубокому,
Гдѣ лежитъ золота казна, —
И довела Илью съ Добрынею,
И стали они у погребца глубокаго,
Они сами туто богатыри дивуются,
Что много злата и серебра,

---

*) *Полуднуетъ* — полуживетъ.—*О.*
**) *Чингалище* — кинжалъ.—*О.*

А цвѣтнаго платья все Рускаго.
Оглянулся Илья Муромецъ Ивановичь
Во тѣ во раздолья широкія,
Молодой Добрынюшка Никитичь младъ
Втапоры бабѣ голову срубилъ.
То старина, то и дѣянье.

II.

1.

(Рязанской губ.)

Не бѣлы́е-то снѣжки забѣлѣлися,
Забѣлѣлася у ста́раго сѣдая борода.
Ужь какъ старый на конѣ оправляется,
Своей храбростью выхваляется:
« Не лучи́тъ ли мнѣ Богъ въ Царѣ-Градѣ быть?
« Вотъ я Турочекъ всѣхъ повы́рублю,
« А Турчаночекъ во поло́нъ возьму!»
Выѣзжаетъ ли старый во чисто́е поле.
Что на встрѣчу старому злые встрѣ́чнички:
Да что сорокъ ихъ четыре разбойничка;
Что хотятъ они стараго ограбити.
« Охъ вы гой еси злые мои встрѣчнички,
« Да что сорокъ васъ четыре разбойничка!
« Вамъ спять и взять съ меня не́чего:
« Что одна на мнѣ серьмя́жка, и то сѣрая;
« Но и той-ли серьмя́жкѣ цѣна вѣданая:
« Что и сто́итъ ли серьмяжка шестьдесятъ рублей.
« Во колчанѣ у меня стрѣлъ до пяти сотъ есть:
« Что и ка́жпяя стрѣла сто́итъ пять рублей.
« А чистыхъ со мной денегъ сорокъ тысячь есть.
« А коню-то, животу́,—ему смѣты нѣтъ.»
Вотъ и тутъ ли разбойнички разсмѣхну́лися:
« Что сколько мы по бѣлу свѣту ни ха́живали,
« Мы такого дурака не паха́живали!

« Будто что мы у ста́раго про что спрашивали,
« Что и самъ ли старый дуракъ правду сказываетъ! —
« Принимайтесь-ко, ребятушки, за ста́раго! —
Что снимаетъ ли старый свой ту́гій крѣпкій лукъ,
Онъ пускаетъ ли калену стрѣлу во сы́рый толстый дубъ:
Раскололъ онъ этотъ дубъ на четы́ре гра́ни.
Вотъ и тутъ ли разбойнички испугалися,
По чисто́му они полю разбѣжалися.

*

2.

(Воронки, 1833, Сент. 3, Моск. губ. и уѣзда).

На Илю́шенькѣ смуръ кафтанъ,
Здунинай най *)!
Крутожёлтъ тафта **).
Что напали на Илюшеньку
Воры разбойнички,
Что хотятъ-то Илюшеньку
Разбить-разгромить,
Во полонъ полонить.
« Вы отстаньте, воры разбойнички!
« Вамъ меня не разбить, не разгромить,
« Ни въ полонъ не заполонить!
« Что́ же вамъ съ меня хочется?
« Со мной нѣтъ ни злата, ни се́ребра,
« Вотъ на мнѣ-то есть одна шубёночка,
« Есть шубёночка крутожёлтенька,
« Крутожёлтенька, тафта то́ненька. »
Они всё-таки отъ него не отстаютъ,
Они всё хотятъ разбить-разгромить,
Разбить-разгромить, во поло́нъ полонить.
Онъ натягиваетъ струну тоненькую,

---

*) Повторяется послѣ каждаго стиха. — *О.*
**) *Рудожелтъ?* — *О.*

Запущаетъ калену́ стрѣлу́;
Ему жалко ихъ до сме́рти убить;
Запускаетъ стрѣлу въ мать сыру́ землю́:
Гдѣ калена́ стрѣла шла, на косую сажень драла́

*

3.

(Симбирск. губ., Сызран. уѣзда, с. Языково).

Собирался старый козакъ Илья Муромецъ
Гулять во чисто поле,
Во чисто поле показаковать.
Наѣзжаетъ онъ три дороженьки,
Три дороженьки перекрёсточки;
На камешкѣ подпись подписана:
Первая дороженька на право,
Друга дороженька на лѣво,
Третья дороженька прямо на́ прямо.
«Мнѣ на право итти—богату быть;
«Мнѣ на лѣво итти—женату быть;
«Прямо на́ прямо итти—убиту быть:
«Мнѣ богатство старому не надобно,
«Жениться старому не хочется;
«Я пойду старый прямо на́ прямо:
«Убить-то меня стараго не́ про что,
«А снять-то съ меня стараго нечего,
«Одна-то на мнѣ старыемъ сермяженька сѣрая,
«Въ три строчки она простро́чена:
«Первая строка во сто рублей,
«Другая строка во тысячу,
«А третьей то строкѣ и цѣны нѣтъ.»
Наѣзжаютъ-то на стараго Комышинички *),
По Русскому воры разбойнички;
Хотятъ-то стараго убить-обрать,

*) Если это не Камышинцы города Камышина, то это разбойники, которые въ степныхъ мѣстахъ прячутся по камышамъ.—*О.*

Убить-обрать и ограбить.
Вынимаетъ старый свой тугій лукъ,
Натягаетъ тетивку шелковую,
Накладываетъ онъ кленову стрѣлу,
Онъ пускаетъ стрѣлу во сырый дубь,
Разбиваетъ дубъ во черепья пожёвые.
Тутъ-то Комышпички испугалися,
На ножи было сами пометалися:
—Ой ты гой еси старъ матёръ человѣкъ!
—Ты бери съ насъ золоту казну, что тебѣ надобно,
—Ты бери съ насъ цвѣтно платье, что тебѣ надобно,
—Ты бери нашихъ добрыхъ копей! —
Возговоритъ старъ матёръ человѣкъ:
«Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
«За мной бы рыли ямы глубокія;
«Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
«За мной бы были горы высокія;
«Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ копей,
«За мной бы гоняли табуны великіе.»

*

4.

Далéченка далече во чистомъ полѣ,
Еще того подальше во раздольицѣ,
Зашатался, загулялся добрый молодецъ,
Старшинушка Донской козакъ.
Напали же на молодца охотнички,
А по Русскому назвать—воры разбойнички,
А хотятъ они старшинушку обидѣти, исхитити.
«А на мнѣ, старшинушки, имъ взять нéчево:
«Одинъ на мнѣ, на молодцѣ, сѣрой кафтанъ,
«Сѣрой кафтанъ на молодцѣ сермяжинка,
«Правая нóлынка въ пять сотъ серебряныхъ рублей,
«А правая *) полынка—та полынка во тысячу,
«А всему тому, сермяжникъ, цѣны нѣту.»

*) Лѣвая? — *O*

(Развернулся, распахнулся доброй молодецъ:
На правой на полынкѣ знамя царское,
А на лѣвой полынкѣ персопушка.)

*

5.

(Симбирской губ., въ селѣ Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казачка, Илью Муромца.

Илья Муромецъ сынъ Иваповичь
По чистому полю по'халъ*) погуливать.
Не пыль то въ полѣ запылилася,
Не туманъ то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистыимъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ ёмъ доброй конь,
А запылилась за ёмъ сила добрая.
И подъѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ, къ тремъ широкимъ.
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючь камень,
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ итти-ѣхати:
«Во право мнѣ ѣхать — женатому быть,
«А во лѣво ѣхать — богатому быть,
«А прямо ѣхать — убитому быть.
«Мнѣ женатство-то — не ко младости,
«А богатство — не къ разуму.
«Дай поѣду, поѣду по этой по дороженькѣ,

*) Поѣхалъ.

«По которой мнѣ убитому быть.»
И повстрѣчалися ему станишнички:
«Ужъ и ой еси вы, станишнички,
«А по Русскому васъ назвать, разбойнички!»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
«Вамъ убить-то мне не за что,
«А взять-то вамъ съ меня нечего:
«Камзолецъ на мнѣ во пять сотъ рублей,
«А колпачокъ на мнѣ во всю тысячу,
«А коня-то на базаръ я не вываживалъ,
«Цѣнъ-то ему не прикладывалъ.»
А станишнички сомигнулися,
Сомигнулися и улыбнулися.
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Сталъ постряхивать
И свой тугой лукъ сталъ натягивать,
И пущаетъ свою кленову стрѣлу,
И пущаетъ во сыръ во матерый дубъ,
И ращипъ дубъ во ножевы чѣренья.
Станишнички испужалися,
И всѣ врозь разбѣжалися,
Въ третьи суточки на то мѣсто собиралися:
—Ужъ и ой еси, старой казакъ,
—Старой казакъ, Илья Муромецъ,
—Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
—Возьми къ себѣ насъ во товарищи,
—Во Донскіе во казаченки!»

(Записалъ П. В. Шейнъ; пѣвецъ Егоръ Плотниковъ, лѣтъ за 50, человѣкъ бывалый. См. Чтенія въ О. И. и Др. Рос., 1859 г., кн. 3).

*

6.

(Корсун. уѣзда, выселокъ Александровъ).

Не дорого намъ пива пьянаго,
А дорога намъ бесѣда смиренная.

Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія.

Во селѣ было, въ Муромѣ,
Во деревнѣ было, Корочаровѣ,
Жилъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Сынъ Ивановичь, богатырскій сынъ.
Онъ просилъ у своего батюшки
Великаго благословеньица:
«По дикой степѣ мнѣ погуляти,
«Добра коня понаѣздити.»
Онъ и ѣхалъ путемъ-дороженькой,
Онъ подъѣхалъ къ тремъ дороженькамъ,
И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«По которой мнѣ будетъ ѣхать дороженькѣ:
«Ежели по праву ѣхать — богатому быть,
«А по лѣву ѣхать — женату быть,
«А по середней ѣхать — убитому быть.
«Мнѣ женидьба не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ радости.
«Дай поѣду я, гдѣ мнѣ убиту быть:
«Убить-то меня (говоритъ) не за что.»
Подъѣзжалъ же ко Окѣ рѣкѣ;
Черезъ Оку рѣку конь перескакивалъ,
Рѣзвыихъ ногъ ни обмакивалъ.
Тутъ стояли же воры и разбойнички,
По Русскому придорожнички.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Пускалъ стрѣлу во сырой дубокъ,
Ращипалъ дубокъ во ножевыя черепыщи.
И тутъ воры разбойники испугалися,
По дикой степѣ растрѣлялися,
По камышинички размирялися *).

(Записано тѣмъ же, отъ 80-ти лѣтняго старика. См. Чтенія).

*

*) *Расширялися*—по камышамъ разсѣялись?—*О.*

7.

(Саратовской губ., Петровскаго уѣзда, село Даниловка *).

По морю, по морю, по морю же синему [1]),
По синему по Хвалынскому [2]),
Плавалъ Соколь корабль ровно тридцать лѣтъ [3]);
И на якори [4]) Соколь корабль не ставалъ,
И желтаго пѣсочку въ глазъ не видалъ [5]).
Хорошо Соколь [6]) корабль изукрашенъ [7]) былъ:
Бока сведены по звѣриному,
А нос-о-тъ да корма по змѣиному [8]).
Кормою-то владаетъ младъ Полканъ богатырь,
А всѣмъ кораблемъ Илья Муромецъ [9]).
На Ильѣ Муромцѣ кафтанъ рудожелтой камки [10]).
Илья Муромецъ по кораблю похаживатъ [11]),

---

*) Четыре варіанта: А) Принятый за текстъ, записанный С. П. Шевыревымъ; Б.) доставленный А. М. Тургеневымъ; В.) изъ Пѣс. 1803 года; Г.) изъ Московск. Вѣстн. 1827. № 21.

1) Б.) и В.) Ахъ, по морю, морю синему. Г.) По морю, по морю, по морю синему.

2) Б.) Что по синему морю по Каспицкому; В.) Что по синему морю Каспійскому.

3) Б.) Еще плаваетъ, гуляетъ Соколь, братцы, корабль. И онъ плавалъ и гулялъ ровно тридцать лѣтъ; В.) Други! плаваетъ, гуляетъ Соколь корабль. Онъ ужь плаваетъ гуляетъ ровно тридцать лѣтъ.

4) Б.) Что на якорячъ; В.) А на якорячъ; Г.) И на якорячъ.

5) Б.) У крутыхъ красныхъ береговъ отцюль не бывалъ, Церквей и монастырей не видывалъ, Колокольнаго звона не слыхивалъ; В.) У крутыхъ зеленыхъ береговъ не бывывалъ, Церквей и монастырей не видывалъ, Колокольнаго звона не слыхивалъ.

6) Б.) Хорошо добрый Соколь; В.) Хорошо добрѣ Соколь.

7) Б.) и В.) украшенъ.

8) Б.) Да что носъ и корма по звѣриному, Киль его сдѣланъ по змѣиному, А парусы на немъ какъ орлиное крыло; В.) Выгнутъ носъ его съ кормою по звѣриному, А киль его сдѣланъ по змѣиному, Вѣялъ парусъ, какъ орлиное крыло; Г.) А нос-а-тъ.

9) Б.) Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ богатырь, Полъ-атаманомъ молодецъ Илья Муромецъ; В.) Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ богатырь, Есауломъ Илья Муромецъ.

10) Б.) На немъ шуба была въ пять сотъ рублей. На немъ шапочка во сотенку. А пуговки на шубѣ чиста золота; В.) во пять сотъ рублей, на немъ...

11) Б.) По кораблику онъ Муромецъ похаживаетъ; В.) По кораблику Муромецъ похаживаетъ; Г.) . . . . похаживаетъ.

Онъ и [12]) тросточкой по пуговкамъ поваживатъ [13]).
И напали на Соколь корабль разбойнички,
Горскіе Татары со Калмыками,
И хотятъ они корабличекъ разбить, разломить.
А онъ [14]) по караблику похаживатъ,
Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживатъ [15]):
Пуговки залочоныя [16]) разгремѣлися,
Лютые львы разревѣлися;
А разбойнички испужалися,
Въ [17]) горы съ испугу разбѣжалися.

*

8.

[Кирша Данилов].

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старой ли козакъ Илья Муромецъ.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
По чему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,

---

12) Б.) и В.) И онъ . . . . поваживаетъ; Г.) . . . поваживаетъ.

13) Б.) *Оканчивается такъ:* Его пуговки разгремѣлися, Всѣ товарищи подымалися, Наступали они на Турецкій флотъ; Агаряне ихъ испужалися, Во сине море помѣталися, Всю жизнь свою тутъ кончили, А богатство все оставили На добычу храбрымъ воинамъ. В.) *оканчивается:* Его пуговки разгремѣлися. Всѣ товарищи подымалися, Наступили они на Турецкій флотъ, Въ сине море покидалися, А богатство все оставили, На добычу добрымъ молодцамъ.

14) Г.) А онъ-то.

15) Г.) поваживаетъ.

16) Г.) злаченыя.

17) Г.) Во . . .

Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему Рускому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,
Съ душей, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Убить меня стараго вамъ не за что,
«А взяти у стараго нечего.»
Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистой дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго,
Того-то станишники изпужалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ —
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Селма встаетъ, пересемываетъ *),
А Спиря встаетъ, то постыриваетъ **),
А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
«Ты старой козакъ, Илья Муромецъ!
«Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
«Дадимъ рукописанье служить до вѣку.»
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
«Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
«Про стараго козака Илью Муромца.»

---

*) Селма—Сёма.—*О*

**) Постыриваетъ — поспириваетъ — *О.*

III.

1.

(Симбирск. губ., село Станичное).

Во славнаимъ было городѣ во Муромѣ,
Во большимъ селѣ Корочаровѣ,
Не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ,
Говоритъ тутъ Илюшка свому батюшкѣ:
«Государь ты мой батюшка, Иванъ Тимоѳеевичь!
«Купи ты мнѣ жеребенка шалудиваго,
«Дай ты жеребенка пятьдесятъ рублей со полтиною,
«Корми ты ево тѣстомъ пшеничнаимъ,
«И пой сытой медовою;
«Выводи кататься по три зарп, по три утренпія.
«На тѣ па перины, на пуховыя.»
Сталъ да мой жеребеночикъ попгрывать,
Черезъ Оку рѣку попрыгивать.
Что не бѣлая березынька къ землѣ клонится,
Приклонялся Илюшка къ свому батюшкѣ,
Къ государынѣ своей матушкѣ:
«Государь мой батюшка, Иванъ Тимоѳеевичь,
«Государыня матушка!
«Дайте мнѣ великое благословленьицо,
«Ѣхать въ Кенвъ градъ къ князю Володимеру,
«На поможепіе и на сбереженіе.»
Далечинька, далечинька въ чистомъ полѣ,
Не бѣлыя снѣжечки въ полѣ забѣлѣлися,
Не туманушки затуманилися,
Не былинка въ полѣ зашаталася:
Зашатался въ полѣ старый казакъ,
Забѣлѣлся подъ нимъ добрый конь.
Онъ подъѣхалъ ко тремъ ко дорожинькамъ,
На самую перехрестычку.
Промежъ было трехъ дороженька,
На самой па перехрестычкѣ,
Лежитъ тутъ бѣлъ горючь камень,

На камешкѣ есть написано,
Все старому расказано:
По правой ѣхать—богатому быть,
По лѣвой ѣхать—женатому быть,
А прямо-то ѣхать—убитому быть.
«Ужь я думаю, старый, подумаю,
«Со своимъ конемъ добрынмъ:
«Мнѣ богатство-то старому не прочное,
«А жениться-то не́ къ лицу.
«Поѣду я по прямой дороженькѣ:
«Убить-то меня не́ про што,
«А взять-то съ меня нечево:
«Одинъ смуръ кафтанъ на мнѣ во сто рублей;
«Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
«А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячѣ;
«А коню съ сѣдломъ и цѣны нѣту.»
И поѣхалъ доброй молодецъ,
На Черниговъ градъ *), на лѣса на Брынскіе,
Черезъ горы Сіонскія,
Черезъ тѣ грязи черныя,
На тоё рѣку Смородину.
Подъѣзжаетъ же доброй молодецъ
Къ городу Чернигову.
Выходили тутъ Татары черные,
Хотятъ молодца убить-погубить,
Тѣло бѣло съ душей разлучить.
Снималъ онъ съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ тѣ стрѣлы позлоченыя
На тетивочьку на шелковую,
Побивалъ онъ всѣхъ Татаръ черныихъ
Съ перваго до послѣдняго.
Поѣхалъ же доброй молодецъ
Въ лѣса Брынскіе,
Въ горы Сіонскія.
Инъ на встрѣчу добру молодцу камышинчки,

*) Черниговъ—Черниговъ.—*O.*

По Русскому назвать—воры-разбойнички.
Хотятъ они молодца убить-погубить,
Тѣло бѣло съ душей разлучить.
Возговоритъ доброй молодецъ, Илья Муромецъ:
«Охъ вы гой еси добры молодцы, камышнички,
«По Русски назвать—воры-разбойнички!
«Убить-то меня вамъ нé про што,
«А взять-то печево;
«Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей;
«Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
«А стрѣлъ колчанъ во двѣ тысячѣ;
«А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.
«Охъ вы гой еси, камышнички,
«По Русски—воры-разбойнички!
«Дайте вы мнѣ старому исправиться:
«Будете старому и клаияться.»
Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тоё тетивочку шелковую:
« Ой вы гой еси, добры молодцы!
« Въ васъ стрѣлять, иль сырый дубъ?»
Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матеръ дубъ,
Разшибалъ сыръ матерой дубъ
По мелкимъ ножовымъ черепьямъ.
Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницъ лицомъ.
Возговоритъ доброй молодецъ:
« Охъ вы гой еси, добры молодцы, камышнички!
« Полноте лежать на сырой землѣ,
« Полноте спать-высыпатися:
« По дорогѣ много прошли конныхъ и пѣшихъ,
« У себя вы много добраго упустили.»
Встали добрые молодцы
На свои рѣзвы ноженьки,
И пали ему въ рѣзвы ноги:
—Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
—Поди ты къ намъ во товарищи,
—И будь ты у насъ атаманушкой!—

Возговоритъ доброй молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
«Не хочу я съ вами стада пасти,
«А ѣду въ Кіевъ градъ,
«Къ Володимеру князю на вспоможеніе,
«На его сбереженіе.»
И поѣхалъ же доброй молодецъ путемъ-дороженькой,
И встрѣчаетъ его Соловей разбойникъ,
Онъ и свищитъ своимъ громкимъ голосомъ,
Его доброй конь спотыкается,
Онъ ударилъ коня по крутымъ бедрамъ:
«Охъ ты конь, вороный конь!
«Не пугайся, не страхайся!»
И снимаетъ съ себя тугой лукъ,
И накладываетъ калену стрѣлу
На тоё тетивочку шелковую,
И подстрѣлилъ Соловью правое крыло *),
И вышибъ лѣвый глазъ,
И посадилъ его въ тараки.
У него было два зятя:
Алеша Поповичь и Добрыня Никитичь,
И говорятъ:—вонъ батюшка ѣдетъ и мужика везетъ.—
А другой зять: «нѣтъ, это мужикъ ѣдетъ и батюшку везетъ.»
—Когда батюшку мужики возили?
—Онъ бывало возилъ мужиковъ!—
Возговорилъ зять Соловья разбойника,
Добрыня Никитичь:
«Нѣтъ, нынѣ вѣрно ужъ батюшку мужикъ везетъ.»
Онъ и кричитъ имъ:
—Зятья мои умные,
—Зятья мои разумные!
—Не дразните его:
—Это сильный, могучій богатырь ѣдетъ!—
Вскочила большая дочь
И взяла подворотню,

*) Подстрѣли—извѣстный оборотъ съ повелительнымъ.

И хотѣла убить подворотней Илья Муромца.
Онъ взялъ калену стрѣлу
И застрѣлилъ ее на воротахъ.
Подъѣзжаетъ же доброй молодецъ
Къ рѣкѣ ко Смородинѣ.
Добрый конь его и хвоста не замочилъ,
Чрезъ рѣку Смородину переѣхалъ;
Переѣхавши чрезъ рѣку Смородину,
Встрѣчу ему мужичище клячище идетъ *):
Шляпа на немъ въ тридцать пудовъ;
Подпирается посохомъ двадцати пяти пудовъ.
Подъѣзжаетъ онъ къ Божіей Церкви во градѣ Кіевѣ,
Добраго коня привязываетъ,
Никому не приказываетъ.
Въ Божьей Церкви Богу помолился,
И ко всѣмъ святымъ образамъ приложился.
Приходитъ къ Володимеру князю во палаты,
Князю Володимеру поклонъ:
« Дай, князь Володимеръ,
«Проѣзжему доброму молодцу мѣстечко!»
—Хто до молодцовъ дородился,
—Тотъ самъ себѣ мѣсто найдетъ!—
Какъ онъ сѣлъ, да пожалъ,
У другаго красный сокъ побѣжалъ.
И стали его тутъ спрашивать:
—Удалый ты добрый молодецъ!
—Чей ты и откуда?—
«Я изъ города Мурома,
«Изъ села Корачарова,
«Илюшка Ивановъ сынъ.»
—Гдѣ ты ѣхалъ, и давно ли изъ дому?—
«Я изъ дому—заутреню стоялъ въ городѣ Муромѣ,
«И къ обѣднѣ поспѣлъ во Кіевъ градъ.
«Ѣхалъ я чрезъ горы Сіонскія,
«Лѣса Брынскіе,
«Чрезъ рѣку Смородину.»

*) Клячище—калѣчище, калѣка.—*О.*

—Заврался ты пикакъ, доброй молодецъ:
—Тутъ уже тридцать лѣтъ залегла дорога,
—Нѣтъ ходу ни конному, ни пѣшему,
—Соловей разбойникъ всѣхъ побиваетъ.—
Возговорилъ Илья Муромецъ:
«Гой вы еси, добры молодцы!
«Соловей-та разбойникъ
«У меня въ торокахъ сидитъ.»
Володимеръ князь возговорилъ:
—Удалый добрый молодецъ!
—Внеси-ка его въ палаты сюды.—
Князь Володимеръ:
—Ну-ка, Соловей разбойникъ, свисни-ка!—
«Не твой слуга, не боюсь тебя.»
Тутъ Илья Муромецъ
Взялъ Володимера князя подъ пазуху,
А княгиню подъ другую,
И приказалъ Соловью разбойнику свиснуть,
Не во весь свистъ, а въ полъ свиста.
И Соловей свиснулъ,
И крыша съ палатъ слетѣла:
Тутъ Илья Муромецъ его и раздавилъ.

*

2.

(Московск. губ., Коломенск. уѣзда, деревня Лаптева).

Охъ далече, охъ далече во чистóмъ полѣ,
А ещё того подальше во раздольицѣ,
Не бѣлые-то снѣги забѣлѣлися,
Забѣлѣлася грудь молодецкая,
Молодецкая, воеводская.
Какъ и рыщетъ борзый конь по чистóму полю,
Какъ несетъ онъ на себѣ Илью Муромца.
Ужь какъ ищетъ Илья Муромецъ себѣ противничка,
Что противничка злого разбойничка.
Какъ наѣхалъ онъ на три-дуба столѣтніе,

На столѣтніе, вѣковѣчные;
Какъ и у́зрѣлъ Илья Муромецъ Соловья разбойничка.
Ужь какъ свиснулъ Соловей въ четверть свого голоса:
Что столѣтніе ду́бы зашаталися.
Какъ и свиснулъ во второй разъ онъ въ полго́лоса:
Что Илья съ конемъ только вздрогну́лися.
Какъ хотѣлъ Соловей свиснуть во весь голосъ свой:
Натянулъ Илья Муромецъ калену́ стрѣлу,
Какъ пустилъ онъ калену стрѣлу въ три дуба́ столѣтніе,
Что убилъ онъ-застрѣлилъ Соловья разбойника.

*

3.

(С. Усть-Урень).

Намъ не жалко пива пьянаго,
Не жалко зелена вина,
Только жалко смиренную бесѣдушку.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ рѣчи хорошія
Про стараго казачка, Илью Муромца.

Изъ за горъ было, горъ высокіихъ,
Изъ за лѣсовъ, лѣсовъ темныихъ,
Не бѣлая заря занималася,
Не красно солнце выка́талося:
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Илья Муромецъ,
На своемъ конѣ богатырскіимъ;
Побѣлѣла его головушка,
Посѣдѣла его бородушка.
Ѣдетъ онъ путемъ, прямой дорогою,
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ ко тремъ ко дороженькамъ,
Ко дороженькамъ ко широкіимъ.
На дороженькѣ бѣлъ горючь лежалъ камень,
На камнѣ печать положена.

«По которую мнѣ, доброму молодцу,
«Будетъ ѣхать по дороженьку:
«Есть по середней дорожкѣ ѣхать,—быть убитому;
«По лѣвой сторонушкѣ ѣхать,—быть богатому;
«По правой мнѣ ѣхать сторонушкѣ,—быть женатому?
«Мнѣ, говоритъ, жениться не ко младости,
«А богатство мнѣ не къ разуму;
«Поѣду, добрый молодецъ, по середней дороженькѣ.»
На той на дороженькѣ стоялъ сыръ матерый дубъ,
Подъ дубомъ стоялъ станъ разбойничковъ,
Ихъ не много, ихъ не мало: сорокъ одинъ человѣкъ.
И завидѣли они издалека Русскаго богатыря,
Выходили къ ему по пяти и по десяти человѣкъ.
Ихъ сердца на его коня богатырскаго разгорѣлися,
Межъ сея розговаривали:
—Что мы жили, такого коня не видывали.
—Ужъ ты стой, постой, добрый молодецъ,
—Ужъ ты стой, постой, Русскій богатырь!—
«Охъ вы, братцы, товарищи! Съ меня вамъ нечего взять:
«Я своего коня на базаръ не важивалъ,
«Никто цѣной его не окладывалъ;
«На мнѣ шубенка во пять сотъ рублей,
«На мнѣ шапочка во три сотеньки,
«Рукавички на мнѣ въ одну сотеньку.»
Вынимаетъ добрый молодецъ,
Вынимаетъ Илья Муромецъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Натягаетъ тугой лучокъ,
Намѣчаетъ сыръ матерый дубъ:
Онъ ращипъ его во мелки кусочки.
Разбойнички всѣ перепугалися,
Они всѣ врозь отъ него разбѣжалися,
На третьи суточки къ нему собралися:
—Ужъ ты добрый молодецъ, Русскій богатырь!
—Ты поди къ намъ во товарищи;
—Сколько хочешь, бери золотой казны,
—Платья цвѣтнаго, лошадей и табуны!—
Илья Муромецъ на нихъ разсмѣхнулся:

« Охъ вы, братцы мои, непріятели!
« Не охотникъ я у васъ овецъ пасти;
« Покажите мнѣ дороженьку
« По Черниговъ градъ проѣхати,
« Черезъ горы Сарачинскія,
« Черезъ лѣса черезъ Брымскіе,
« Гдѣ Соловей стоитъ, самъ разбойничекъ!»
Поѣхалъ Илья Муромецъ,
Поѣхалъ путемъ-дорогою;
Соловей разбойничекъ его завидѣлъ же;
Полетѣлъ и встрѣчаетъ его,
Напустилъ на него громкій свистъ;
Илья Муромецъ на него разгорчился,
Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
И намѣчаетъ онъ Соловья разбойничка,
И сшибъ его, какъ овсянаго снопа;
Заложилъ его Илья Муромецъ
Въ торока свои крѣпкіе,
И поѣхалъ путемъ, прямой дорогою,
Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.
У Кіевскаго князя было собраніе:
Всѣ князья съѣзжались, бояре къ ему.
Илья Муромецъ во полаты восходилъ,
Поклонился князю Кіевскому.
« Ужъ ты что и какой ты богатырь?»
— Богатырь я самъ Илья Муромецъ.—
Кіевскій князь распрошать его сталъ:
« Ужъ ты что есть за такой богатырь?
« Гдѣ проѣхалъ, проѣзживалъ?»
— Черезъ горы ѣхалъ Сарачинскія,
— Черезъ лѣса ѣхалъ Брымскіе. —
« Тутъ нихто конный не проѣзживалъ,
« Нихто пѣшій не прохаживалъ? »
— А я проѣхалъ, Илья Муромецъ,
— Соловья разбойничка, во плѣнъ его взялъ. —
Кіевскій князь сталъ говорить ему :
« Ужъ ты, Илья, добрый молодецъ,

« Возьми его къ себѣ во полатушки,
« Прикажи ему, Илья Муромецъ, посвистати! »
Илья Муромецъ, добрый молодецъ,
Посадилъ его на лѣвую ручешку,
Приказалъ ему посвистати:
« Соловей разбойничекъ, посвищи не во весь свистъ,
« Посвищи-ка, Соловей разбойничекъ, въ полсвиста! »
Соловей разбойникъ разгòрдился,
Засвисталъ онъ во весь свистъ, —
Во всѣ бесѣдушки люди перепугалися.

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Николая Картавенко, ратника лѣтъ 40; см. Чтенія).

*

4.

(Село Павлово, Нижегородской губ.).

Не сы́рой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажныи листочьки растилаютса:
Растиластса сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ сеѣ благословеньица:
« Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
« Дай ты мнѣ своё благословеньицо,
« Я поѣду въ славной, стольной Кѣевъ градъ,
« Помолитьса чудотворцамъ Кѣевскимъ,
« Заложитьса за князя Володимíра,
« Послужить ему вѣрой-правдою,
« Постоять за вѣру Хрисьянскую. »
Отвѣчать старóй хресьянинъ Иванъ Тимоѳеевичь:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословленье дамъ,
— А на худыя дѣла благословленья нѣтъ.
— Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
— Ни помысли зломъ на Татарина,
— Ни убей въ чисты́мъ полѣ хресьянина. —
Поклонилса Илья Муромецъ отцу дó-земли,
Самъ онъ сѣлъ на добрà коня,
Поѣхалъ онъ во чистò поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бёдрамъ,

Пробивать кожу до чёрна мяса;
Ретивóй ёво конь осержáется,
Прочь óтъ-земли отдѣляется,
Опъ и скачетъ выше дерева стоячево,
Чуть пониже óболока ходячево.
Первой скокъ скочилъ на петнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сы́рой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ сво и́мичько:
« Ѣхалъ такой-то сильной, могу́чой богатырь,
« Илья Муромецъ сынъ Ивановичь; »
Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговымъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича,
Съ каждимъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско серцо разго́рчиво и неуёмчиво;
Пушше огня-о́гничька серцо разыграется,
Пушше пля́штово *) мороза разгорается.
Тутъ возго́воритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Не хотѣлось было батюшку супроти́вникомъ быть
« Пшша **) знать-та ёво заповѣдь переступи́ть.»
Беретъ онъ въ руки саблю боёвую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется, дѣлалъ улицы,
Поворотится—часты площади;
Добивается до трихъ царе́вичовъ.
Тутъ возго́воритъ Илья таково слово:
« Охъ вы гой есть мое три царевича!
« Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
« Ай съ васъ буйны головы снять?
« Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять, —
« У меня доро́ги заѣзжія и хлѣбы завóзныи;
« А какъ головы снять,—царски сѣмины погубить.
« Вы поѣдьте по свымъ мѣстамъ,
« Вы чините вездѣ такову славу,

*) *Пляшшій, плящій*—палящій.—*О.*

**) *Пшшо, пша*—еще.—*О.*

« Што святая Русь не пустá стоитъ,
« На святой Руси есь сильны́, могу́чи богáтыри. »
Увидалъ ёво воевода Черниговской:
— Што эта Госпо́дь сослалъ намъ за сослальщика!
— Очистилъ нашь славной Черниговъ градъ. —
Возговоритъ воевода свымъ князьямъ-боярамъ:
— Подите, позовите до́бра мо́лодца
— Ко мнѣ хлѣба-соли кушати.—
Пошли тутъ князи-бояря къ Муромцу:
— Охъ ты гой еси дородной, доброй мо́лодецъ!
— Какъ тея честнымъ именемъ зовутъ?
— Какъ тея величаютъ по отечеству?—
« Меня именемъ зовутъ—Илейкой,
« А величаютъ—сынъ Ивановичь.»
Возговорятъ ему князи-бояря:
— Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
— Ты пойдёшь-ка къ воеводѣ нашему,
— Ты изволь у нёво хлѣба-соли кушати. —
« Нейду я къ воеводѣ вашему,
« Не хочу у нёво хлѣба-соли кушати;
« Укажите мнѣ прямую дорожиньку
« На славной стольной Кѣевъ градъ.»
Отвѣтъ держутъ князи-бояря:
— Охъ ты гой еси Илья Муромецъ!
— Пряма дорожка не проста стоитъ:
— Заросла дорога лѣ́сы Брынскими,
— Протекла тутъ рѣка Самородина;
— Пишо́ на дорогѣ Соловейко разбойничикъ
— Сидитъ на тридевяти дубахъ, сидитъ тридцать лѣтъ;
— Ни конному, ни пѣшому пропуску нѣтъ. —
Поклонилса имъ Илья Муромецъ.
Поѣхалъ онъ лѣсами Брынскими.
Услыхалъ Соловейко богатырской топъ,
И свиснулъ онъ громкимъ голосомъ.
Конь подъ Муромцомъ спотыкаетса.
Возговоритъ Илья свому коню доброму:
« Охъ ты гой еси мой богатырской конь!
« Аль не ѣзживалъ ты по тёмны́мъ лѣсамъ,

« Аль не слыхывалъ пташьево посвисту ? »
Беретъ Илья калёны стрѣлы:
Перво́ стрѣлилъ, не дострѣлилъ;
А вдруго́ридь, перестрѣлилъ;
Въ третьи стрѣлилъ, попалъ въ правой глазъ,
И сошибъ ёво съ тридевяти дубовъ.
Привязалъ ёво къ коню во ка́раки;
Поѣхалъ Муромецъ въ славной Кіевъ градъ.
Возго́воритъ Соловейко разбойничикъ:
— Охъ ты гой еси Илья Муромецъ !
— Мы заѣдемъ-ка съ тобою ко мнѣ въ гости. —
Увидала Соловейкина ма́ла дочь:
« Ишша вонъ ѣдетъ нашь батюшка,
« Ведетъ *) кривова мужика коня въ ка́ракахъ. »
Взглянула Соловейкина большая дочь:
— Ахъ ты дура неповѝтая ! это ѣдетъ доброй мо́лодецъ,
— И ведетъ нашево батюшка коня въ ка́ракахъ. —
И бросилѝсь онѣ на Илью Муромца съ дре́кольемъ.
Возго́воритъ Соловейка разбойничикъ:
— Не тумашѝтеса, мое малы́ дѣтушки,
— Не взводите въ задоръ до́брово мо́лодца.—
Возговоритъ Илья Соловейкѣ разбойнику:
« Што у тея дѣти во единой ликъ? »
Отвѣчатъ Соловейко разбойничикъ:
— Я сына-та выросшу, за нёво дочь отдамъ ;
— Дочь-ту вырастшу, отдамъ за́ сына,
— Штобы Соловейкинъ родъ не перево́дилса. —
За досаду Ильѣ Муромцу показалоса;
Выпималъ онъ саблю свою вострую,
Прирубилъ у Соловья всѣхъ дѣтушокъ.
Пріѣхалъ Илья Муромець во Кіевъ градъ,
И вскричалъ онъ громкимъ голосомъ:
« Ужъ ты батюшка Володимѝръ князь !
« Теѣ на́да ль насъ, припимаешь ли
« Сильныхъ, могучихъ богатырей,
« Теѣ батюшкѣ на почёсь-хвалу́ ,
« Твому граду стольному на ѝзберечь ,

*) *Везетъ?— О.*

« А Татаровьямъ на посѣченье? »
Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:
— Да какъ мнѣ васъ не нады-та!
— Я вездѣ васъ пишу, вездѣ спрашиваю.
— На пріѣздѣ васъ жалую по добру́ коню,
— По добру́ коню, по Латынскому, богатырскому. —
Возго́воритъ Илья Муромецъ таково слово:
« У меня свой конь Латынской, богатырской:
« Стоялъ я съ роднымъ батюшкомъ у заутрени,
« Хотѣлось постоять съ тобой у обѣденки;
« Да на дорогѣ мнѣ было три помѣшиньки:
« Перва помѣха—очистилъ я Черниговъ градъ;
« Друга́ помѣха—я мостилъ мосты на пятнадцать верстъ
« Черезъ ту рѣку, черезъ Самородину;
« Третья помѣха—я сошибъ Соловья разбойника.»
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
— Охъ ты гой еси Соловейко разбойничекъ!
— Ты взойди ко мнѣ въ полату бѣлу-ка́менну. —
Отвѣтъ держитъ Соловейко разбойникъ:
« Не твоя слуга, не тебѣ служу, не тея и слушаю;
« Я служу и слушаю Илью Муромца. »
Возговоритъ Володиміръ:—Охъ ты гой еси Муромецъ,
— Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
— Прикажи ёму взойти въ полату бѣлу-ка́менну. —
Приказалъ ему взойти Илья Муромецъ.
Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
— Охъ ты гой еси дородной, доброй мо́лодецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
— Прикажи ёму свиснуть громкимъ голосомъ. —
Возговоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Ужъ ты батюшка нашь, Володиміръ князь!
« Не во гнѣвъ бы тебѣ, батюшка, показалоса:
« Я возьму тея, батюшку, подъ пазушку,
« А княгиню-ту закрою подъ другою. »
И говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
« Свисни, Соловейко, въ полсвиста. »
Свиснулъ Соловейка во весь голосъ:
Спя́ло у палатъ верьхъ по оконичьки,

Разломало всѣ связи желѣзныя,
Попадали всѣ сильны могу́чи бога́тыри,
Упали всѣ знатны князи-бо́яря,
Одинъ устоялъ Илья Муромецъ.
Выпушшалъ онъ князя со княгиней изъ-подъ пазушокъ.
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
— Исполать тебѣ, Соловейко разбойничикъ!
— Какъ тея взялъ это Илья Муромецъ?—
Отвѣтъ держитъ Соловейко разбойничикъ:
« Вить на ту́ пору больно пьянъ я былъ,
« У меня большая дочь была именинница. »
Это слово Ильѣ Муромцу не показалоса:
Взялъ онъ Соловейку за верши́ночьку,
Вывелъ ёво на княжене́цкой дворъ,
Кинулъ ёво выше дерева стоя́чево,
Чуть пониже оболока ходя́чево;
До сыро́й земли допускывалъ—ино подхватывалъ;
Расшибъ Соловейко свое всѣ тутъ косточьки.
Пошли теперь къ обѣду княженецкому.
Возговоритъ самъ батюшка Володиміръ князь:
— Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!
— Жалую тея трёмя́ я мѣстами:
— Пе́рво мѣсто—подлѣ меня ты сядь,
— Друго́ мѣсто—супроти́ меня,
— Тре́тье—гдѣ ты хочешь, тутъ и сядь. —
Зашолъ Илья Муромецъ со ко́ничька *),
Пожалъ онъ всѣхъ князей и бо́ярей
И сильныхъ могу́чихъ богатырей:
Учутилса онъ супроти́ князя Володиміра.
За досаду Олешѣ Поповичу показалоса;
Взялъ Олеша булатной ножь,
Онъ и кинулъ ёво въ Илью Муромца:
Ымалъ на полету́ Илья булатный ножь,
Взоткнулъ ёво въ дубовой столъ.

(Записано Свящ. Е. Фаворскимъ; см. Прил. къ Изв. А. Н., т. I).

*

*) *Коникъ, коничекъ*, залавокъ—сей часъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголъ, хозяинъ спитъ на коникѣ, въ которомъ лежитъ обыкновенно косная сбруя, топоръ, и пр.—*О.*

5.

(Выселокъ Александровъ; см. выше).

Какъ по морю, морю Хвалынскому,
Плавалъ тутъ корабь ровно тринадцать лѣтъ,
На якорѣ корабь не останавливался,
И ко бережку корабь не приваливался.
На батюшкѣ, на Соколѣ, на черномъ кораблѣ,
Было два торга и четыре кабака,
Было два богатыря сильные, могучіе:
Первый богатырь—Симеонъ молодой,
А другой богатырь—Илья Муромецъ.
На Ильюшенькѣ шубеночка худехонька:
Лѣва пола въ пять сотъ рублей,
Правая пола во всю тысячу,
Всей-то шубеночкѣ, цѣны ей нѣтъ.
Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговки разбѣлѣлися,
Его петелки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву.
Думали, гадали станишнички,
По Русскому назвать—воры-разбойнички,
Думали, гадали, какъ корабь разбить,
Корабь разбить, Илью въ полонъ взять.
Его лютыя звѣрья разревѣлися,
Всѣ станищнички перепугалися,
Во легкія во лодки пометалися,
По синему морю разстрѣлялися,
Въ третій день сходилися,
И звали его во товарищи:
— Ты будешь у насъ атаманушкой.—
« У отца я былъ, у матери,
« Не охочъ я былъ стадо пасти:
« По лѣсамъ-то я стаивалъ,

« По дорогамъ-то не ѣзживалъ;
« Гдѣ мнѣ проѣхать черезъ лѣсы Брымскіе,
« Черезъ лѣсы Брымскіе, черезъ горы Сарачанскіе?»
— Тутъ дорога запала тридцать годовъ:
— Соловей разбойникъ тутъ гнѣздо свилъ на семи дубахъ. —
Не доѣхалъ за тридцать поприщевъ, конь спотыкаться сталъ:
« Ну-ка, вороній кормъ!
« Не видомши страсти-ужасти, спотыкаться сталъ!»
Пріѣзжаетъ ко царю ко Владиміру,
Сидятъ богатыри во бесѣды;
Входитъ въ полату, молится чужимъ образамъ,
Поклоняется на всѣ стороны,
Величаетъ царя Владиміра.

*

6.

(Кирша Даниловъ).

Какъ изъ славнаго города Мурома,
Изъ того села Корочаева,
Какъ была-де поѣздка богатырская—
Паряжался Илья Муромецъ Ивановичь
Ко стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія;
И залегъ ее, дорогу, Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу,
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли —

Прощался съ отцемъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ —
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія,
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскихъ,
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
И наѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Иванович:
« А ты, волчья сыть *), травяной мѣшокъ!
« Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
« Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
« Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
« Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
« А того ли ты крику звѣринаго,
« А звѣринаго крику турипаго. »
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловья да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ-ко сырой земли.

---

*) *Волчья сыть* — чѣмъ волкъ сытъ, волчій кормъ.—*О.*

Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки.
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдѣльныя,
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе —
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзной тынъ,
А на всякой тынникѣ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія —
Наводила трубками Нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
« А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
« А девять сыновъ, ясны соколы!
« Вы подите въ подвалы глубокіе,
« Берите мои золотые ключи,
« Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
« А берите вы мою золоту казну,
« Выносите ее за широкой дворъ,
« И встрѣчайте удала добраго молодца;
« А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
« Отца-то вашего въ торокахъ везетъ. »
А и тутъ ея девять сыновъ закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:

« Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
« Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
« Отпусти Соловья разбойника,
« Не вози Соловья во Кіевъ градъ. »
А его-то дѣти, Соловьевы,
Поучливо они поговариваютъ.
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ,
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Побѣжалъ, Илья какъ соколъ летитъ.
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ.
Середи двора княженецкаго,
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него князя почестной пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И подносили ему Ильѣ чару зелена вина въ полтора ведра:
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковой Владиміръ князь:
« Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
« А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
« По отчеству пожаловати. »
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Иванович:
— А ты ласковой, стольной Владиміръ князь!
— А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Иванович;
— И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
— Изъ стольнаго города изъ Мурома,
— Изъ того села Корочаева. —

Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
« А ласково солнце, Владиміръ князь!
« Въ очахъ дѣтина завирается:
« А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
« Залегла та дорога тридцать лѣтъ,
« Отъ того Соловья разбойника. »
Говоритъ Илья Муромецъ:
— Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь!
— Посмотри мою удачу богатырскую.
— Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ тебѣ.—
И втапоры Илья Муромецъ,
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкой дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили тутo князи-бояра,
Всѣ Русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичь,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичь,
Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залѣшана,
А еще два брата Хапиловы,
Только было у Князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкой дворъ,
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
— Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ!
— Посвисти, Соловей, по соловьиному,
— Пошипи, змѣй, по змѣиному,
— Зрявкай, звѣрь, по турпиному,
— И потѣшь князя Владиміра. —
Засвисталъ Соловей по соловьиному:
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по турпиному:
А князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе;
И накурилъ онъ бѣды неносныя,

Гостинны кони со двора разбѣжалися,
И Владимiръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой княгинеи Апраксѣевной.
Говоритъ тутъ ласковой Владимiръ князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
«Уйми ты Соловья разбойника:
«А и эта шутка намъ не надобна.» —

IV.

1.

(Архангельск. губ., Шенкурскаго уѣзда).

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицáрскiихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичь младъ;
Есаулъ Алёша Поповскiй сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскiй сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ:
Гришка Боярскiй въ тѣ-поръ кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистóмъ полѣ,
Спалъ въ бѣлóмъ шатрѣ;
Добрыня Никитичь ѣздилъ ко синю́ морю,
Ко синю́ морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста́ поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ и́скопоть *) великую,
Ископоть велика́—пóлъ-печи.

---

*) *Ископоть*—пыль отъ ѣдущихъ.—*Зам. П. В. Кир.*—Въ спискѣ у П. В. Кирѣевскаго стояло *ископоть*, и онъ объяснилъ — пыль; между тѣмъ это очевидно *ископыть*, комъ, вылетѣвшiй изъ подъ копыта.—*О.*

Учалъ онъ ископоть досматривать:
« Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
« Изъ этой земли изъ Жидовскія
« Проѣхалъ Жидовинъ могучь богатырь,
« На эти степи Цицарскія! »
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
« Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
« Мы что на заставушкѣ устояли?
« Что на заставушкѣ углядѣли?
« Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ! »
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
« Не ладно, ребятушки, положили;
« У Васьки полы долгія:
« По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
« На бою-на дракѣ заплетётся;
« Погинётъ Васька по напрасному.»
Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
« Не ладно, ребятушки, удумали;
« Гришка рода боярскаго:
« Боярскіе роды хвастливые;
« На бою-дракѣ призахвастается;
« Погинётъ Гришка по напрасному. »
Положились на Алёшу на Поповича:
Алёшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:

« Не ладно, ребятушки, поло́жили:
« Алёшинька рода Поповскаго;
« Поповскіе глаза завиду́щіе,
« Поповскія руки загребу́щія;
« Увидитъ Алёша на пахвальщикѣ
« Много злата, се́ребра, —
« Злату Алёша позавидуетъ;
« Погибётъ Алёша по напрасному. »
Положи́ли на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за пахвальщикомъ,
Настигать пахвальщика въ чисто́мъ полѣ,
Побить пахвальщика на чисто́мъ полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Похо́дитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Има́етъ Добрыня добра́ коня,
Уздаётъ въ уздечку тесмя́нную,
Сѣдлалъ въ сѣдёлышко Черкаское,
Въ торока́ вяжетъ палицу боёвую, —
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедры́ беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелко́вую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на́ полѣ черни́зину *);
Поѣхалъ прямо на черни́зину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
« Воръ, собака, пахва́льщина!
« Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
« Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
« Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
« Есаулу Алёшѣ въ казну не кладёшь
« На всю нашу братію наборную? »
Учу́лъ пахвальщина зы́ченъ голосъ,
Поворачивалъ пахвальщина добра́ коня,

*) *Черни́зина* — черное пятно. — *Зам. И. П. Кир.*

Попущалъ на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озёръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичь младъ
Господу Богу возмóлится,
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
« Унеси, Господи, отъ нахвальщика! »
Подъ Добрыней конь посправился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братіею со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичь младъ:
« Какъ выѣхалъ на гóру Сорочинскую,
« Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
« Увидѣлъ нá полѣ чернизину,
« Поѣхалъ прямо на чернизину,
« Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
««Воръ, собакá, нахвальщина!
««За чѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь,—
««Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
««Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
««Есаулу Алёшѣ въ казну не кладешь,
««На всю нашу братью на приборную? »
« Услышалъ воръ нахвальщина зычен голосъ,
« Поворачивалъ нахвальщина добрà коня,
« Попущалъ на меня добра молодца:
« Сыра мать-земля всколебалася,
« Изъ озёръ вода выливалася,
« Подо мною конь на колѣнца палъ.
« Тутъ я Господу Богу возмолился:
««Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика! »
« Подо мной тутъ конь посправился,
« Уѣхалъ я отъ нахвальщика
« И пріѣхалъ сюда, на заставу богатырскую. »
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Больше не кѣмъ замѣнится:
«Видно ѣхать атаману самому!»

Похóдитъ Илья на конюшій дворъ,
Имáетъ Илья добрà коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмя́нную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко Черкаское,
Въ торокá вяжетъ палицу боёвую, —
Она свѣсомъ та палица девяноста пудъ, —
На бедры́ беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелкóвую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ нá полѣ чернизну;
Поѣхалъ прямо на чернизну;
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«За чѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
«Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?
«Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
«Есаулу Алёшѣ въ казну не кладёшь,
«На всю нашу братью наборную?»
Услышалъ воръ нахвальщина зычень голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добрà коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удрóбился *).
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впéрвые палками ударились, —
У палокъ цѣвья отломался,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились, —
Вóстры сабли прломалися,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись, —
Другъ дружку не ранили;
Бились, драли́сь рукопашнымъ боёмъ,
Бились, драли́сь день до вéчера,
Съ вечера бьются до полу́ночи,
Со полу́ночи бьются до бѣлà свѣта:

*) *Не удробился* — не испугался. — *Зам. П. В. Кир.*

Махнётъ Илейко ручкой правою, —
Поскользитъ у Илейка ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру́ землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы́ груди,
Вынималъ чинжали́щё булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
Но плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матёрый!
— За чѣмъ ты ѣздишь на чисто́ поле?
— Будто не́ кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
— Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той путѣ-при дороженькѣ;
— Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
— Тутъ бы, старикъ, сытъ-пи́танёнъ былъ. —
Лежитъ Илья подъ богатырёмъ.
Говоритъ Илья таково́ слово:
«Да не ладно у Святыхъ Отцёвъ написано,
«Не ладно у Апостоловъ удумано;
«Написано было у Святыхъ Отцёвъ,
«Удумано было у Апостоловъ:
««Не бывать Ильѣ въ чи́стомъ полѣ убитому;»
«А теперь Илья подъ богатырёмъ!»
Лежучи́ у Ильи втрое силы прибыло:
Махнётъ нахвальщину въ бѣлы́ груди,
Вышибалъ выше дерева жа́роваго,
Палъ нахвальщина на сыру́ землю;
Въ сыру́ землю ушёлъ до́-пояс.
Вскочилъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы́ груди.
Не досугъ Илюхѣ много спрашивать,—
Скоро споро́лъ груди бѣлыя,
Скоро затьмилъ очи ясныя,
Но плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повёзъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичь встрѣчаетъ Илью Муромца,

Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру́ землю;
При своей братьѣ похваляется:
«Ѣздилъ во́ полѣ тридцать лѣтъ, —
«Э́каго чуда не наѣзживалъ!»

(Записано г. Кузнецовымъ; доставлено П. В. Кирѣевскому отъ М. П. Погодина; ср. выше первую половину пѣсни 5-й, въ разрядѣ I-мъ).

*

2.

(Опета).

Между Кіевомъ было, Черниговомъ,
Стояла Руська крѣпка за́става.
Атаманомъ былъ въ первыхъ Илья Муромецъ,
Во вторыхъ былъ Дунай сынъ Иваповичь,
Во тре́тьихъ былъ Добрыня Микитичь,
Во четвертыхъ Олёша Поповичь сынъ,
А во пятыхъ былъ Ванька *) Долгополистой.
Выдёргивалъ Илья Муромецъ трубку долговидную,
Смотрялъ онъ во всѣ стороны,
Да смотрялъ и во чисто поле.
Видѣлъ онъ дороднё добра молодця.
Таки́ молодець шутоцьки пошупивать:
Выкидывать паличу боёвую вверхъ подъ облако,
Вымётывать сабельку вострую,
Принимаётъ паличу единой рукой,
А другой рукой саблю вострую;
Подъ мо́лодцёмъ земля голы́блитсе **).
Говорилъ атаманъ съ подата́маньёмъ:
«Кому изъ насъ къ молодцю ѣхать насупротивъ?
«Послать Ваньку Долгополистаго? —
«Во полахъ, вить, Ванька замѣшаитсе,
«Потерялъ онъ свою голову.
«Не послать ли намъ Олёшу Поповича? —

*) Васька? — *О.*

**) *Голыба́ться* — колебаться, трястись. — *Прим. 1-го изд.*

«Онъ роду-то поповского, захлы́шшевой *),
«Да потерятъ Олёша свою голову.
«Послать ли намъ Добрыню Микитиця?—
«Онъ человѣкъ-отъ уцьли́вые,
«Будётъ спрашивать про имя, про во́тчину,
«И тотъ потерятъ свою голову.
«Тобѣ ѣхать, Дунай, во чисто́ полё!»
И сѣдлалъ, уздалъ Дунай коня доброго,
Да скоро онъ поѣхалъ во чисто́ поле.
Выѣхалъ на шеломя́ ока́тисто,—
Видитъ дороднё добра молодця.
Таки шутоцьки пошуцивать:
Выкидывать паличу вверхъ подъ облако,
Вымётывать сабельку вострую,
Принимаётъ паличу едино́й рукой,
А другой рукой саблю вострую;
Подъ молодцёмъ земля голыблитсе.
И не смѣлъ ѣхать Дунай во чисто полё;
Поворацивалъ коня къ бѣлу шатру полотняну.
Изъ шатра выходилъ старъ казакъ Илья Муромець,
Говорилъ старо́й да таковы слова:
«Видно, што окромѣ старика ѣхать некому!»
Скоро сѣдлалъ, уздалъ коня добраго;
Какъ выѣхалъ на гору на высокую,
Увидалъ дороднё добра молодця;
Такъ шутоцьки молодець пошуцивать:
Выкидывать паличу боёвую подъ облако,
Вымётывать сабельку вострую;
Подъ молодцёмъ земля голыбли́тсе.
Поѣхалъ старый на чисто полё.
Розъѣхались за вёрсту за мѣрную,
Съѣхались, ударились,—
Паличи у нихъ изломалисе;
Во второй разъ съѣхались, ударились,—
Копья у нихъ пошшербалисе;
Соходили молодци рукопашкою:
Перво́й день водилисе до вецера

*) *Захлышшевой*,—забубенный; отчаянно смѣлый.—*Прим. 1-го изд.*

И темну ноць водились до бѣла свѣта;
Дру́гой день водился до вецера
И темну ноцьку до бѣла свѣта;
Да и тре́тей день водилисе до вецера.
Втогда упалъ да на сѣру землю
Старой казакъ Илья Муромець.
Тольки молитсе Спасу съ Богородичёй:
« Не дай миня поганому на поруганіе!
« Буду я служить до свѣту до́ вѣку,
« За тѣ церкви за Божьи,
« За тую вѣру за крешшоную ! »
Да и пришялъ молодця рукою правой,
Отрехнулъ ногою лѣвою,
Сшибалъ молодця со бѣлы́хъ грудей,
Да́вненько *) сшибалъ, да выше лѣсу темного.
Втогды са́дился да на цёрны́ груди́.
Говорилъ старъ да таковы слова:
« Ты скажись-ко, скажись, да доброй молодець,
« Ты коёй земли, да ты коёй орды?
« Какъ тобя ише **) именёмъ зовутъ,
« Да какъ тя велице́ютъ изъ отецесьва ? »
А въ исподи́ лёжитъ да лихой думаётъ:
« Кабы я сидѣлъ да на твоихъ грудяхъ,
« Дакъ не спрашивалъ бы имени до ***) вотцины....»
Говорилъ Илья Муромець во второй наконъ,
Говорилъ Илья да и въ третёй наконъ.
Не дождалсе Илья отвѣту отъ молодця,
Дакъ и вынялъ Илья свой булатёнъ пожъ.

И видитъ молоде́ць, што хлопота́ пришла.
Отвѣцялъ молоде́ць: — Я такой земли, да такой орды,
— Што по имени зовутъ меня—сокольничёкъ,
— А по отцесьву зовутъ меня—нахвальничёкъ,
— Молодой вдовы Омельфы Тимоѳевны родной я сынъ.—
Тутъ сходилъ старой со цёрны́хъ грудей,

*) *Да́вненько или да́венько*—далеко, высоко.—*Прим. 1-го изд.*
**) Еще.—*О.*
***) *Да?—О.*

Становилсе старъ на рѣзвы ноги:
« Ты скажи-тко, скажи молодой вдовы
« Отъ старика казака поклонъ низкіе.»
А самъ поѣхалъ къ бѣлу шатру полотняну,
А сокольничёкъ поѣхалъ къ своёй матери.
Говоритъ она ёму да токово слово:
— Што же ты, цядо мое милоё,
— Колько ты по цисту́ полю́ не ѣжживалъ,
— А въ эдакомъ виду́ не пріѣжживалъ:
— Ты ли, вить, дитя, съ лича смѣненъ ! —
А сокольничёкъ отвѣтъ дёржа́лъ:
« Попалъ какъ я, мать, на старого,
« Попалъ на старика невеселого,
« Да одва, мать, старичишшо-то жива́ спустилъ;
« А тобѣ-то, мать, старичишшо-то поклонъ послалъ.»
— А попомни-тко се, цядо моё милоё,
— Какъ поѣжжалъ въ первой разъ ты въ цисто полё,
— Ка́къ я тобѣ, вить, наказывала—
—« Бейсе во цисто́мъ поли́ со всёкима,
—« Да не бейсе, ба́рте *), со старыма,
—« Да не бейсе-ко съ угрюмыма,
—« Не бейсе со стариками невеселыма.»
— А той-отъ старичишшо тобѣ родной отець!—...
То сокольничьку не показалосе:
« По примѣтамъ знать—я . . . . . »
Да отсѣкъ сынокъ буйну голову,
Родной матери буйну голову.
И поѣхалъ къ бѣлу́ шатру полотняну,
Розсѣкци стара па́-двоё.
Пріѣжжалъ къ бѣлу́ шатру полотняну , —
Старой спитъ и не пробудитсе.
Обнажилъ сынокъ саблю вострую,
И положилъ свое злобно намѣренье,
Да розсѣкци стара́ па́-двоё.
И махнулъ стара́ по бѣлы́мъ грудямъ:
Попало старику да во цюдёнъ хрёсъ,
А той-отъ ли хрёсъ до полтора пуда́.

*) *Ба́рте*—пожалуйста.—*Прим. 1-го изд.*

Отъ того старой пробужется,
Да не долго старой срежется:
Ухватилъ старъ голову по́дъ пазуху,
Подъ па́зухой голова и осталасе.

(Записано г. Верещагинымъ; изъ Прибав. къ Изв. А. Н.; д. CIV: XXIII; № XXXIX. 2; вторую половину пѣсни ср. выше, съ I-мъ разрядомъ, особенно съ пѣснею 5-ю во второй ея половинѣ).

*

3.

(Сузунскій заводъ; ср. выше).

Какъ было то къ князю ко Володимеру
Князья-бо́яря собиралися,
Собрались, низко кланялись,
Становились въ побѣдный кругъ,
Рѣчи слушали княженецкія.
Молвилъ слово Володимеръ князь:
«Князья-бо́яря вы мои вѣрныя,
«А и головы у васъ разумныя!
«Изберите вы молодца изъ-промежь себя,
«А я дамъ ему рать мою сильную:
«А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
«А кто съ нимъ пейдетъ, тотъ останется
«Берегчи князя со княгинею.»
Князья-бо́яря слово слушали,
Слово выслушавъ, поклонилися,
Стали думу думати крѣпкую.
Надумали, говорили таково слово:
— Гой еси ты, ласковъ Володимеръ князь!
— Мы всѣ съ тобой, со княгинею,
— За тебя мы положимъ наши головы,
— А рать поведетъ Илья Муромецъ:
— Мы дадимъ ему нашихъ дѣтушекъ,
— Копей спѣлыхъ, сабли острыя,
— Стрѣлы мѣткія со туга лука.—

Да томъ дѣло порѣшилося.
Слали гонца къ Ильѣ Муромцу:
— Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
— На того ли ворога на Загорсково,
— На Тугарина на Бѣлевича.—
Въ тѣ поры Ильи Муромца дома не лучилося:
Полевалъ онъ далече во чистомъ полѣ,
Звѣря лютово на копье ловилъ,
Соболей, куницъ на низокъ низалъ.
Во дворѣ была токмо Савишна,
Молода жена Ильи Муромца.
Слышитъ слово молода жена Савишна,
Грозенъ наказъ княженецкой-атъ;
Молодое сердце надорвалося:
«Добро,» молвитъ; «ты, гонецъ, назадъ бѣги,
«А Илья за тобой не замѣшкаетъ.»
Проводила она гонца ласково,
Наказала коня сѣдлать доброво,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву,
Къ великому князю къ Володимеру.
Какъ завидѣли князья-бояря богатырской скокъ,
Какъ заслышали князья-бояря богатырскій свистъ,
Не дивилися долго скоку, посвисту,
Высылали спѣшно всю рать могучую,
Сами къ ласкову князю воротилися:
— Пошла, де, рать съ Ильей Муромцомъ,
— А Тугарину, де, съ нимъ не сдобровать. —
Далеко въ чистомъ полѣ рати стрѣтились.
У Тугарина рать — туча чорная,
Княженецкая рать — молонья свѣтлая.
Какъ сошлися, не взвидѣлись.
А и Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня,
Убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскія,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.

А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
Кто за него бился съ Тугариномъ.
(Служилъ службу царскую, государскую).

(Записано Д. П. Соловьевымъ; изъ Прибав. къ Изв. II-го отд. А. Н., т. III)

V.

1.

(Деревня Чернь, Городенскаго погоста, въ Лужскомъ уѣздѣ).

Какъ во славномъ было городѣ въ Кіевѣ,
У ласкова князя Володиміра,
Собиралися князья и бояре
И сильные могучіе богатыри,
Собиралися думушку думати.
Наступалъ на Кіевъ царь Мамай
Со своею невѣрною силою.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
« Ишшо какъ-то намъ будетъ воеваться съ нимъ? »
Тутъ-то князья и бояре совѣтуютъ,
Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну,
Да засыпать желтымъ пескомъ.
Какъ вскочилъ тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ—Илья Муромецъ,
Что со стула, со золотаго;
Сталъ Илья Муромецъ рѣчь держать:
Что « Надо послать къ Мамаю скорà гонца,
« Попросить сроку на три мѣсяца,
« Чтобы силой намъ поисправиться,
« А могучимъ богатырямъ посъѣхатися.
« Есть на полѣ, на Куликовѣ,
« Есть у насъ тридевять богатырей:
« Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
« Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
« Иванъ Колывановичъ »....

Посылалъ Владиміръ къ Мамаю скора гонца.
Пріѣзжалъ гонецъ къ Мамаю царю,
Не обзываючись, не обсылаючись;
Клалъ указы на дубовый столъ,
А самъ сталъ на словахъ говорить :
« Гой еси, ты, царь Мамай!
« Проситъ нашъ Володиміръ князь
« У тебя сроку на три мѣсяца,
« Чтобы съ силою поисправиться,
« А могучимъ богатырямъ всѣмъ посъѣхаться. »
Царь Мамай разсмѣялся тутъ:
— Хошь просили бы вы сроку на три годы,
— Да и тутъ вамъ будетъ не исправиться;
— А силы у меня припасеныя:
— Сколько въ лѣсѣ лѣсу, на лѣсу листу;
— Окромѣ того у меня есть тридевять богатырей:
— Девять сыновей, девять дочерей, да девять зятевей;
— Сы́ро-матёро дубье поволачиваютъ,
— Кореньемъ къ верху пометываютъ.
— Однакъ даю сроку, сколько просите,
— Сколько просите—на три мѣсяца. —
Пріѣзжалъ гонецъ во Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Володиміру,
Говоритъ гонецъ таковы слова:
« Царь Мамай даетъ сроку на три мѣсяца. »
Посылать сталъ Володиміръ князь
Старóва казака Илью Муромца,
Что па поле, па Куликово,
Что за тридевятью богатырями.
Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Выходилъ онъ на широкой дворъ,
Входилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
Выбиралъ коня богатырскаго,
Сѣдлалъ сѣделечкомъ черкацкимъ,
Зашпиналь двѣнадцатью подпругами шелковыми,
А тринадцатою подпругою булатною:
Не для красоты молодецкія,
А для крѣпости богатырскія.

Выѣзжалъ онъ на широкой дворъ,
Билъ копя палицей по крутымъ бедрамъ,
Скакалъ конь черезъ стѣну бѣлокаменну,
И ударился бѣжать во чисто поле.
А поскоки его были по пяти-то верстъ,
Изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
Сырой земли по сѣдиной копиѣ.
Прискакалъ Илья Муромецъ на поле,
Что на поле, на Куликово,
Гдѣ было тридевять богатырей.
Отмахивалъ плѣтовищемъ моложавымъ *)
По бѣлу шатру на праву сторону;
Говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
« Гой-еси, вы, тридевять богатырей,
« Алеша Поповичь, Самсонъ богатырь,
« Свѣтогоръ богатырь, Донъ Ивановичь,
« Иванъ Колывановичь!
« Проситъ васъ Володиміръ князь
« Изъ бѣды его выручить:
« Наступаетъ на него царь Мамай
« Со своею невѣрною силою »
Говорятъ тутъ могучіе богатыри
Старому казаку Ильѣ Муромцу:
— Ты сойди-ко къ намъ во бѣлъ шатеръ,
— Выпить у насъ чару зелена вина,
— Зелена вина въ полтора ведра!—
Сходилъ Илья Муромецъ съ добра копя,
Входилъ онъ къ нимъ во бѣлъ шатеръ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра.
Наливали богатыри другу чару,
Подносили чару Ильѣ Муромцу;
Съ той-ли чары Илью хмѣль зашибъ.
Ложился Илья Муромецъ во бѣломъ шатрѣ,
Во бѣломъ шатрѣ опочивъ держать.

---

*) *Плѣтовище*, ср. кнутовище, ручка плети.—*О.*—*Моложавымъ*: изъ жимолости; у Кирши Данилова *таволжное*, изъ куста таволги.—*Прим. 1-го изд.*

Богатырской сонъ по двѣнадцать депъ.
А Владимiръ князь Илью ждетъ-пождетъ,
Илью ждетъ-пождетъ и не дождется.
Посылаетъ ко Ильѣ онъ племянника,
Молодова Ермака Тимоѳеича.
Выходилъ Ермакъ на широкой дворъ,
Заходилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
Выбиралъ себѣ коня богатырскаго;
Сѣдлалъ сѣделечкомъ черкацкiимъ,
Запшпиналъ двѣнадцатью подпругами шелковыми.
А трипадцатою подпругою булатною:
Не ради красоты молодецкiя,
А ради богатырскiя крѣпости.
Выѣзжалъ Ермакъ на широкой дворъ,
Билъ онъ копя по крутымъ бедрамъ:
Подпимался конь чрезъ стѣну бѣлокаменну,
И ударился конь во чисто поле.
Поскоки его были по пяти-то версъ,
Изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
Сырой земли по сѣнной копнѣ.
Пригонялъ онъ на поле Куликово
И отмахивалъ плѣтовищемъ моложавымъ
По бѣлу шатру богатырскому:
« Ахъ вы гой еси, могучiе богатыри,
« Алеша Поповичь, Самсонъ богатырь,
« Свѣтогоръ богатырь, Донъ Иваповичь,
« Что Иванъ Колыпановичь!
« Проситъ васъ Володимiръ князь
« Во Кiевъ градъ на выручку:
« Наступаетъ на Кiевъ царь Мамай
« Со своею силою невѣрною!»
Говорятъ ему тутъ богатыри:
— Ты сойди-ко, Ермакъ, со добра коня,
— Ты войди-ко, Ермакъ, во бѣлъ шатеръ,
— Ты испей-ко чару зелена вина,
— Зелена вина въ полтора ведра. —
Отвѣчаетъ имъ молодой Ермакъ:
« Если выпить, какъ мой дядюшка,

« Что старый казакъ Илья Муромецъ,
« Такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати.»
Оборачивалъ онъ коня богатырскаго
И поѣхалъ ко городу Кіеву.
Какъ пріѣхалъ онъ къ городу Кіеву,
Что нельзя ему въ городъ въѣхати:
Обступила вокругъ чужа сила.
Какъ въѣзжалъ Ермакъ на круту гору,
И сталъ онъ силу посмѣчивать,
Что посмѣчивать сталъ, посписывать:
А силы-то было видимо не видимо,
Ни смѣтить силы, ни списать нельзя.
А кромѣ того было тридевять богатырей:
Девять сыновей, да девять дочерей,
Да девять зятевьевъ Мамаевыхъ,
А надъ всѣми пáбольшій царь Мамай.
Видитъ Ермакъ—дѣлать нечего:
Поскакалъ онъ въ силу со крутой горы,
Сталъ помахивать своей палицей,
А палица-та въ двѣнадцать пудъ:
Куда ей махнетъ—тамъ и улица,
А отмахнетъ—переулочекъ.
И бился Ермакъ что двѣнадцать дней,
Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы все, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.
Въѣзжалъ онъ на круту гору,
Раскидывалъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
И ложился опочивъ держать.
Какъ посмотритъ вокругъ въ широко поле,
Не туманъ въ поле поднимается,
А ѣдутъ тамъ тридевять богатырей,
Впереди-то всѣхъ что старый казакъ,
Что старый казакъ Илья Муромецъ.
Подъѣзжаютъ богатыри ко крутой горѣ,
Къ молодому Ермаку Тимоѳеичу:
« Помогай тѣ Богъ, молодой Ермакъ,
« Молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ,

« Побивать силу невѣрную! »
Говоритъ ему тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ, Илья Муромецъ:
« Отдыхай теперь, молодой Ермакъ,
« Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь! »
Посылалъ Илья Муромецъ богатырей,
Побивати силу невѣрную:
Которыхъ слалъ отъ сиия моря,
Которыхъ слалъ отъ чиста поля,
А которыхъ слалъ отъ Почапъ рѣки,—
Чтобы въ нашу воду не бросалися,
Чтобы нашу воду не погашили.
И бились богатыри двѣнадцать дней,
И прибили всю силу невѣрную,
И Мамая царя со богатыри,
Съ девятью сыновьями, девятью дочерями
И со девятью зятевьями.
Въѣзжали всѣ на круту гору
Къ молодому Ермаку Тимоѳеевичу.
Просыпался тутъ молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь,
И поѣхали всѣ во Кіевъ градъ,
Что ко ласковому князю Володиміру.
Встрѣчалъ богатырей Владиміръ князь,
Принималъ онъ ихъ съ честью-почестью;
Собиралъ всѣхъ князей, бояръ,
И сильныхъ могучихъ богатырей,
И гуляли всѣ, веселилися,
Не много, не мало—ровно тридцать дней.
Отправлялись тутъ могучіе богатыри
Что на поле, на Куликово.
Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить:
Разгуляются, распотѣшатся,
Распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать;
А такія потѣхи богатырскія
Народу было не вытерпѣть,
Котораго толкнутъ—тому смерть, да смерть
Отправлялъ тутъ ихъ Володиміръ князь.

Просили они князя Владиміра
Отпустити въ гости Илью Муромца
Съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
Погулять въ поле, потѣшиться,
Богатырской удалью похвастаться.
Отпускалъ Илью Муромца Володиміръ князь
Съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеичемъ.
Отпускалъ ихъ съ честью, съ радостью.

Пріѣзжали богатыри на поле,
На широкое поле—Куликово;
Раскидывали тамъ бѣлы шатры,
Стали пить, гулять и тѣшиться,
Богатырской удалью хвастатись.
Прискакала вдругъ къ нимъ Бабища:
Головища у бабы съ дощанище *),
А глазищи-то съ ивницы корцы **).
Говорила баба таковы слова:
« Гой еси, вы, тридевять богатырей!
« Побили вы пашу всю силу,
« Всю силу Мамаеву;
« Побили вы тридевять богатырей,
« Которы сыры-матёры дубы
« Изъ земли повалачивали,
« А корепьемъ къ верху помётывали;
« Убили вы моего царя!
« А счастье было ваше великое,
« Что меня на бою не случилося!
« Выходите-ко теперь со мной битися!
« Выходите, поединьщики, по единому,
« А всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно! »
Богатыри туто призадумались.
Соскочилъ только старый казакъ,

---

*) *Дощанище, дщана*—чанъ, ушатъ.—*Прим. 1-го изд.*
**) *Корцы* — большіе ковши съ длинною рукояткою.—*Тоже.*

Что старый казакъ—Илья Муромецъ:
« Дайте-ка мнѣ, братцы, съ ней расправиться! »
Молодому Ермаку Тимоѳеичу
За обиду то показалося,
Что идетъ Илья Муромецъ съ бабой битися.
— Дайте-ко мнѣ, братцы, сперва развѣдаться,
— А пробьюсь я съ ней двѣнадцать дней,
— Пріѣзжайте меня попровѣдати.—
Выходилъ Ермакъ изъ бѣла шатра,
И садился онъ на добра коня,
Выѣзжалъ съ Бабищей въ чисто поле.
Какъ ударились они сперва палицами,—
Словно громъ грянулъ изъ темной тучи,
Приломали они свои палицы.
А послѣ стали биться копьями,—
Изломали и тутъ востры копьи.
Сходили они съ коней богатырскихъ,
Бились въ рукопашный бой,
А и бился двѣнадцать дней.
Поизмучился молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь:
Стала Бабища одолѣвать его.
Пріѣзжалъ тутъ попровѣдать Илья Муромецъ:
« Тебѣ Богъ помочь, молодой Ермакъ,
« Молодой Ермакъ Тимоѳеевичь! »
Какъ возговоритъ молодой Ермакъ:
— Ахъ ты, дядюшка, Илья Муромецъ!
— Приходитъ мнѣ скорая смерть,
— Что отъ Бабищи, отъ Маманишны!—
Говорилъ тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ—Илья Муромецъ:
« Молодой ты Ермакъ Тимоѳеевичь!
« Видно бабьей ухватки не знаешь ты?
« Ты берп-ко ее за бѣлы груди,
« Разверпись, да ударь о сыру землю! »
Молодой Ермакъ тутъ послушливъ былъ:
Сохваталъ бабу за бѣлы груди

И ударилъ бабу о сыру землю,
Убилъ Бабищу до смерти.
Пріѣзжали они въ бѣлъ шатеръ,
Стали пиръ вести, потѣшатися.

(Записано г. Гуляевымъ отъ крестьянина Ефима Парфенова Быкова; изъ Приб. къ Зап. А. П., т. II.—Ср. выше, въ разрядѣ I-мъ, начало и конецъ 6-й пѣсни о Бабѣ Горынинкѣ).

*

2.

(Заводы Локтевскій и Сузунскій).

Что у ласкова князя Владиміра
Заводился пиръ на веселѣ:
Собирались князья, бояры,
Сильные могучіе богатыри
И вся полени́ца *) удалая.
Заводился пиръ въ полупирѣ,
Сахарныя кушанья въ полукушаньѣ,
Питья медвяныя въ полупитьѣ.
Стали бояры паѣдатися,
Стали бояры напиватися,
Стали бояры призахвастываться:
Кто хвастаетъ чистымъ сéребромъ,
Кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
Кто хвастаетъ скатнымъ жемчугомъ,
Кто хвастаетъ золотой казной.
Какъ возговоритъ Владиміръ князь:
« Полно вамъ, бояры, хвастати!
« Стану я васъ дарити, жаловать,
« Кого буду дарить чистымъ сéребромъ,
« Кого буду дарить краснымъ золотомъ,
« Кого жаловать скатнымъ жемчугомъ. »
Тутъ стала бы княгиня говорить:
— Ты гой еси, батюшка, Владиміръ князь!
— Всѣхъ удари́лъ ты, всѣхъ ужаловалъ:

*) *Поленица, поляница,* — отъ *поле; полевать и полеваться* — разъѣзжать въ полѣ ради подвиговъ. — *О.*

— Одного только удалаго добраго молодца
— Не дарилъ ты, не ужаловалъ,
— Что по имени-то Илью Муромца.—
« Ты гой еси, княгиня, неразумная!
« Подарю я удала добра молодца
« Тѣми дарами, которы мнѣ пришли
« Отъ Татарина, отъ Бусурманова:
« Подарю я его тою шубой соболиною. »
Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
И бьетъ шубу о кирпищатъ полъ,
А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
« Велитъ-то мнѣ Богъ шубу бить
« О кирпищатъ полъ:
« Велитъ ли мнѣ Богъ бивать
« Татарина Бусурманова?»
Тутъ князья и бояры подмолвились:
— Гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
— Всѣмъ-то намъ твои дары по любви пришли,
— Одному-то удалому молодцу
— Дары тѣ не по любви пришли,
— Что по имени-то Ильѣ Муромцу:
— Беретъ онъ шубу за одинъ рукавъ
— И бьетъ о кирпищатъ полъ,
— А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
— «Велѣлъ Богъ бивать шубу о кирпищатъ полъ...»
— Взять было удалаго добра молодца,
— Что по имени-то Илью Муромца,
— Повести было его на горы высокія,
— Бросить его въ погреба глубокіе,
— Задернуть рѣшетками желѣзными,
— Завалить чащей, хрящомъ-камнемъ!—
Взяли тутъ удалова молодца
Скурлаты немилостивые *),
Повели на горы на высокія,

---

*) *Скурлаты*: собственное имя Малюты Скуратова обратилось въ имя нарицательное, съ значеніемъ палача. Есть поговорка, въ собраніи пословицъ В. И. Даля, въ которой удержалось имя Малюты Скуратова въ томъ же значеніи.— *О.*

Бросили въ погреба глубокіе.
Задернули рѣшетками желѣзными,
Завалили чащей, хрящомъ-камнемъ.
Княгиня была сдогадлива:
Копала подкопы подъ тѣ пóгребы,
Поила и кормила доброва молодца,
Что по имени Илью Муромца,
Поила, кормила ровно три годы.
Черезъ три годы накатилась сила невѣрная,
Что того было Калины царя,
Обстала престольный Кіевъ градъ
Вокругъ на шестьдесятъ верстъ.
Тутъ-то Владиміръ князь
Весьма закручинился, запечалился;
Повѣсилъ онъ буйну голову на праву сторону,
Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ.
Тутъ ему княгиня подмолвилась:
— Что ты, батюшко, Владиміръ князь,
— Закручинился, запечалился,
— Повѣсилъ буйну голову на праву сторону,
— Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ?—
« Ты гой еси, княгиня, неразумная!
« Накатилась на насъ сила невѣрная,
« Того было царя Калины,
« Обстала престольный Кіевъ градъ
« Вокругъ на шестьдесятъ верстъ:
« А нѣтъ у насъ стоятеля,
« Нѣтъ у насъ оберегателя,
« Удалова добра молодца, Ильи Муромца! »
Говоритъ тутъ княгиня князю Владиміру:
— Ты гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
— Ты вскричи своимъ вѣрнымъ слугамъ,
— Скурлатамъ немилостивымъ,
— Чтобы сходили они на горы на высокія,
— Развалили чащи, хрящи-камни,
— И отворили рѣшотки желѣзныя,
— Посмотрѣли бы удалова добра молодца,
— Что по имени-то Илью Муромца:

— Не живъ ли онъ? —
Отвѣчаетъ ей Владиміръ князь:
« Ты гой еси, княгиня, неразумная!
« Сними-ко ты буйную голову, —
« Приростетъ ли она къ плечамъ?
« Такъ будетъ ли живъ чрезъ три годы
« Удалый добрый молодецъ,
« Что по имени Илья Муромецъ?»
Говоритъ княгиня князю Владиміру:
— Посылай только, онъ живъ сидитъ.—
Выходилъ князь Владиміръ на красно крыльцо,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ
Слугамъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ:
« Вы гой еси, слуги вѣрные!
« Вы подите-ко на горы на высокія,
« Разваліте чащи, хрящи-камни,
« Раздерите рѣшотки желѣзныя:
« Посмотрите, живъ аль нѣтъ Илья Муромецъ? »
Пошли слуги на горы на высокія,
Развалили чащи, хрящи-камни,
Отворяли рѣшотки желѣзныя,
Закричали зычнымъ голосомъ:
— Ты гой еси, удалый добрый молодецъ,
— Живъ ли ты, али нѣту-ка? —
Далъ имъ голосъ Илья Муромецъ.
Спускали тутъ къ нему лѣстницы,
Въ погреба-то глубокіе:
Выходилъ на Божій свѣтъ Илья Муромецъ.
Отвели его слуги къ князю Владиміру.
Говоритъ тутъ ему Илья Муромецъ:
« Ты, гой еси, батюшко, великій князь!
« Нѣтъ у меня коня добраго
« И всей сбруи богатырскія.»
Тутъ Владиміръ князь конюхамъ приказывалъ
Привести коня богатырскаго,
Принести палицу боёвую,
Саблю вострую, копье бурзомецкое *).

*) *Бурзомецкое* — мурзамецкое; ср. выше. — *О.*

Сѣдлалъ Илья Муромецъ коня доброва,
Надѣвалъ на себя всю сбрую богатырскую.
Садился въ сѣделечко Черкасское,
Говорилъ князю Владиміру:
«Ты гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
«Подай-ко мнѣ своихъ измѣнщиковъ!»
Привели къ нему измѣнщиковъ,
И посѣкъ онъ имъ буйны головы.
Побѣжалъ онъ въ силу невѣрную.
Бѣгалъ по силѣ день до вечера,
Темную ночь до бѣла свѣта;
Второй день бѣгалъ до вечера,
Вторую ночь до бѣла свѣта;
Третій день бѣгалъ до вечера,
И третью ночь до бѣла свѣта;
Порѣшилъ онъ тогда силу невѣрную.
Прибѣжалъ домой и спалъ трои сутки.

(Доставлено тѣмъ же; см. Прим. къ Изд. А. Н., т. III).

*

3.

(Кирша Данилов).

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго

А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ *) луча свѣта бѣлаго;
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
Что выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень,
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что «возметъ Калинъ царь стольной Кіевъ градъ,
«А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
«Божьи церкви на дымъ пуститъ.»
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился Татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора княжепецкаго,
Ссакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Передъ великаго князя Владиміра;
Отшедъ Татаринъ, слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
«А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
«Безъ бою, безъ драки великія,

*) *Не видитъ:* конечно *не видать.*—Ѳ.

« И безъ того кроволитія напраснаго! »
Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки разпечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки заплакалъ, свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося:
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ,
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало — на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи;
По праву руку его зять сидитъ,
А зятя зовутъ у него Сартакомъ;
А по лѣву руку сынъ сидитъ,
Сына зовутъ Лоншекомъ *).
И то у нихъ дѣло не окончано,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Втапоры Василій Пьяница
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
Калену стрѣлу перену ю,
Наводилъ онъ трубками Нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь;
И тотъ-то Василій Пьяница
Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина царя;
Не попалъ во собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,
Угодила стрѣла ему въ правой глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрезили **):
Убили зятя любимаго

*) У Татаръ это имя неупотребительно; оно есть у Киргизовъ и Калмыковъ, и вѣроятно Монгольское. — *О.*

**) *Загрезили* — забредили, безъ толку затѣяли. — *О.*

Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другаго Татарина
Ко тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.
А мало время замѣшкавши,
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлой кречетъ перепорхиваетъ,
Бѣжитъ паленица *) удалая,
Старой козакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
Скочилъ Илья съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Идетъ во гридню во свѣтлую,
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны,
А самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
«Что у тебя за болванъ пришелъ,
«Что за дуракъ не отесаной?»
Владиміръ князь стольной Кіевской
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ.
Говорилъ тутъ ему Владиміръ князь:
— Гой еси, Илья Муромецъ!
— Пособи мнѣ думушку подумати:
— Здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ,
— Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
— Безъ того кроволитія напраснаго?—
Говоритъ Илья таково слово:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
«Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся:
«Боже Спасъ оборонитъ насъ,
«А не что, Пречистой и всѣхъ сохранитъ.

*) *Паленица:* поленица, поляница; см. прим. къ предыдущей пѣсни. — *O*

« Насыпай ты мису чиста серебра,
« Другую красна золота,
« Третью мису скатнаго жемчуга;
« Поѣдемъ со мной ко Калину царю,
« Со своими честными подарками;
« Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ. »
Наряжался князь тутъ поваромъ,
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они ко Калину царю,
А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья ко Калину царю
Въ его лагери Татарскіе;
Скочилъ Илья съ добра коня,
Калину царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
« А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичь!
« Прими наши дороги подарочки
« Отъ великаго князя Владиміра:
« Перву мису чиста серебра,
« Другую красна золота,
« Третью мису скатнаго жемчуга;
« А дай ты намъ сроку на три дни,
« Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,
« Отслужить обѣдни съ панихидами,
« Какъ, де, служатъ по усопшимъ душамъ,
« Другъ съ дружкой проститися. »
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
— Гой еси ты, Илья Муромецъ!
— Выдайте вы намъ виноватаго,
— Которой стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя,
— Убилъ моего зятя любимаго!—
Говоритъ ему Илья таково слово:
« А ты слушай, Калинъ царь, повелѣніе:
« Прими наши дороги подарочки
« Отъ великаго князя Владиміра;
« Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?»
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибраниваетъ.

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не далъ сроку на три дни и на три часа;
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
«Отойди съ Татарами отъ Кіева,
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть *)!»
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Велѣлъ Татарамъ сохватать Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры **) шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
«Отойди прочь съ Татарами отъ Кіева,
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть!»
И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ Ильѣ во ясны очи:
— А Руской людъ всегды хвастливъ:
— Опутанъ весь, будто лысой бѣсъ,
— Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ! —
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ пол-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ;
Не допустятъ Илью до добра коня
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны, литы въ три тысячи,—
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Которой ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ, — тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ, —съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,

*) Отойди съ Татарами, если хотите быть живы!— *О.*

**) *Чембуръ*,—русское козачье *повалець*, третій одиночный поводъ уздечки, за который водятъ и вяжутъ верховаго коня; на немъ даютъ *повалятьсл*.— *О.*

« А жиловатъ, собака, не изорвется! »
Й только Илья слово выговорилъ,—
Оторвется глава его Татарская,
Угодила та глава по силѣ вдоль,
Й бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Достальные Татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притопули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья опъ ко Калину царю,
Схватилъ опъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
« Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
« Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.»
Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйны головы своей,
Ударилъ его о горючь камень,
Разшибъ его въ крохи...
Достальные Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами опи заклинаются:
« Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
« Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей!
« Не ужто въ Кіевѣ всѣ таковы:
« Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ?»
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья Пьянницу Игнатьева:
Й скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскимъ,
Привелъ ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Васильемъ со Пьянницей,
Й называетъ Илья того Пьянницу
Василья братомъ названымъ. —

То старина, то и дѣянье.

VI.

1.

(Шенкурскъ).

Во славномъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ Карацаровѣ,
Тутъ жилъ-былъ старикъ Иванъ Тимоѳеичь.
У нихъ сынъ былъ Илья Муромець.
Онъ просплъ у родимова батюшки
Благословенья великова,
На вѣки не рушимава:
Ещё съѣздить ему да посмотрѣть
Земли свято-русскіи
И кружала государева,
Цёрнава кáрабля, яснава сóкола,
Во всѣ государевы вотцины.
Говоритъ ему батюшко:
« Ужъ ты свѣтъ мое цедо порожденноё!
« Потеряешь ты свою буйну голову,
« Вмѣсто мѣдныя пуговки не за денежку;
« Еще той дорогоій никто не бывалъ,
« Никто ни ѣзжалъ ровно тридцать лѣтъ, тридцать годовъ:
« Тамъ засѣлъ Соловей воръ-разбойницёкъ,
« Онъ со дѣтками и со дѣвками.
« Еще тоій дорогой человѣку итти ровно два́-года,
« А конному ѣхать полтора́-года.»
А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора́ цяса,
Между обѣднею ранней и утренней,
И поспѣть ко столу княженевскому
И къ тому обѣду къ воскресенскому.

И оттудова пополъ Илья за Дунай рѣку,
За широкую да за глубокую,
Къ тому къ Миколѣ Заруцёвскому;
Онъ служилъ обѣдни запрестольныи,
Клалъ завѣты великіи,

Становилъ свѣцю двадцати пяти рублёвъ,
Вперёдъ еще сулилъ пятьдесятъ рублёвъ:
« Ты поправь меня, Господи,
« Во путѣ-по-дороженькѣ,
« Во цюжой-дальней сторонѣ,
« Во Сибирскихъ въ украйнахъ. »
Еще видѣли, — Илья на коня-то сѣлъ,
А не видѣли,—куда поѣздку далъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
По крутымъ бедрамъ, промежду ушей :
У ёво конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки и озёра промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля́ устилаютсе.
Старши богатыри дивуютсе:
— Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця !
— У ёво поѣздка молодецькая,
— Вся поступоцька богатырская !—
Завидѣлъ ёво Соловей воръ-разбойницёкъ,
Воръ-разбойницёкъ да воръ Ахматовиць:
— Воиъ, де, ѣдетъ въ полѣ дѣтина, шатаетсе,
— Подъ имъ конь подтыкаетсе.—
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Забилъ въ долóни по богатырскому,
Заревѣлъ вѣдь онъ по звѣриному,
Зашипѣлъ по змѣиному:
Тёмны лѣсы отъ ёво реву къ землѣ преклонилисе;
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутиласе ;
Въ то время подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Ещё самъ онъ коню приговаривать :
« Ахъ ты конь, ты конь, да травяной мѣшокъ ,
« Травяной мѣшокъ, да лошадь добрая !
« Будь заступцива, да не уступцива.
« Цёво ты, лошадь, да перепáласе ?
« Не слыхала ли ты экова рёву коровьява,
« Писку верезгу дроздоваго ? »
Вынималъ Илья Муромець
Изъ карману изъ лѣвава

Свой тугой лукъ, калены стрѣлы;
Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
Калены́ стрѣлы да накладывалъ,
Ещё самъ стрѣламъ приговаривалъ:
« Полетите, мои стрѣлы каленыи,
« Всѣ перепыи, да начиненыи *),
« Повыше лѣсу дремуцява,
« Пониже о́блака ходуцява, —
« Вы падите Соловью вору-разбойнику
« Во тепло́ гнѣздо, да во буйну голову,
« И во самой во правой глазъ,
« И вередите ему сердце ретивое!»
Полетѣли стрѣлы каленыи,
Всѣ переныи, да начиненыи,
Повыше лѣсу дремуцева,
Попиже о́блака ходуцява,
Еще пали Соловью вору-разбойнику
Во тепло́ гнѣздо, да во буйну голову,
И во самой во правой глазъ,
Вередили ему сердце ретивое,
И убилъ Илья Муромець Соловья,
Вора-разбойника да воръ-Ахматова.

Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кидишу **).
Кругомъ города да кругомъ Кидиша
Залегла сила поганая,
Вся Литва некрещеная:
Ещё всю силу онъ ихъ повыбилъ,
До наслѣдья повыбилъ да до единова,
Пиково не оставилъ на сѣмена,
И поѣхалъ впередъ подъ востоцыную сторону,
Во Сибирскіи во украи́ны.

У города да было Кепва
Застава была великая:

---

*) *Переныя да начиненыя*—перёныя перомъ, насаженныя копейцами.—*О.*

**) М. И. Погодинъ во время печатанія этой пѣсни 1-мъ изданіемъ получилъ изъ города Семенова (Нижегор. губерніи), отъ мѣщанина Мелединa, извѣстіе съ поэтическими преданіями о Кидешѣ.—*Прим. 1-го изд.*

Семь сыновъ вора-разбойницька.
Еще малой-отъ сынъ завидѣвши возговорилъ:
«Вонъ, де, ѣдетъ нашъ да батюшка!»
А большой-отъ сынъ да завидѣвши:
— Охъ вы глупыи да неразумныи!
— Это ѣдетъ сильной могущей богатырь
— Илья Муромець;
— Онъ везетъ нашово батюшка,
— Да у лѣваго стремени у булатнова. —
Тутъ всѣ братьи да взбунтовалисе,
Взбунтовалисе да перепа́лисе;
Во яростяхъ да во великіихъ
Въ пять сотъ пудъ палку подъ облакъ мечутъ.
Соловей кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ахъ вы дѣтоцьки да голубцики,
— Ихъ вы глупыи да неразумныи!
— Не вамъ *) кусъ, не вамъ и псь **) ево́:
— Я не могъ выстоять, а супротивъ меня
— Всѣмъ и вамъ ужъ не выстоять.
— Вы берите да спаены клюци,
— Отпирайте да погреба глубокіи,
— Вы берите много злата и серебра,
— И скацьно́ва жемцюгу:
— Не отдастъ ли онъ, Илья Муромець,
— На выкупъ вамъ вашова батюшка?—
Илья на злато на се́ребро не зарится,
Онъ впередь ѣдетъ да востоцьную ***) сторону,
Во Сибирскіи да украины.
У Ильи конь бѣжитъ, да какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля́ укрываютсе.
Старшіи богатыри дивуютсе:
— Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця!
— У ево́ поѣздоцька да молодецькая,
— Вся поступоцька да богатырская!—

*) *Ваш?—О.*
**) *Псь—ѣсть.—О.*
***) *Въ востоцьную.—О.*

Пріѣзжалъ вѣдь онъ да ко Дунай-рѣкѣ,
Ко широкою да ко глубокою.
За ту рѣку да за широкую,
За широкую да за глубокую,
Перевощицькомъ была да Соловьева дощь,
Дощь большая да Катюшенька.
Соловей кричитъ ей своимъ зыцьнымъ голосомъ:
— Не вози, дощь любимая, Татарина да великава
— За Дунай рѣку: ты въ тѣ-пóръ ёвó вези,
— Когда дастъ тебѣ батюшку на выкупъ твоево;
— Ты въ тѣ-пóръ ёвó вези да за Дунай рѣку,
— За Дунай рѣку, да за широкую,
— За широкую, да за глубокую.—
Илья на то да не вѣруётъ.
Сходилъ онъ со добрà коня
На сыру землю да на матушку:
Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелкóвъ поводъ;
Правой рукой рветъ дубьё съ кореньяма;
Онъ мосты мостилъ крѣпко нá крѣпко,
Крѣпко нá крѣпко, да дѣльно нá дѣльно;
Онъ самъ перешелъ да и коня перевелъ;
Ещё взялъ изъ лѣвава кармана плетку шóлкову.
Плетку шолковую да подорожную,
О семи хвостахъ да съ проволкой,
Дѣвкѣ стёжъ-то *) далъ,—съ ногъ валилася,
Онъ другую далъ,—дѣвка скору смерть приняла;
Онъ Илья-то тутъ да и былъ и нѣтъ.
Онъ впередъ ѣдетъ подъ востоцьную сторону,
Во Сибирскіи да во украины.
У Ильи конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля да укрываютсе.
Старши богатыри да дивуютсе:
— Ещё нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця!
— Поѣздоцька у ёвó да молодецькая,
— Вся поступоцька да богатырская!—

*) *Стёжъ*—ударъ, которымъ Илья ее *стегнулъ*.—*О.*

Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кіеву.
Становилъ коня да середи двора,
Становилъ онъ да не привязывалъ,
Никому держать не приказывалъ;
Онъ пошолъ въ свѣтлыи свѣтлицы,
Въ княженецькіи горницы,
Онъ не спрашивалъ у воротъ у приворотницьковъ,
У дверей да у придверницькевъ;
Онъ беретъ двери за́ скобу,
Отпираётъ двери да на́ пяту *);
Онъ и крестъ кладетъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ ведетъ да по уцёному,
Онъ и кланяйтсе на всѣ на четыре стороны,
Еще князю-то да на особицю:
« Ещё здравствуй, князь славной Кіевской,
« Славной Кіевской да Владимірской!»
— Ещё здравствуй ты, дѣтина шельшина **),
— Ты дѣтина шельшина да деревеньщина!
— Ты откуль ѣдишь да откуль идешь?
— Ты какихъ родовъ, да какихъ городовъ? —
Онъ отвѣтъ держалъ князю славному:
« Ещё города Мурома, а села Карацярова,
« Илья Муромець да сынъ Иановиць.
« Я пріѣхалъ ко вашёю ко милости:
« Проциталъ я дорожиньку да прямохожую,
« Прямохожую да прямоѣзжую,
« А изъ Мурома да до Кидаша,
« А изъ Кидаша да до Кіева,
« Всё до вашёю да до милости;
« Я убилъ Соловья вора-разбойницька,
« Воръ-разбойницька да воръ-Ахматова,
« Да привезъ ёво́ къ вамъ на пока́заньё.»
— Ещё врешь ты, дѣтина шельшина, да польгаёшьсе,
— Надо мной надъ князёмъ насмѣхаёшсе. —

---

*) Дверь въ крестьянской избѣ ходитъ *на пяту*, которая вставлена въ гнѣздо порога, а *головка* двери въ гнѣздо притолоки; *отворить на пяту* — отворить на стежь. — *О.*

**) *Шельшина — сельщина*; въ другихъ пѣснях *засельщина*. — *О.*

« Ты изволь итти на свой широкой на по́лой дворъ,
« Ты изволь смотри́ть Соловья вора-разбойницька.»
Обувалъ сапожки князь сафьяновы,
Оболока́лъ *) кошулю **) соболюю,—
Ещё та ли кошля въ пятьсотъ рублёвъ,
Зарукавьи серебряныи,
Ожерельи жемчюжныи.
Повели ёво́ слуги по́дъ руки
На свой на широкой на по́лой дворъ.
У Ильи конь стоитъ, какъ гора лежитъ,
Онъ стоитъ да непривязанной,
Никому держать да не приказанной.
А у лѣвава стремени да у булатнова
Привязанъ Соловей воръ-разбойницёкъ,
Воръ-разбойницёкъ да воръ-атаманович.
Еще тутъ-то князь да и кона́ится ***):
— Соловей ты, воръ да воръ-разбойницёкъ,
— Воръ-разбойницёкъ да воръ-Ахматовиць!
— Ты посвищи-ко по прежнёму да по соловьиному!—
Соловей да отвѣтъ держитъ,
Онъ отвѣтъ держитъ князю славному:
« Я не твой хлѣбъ и кушаю,
« Не тебя князя-вора и слушаю.»
Ещё тутъ князь Ильѣ да и кона́ится:
— Илья Муромець да сынъ Ивановиць,
— Полени́ца великая!
— Ты заставь Соловья вора-разбойника
— Посвистать по прежнёму да по соловьиному.—
Онъ отвязалъ Соловья вора-разбойника
Отъ лѣвава стремени.
И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ доло́ни по богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,

---

*) *Оболокалъ*—надѣвалъ.—*Прим. 1-го изд.*

**) Рубашка не косоворотка; такъ же шились и шубы. Старинный покрой кореня.—*О.*

***) *Конаться*,—добиваться.—*О.*

Заревѣлъ онъ да по звѣриному:
Темны лѣсы къ землѣ преклонилися,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася,
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ *) кирпищьё заморское,
Полетѣли изъ окóльниць стёкла аглицькiи.
Ещё князь-отъ стонтъ да въ худой душѣ,
Ещё тутъ онъ да и конáится:
— Илья Муромець да сынъ Ивановиць!
— Ты уйми да сопостата великава,
— Соловья вора-разбойницька,
— Воръ-разбойницька да воръ-Ахматова.—
Сталъ Илья унимать ёвò по свойскому:
Онъ схватилъ ёвò да за цёрны́ кудри,
Ещё билъ ёвò да о сыру́ землю о матушку,
Онъ въ подвéргъ **) ёвò кидалъ
Выше башни наго́льныи ***),
Онъ остатки ёвò хлопнулъ о сѣрòй камень;
Соловью отъ себя скора смерть пришла.
Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицю,
Въ княженецькiи горници,
И садили ёвò да по край стола,
По край стола да по край скамьи.
« Ещё ты, славной князь Кеивской да Владимірской!
« Ты неси-ко цяшу большую да обѣруцьную,
« Зелена́ вина да полтора ведра!»
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на одинъ духъ.
Ещё всё-то ёму мало кажется:
« Ты неси ещё, князь, цяшу бóльшую,
« Цяшу бóльшую да обѣруцьную.
« Ещё два ведра да зелена́ вина,
« Всё со водоцькой, да со наливоцькой,

---

*) *Дымолокъ*,—дымоволокъ, проводъ дымовой трубы.—*О.*
**) *Подвергъ*—подбросъ.—*О.*
***) *Наголъныя*—наугольныя.—*О.*

« Со крѣпки́ми да со напитками. »
Илья прима́ется да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее на оди́ной духъ.
Ещё тутъ Илью маленько да ошабу́рило;
Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться,—
Поломалъ онъ ска́мьи да дубовыи,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныи.
А у князя во ту пору да во то времяцько
Ещё столъ идетъ да во полу́-столѣ,
Ещё пиръ идетъ да во полу-пирѣ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Ещё всё купцы да торговыи,
Ещё сильны могучи бога́тыри,
Свято-Русскіи воины.
Поприжалъ Илья Муромець да сынъ Ивановиць,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголъ.
Ещё князь Ильѣ рѣць прогово́рилъ:
— Илья Муромець да сынъ Ивановиць!
— Помѣшалъ ты всѣ мѣста́ да уцёныи,
— Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныи:
— У меня промежь каждымъ бога́тыремъ
— Были сваи желѣзныи,
— Чтобъ они въ пиру да напивалисе,
— Напивалисе да нестолкалисе.—
Ещё тутъ вѣдь князь да Ильѣ конаится:
— Ты изволь у насъ да попить-поись,
— Ты изволь у нашей милости
— Да воеводой жить.—
« Не хощю я у васъ ни пить, ни исъ,
« Не хощю я у васъ воеводой жить!»
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыи,
Онъ выма́лъ свою плетку шелко́вую
О семи хвостахъ да со проволкой,
Ещё взялъ онъ плеткой да помахивать,
Ещё взялъ гостей да покалачивать,
Ещё взялъ гостей да поворачивать,
Ещё бьетъ онъ, самъ приговариваетъ:

« На пріѣздѣ гостя не употчивали,
« А на поѣздинахъ да не уцéствовали!
« Эта ваша мнѣ цéсть—не въ цесть! »
Ещё онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
До наслѣдья прибилъ да до единава,
Не оставилъ никово да на сѣмена.
Ещё царь-то въ ту пору да въ то времяцько
За пецьку задвинулся,
Собольёй шубкой закинулся.
Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти
Нынѣ и до́ вѣку.

(1843 г., іюня 16, записана со словъ крестьянина П. А. Ядовинычъ, потомъ черезъ П. Борисова доставлена М. П. Погодину; см. Москвитянинъ, 1843, № 11).

*

2.

(Онега).

Ѣздилъ старъ Илья Муромець по цисту полю́,
Отъ младости ѣздилъ старъ до старости.
Былъ у старого доброй конь :
Черезъ рѣки перевозу онъ не спрашивалъ,
Ише гладкіе онъ мхи да промежъ ногъ спушшалъ,
А и сипёё-то морё онъ въ околъ скакалъ.
Находилъ старой валю́ць камéнь,
А на камени подпись бы́ла подписана :
— Кому въ этую дороженьку ѣхати — богату быть,
— А во дру́гую поѣхати — жонату быть,
— А во тре́тею да ѣхати — убиту быть. —
И мужева́лъ *) тутъ старой, разговаривалъ :
« Куда мнѣ ише, старому, да съ золотой казной?
« Нѣту у миня, стара̀, да молодой жоны,
« Нѣту, вить, у старого да малыхъ дѣтоцёкъ,

*) *Мужева́ть*—разсуждать, размышлять.—*Прим. 1-го изд.*

«А вить некому таскать да платья чвѣтного,
«Ише некому тратить да золота казна **).
«Куды мнѣ ише, старому, да съ молодой женой?
«Молода жона взеть, дакъ тутъ цюжа корысь,
«А старая мнѣ-ка взеть, дакъ на печи будё сидѣть,
«На печи будё сидѣть, да старикомъ командовать.»
Да мужевалъ тутъ старой, разговаривалъ,
Поворачивалъ же старой-отъ добра коня
Во дороженьку, вить, ѣхать, гдѣ убиту быть.
Ѣдётъ старой-отъ путемъ-дорогою,
А стоитъ ту сорокъ тышацъ лихихъ воровъ,
Да стоитъ сорокъ тышацъ разбойниковъ,
Да ише сорокъ тышацъ стоитъ подорожниковъ.
А и сговорятъ ту воры-разбойники,
Да спроговорятъ ту подорожники:
— Какъ убьемъ ли мы, пограбимъ старого,
— Съ животомъ ли, съ конемъ его розлуцимъ! —
А и сговоритъ тутъ старъ таковы слова:
«Ой же вы еси, воры-разбойники,
«Да ой же вы еси, подорожники!
«Да на што вамъ бить миня, старого?
«У миня да, вить, у старого,
«Золотой казны да не луцилосе;
«Тольки съ собой ей и пригодилосе,
«Што налисьнёй суммы сорокъ тышацей;
«Ише хрёсъ на грудяхъ да во петьсотъ рублёвъ;
«Да шеломъ на главы-то сорока пудовъ,
«Сорока же онъ пудовъ—стоитъ петьсоть рублёвъ;
«А сапоженьки на ножкахъ семи шолковъ,
«Да семи оны шолковъ— столятъ семьсотъ рублёвъ;
«У коня-та межъ глазмы да подъ ушмы
«Самочвѣтноё насажёно каменьё,
«Да не для-ради красы да молодецькія,
«Для-ради осенних темныхъ ноценёкъ:
«Оно за тридчеть верстъ какъ свѣтёлъ мѣсецъ некётъ;
«Чѣной чѣнить, дакъ рублёвъ тышаця,

**) Всѣ имена сущ. женск. рода въ винит. пад. единств. ч. сходны съ именит. при неопредѣл. наклоненіи. — *Прим. 1-го изд.*

« А другой чѣной чѣнить, дакъ и смѣту нѣтъ.»
Ай спрогóворять тутъ воры-разбойники,
Да спрогóворять тутъ подорожники:
— Нé по што со старымъ разговаривать! —
Втогды схватилъ шеломъ старшóй *) съ буйнóй главы,—
А тóтъ-тамъ шеломъ, вить, сорокá пудовъ, —
Да и пóцялъ онъ шеломомъ-то помахивать:
Какъ впередъ-то махнетъ, дакъ куды улича,
А на зать-ту отмахнетъ, дакъ переулоцёкъ;
Не стольки онъ бьётъ, колько конемъ топцётъ;
Прибилъ, притопталъ онъ до единого,
Не оставилъ тутъ единого на сѣмена.
Поворацивалъ старой добра коня
Ѣхати ко камени съизнова;
Ише старую подпись поддалбливалъ,
Да подписывалъ подпись онъ новую:
« Во дороженьку ѣздилъ — убитъ не былъ;
« А попѣце поѣду, гдѣ жонату быть. »
Ѣдётъ старóй-отъ путемъ-дорогою.
Не доѣдуци Нидéи богатыя,
Не проѣдуци Корелы проклятыя,
Тутъ стоитъ теремъ ужасные,
А ужасной, вить, теремъ великастые.
Выходила изъ терема прекрасна королевисьня,
И брала стара́ за бѣлы́ руки́,
Чѣловала стара́ въ уста сахáрьныя,
Поила́, кормила стара́ дó-сыта...
Ухватилъ старъ королевисьню óсередь;
Да и бросилъ на кровать-ту отписовую **):
Дакъ, вить, тая-то кровать опрокинулась,
Королевисьня тутъ увалилась.
Скрыцялъ старъ да зысьнымъ голосомъ:
« Ты сказывай про ходы́ да про клюци подземельные! »
Отводила она ему ходы́ подземельные.
И пошелъ тутъ старой по тѣмъ клюцямъ,
Клюци-ты онъ руками раздёргивалъ,

*) Старой? — *О.*

**) Т. е. тесовую. — *О.*

А двери-ты ногами ростóптывалъ ,
Выпушшалъ сорокъ царёвъ , сорокъ царевицёвъ ,
Да ише выпушшалъ сорокъ королей, сорокъ королевицёвъ.
Позади выпушшалъ да выводилъ прекрасну королевисьну.
Говорилъ царямъ, царевицямъ ,
Говорилъ же королямъ , королевицямъ:..
« Подьте вы , цари , царевици ,
« Да подьте и короли , королевици ,
« Ко своимъ малымъ дѣтенышамъ ! »
Разорвалъ онъ царевну на цетыре цетверти ,
Разметалъ ей на цетыре стóроны.
Самъ садился на добра коня
Да поѣхалъ старъ ко камени ,
Старую-ту подпись поддалбливалъ ,
Да подписывалъ подпись онъ новую :
« Во дорожиньку , вить , ѣздилъ — убитъ не быíлъ ;
« А во друíгую я ѣздилъ — жонатъ не быíлъ ;
« А во третію поѣду , гдѣ богату быть. »
Ѣдётъ старой-отъ путемъ-дорогою ,
Да лёжитъ камень ужасные ,
Да на камени-то подпись ужъ новая :
— Подъ симъ-то ли подъ каменемъ
— Есь великъ матёръ кованóй сондукъ ,
— Въ сондукú-то сумма несцётная. —
Отворацивалъ старой валюць камень ,
Вызнималъ тутъ старой великъ сондукъ ,
А въ сондуки-то подпись , вишь , новая :
— Кому эвтотъ животъ да достанитсе ,
— Тому состронть церква Индѣйская ,
— Да состронть тому церква Пешшерская. —
Тутъ состроилъ старъ церкву Индѣйскую ;
Да какъ нацялъ строить церкву Пешшерскую ,
Тутова старъ и екáменѣлъ *).

Да къ тому-то стиху и славы поютъ.

(Записано г. Верещагинымъ ; изъ Прибав. къ Изв. А. Н., см. выше).

*) Окаменѣлъ ? — *О.*

VII.

1.

Какъ у насъ, братцы, было на тихомъ Дону,
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутился весь нашъ тихій Донъ,
Помѣшался весь нашъ козачій кругъ:
Что не стало у насъ атамана,
Что стараго козака Ильи Муромца.
Ужь вы, братцы, товарищи!
Убирайте вы легкія стружка,
Вы сукномъ багрецовымъ;
Увивайте вы весёльчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ;
Увивайте вы укрюченьки *)
Аліентарскимъ **) крупнымъ жемчугомъ:
Чтобъ по почамъ они не буркали,
Не подавали бы они ясоку ***),
Что ко злымъ людямъ ко Татарамъ.

*

2.

(Калужск. губ., Боровск. уѣзда).

Охъ вы рощи, рощи зелены́я! ли́пушки цвѣтны́я!
Кустарнички молодые, орѣшнички густые!
Разростились, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, всё по бы́стрымъ рѣкамъ,
'Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона рѣки!
Обтекаютъ эти рѣчки славны Руски города;

---

*) *Укрючины — уключины*, въ которыхъ ходятъ весла; въ такомъ смыслѣ у Нестора (въ договорѣ Олеговомъ) употребляется слово *ключь*. — *О.*

**) *Аліентарскій* — орієнтальный, восточный. — *О.*

***) *Ясакъ*—вѣсть, голосъ, кликъ, зовъ. — *О.*

Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ-то восплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки красивѣются, на гребцахъ шляпы чер-
нѣются,
На самомъ-то ясаулѣ чёрна соболя колпакъ.
Они ѣдутъ-воспѣваютъ всё про Муромски лѣса,
Они хвалютъ-величаютъ ясаула молодца,
Ясаула молодца, Илью Муромца!

(Записано отъ старухи)

*

3.

(Симб. губ. и уѣзда, село Языково).

Не тропкою, не дорожкою,
Бѣжитъ-выбѣгаетъ тутъ добрый конь,
Черкаско сѣдельце на боку несетъ,
Булатное стремя по копытамъ бьетъ.
За конемъ бѣжитъ добрый молодецъ,
Шляпою машетъ, голосомъ кричитъ:
« Охъ ты стой, ты постой, ты мой добрый конь!
« Ужь ты меня унесъ отъ двухъ смертей,
« Унеси ты меня, конь, и отъ третіей! »
Изъ за лѣсу, де, лѣсу темнаго,
Изъ за тѣхъ ли горъ высокихъ,
Выѣзжаетъ тутъ собака Турецкій ханъ;
Объѣхали кругомъ, стали спрашивать:
— Котораго ты рода, коего племени?
— Барскаго ли ты рода, или княженицкаго?—
« Я не барскаго рода, не княженицкаго,
« Я того, де, рода крестьянскаго,
« По имени я Илья Муромецъ,
« Илья Муромецъ, сынъ Иваповичь,

« А того, де, я селенія Корочарова;
« И прошу я вашей милости:
« Поймайте мнѣ добра коня! »
Поймали ему и добра коня.

*

4.

(Симбир. губ. и уѣзда).

Далече, далече во чистомъ полѣ,
Ѣздилъ, гулялъ добрый молодецъ,
Старѣйшій казакъ Илья Муромецъ.
Онъ ѣздилъ, молодецъ, день до вечера,
Никакова дива не наѣзживалъ.
Наѣзживалъ молодецъ на дивовище,
На то диво не малое,
На то диво великое:
На тоё на красну дѣвицу поклонную *).
Не доѣхавши дѣвицы, самъ становится,
Не дошедши, добрый молодецъ сталъ допрашивать:
« Ты скажи, скажи дѣвица, не утай себе,—
« Чьево рода, чьево племени?
« Отъ царя ли ты царевна **),
« Или царская дочь?
« Отъ короля ль ты королевна,
« Иль корольская дочь?
« Или нашего ты роду богатырскаго?»
Отвѣтъ держитъ дѣвица доброму молодцу:
— Скажу, скажу тебѣ, не таюсь себя, не боюсь тебя:
— У моева у батюшки было семь сыновъ,
— Восьмой сынъ во солдаты пошелъ,
— А девятая была красна дѣвица,—
Тутъ молодецъ позадумылся.

---

*) Походную?—*О.*

**) Въ подлинникѣ какъ будто *царина.*—*О.*

Слѣзалъ молоденъ со добра коня,
Кланитца дѣвицѣ вы рѣзвы ножиньки:
« Не ты ли, дѣвица, мнѣ родна сестра?
« Садись-ка, дѣвица, на добра коня,
« Поѣдемъ, дѣвица, къ родному батюшки.»

(Ср. выше, первую половину 3-й пѣсни I-го разряда).

*

5.

(Барнаулъ).

Какъ издалеча *), изъ чиста поля,
Изъ раздольица изъ широкова,
Выѣзжаетъ тутъ старый казакъ,
Старъ-старый казакъ, Илья Муромецъ,
На своемъ онъ на добромъ конѣ.
На лѣвой бедрѣ сабля острая,
Во правой рукѣ тупо копье.
Онъ тупымъ копьемъ подпирается,
Своей храбростью похваляется:
« Что велитъ ли Богъ въ Царѣ-градѣ быть?
« Я старыхъ Турковъ всѣхъ повырублю,
« Молодыхъ Турчатъ во полонъ возьму!»
Не о́ткуль взялся богатырь Турокъ:
Съ Ильей съѣхался, не здоровался,
Приразъѣхались, пріударились.
Онъ и бьетъ Илью острымъ концомъ,
Илья Муромецъ бьетъ тупымъ копьемъ.
Онъ сшибаетъ Турка съ добра коня,
Ужъ какъ палъ Турокъ на сыру землю;
Онъ поддѣлъ Турка на тупо копье,

---

*) Разнорѣчіе: « изъ да́лече. » — *О.*

Опъ понесъ Турка во чисто поле,
Во чисто поле, ко синю морю,
Опъ бросалъ Турка во сине море:
Какъ сине море всколебалося,
На пески вода разливалася.

(Записано г. Гуляевымъ отъ Барнаульскаго мѣщанина Ц. М. Калистратова, живущаго въ деревнѣ Калистратихѣ, въ 37 верстахъ отъ Барнаула, по дорогѣ въ Змѣиногорскъ; см. Приб. къ Изв. А. П., т. II.—Таже пѣсня помѣщена въ «Этнографическихъ очеркахъ Южной Сибири», въ Библіотекѣ для Чтенія, 1848 г., т. 90, стр. 107, 108, откуда и приведено выше разночтеніе.—Ср. выше, 1-ю пѣсню II-го разряда).

—

Конецъ пѣсенъ I-го выпуска.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 1-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

СКАЗКИ

объ Ильѣ Муромцѣ.

1 *).

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ и съ хозяюшкою. Живётъ онъ богатой рукой, всего у него довольно, капиталъ хорошій имѣетъ. И говорятъ они промежъ собой, сидя съ хозяйкою: «вотъ, хозяйка, довольно всего у насъ, только у насъ дѣтей нѣту; станемъ просить Бога, авось Господи намъ создастъ дѣтище, хотя бы на послѣдяхъ, при старости.» Стали просить Бога, и забрюхатѣла она, и время пришло—родила дѣтище. Прошолъ годъ, и два, и три года прошли, ноги у него не ходятъ, а должно бъ ему ходить; восемнадцать годовъ прошло — всё безъ ногъ сидитъ. Вотъ пошолъ отецъ съ матерью на покосъ убирать сѣно, и остался сынъ одинъ. Приходитъ къ нему нищепской братія и проситъ у него милостыньку: « хозяинушка! сотвори старичку Господню милостыньку Христа ради! » Вотъ онъ ему и говоритъ: « старичокъ Господень, не могу я тебѣ подать милостыньку; я безъ ногъ. » Вошолъ старичокъ въ избу: «нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ.» Вотъ взявши, далъ ему ковшичекъ. «Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы.» Принёсъ ему воды и подаётъ въ ручки: «извольте, старичокъ Господень! » Вотъ онъ ему назадъ и отдаётъ: «выпей, говоритъ, въ ковшѣ всеё воду.» Опять посылаетъ онъ его за водою: « опять сходи, принеси другой ковшикъ воды. » Шедши онъ за водою, за которое дерево ни ухватится — изъ

*) Многословныя позднѣйшія вставки въ этой сказкѣ, и безъ того очень поздней и искаженной, выпущены, и пропуски означены точками.— *О.*

корню выдернетъ. Старичокъ Господень и спрашиваетъ у него: «слышишь ли теперь въ себѣ силу?»—«Слышу, старичокъ Господень! Сила теперь во мнѣ есть большая: кабы утвердить въ подвселенну такое кольцо, я бы смогъ поворотить подвселенную.» Какъ принёсъ онъ другой ковшикъ, старичокъ Господень выпилъ полковша, а другую половину далъ ему выпить: силы у него и поубавилось. «Будетъ, говоритъ онъ, съ тебя и этой силы!» Помолился старичокъ Господень Богу и пошелъ домой: «оставайся, говоритъ, съ Богомъ!»

Скучно ему лежать, и пошолъ онъ копать въ лѣсъ, свою силу пробовать. И ужехнулся народъ, что онъ сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ! Вотъ идетъ и отецъ съ матерью съ покосу: «Что это такое? лѣсъ весь вырытъ; кто такой вырылъ?» Подходятъ ближе. Жена и говоритъ своему мужу: «хозяинъ, вѣдь это нашъ Илюшенька роетъ!»—Дура, говоритъ онъ, не можетъ нашъ Илюшенька это сдѣлать: пустеки, что это нашъ Илюшенька! — И подошли къ нему: «ахъ, батюшка ты нашъ, какъ тебѣ Господь создалъ это?» Вотъ и говоритъ Илья: «пришолъ ко мнѣ старичокъ Господень, милостыньку просить сталъ; я ему и отвѣчаю: ««старичокъ Господень, не могу я тебѣ милостыньку подать; я безъ ногъ.»» Вотъ онъ ко мнѣ и пришолъ въ избу:—путка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ.—Всталъ я и далъ ему ковшичекъ. —Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы.—Принёсъ ему воды и подалъ въ ручки.—Выпей, говоритъ старичокъ, въ ковшѣ всю воду.—Выпилъ—и стала во мнѣ сила великая!»....

Пошолъ въ конюшню жеребца себѣ выбирать. Пришолъ къ жеребцу къ первому, наложилъ на жеребца руку, тотъ спотыкнулся; перепробовалъ всѣхъ жеребцовъ въ конюшнѣ, на котораго ни наложитъ руку—всякой спотыкается, ни одинъ не удержитъ. Пришолъ къ самому послѣднему жеребцу—такъ, въ забросѣ стоялъ,—ударилъ его по спинѣ рукой: онъ только заржалъ. И говоритъ Илья: «вотъ мой вѣрный слуга, не спотыкнулся!»....

Сѣлъ на добраго коня, ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ горѣ: прекрутая, большая гора и на ней все песокъ; на силу въѣхалъ. На горѣ стоитъ столбъ, на столбѣ подписано три дороги: «по одной дорогѣ ѣхать—самъ сытъ будешь, конь голоденъ; по другой дорогѣ ѣхать—конь сытъ, самъ голоденъ; по третей дорогѣ ѣхать — самого убьютъ.» Вотъ онъ

взялъ ла и поѣхалъ по этой дорогѣ, по которой самого убьютъ: а онъ на себя надѣялся....

Вотъ онъ ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, что послышалъ свистъ отъ Соловья разбойника, и какъ ло половины дороги доѣхалъ, конь его спотыкнулся. Вотъ онъ и говоритъ: «не спотыкайся, добрый конь! ужъ послужи мнѣ.» Подъѣзжаетъ къ Соловью разбойнику, онъ всё свищетъ. Подъѣхавши къ гнѣзду, взялъ стрѣлу, натянулъ и пустилъ въ него,—и упалъ Соловей съ гнѣзда. Вотъ онъ его на землѣ и ударилъ одинова, чтобы не до смерти убить, и посадилъ къ себѣ въ корока на сѣдло, и ѣдетъ къ дворцу. Видятъ его изъ дворца и говорятъ: «Соловей разбойникъ везётъ кого-то въ корокахъ!» Подъѣзжаетъ богатырь ко дворцу... Вотъ и говоритъ король Ильѣ Ивановичу: «велите Соловью разбойнику засвистать.» А Соловей разбойникъ говоритъ: «вы бы накормили и напоили Соловья разбойничка; у меня уста запеклися.» Вотъ и принесли ему вина, а онъ говоритъ: «что мнѣ штофикъ! вы бы бочоночикъ принесли мнѣ порядочный.» Принесли ему бочонокъ вина, вылили въ ведро. Онъ выпилъ заразъ и говоритъ: «еще бы Соловью разбойничку двѣ ведёрочки, такъ выпилъ бы!»—да ужъ не дали ему. И проситъ король: «Ну, прикажи, говоритъ, ему засвистать.» Илья велѣлъ ему засвистать, а короля и всю его фамилію поставилъ къ себѣ подъ руки, подъ мышки: «а то, говоритъ, онъ оглушитъ васъ.» Какъ засвисталъ Соловей разбойникъ, на силу остановилъ его Илья Ивановичъ, ударилъ его жезломъ,—онъ и пересталъ свистать, а то было попадали всѣ.

Вотъ и говоритъ король Ильѣ Ивановичу: «послужишь ты мнѣ вотъ эдакую службу, какъ я стану тебя просить? къ моей дочери вотъ летаетъ змѣй о двѣнадцати головъ; какъ бы его убить?»—Извольте, ваше королевское величество! что для васъ угодно—всё сдѣлаю.—«Пожалуста, Илья Ивановичъ; вотъ въ такомъ-то часу прилетитъ змѣй къ моей дочери, такъ постарайся!»—Извольте, ваше королевское величество!—Лежитъ королевна въ своей комнатѣ; въ двѣнадцать часовъ и летитъ къ ней змѣй. Вотъ и стали они драться: какъ ни ударитъ Илья, такъ съ змѣя голова долой; какъ ни ударитъ, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и послѣднюю голову съ него сшибъ: ударилъ жезломъ и разшибъ её всю. Радёхонька же королевна встала, пришла къ нему и его благодарила; доложила отцу съ матерью, что убитъ

змѣй: «всѣ, де, головы посбивалъ!» Король и говоритъ: «благодарю тебя; изволь послужить сколько ни будь у меня.»—Нѣтъ, говоритъ, я поѣду въ свое государство. Отпустилъ его король отъ себя съ честью хорошею....

(Изъ Сборника П. В. Кирѣевскаго; сравни у г. Аѳанасьева, Нар. Русск. сказки, выпускъ III).

*

2.

Во славномъ было городѣ во Муромѣ, во томъ-ли селѣ Карачаевѣ, жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Иванъ, по изотчеству Тимоѳеевичъ. А и было у него любимое дѣтище, Илья Муромецъ; а и то-то лѣтище сидѣло сиднемъ тридцать лѣтъ. Приходило время страдное, наставала пора рабочая, и Илья остался дома одинъ. По Божьему велѣнью приходили два калика перехожіе, становились подъ окошечко косящатое и просили милостыни. И говоритъ имъ Илья: «нищіе братія! взойдите ко мнѣ во храмину. Есть у насъ всего много, а подать вамъ некому.» И говорятъ ему калики перехожіе:—встань-ка самъ!—«Сижу сиднемъ я тридцать лѣтъ, а вставать не встану: нѣтъ у меня ни рукъ, ни ногъ»,— проговоритъ имъ Илья. И говорятъ калики перехожіе ему во второй разъ: — встань-ка самъ! — Илья сидитъ, силу пробуетъ, а въ отвѣтъ держитъ рѣчь: «всталъ бы я, и сила есть, да нѣтъ ногъ.» И говорятъ ему калики перехожіе въ третій разъ:—встань-ка самъ!—Илья сидитъ, силу пробуетъ: тронетъ ногу—нога поднимается, тронетъ другую — другая поднимается. И сталъ вставать Илья на ноги. Встаетъ Илья, поднимается, посередъ пола становится. И говорятъ ему калики перехожіе: — сходи-ка за пивомъ, да напой насъ!—И взялъ Илья братину великую, пошелъ во подвалы глубокіе, наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ, и подносилъ каликамъ перехожимъ.—Выпей-ка самъ,—въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе:—сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ пуще того и подносилъ каликамъ перехожимъ.—Выпей-ка самъ,— въ отвѣтъ молвятъ

калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики перехожіе: — слышишь ли Илья свою силу?—И молвитъ Илья: «слышу!» И спрошали его, Илью, калики перехожіе:—какъ велика твоя сила?—И молвитъ Илья: «кабы былъ столбъ отъ земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю.» Стали промежь себя калики говорить:—много дано силы Ильѣ: земля не сиссетъ. Поубавимъ силы.—И говорятъ ему калики перехожіе:—сходи-ка за пивомъ, да паной насъ!—И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ пуще того, и подносилъ каликамъ перехожимъ.—Выпей-ка самъ,—въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью, калики перехожіе:—слышишь-ли Илья свою силу? — И молвитъ Илья: «поубавилось силы, кабы на семую часть.» Стали промежь себя калики говорить:—Будетъ съ него.—И прощались съ Ильею калики перехожіе.

Приходятъ отецъ съ матерью въ избу. А ни думано, ни гадано, стало ихъ дѣтище на ноги крѣпко, пробовалъ силу великую. Отецъ и мать съ дива дивовалися, что содѣялось съ ихъ дѣтищемъ, съ Ильею Муромцемъ.

И задумалъ Илья Муромецъ дѣло великое: дѣлаетъ сбрую ратную, куетъ копье булатное, сѣдлаетъ коня богатырскаго, входитъ къ отцу къ матери, проситъ благословеніе великое: «Осударь ты мой батюшка, осударыня ты моя матушка! сопзвольте выслушать слово великое: позадумалось мнѣ во стольный градъ Кіевъ Богу помолитися, князю Владиміру поклонитися.» И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью. И возговоритъ отецъ съ матерью:—любимое наше дѣтище! на кого ты насъ старыхъ покидаешь? — И билъ челомъ Илья Муромецъ отцу съ матерью пуще того. И даютъ ему отецъ съ матерью благословеніе великое, а благословя, кладутъ на него заповѣдь крѣпкую, и говорятъ таковы рѣчи:—поѣзжай, наше любимое дѣтище, прямо на Кіевъ градъ, прямо на Черниговъ градъ. А будешь въ пути-дороженьки, берегись обиды напрасныя, не проливай крови христіянскія.—И принималъ Илья Муромецъ благословеніе, а принявши, чинилъ отповѣдь соблюдать заповѣдь крѣпкую.

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома, изъ того ли села Карачаева, была поѣздка богатырская, спаряжался большимъ

нарядомъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, а побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, и коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучна тугой лукъ.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ во темны лѣса, а во темныхъ лѣсахъ наѣхалъ онъ на бѣлы шатры, а во бѣлыхъ шатрахъ пиръ пировали станишники, по нашему воры-разбойники. И какъ взвидѣли воры-разбойники Илью Муромца, разгорѣлись ретивы сердца разбойничьи на коня богатырскаго, и стали промежь себя рѣчь держать:—кабы достать того коня богатырскаго? Экова коня слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, а вонѣсь проявился во очью, да и ѣдетъ на томъ конѣ незнамой человѣкъ. — И стали воры-разбойники возмущать вольницу: кабы достать коня богатырскаго? И облавили кругомъ Илью станишники, ограбити его стараго хотятъ, съ душой съ животомъ разлучить хотятъ. Какъ завидѣлъ то Илья Муромецъ, какъ завидѣвши, коня своего богатырскаго останавливаетъ, а самъ говоритъ: «а и гой еси вы, братцы, станишники! Убить меня стараго не за что, а взяти у стараго нечего.» Съ Ильею, вѣдь, денегъ не годилося, только было съ нимъ золотыхъ семь тысячей, да дробныхъ денегъ сорокъ тысячей. Коню подъ Ильею цѣны не было: броду онъ не спрашивалъ, а котора рѣка съ цѣлу версту, и онъ скачетъ съ берегу на берегъ. И сталъ Илья охранять себя съ душой съ животомъ. Разрушаетъ онъ заповѣдь великую, вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу: а стрѣлять хочетъ Илья не по станишникамъ, а по сыру дубу да по сырой землѣ. Сѣла была тетивка у его туга лука,

угодила стрѣла въ сыръ краковястой дубъ да въ сыру землю; изломала въ черенья въ ножевые дубъ, учала рвать землю въ косу сажень. Отъ того-ль грома богатырскаго станишники испугалися: а и пять они часовъ безъ ума лежатъ, а и будто отъ сна сами пробуждаются. Замѣшалися воры-разбойники, собиралися во единъ кругъ и падали на колѣна до едина: — Осударь ты нашъ батюшка, удалъ, добрый молодецъ! Не сонимай наши буйныя головы: прогрѣшилися мы предъ тобою. Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное, дадимъ рукописанье служить до вѣку. Бери изъ нашей казны злата и серебра, и платья разноцвѣтнаго.—«Глупые вы, воры-разбойники, возговоритъ Илья Муромецъ, куда мнѣ дѣвать вашу казну? Награжу васъ животомъ и жизнію, а вы содержите покорность до моего пріѣзда.»

И поѣхалъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропущаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, и побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И клалетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучна тугой лукъ.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, а конь подъ нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ черны грязи Смоленскія, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ ко Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья, во темны лѣса, а за темными лѣсами стоитъ чуденъ градъ Черниговъ. И поѣхалъ онъ, Илья, ко чудному граду Чернигову. Какъ учалъ онъ подъѣзжать ко граду Чернигову, а подъ градомъ Черниговымъ стоитъ сила басурманская, что и смѣты нѣтъ, а хочетъ та сила басурманская обложить Черниговъ градъ, и стѣны разломать, и извѣчные домы Божіи на дымъ пустить, а самого князя Черниговскаго съ воеводою жива во полонъ взять. И жаль стало Ильѣ Муромцу города Чернигова, и учалъ онъ, Илья, бить силу басурманскую. Копьемъ булатнымъ ко-

летъ онъ тыи темъ, мечемъ каленцемъ сѣчетъ онъ, что и смѣты нѣтъ. И до заката вечерняго побилъ онъ, Илья, силу басурманскую, полонилъ царя басурманскаго, и повелъ его во чуденъ градъ Черниговъ. На встрѣчу ему идутъ изъ града Чернигова князь съ воеводою, и всѣ посадскіе люди, старъ и малъ, съ хлѣбомъ съ солью. И пріимаютъ его добраго молодца подъ бѣлы руки и чествуютъ честью великою.

Не Днѣпръ рѣка выходила изъ своихъ береговъ: выходилъ, выступалъ Илья Муромецъ во чуденъ градъ Черниговъ; не буйны вѣтры во широкомъ полѣ подымалися: выходили, выступали добры молодцы, Черниговцы. Приходитъ Илья на княжой дворъ, а на княжемъ дворѣ на особицу стоятъ стары старики, а по другой конецъ стоятъ добры молодцы. И сталъ онъ Илья посередъ двора, а ставши, шапочку съ головы сонмывалъ, на всѣ ли четыре сторонушки кланялся, а кланявшись, молвилъ рѣчь великую: « А гой еси вы, люди добрые, православные! Кланяюсь вамъ и вашему городу Чернигову. Не посѣтуйте, православные, что зашелъ я во вашъ чуденъ градъ Черниговъ. Идучи на дѣло великое, во стольный градъ Кіевъ, изъ за лѣсу темнаго завидѣлъ я силу басурманскую, силу несмѣтную; а и жаль-то стало мнѣ васъ, люди добрые, что сила басурманская хочетъ васъ полономъ полонить. Отъ жалости силы прибавилось, отъ надсады сила басурманская удрогнула. Божіимъ велѣніемъ и молитвами угодниковъ вашъ чуденъ градъ Черниговъ отъ силы вражей сталъ ослобоженъ.» На томъ онъ, Илья, и рѣчь свою ставилъ. И кланялись они стары старики Ильѣ Муромцу до пояса, а молодые молодцы, Черниговцы, ниже того, а кланявшись, повели его, Илью, во терема княженецкія, ко тому ли князю Черниговскому. И входитъ онъ, Илья, во теремъ княженецкой, а теремъ изукрашенъ богачествомъ, а богачество полономъ полонено съ орды немирныя; а въ томъ теремѣ стоятъ столы бѣлодубовы со камсечками брусчатыми, а на столахъ лежатъ скатерти браныя, а на скамьяхъ ковры самоткапые; а на столахъ стоятъ ѣства сахарныя да питья медвяныя; а на скамьяхъ сидятъ князья, и бояре, и весь людъ почестной. Какъ вошелъ Илья во высокъ теремъ, онъ билъ челомъ князю Черниговскому до полу, кланялся по трирядъ, а кланявшись, молвилъ: « Осударь ты нашъ батюшко, стольный князь Черниговскій! Пріими со святой Руси Русскаго; пріими и пожалуй словомъ ласковымъ калику перехожаго; пріими немалы подарочки со родной земли.» И кланявшись

онъ, Илья, подавалъ стольному князю Черниговскому сорокъ соболей Закамскихъ. А и возговоритъ тутъ стольный князь Черниговскій: — а и кланяйтесь вы, князья и бояре, и весь людъ почестной каликѣ перехожему.—Вставали князья и бояре, и весь людъ почестной со скамеечки брусчатой, и кланялись на перво стольному князю Черниговскому, а за тѣмъ Ильѣ Муромцу. А и возговоритъ тутъ стольный князь Черниговскій: — Жалую тебя, Илья, съ Руси Русскаго, золотымъ перстнемъ; а и чевствую тебя честью великою на весь Черниговъ градъ, на все великое княжество Черниговское. А и будетъ, ты, Илья, пойдешь по городу по Чернигову, выбирай себѣ съ любка любое; а и будетъ, ты, Илья, поѣдешь по княжеству Черниговскому, выбирай себѣ, что придетъ по твоему сердцу ретивому. Пріимаю, Илья, твои дороги подарочки со родной земли, а и жалую тебѣ становой кафтанъ съ опушечкой соболиною. А и останься ты, Илья, въ Черниговѣ, и за то пожалую тебѣ боярство со всѣмъ твоимъ родомъ-племенемъ.—Какъ возговоритъ тутъ Илья Муромецъ: «Гой еси ты, нашъ батюшко, стольный князь Черниговскій! Велика милость Божья до вѣку, великъ твой подарочекъ княженецкой. Ѣду я во Кіевъ градъ князю Владиміру поклонитися. А на то на все я далъ великъ обѣтъ. Соизволь отпустить меня, осударь батюшка, свѣтлое солнышко Черниговское.»—Быть дѣлу такъ, какъ придумалъ ты, Илья Муромецъ,—молвилъ стольный князь Черниговскій. И пріимали его, Илью, князья и бояре подъ бѣлы руки и сажали его, Илью, за столы бѣлодубовы, за скатерти бранныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пошелъ пиръ и радость великая на весь Черниговъ градъ.

И послѣй пиру долгаго, послѣй радости великія, собирался Илья во путь во дороженьку. И провожали его, Илью, стары старики, и добры молодцы Черниговцы съ дорогіи подарочки, да съ хлѣбомъ съ солью.

И поѣхалъ Илья Муромецъ ко стольному городу ко Кіеву, тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно трицать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускаетъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго, а побиваетъ онъ, Соловей разбойникъ, и коннаго и пѣшаго не боевымъ боемъ, а своимъ свистомъ. И кладетъ Илья заповѣдь великую: проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вынимать изъ колчана калену стрѣлу, изъ налучна тугой лукъ.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ бедрамъ, и конь подъ нимъ осержается. А и самъ Илья на конѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ черны грязи Смоленскія, на тѣ мосты калиновы, ко той рѣкѣ ко Смородинѣ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣса Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія, и заѣхалъ онъ, Илья, во темны лѣса. И какъ будетъ Илья во темныихъ лѣсахъ, во темныихъ лѣсахъ во Брынскіихъ, наѣзжалъ Илья на девять дубовъ, а на тѣихъ дубахъ свилъ гнѣздо Соловей разбойникъ. Наѣзжаетъ онъ на Соловья разбойника. И какъ заслышалъ Соловей разбойникъ того ли тону конинаго, и тоя ли онъ поѣздки богатырскія, и засвисталъ Соловей по соловьиному, а во другой запищѣлъ разбойникъ по змѣиному, а въ третьи зрявкаетъ по туриному.

Со того ли свисту соловьинаго, со того ли шипу змѣинаго, со того ли зрявка туринаго, конь подъ Ильею спотыкается, поодаль со пути сбивается, ко гнѣзду ли соловьиному наѣзжается, а подъѣхавши, падалъ на кукорачь. Говоритъ тутъ Илья Муромецъ: «Ай ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ! Аль ты не бывалъ во пещерахъ бѣлокаменныихъ? Аль ты не ѣзжалъ во темныихъ лѣсахъ? Аль ты не слыхалъ свисту соловьинаго, шипу змѣйнаго, зрявку турпнаго?» А Соловей-то разбойникъ пустилъ свистъ во весь крикъ турпной, а и хочетъ онъ, Соловей, его, Илью Муромца, свистомъ до смерти убить.

Разрушаетъ Илья Муромецъ заповѣдь великую: вынмаетъ изъ палушна тугой лукъ, вынмаетъ изъ колчапа калену стрѣлу. Кладетъ Илья калену стрѣлу на тугой лукъ, и пускаетъ стрѣлу во того ли Соловья разбойника. Спѣла была тетивка у его туга лука, звыла да пошла колѣпа *) стрѣла. И угодила та стрѣла Соловью да во правой глазъ. Со того ли уразу молодецкаго повалился Соловей комомъ на сыру землю. Хватаетъ Илья Соловья на бѣлы руки, а сохвативши, привязываетъ его, Соловья, ко той лукѣ ко сѣдельныя. И проѣхалъ Илья сквозь воровску заставу крѣпкую, по той ли дорогѣ прямоѣзжей, котора залегла тридцать лѣтъ. Какъ и ѣдетъ-то онъ тѣмъ лѣсомъ

*) Калена.—*О.*

темнымъ, и завидѣлъ палаты бѣлокаменныя, того ли Соловья подворье великое. Какъ учалъ Илья подъѣзжать ко палатамъ бѣлокаменнымъ, вострепетали Соловей и забился, а забившись, учалъ молить его, Илью Муромца:—А и бери ты себѣ палаты бѣлокаменныя со великимъ подворьицемъ; а бери ты во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ злата и серебра и каменья самоцвѣтнаго сколько хошь. А и пусти животь на вспокаянье.—А Илья-то, братцы, удалъ молодецъ, онъ ѣдетъ ко подворьицу великому не спрошаючи, Соловьиной рѣчи не внимаючи.

И подъѣзжалъ Илья ко подворьицу великому. А и дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ, около двора желѣзной тынъ, а на всякой тынинкѣ по маковкѣ, а на всякой маковкѣ по головѣ богатырской. И завидѣла его поѣздъ Соловьева молода жена; а Соловьева-то молода жена была баба хитрая и умная, она взбѣгала на свои терема высокіе, и будила она девять сыновъ:—а и встаньте, обудитесь добры молодцы, а и девять сыновъ, мои ясны соколы! Не чуете вы бѣды надъ собой: вашего батюшку везетъ въ торокахъ незнамой человѣкъ. Вы берите скорѣй мои золоты ключи, отмыкайте вы мои окованы ларцы, вынимайте мою золоту казну, выносите золоту казну на широкъ дворъ, вы встрѣчайте удала добра молодца.—А и тутъ ея девять сыновъ просыпалися, просыпалися — закорачилися. Не берутъ у ней золоты ключи, не походятъ во подвалы глубокіе, не берутъ ея золотой казны, не встрѣчаютъ удала добра молодца, а худомъ свои думушки думаютъ: — А и намъ ли, братцы, возговорятъ Соловьевы дѣти, встрѣчать незнама мужика? А и намъ ли, братцы, дарить незнама мужика золотой казной? Оберемся, братцы, черными воронами со тѣми носы желѣзными; расклюемъ, братцы, незнама мужика, разбросаемъ его тѣло бѣлое во пустыимъ полямъ.—Задумали худомъ Соловьевы дѣти, а дѣла не смогутъ сдѣлать: старшей хоронится за моложева. Подъѣзжаетъ Илья Муромецъ ко подворьицу великому. Втапоры молода жена Соловьева бросилась ко воротичкамъ дубовымъ, сама молится, убивается:—гой еси ты, удалъ добрый молодецъ! Бери у насъ золотой казны сколько надобно; отпусти Соловья ко себѣ во дворъ; не вози Соловья во Кіевъ градъ.—А Илья-то, братцы, онъ удалъ молодецъ: онъ Соловьеву жену не слушаетъ, золотой казны не пріимаетъ; онъ Соловья ко себѣ во дворъ не пускаетъ. А его-то дѣти Соловьевы въ окошечки косящаты поглядываютъ, Илью Муромца на за-

доръ подзадориваютъ. Не долго думалъ онъ, Илья: оборотилъ коня, да и поѣхалъ прочь.

И выѣхалъ Илья Муромецъ во чисто поле, а выѣхавши, завидѣлъ попрыски богатырскіе, и на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ, Илья, коня по тучнымъ *), а конь подъ нимъ осержается. А самъ Илья на копѣ, какъ ясенъ соколъ. Конь его перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ пріѣхалъ ко дубровамъ дремучімъ, ко лѣсамъ заповѣданнымъ, ко тѣмъ лѣсамъ княженецкімъ. Проѣзжаетъ онъ лѣса заповѣданные, и скоро тутъ завидѣлъ Кіевъ градъ. Пріѣзжаетъ онъ во Кіевъ градъ.

Не вѣтры буйны во чистомъ полѣ подымалися: старъ и младъ во Кіевъ градъ сходилися ко тому двору, двору княженецкому, ко тѣмъ теремамъ златоверхімъ; не пески бѣлосыпучіе по широку полю пересыпалися: а удалы молодцы ко князю Владиміру собиралися на широкъ дворъ. Во тѣ-то поры веселья, во тѣ-то радости великія въѣзжаетъ онъ Илья на дворъ княженецкой, а средя двора княженецкаго сходитъ онъ съ добра коня, самъ привязываетъ добра коня ко дубову столбу. Вторыпоры выходилъ изъ терема воевода Кіевскій, тотъ ли Микула Микитичъ, а выходя со красна крылечка, говорилъ таковы рѣчи: — а и кто-ты таковъ, удалъ добрый молодецъ? Ты скажи, родимый: какъ зовутъ тебя по имени, какъ величаютъ по изотчеству? А и какъ ты пріѣхалъ сюда, во Кіевъ градъ? — Не долго думалъ онъ, Илья, да и молвилъ на крѣпко: «Калика перехожій, а пріѣхалъ поклонитися князю Владиміру.» И вводитъ его воевода Кіевскій во теремъ княженецкой. Входитъ онъ во гридню во свѣтлую, кланяется князю Владиміру со княгинею Апраксѣевною, на всѣ ли на четыре стороны. У него, осударя, у князя стольнаго Кіевскаго, былъ почестной пиръ, и на томъ пиру много было князей и бодръ, много сильныхъ могучіихъ богатырей. Возговоритъ князь Владиміръ, стольный князь Кіевскій:—а и кто ты таковъ, удалъ добрый молодецъ? Ты скажи: какъ звать тебя по имени, какъ величать по изотчеству? — Кланявшись, молвилъ онъ, Илья: «изъ того ли города изъ Мурома, изъ того ли села Карачаева, калика перехожій, Илья Муромецъ.» И подносили ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра. Принимаетъ онъ единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Возговоритъ Владиміръ стольный князь Кіевскій: — ты

*) Бедрамъ.—*О.*

скажись, молодецъ, кто твой родъ-племенъ? По роду тебѣ можно мѣсто дать, по племени пожаловати.—Отвѣчаетъ Илья: «не великъ мой родъ-племенъ, а почестенъ во міру: единъ былъ сынъ у батюшки, единъ сынъ у матушки, да и оба живутъ во селѣ Карачаевѣ, а и оба правятъ міромъ.»—Ты скажи, молодецъ: какъ поѣхалъ до стольнаго до города до Кіева? — «Ѣхалъ я тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, а не пропускалъ тотъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго.»

Втапоры во теремѣ пошла молва неудалая: на него то, Илью, косо посматриваютъ, про него-то, Илью, худомъ поговариваютъ. Говорятъ тутъ могучіе богатыри:—а и гой еси ты, ласковый Владиміръ князь Кіевскій, красное солнышко наше! Въ очахъ дѣтина завирается. А и гдѣ ему проѣхать тою дорогою прямоѣзжею? Залегла ли та дорога тридцать лѣтъ отъ того ли Соловья разбойника.—Говорилъ тутъ Илья Муромецъ: «Гой еси ты, осударь, Владиміръ князь! Кладу голову во неправдѣ; дай судъ со расправой на твоемъ широкомъ дворѣ, при старыихъ старикахъ. На передъ того посмотри на удаль калики перехожаго: привезъ я къ тебѣ, стольному князю Владиміру, Соловья разбойника на дворъ.»

Втапоры пошелъ онъ, великій князь, съ Ильею на широкъ дворъ смотрѣть на удаль калики перехожаго. Выходили тутъ князья и бояре, и всѣ сильны могучіи богатыри: Самсонъ богатырь Колывановичъ, Суханъ богатырь Домантьевичъ, Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой, и семь братовъ Збродовичи, еще мужики Залѣшане, еще два брата Хапиловы; а всѣхъ было тридцать молодцовъ безъ единаго. Идетъ Илья ко тому Соловью разбойнику, и уговариваетъ его, Соловья: «ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! посвисти, Соловей, по соловьиному, пошипи, змѣй, по змѣиному, зрявкай, звѣрь, по туриному, и потѣшь князя Владиміра съ княгинею Апраксѣевною.» Засвисталъ Соловей по соловьиному, оглушилъ онъ во Кіевѣ князей и бояръ; зашипѣлъ злодѣй *) по змѣиному, поморилъ онъ старыихъ стариковъ; зрявкалъ звѣрь по туриному, побилъ онъ молодыихъ молодцовъ. Со того-ли свиста соловьинаго князья и бояре испугалися, на корачкахъ по двору наползалися; а сильны-то могучіе богатыри на земь присѣдали, да и круто ходомъ побрашивали. И накурилъ Соловей бѣлы

*) Змѣй?—*О.*

несносимыя: добры кони со двора разбѣжалися, добры молодцы по улицамъ разходилися, молодыя молодушки и всѣ дочери отецкія по теремамъ пряталися; а и самъ Владиміръ князь едва живъ стоитъ, со душой княгиней Апраксѣевною. Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ князь:—а и гой ты еси Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника: а и эта-та шутка намъ не надобна. — И за то онъ, Илья, убилъ его, Соловья.

Высоко солнце восходило, выше лѣсу стоячева; широко вода въ Днѣпрѣ разливалася, по всѣмъ полямъ заповѣданнымъ: выходили изъ Кіева старъ и младъ посмотрѣть на поѣздку богатырскую. Снаряжалися, собиралися сильные могучіе богатыри—молодой Добрыня Никитичъ младъ да матеръ человѣкъ Илья Муромецъ. Добрыня-то, братцы, удалъ, ясенъ соколъ: онъ побилъ-погубилъ, побилъ-погубилъ Змѣя Горынчища, ослободилъ Кіевъ градъ отъ полону басурманскаго; а и не было ему, Добрынѣ, равнаго на сушѣ, а и не было сопротивника на морѣ. Илья-то, братцы, матеръ человѣкъ: онъ побилъ-погубилъ, побилъ-погубилъ Соловья разбойника, ослободилъ стольный градъ Черниговъ отъ полону басурманскаго; а и не было ему, Ильѣ, равнаго на сушѣ, а и не было ему противника на морѣ.

И поѣхали они могучіе сильны богатыри по дорожкѣ по пробойныя, ко тѣмъ ли горамъ желѣзнымъ, ко тому ли Окіану глубокому, ко тѣмъ ли лѣсамъ непроходимымъ. Ѣдутъ они день, ѣдутъ и другой, ѣдутъ и третій, а и нѣтъ имъ сопротивника во чистомъ полѣ, нѣтъ поборника по крутымъ берегамъ, нѣтъ повольника во темныхъ лѣсахъ. Прошло много дней, и много ночей, и идетъ имъ на встрѣчу Калѣчище перехожій. Гуня-то *) на Калѣчищу была во пятдесятъ пудъ, шляпа-то во девять пудъ, а костыль у Калѣчища въ косу сажень. Какъ завидѣлъ его Илья Муромецъ, а завидѣвши сталъ напущатися, а и хочетъ опробовать свою силу богатырскую. Возговоритъ тутъ Калѣчище перехожій:—не честь богатырская напущатися на Калѣчищу перехожаго; не хвала доброму молодцу побивать стара старика. Не чуешь и не вѣдаешь ты, Илья Муромецъ, что во стольномъ городѣ во Кіевѣ невзгодушка учинилася: появился самъ о себѣ силенъ богатырь,

*) *Гуна, гуня*, по разнымъ краямъ Руси: ветхая одежонка, рубище, заплатникъ; ветошь, отрепье; подлѣвка, парусинникъ, ветхій полушубокъ; рубаха, и т. д.—*О.*

Идолища нечестивой; голова-то у него со пивной котелъ, во плечахъ-то коса саженъ, промежъ бровей-то борозда со три пяди, промежъ ушей-то пройдетъ калена стрѣла; а ѣстъ-то онъ Идолища по цѣлу быку, а пьетъ-то онъ по пивному котлу. Скорбитъ тугою весь Кіевъ градъ; скорбятъ тугою добры люди, православные; скорбитъ тугою со тоскою стольный князь Кіевскій Владиміръ. Нѣтъ во Кіевѣ противника Идолищу поганому.—Возговоритъ тутъ Илья Муромецъ: «не скорбѣть бы тугою стольному городу Кіеву; не скорбѣть бы тугою православнымъ людямъ; не скорбѣть бы тугою со тоскою стольному князю Кіевскому Владиміру, кабы былъ во Кіевѣ Добрыня Никитичъ младъ. А и давай ты, Калѣчища, мнѣ свое платье.» И наряжался онъ Илья во калѣчищино платье.

Приходитъ онъ, Илья, во Кіевъ, приходитъ онъ, Илья, на широкой дворъ къ стольному князю Владиміру. Никто-то во Кіевѣ не вѣдаетъ, никто-то во Кіевѣ не знаетъ его, калѣчищу. Входитъ онъ, Илья, на княженецкой дворъ, а самъ кричитъ: «а и гой еси ты, стольный князь Кіевскій, ласковый осударь Владиміръ! Сошли мнѣ, калѣчищу перехожему, малу милостыню!» Втапоры увидалъ его, Илью, Владиміръ князь, а увидѣвши, таковы рѣчи говорилъ:—поди-ка во палаты теремныя: накормлю тебя яствой всякою, напою тебя сытой медовой, надѣлю золотой казной. — Идетъ онъ въ палаты теремныя, а во палатахъ теремныихъ сидитъ Идолище посередъ пола, а самъ проситъ пить-ѣсть:—А и кабы скорѣй быка жаренова?— Скоро кричалъ Идолище, скорѣй того несли во палаты теремныя быка жаренова. Не долго думалъ Идолище: съѣлъ того быка жаренова со всѣми костьми. Только и видѣли быка. Кричитъ Идолище:—А кабы скорѣй меду сыченова?— Скоро кричалъ Идолище, скорѣй того несли во палаты теремныя съ краями полны дубовы чаны меду сыченова. Не долго думалъ Идолище: схватилъ чанъ, да и выпилъ весь медъ за разомъ.

Во тѣ-то поры Илья Муромецъ стоялъ поодаль, а самъ на Идолище посматривалъ, посматривалъ да въ слухъ поговаривалъ: «экова Идолища до сыта не накормишь, до пьяна не напоишь; а кабы жить ему со звѣрьми, а кабы быть ему со собаки!» На тѣ-то слова извѣстныя колѣчище *) осержается, самъ на Илью воздымается:—гой еси ты, колѣчище перехожій! ты что

*) Идолище.—*О.*

по что̀ меня замаешь? Ужь и мнѣ ли, молодцу молодому, нечего и въ руки взять. Посвернулъ бы я голову и Ильѣ Муромцу, кабы онъ тутъ былъ. Не было на роду мнѣ сопротивника, не было на роду мнѣ окрутника; да и тебѣ ли, колѣчищу перехожему, призадумалося стать супротивъ меня? Ино добръ человѣкъ ты, ударь челомъ мнѣ, да и величай по имени и по прозванью.—Не успѣлъ Идолища домолвить словечушка, какъ Илья-то Муромецъ скидывалъ свою шапочку девяти-пудовую, а скидавши свою шапочку девяти-пудовую, окликалъ себя Ильею Муромцемъ, да и покрылъ Идолище своею шапочкою девяти-пудовою, а самъ приговаривалъ: «вотъ тебѣ, Идолище, челобитьице!» Подъ тою ли шапочкою девяти-пудовою Идолище и духъ испустилъ.

Втапоры стольный князь Кіевскій, Владиміръ осударь ласковый, вставалъ изъ-за дубоваго стола, а и сажалъ за столъ Илью Муромца. На его-то князя Владиміра ласки привѣтливыя, на его-то, осударя, слова вѣжливыя Илья билъ челомъ, а бивши челомъ, вымолвлялъ челобитьице немалое: «Гой еси, стольный князь Кіевскій, Владиміръ осударь ласковый! Спасибо на ласкахъ привѣтливыихъ, спасибо на словахъ вѣжливыихъ! Есть у тебя князья и бояре и сильны могучіи богатыри, а то-то мѣсто припасено для нихъ; а мнѣ ли, стару старику, пригоже и пригодаль быть.» Какъ тутo возговоритъ Владиміръ князь:—Во моемъ ли теремѣ есть почетъ про князей и бояръ, во моемъ ли изукрашеномъ есть почетъ про сильныихъ могучіихъ богатырей; а и нынѣ столъ меня *) про молодца Илью Муромца; ему-то у меня почесть и почетъ.—На тѣ-то слова вѣжливыя, билъ Илья князю Владиміру большимъ челобитьицемъ. Пошелъ столъ, пирушка великая про Илью Муромца.

Со той поры жилъ онъ Илья во Кіевѣ. Стары старики чтили его Илью большимъ почетомъ; молодые молодцы уряжали ему, Ильѣ, челобитьица. А живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.

А то старина, а то и дѣянье.

(Русскія Народн. сказки, г. Сахарова; С. П. Б. 1841 г.).

*

*) У меня.—*О.*

3 *).

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ, жилъ въ немъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичь. У него было любимое дѣтище Илья Муромецъ. Сидѣлъ онъ сидемь тридцать лѣтъ (а): то сталъ (б) онъ ходить на ногахъ крѣпко, и ощутилъ (в) въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ збрую ратную и копье булатное, и осѣдлалъ коня своего богатырскаго (г). Приходитъ къ отцу своему и матере, и сталъ у нихъ просить благословеніе: «государь мой (д) батюшка и матушка! отпустите меня въ славной градъ Кіевъ, Богу помолиться (е) и (ж) князю Кіевскому поклониться!» Отецъ и мать его даютъ ему благословеніе, и кладутъ на него заклятіе великое, и говорятъ такія рѣчи:—поѣзжай ты прямо на Кіевъ градъ, прямо на Черниговъ градъ, и на пути своемъ не дѣлай обиды (з), не проливай крови христіянской напрасно.—Илья Муромецъ принялъ у отца и матери благословеніе, со отцемъ и съ матерію прощатся (и), и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ въ темныя лѣса (і), что наѣхалъ на таборы разбойничи. И тѣ разбойники увидѣли Илью Муромца, и разгорѣлись у нихъ сердца разбойнически (к) на коня богатырскаго, и стали между себя (л) разговаривать, чтобы лошадь отнять, что «мы таковой (м) ни въ которыхъ мѣстахъ не видали (н), а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамой какой (о) человѣкъ.» И стали на Илью Муромца напущать человѣкъ по пяти (п) и по двадцати. И сталъ Илья Муромецъ останавливать (р) коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу, накладываетъ на ту-

---

*) Печатана съ лубочныхъ изданій, съ важнѣйшими разнорѣчіями; языкъ удержанъ, но измѣнено правописаніе. Принятая за текстъ, изъ сборника П. А. Безсонова, безъ году, самая старая; А.) оттуда же, безъ году, другаго изданія; Б.) оттуда же, печатанная въ 1852 году; В.) приведенная, до половины, г. Сахаровымъ въ изданіи «Русскихъ нар. сказокъ», 1841 г.; Г.) изъ сборника г. Аѳанасьева, изд. 2, 1858 г., подъ буквой а.).—*О.*

(а) Г., и какъ минуло тридцать лѣтъ.—(б) Б., и сталъ.—(в) Б., и очулъ.—(г) Г., коня добраго, богатырскаго.—(д) Г., государи мои.—(е) В., помолитися.—(ж) Г., а.—(з) Б., ты никакой не дѣлай обиды; Г., не дѣлай никакой обиды.—(и) Б., прощантся; Г., прощается.—(і) Б., въ темны лѣса; Г., во темны лѣса.—(к) Г., разбойническія.—(л) Б., между собою.—(м) Г., что такой лошади.—(н) Г., не видывали.—(о) Г., незнамо-какой.—(п) Г., по десяти.—(р) Б., и Г., остановлять.—

гой лукъ, и пустилъ (а) калену стрѣлу подъ землею (б), стала рвать въ косую сажень (в). И видя то, разбойники испугались (г), и собирались во единъ кругъ, и пали на колѣни, и стали говорить: — государь (д) нашъ батюшка, удалъ доброй молодецъ! виновати (е) мы предъ тобою; за нашу вину такую (ж) бери казны сколько угодно (з), и платіе (и) цвѣтнаго, и табуны лошадей сколько угодно. — Илья усмѣхнулся (і), сказалъ: « Некуды дѣвать. Но если хотите (к) живы быть, такъ впредь (л) не отважтесь! » И поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

Подъѣзжаетъ (м) ко граду Чернигову, и подъ тѣмъ градомъ (н) стоптъ войско босурманское (о), что ему и смѣты нѣтъ (п), и Черниговъ градъ осадить хотятъ, его вырубить (р), и Божіи церквы на дымъ пустить, а самого князя и воеводу Черниговскаго живыхъ въ полонъ взять. И той великой силѣ Илья Муромецъ ужаснулся (с); однако положился на создателя (т) своего Господа Бога, и вздумалъ положить главу свою за вѣру Христіянскую. И сталъ (у) побивать силу босурманскую копіемъ булатнымъ, и всю силу побилъ поганую, и царевича босурманскаго въ полонъ взялъ, и ведетъ во градъ Черниговъ. И встрѣчаютъ (ф) изъ града Чернигова граждане съ честію, идетъ самъ князь Виберскій (х) и воевода Черниговскій, принимаютъ добраго молодца съ честію, благодареніе Господу Богу возсылаютъ, что Господь прислa (ц) нечаянно граду очищеніе и не далъ всѣмъ напрасно погибнуть (ч) отъ таковой (ш) силы босурманскія. И взяли его въ палаты свои, и сотвориша велій пиръ, и отпустиша его въ путь свой (щ).

Илья Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей разбойникъ ровно

(а) Г., и накладываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ.—(б) Б., подъ землю; Г., по надъ землею.—(в) Б., и стала рвать на косую сажень; Г., калена стрѣла стала рвать на косую сажень.— (г) Г., испужались. — (д) Г., государь ты.— (е) Г., виноваты.—(ж) Г., и за такую вину нашу.—(з) Г., сколько надобно.— (и) Б., и Г., платья.— (і) Г., усмѣхнувшись.—(к) Б., Куды дѣвать? но если хотите; Г., Некуды мнѣ дѣвать! а если хотите. — (л) Г., впередъ. — (м) Б., ѣдетъ; Г., подъѣзжаетъ онъ. — (н) Г., Черниговомъ. — (о) Г., стоятъ войска басурманскія.—(п) Б., и Г., что и смѣты нѣтъ.—(р) Г., осадили и хотятъ его вырубить.—(с) Б., ужахнулся.—(т) Г., на волю Создателя.— (у) Г., и сталъ Илья Муромецъ.—(ф) Г., Встрѣчаютъ его.—(х) Б., Кіевскій; Г., самъ князь.— Конечно это ошибка вмѣсто Сиверскій, Сѣверскій. — (ц) Г., прислалъ. — (ч) Б., и Г., погибнути.—(ш) Г., отъ такой.—(щ) Г., въ путь.—

тридцать лѣтъ, не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а убивалъ не оружіемъ, но своимъ разбойничимъ свистомъ. И выѣхалъ въ чистое поле (а), и увидѣлъ попрыски богатырскіе, и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ грязи тоучія, на мосты (б) калиновы, и къ той рѣкѣ Смородинкѣ. И Соловей разбойникъ послышалъ себѣ кончину и безчастіе великое, и, не допуская Илью Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойничимъ (в) крѣпко. Но богатырское сердце не устрашилось. И, не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ громче того: и съ того свисту подъ Ильею Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ (г) подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ: и Соловей разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ святорускаго (д) богатыря, и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ (е) убить до смерти. Илья Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, и накладываетъ калену стрѣлу, и пускаетъ на то гнѣздо (ж) соловьиное, и попалъ въ правой глазъ, и вышибъ вонъ, и Соловей разбойникъ свалился съ гнѣзда (з), что (и) овсяной снопъ. Илья Муромецъ беретъ Соловья разбойника, привязалъ его крѣпко къ стременамъ булатнымъ (і), и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. И на пути стоятъ палаты Соловья разбойника; и какъ поровнялся Илья Муромецъ противъ палатъ разбойничихъ (к), у которыхъ окны растворены (л), и въ тѣ окны смотрѣли разбойничи (м) дочери; увидѣла (н) меньшая дочь и закричала сестрамъ своимъ: «вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ (о) къ намъ мужика, привязаннаго къ стременамъ булатнымъ (п)!» А большая (р) посмотрѣла, и заплакала горько:—это не батюшка нашъ ѣдетъ, а ѣдетъ незнамой какой-то (с) человѣкъ и ведетъ (т) нашего батюшку!—И закричала мужьямъ своимъ (у):—мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику на встрѣчу и отбейте у него нашего батюшку! не кладите нашъ ролъ въ такомъ позорѣ! — Мужья ихъ сильные богатыри, и поѣхали противъ святорускаго богатыря (ф),

(а) Г., Выѣхалъ Илья М. въ чисто поле; Б., въ чисто поле.—(б) Г., на тѣ мосты,—(в) Г., разбойническимъ.—(г) Г., Илья М.—(д) Г., свѣторусскаго.—(е) Г., Илью Муромца.—(ж) А., въ гнѣздо.—(з) А., изъ гнѣзда.—(и) А., какъ.—(і) Г., къ стремени булатному.—(к) Б., и Г., разбойническихъ.—(л) Г., были растворены.—(м) Г., три.—(н) А., увидала; Г., увидѣла его.—(о) А., ведетъ.—(п) Г., у стремени булатнаго.—(р) Б., и Г., дочь.—(с) А., незнакомой какой-то; Г., незнамо-какой.—(т) Г., везетъ.—(у) Г., И закричали онѣ мужьямъ своимъ.—(ф) Г., Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали... свѣторусскаго.—

кони добрые и копія острыя (а), и хотятъ Илью на копіяхъ поднять. И увидѣлъ (б) ихъ Соловей разбойникъ, и сталъ говорить: «Зятья мои! не позорьте (в) и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобъ и вамъ (г) не принять отъ него смерти; лутче съ покорностію (д) просите въ домъ мой его (е), выпить по чарѣ (ж) зелена вина.» По просьбѣ зятей поворотилъ (з) въ домъ, не вѣдая ихъ злобы, что большая дочь (и) подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, его (і) пришибить. Илья (к) усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ копіемъ, ушибъ до смерти (л).

И какъ пріѣхалъ (м) въ Кіевъ градъ, въѣзжаетъ прямо на княжескій (н) дворъ, входитъ въ палаты бѣлокаменны (о), Богу молится и князю кланяется. Князь Кіевскій спрашивалъ (п): — Скажи, добрый молодецъ, какъ тебя зовутъ, изъ котораго города урожденецъ (р)? — «Меня, государь, зовутъ Илюшкою (с), а по отечеству Ивановъ, урожденецъ (с) города Мурома, села Карачарова.» Князь спрашивалъ (т):—Которою дорогою ѣхалъ (у) изъ Мурома? — «На Черниговъ градъ, и подъ Черниговымъ побилъ войско босурманское (ф),— смѣты нѣтъ (х), и очистилъ Черниговъ градъ, и оттуда поѣхалъ прямою дорогою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья разбойника, котораго привелъ съ собою (ц) у стремени булатнаго.» Но князь, осердясь, сказалъ (ч): —Что ты обманываешь!—И какъ это услышавъ (ш) богатыри, Алеша Поповичъ да (щ) Добрыня Никитичъ, бросились (ъ) смотрѣть, и увѣрили князя (ы), что справедливо: такъ и приказалъ князь (ы) подпести чару (ь) зелена вина доброму молодцу. Князю захотѣлось разбойническаго свисту послушать. Илья князя съ кня-

---

(а) Г., кони у нихъ добрые, копья острыя.— (б) А., и увидѣлъ.— (в) Г., Зятья мои милые, не позорьтесь вы.—(г) Г., чтобъ всѣмъ вамъ.—(д) Б., покорно.—(е) А., въ домъ мой; Г., попросите его въ домъ мой.—(ж) Б., и Г., чару.—(з) Б., и оборотилъ; Г., поворотилъ Илья.— и) Г., не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь —(і) Г., чтобъ его.—(к) Г., Но Илья.— (л) Б., и ушибъ ее до смерти; Г., и ушибъ до смерти.—(м) Г., Илья Муромецъ.—(н) Г., княженецкій.—(о) Г., бѣлокаменныя.— (п) Г., спрашиваетъ.— (р) Г., и изъ котораго города ты уроженецъ? Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ.—(с) Г., Ильюшкою; уроженецъ. — (т) А., спрашалъ; Б., спрашивать; Г., спрашиваетъ. — (у) Г., ты. — (ф) Г., войска басурманскія. — (х) Г., что и смѣты нѣтъ. — (ц) Г., и привелъ его съ собою. — (ч) Б., осердился, сказалъ; Г., князь, осердясь, сказалъ. — (ш) Г., какъ услышали это. — (щ) Г., и.— (ъ) Г., они бросились.— (ы) Б., и княгиню; Г., и, увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь.—(ь) Г., кубокъ.—

гинею оберпулъ въ шубу соболью, и поставя (а) подъ мышки, и призвалъ Соловья, приказалъ въ полевиста засвистѣть (б). А Соловей разбойникъ засвисталъ во весь разбойничій (в) свистъ, и поглушилъ (г) богатырей такъ, что упали (д) на полъ. И за то его убилъ (е).

Илья Муромецъ назвался съ Добрынею Никитичемъ братьями, и осѣдлали (ж) своихъ добрыхъ коней, и поѣхали въ чисто поле (з) гулять, и ѣздили ровно три мѣсяца, не нашли себѣ сопротивника. Только ваѣхали въ чистомъ полѣ, идетъ Колѣчища прохожій; гуня на немъ въ пятьдесятъ пудъ, шляпа въ девять пудъ, костыль въ сажень (и). Илья Муромецъ сталъ на него напущать (і) и хочетъ отвѣдать (к) своей силы богатырскія. И увидалъ (л) Колѣчища прохожій Илью Муромца, и говоритъ: «Ой еси ты (м) Илья Муромецъ! Помнишь ли, мы съ тобой въ одной школѣ грамотѣ учились? А нынѣ ты на меня, такова калѣку, напускаешь (н), какъ на нѣкого (о) непріятеля! А того ты не вѣдаешь, что въ славномъ городѣ Кіевѣ великая невзгодушка учинилась: пріѣхалъ невѣрной сильной богатырь Идолища нечестивой; голова у него съ пивной котелъ, въ плечахъ сажень, промежъ бровми пядь, промежъ ушей калена стрѣла; а ѣстъ онъ по быку, а пьетъ (п) по котлу; и князь Кіевскій вельми соболѣзнуетъ о тебѣ, что ты его въ эдакой печали оставилъ.»

И нарядись Илья Муромецъ въ колѣчищино платье, идетъ прямо на княжеской дворъ (р), и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Ой еси ты, Кіевскій князь! Сошли мнѣ колѣчищу прохожему милостину (с)!» И увидѣлъ его князь, и говоритъ таковыя рѣчи (т):—Поди ко мнѣ въ палаты (у), я тебя накормлю, и напою (ф), и золотой казны на дорогу дамъ. — И пошелъ (х) колѣчища въ полаты, и сталъ у печки (ц), поглядываетъ: Идолища проситъ ѣсть, и принесли ему быка

(а) Г., поставя ихъ; подхватя.—(б) А., засвистать; Б., и Г., засвистать соловьемъ.—(в) Г., разбойнической.— (г) Г., оглушилъ.—(д) Г., что они упали.— (е) Г., Илья М.— (ж) Г., они.— (з) Г., въ чистыя поля.— (и) Г., въ десять саженъ (!).—(і) Г., коня напущать.—(к) Г., съ нимъ.—(л) А., и Б., увидѣлъ; Г., увѣдалъ.—(м) Г., ой ты еси.— (н) Г., коня.— (о) А., Б., и Г., нѣкоего.—(п) Г., пьетъ онъ.—(р) А., и нарядясь; Б., и нарядися; Г., нарядясь въ калечищино платье, ѣдетъ (!) Илья Муромецъ прямо на княженецкой дворъ.— (с) Б., и Г., милостыню.—(т) Б., и Г., такову рѣчь. — (у) Г., калечища!— (ф) Г., напою.—(х) Б., и Г., вошелъ.—(ц) Г., у печи.—

цѣлаго жареная (а), и онъ его съ костми съѣлъ (б); и Идолища попросилъ пить (в), и принесли котелъ пива, а несли двадцать (г) человѣкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ его весь. Илья Муромецъ говоритъ: «Была у моего батюшки кобыла обжорливая (д), обожралась и издохла!» И Идолища не утерпѣлъ, и говоритъ:—Ой еси ты, колѣчища прохожіе (е)! Что ты меня замаешь (ж)? Мнѣ нечего тебя и въ руки взять! Не то (з), что ты,—каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы и съ тѣмъ стычку далъ!—«Да вотъ онъ каковъ (и)!», и схватилъ съ себя шляпу, и ударилъ его въ голову тихонько, только прошибъ стѣну полатъ; и взявши туловище, тудажъ выкинулъ (і). И за то князь Илью Муромца великами (к) похвалами пропзносилъ (л), и причелъ въ сильные могучіе богатыри.

(Ср. замѣчательную сказку, къ сожалѣнію въ отрывкахъ, изъ рукописи XVIII в., въ собраніи Пар. Р. сказокъ г. Аѳанасьева, вып. I, изд. 2, 1838 г., стр. 58—61).

—

Мощи Ильи Муромца почиваютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ Преподобнаго Антонія, именуемой Ближнею; память совершается 19 Декабря; служба общая съ другими Печерскими угодниками *).

—

(а) Б., и Г., жирнаго. — (б) Б., и Г., а онъ его и съ костьми съѣлъ. — (в) Б., и Г., Идолища проситъ пить.—(г) Б., двадцать семь; Г., разнорѣчія: двадцать; двѣнадцать; двадцать семь. — (д) Б., обожлива; Г., обжорлива. — (е) А., и Б., прохожей; Г., прохожій.— (ж) А., задѣваешь.—(з) Г., ни то.— (и) Г., сказалъ Илья Муромецъ (!).—(і) А., и взялъ Идолище, тудажъ выкинулъ; Б., взялъ туловище, тудыжъ выкинулъ; Г., и взялъ туловище (Идолищино) — туда жъ выкинулъ.— (к) А., Б., и Г., великими. — (л) Б., и Г., почтилъ.

*) См. Описаніе Кіевопечерской Лавры, Краткое изъявленіе о двухъ пещерахъ, и друг.—*О.*

I.

ЗАМѢТКА.

Порядокъ, въ которомъ размѣщены пѣсни настоящаго выпуска и принято размѣщать ихъ во всемъ послѣдующемъ изданіи пѣсень Былевыхъ, установленъ по мысли П. А. Безсонова, который нашелъ необходимымъ примѣнить его еще въ то время, когда, при жизни П. В. Кирѣевскаго, и особенно послѣ смерти его, разбиралъ для изданія Былевыя пѣсни его Сборника.

Основанія этого порядка слѣдующія:

При изученіи Былевыхъ пѣсень русскихъ, славянскихъ, и какихъ бы то ни было, касающихся одного дѣйствующаго лица (героя.), непремѣнно обозначается извѣстное количество его дѣяній или подвиговъ, обозначается въ области народнаго творчества, нисколько не зависимо отъ значенія историческаго. Такъ, относительно Ильи Муромца, опредѣляются по пѣснямъ слѣдующія *ступени* его жизнедѣятельности: воспитаніе силъ въ дому родительскомъ и первый выѣздъ изъ него; первая поѣздка и битва на Сафатъ-рѣкѣ; встрѣча на дорогѣ въ Кіевъ съ разбойниками и спасеніе Чернигова; борьба Ильи съ Соловьемъ и пріѣздъ ко Владиміру; подвиги на службѣ Владиміру, и т. п. — Сообразно этимъ ступенямъ, пѣсни дѣлятся на *разряды*; каждый разрядъ однородныхъ пѣсень беретъ своимъ главнымъ содержаніемъ ту или другую минуту, тотъ или другой подвигъ, иногда и нѣсколько, но непремѣнно съ однимъ или двумя главными, наиболѣе развитыми. Это дѣленіе *первое*: въ немъ все количество пѣсень *распадается* по извѣстнымъ точкамъ дѣленія; но здѣсь нѣтъ еще порядка *послѣдовательнаго*.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, можно подмѣтить, что ступени подвиговъ и явленій въ жизни лица дѣйствующаго слѣдуютъ *одна за*

другою; предъ взоромъ опредѣляется та, которая идетъ прежде и которая послѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльные разряды пѣсень естественно становятся уже въ порядокъ *послѣдовательный*, размѣщаются одинъ за другимъ, — и вотъ дѣленіе *второе*, распредѣленіе самихъ уже разрядовъ. Такъ, напримѣръ, пѣсни о подвигахъ Ильи на службѣ князю странно уже было бы ставить прежде его борьбы съ Соловьемъ, совершившейся на дорогѣ ко Владиміру, и т. п.

Такимъ образомъ, послѣдовательное размѣщеніе отдѣльныхъ разрядовъ устанавливается на слѣдующихъ *общихъ основаніяхъ*:

а., Сначала тѣ пѣсни, которыя начинаютъ раньше, съ явленій или подвиговъ самыхъ раннихъ и первыхъ въ жизни лица дѣйствующаго, но за то и раньше кончаются.

б., Далѣе тѣ, которыя, восхѣвая или нѣтъ начало дѣятельности, — все равно, — останавливаются съ преимущественною полнотою на подвигахъ среднихъ, выставляя ихъ всего болѣе на видъ многочисленными подробностями.

в., Потомъ тѣ, которыя, обозрѣвая или нѣтъ всю жизнедѣятельность, хватаютъ въ ней всего далѣе, къ заключенію или концу подвиговъ.

г., Вообще, чѣмъ полнѣе пѣсня *извѣстнаго разряда*, тѣмъ ближе она *къ его концу*, какъ общій обзоръ разбитыхъ частностей; но, разумѣется, если найдется пѣсня самая полная, обнимающая *всю жизнь лица*, съ начала до конца, то ея мѣсто въ разрядѣ конечномъ, въ заключеніи, гдѣ собирала бы она въ одинъ строй всѣ предшествующіе отрывки.

д., Наконецъ, какъ прибавка, слѣдуютъ пѣсни, гдѣ уже не очерчивается жизнь лица по извѣстнымъ, опредѣленнымъ ея ступенямъ, гдѣ нѣтъ изображенія, а выражается одно воспоминаніе, хранится одно имя, готовое легко уступить мѣсто любому имени другому, и даже лице, полное самостоятельной жизни, превратить въ безъименнаго удальца или мо́лодца.

Такое размѣщеніе Былевыхъ пѣсень при изданіи имѣетъ, кажется, ту выгоду, что не вдается въ область отвлеченную, не становится на точкѣ личнаго вкуса, не ввѣряется эстетической теоріи, но держится крѣпко почвы жизненной, держится *были*, какъ существеннаго содержанія пѣсни. Конечно, здѣсь могутъ быть, и даже неизбѣжны, нѣкоторыя передержки, нѣкоторыя неключительныя пѣсни,

колеблющіяся между наброшенными рамами: но это недостатки, свойственные каждому распредѣленію, и наше размѣщеніе, избѣгая рѣзкой строгости, имѣетъ въ замѣнъ того неоспоримую выгоду, — сообщаетъ нить, при которой художественный взглядъ можетъ возсоздать жизнь богатыря или мо́лодца одною цѣльной и послѣдовательной эпопеею.

Прилагая эти основанія *въ частности* къ предлежащему выпуску, получаемъ:

Разрядъ I-й. Пѣсня, занимающая въ немъ первое мѣсто, есть самая первая быль въ жизни Муромца. Она застаетъ его еще *сидне́мъ, въ отцовскомъ домѣ.* Но, поступая далѣе, вмѣстѣ съ 5-ю другими, она представляетъ сущностью всего разряда — *первый выѣздъ Ильи и битву на Сафатъ рѣкѣ.* Битва происходитъ съ *Татарченкомъ-бусурманченкомъ*; онъ же здѣсь *Борисъ Козловъ* и *Борисъ Збутъ королевичъ.* Какъ событіе другой поры дѣятельности, относящееся собственно къ подвигамъ Добрыни и отчасти Алеши Поповича, вторгается въ этотъ разрядъ посторонній разсказъ о встрѣчѣ съ *Разъѣздно́ю-Походно́ю дѣвицей* и съ *бабой Горынинкой* (*Бабища*-эта появляется и послѣ, см. 1-ю пѣсню V-го разряда). Но Збутъ стоитъ явно въ сторонѣ еще отъ Кіева, вдали отъ подвиговъ Ильи на службѣ Владиміру: онъ замыкаетъ какіе-то намеки на *личныя* отношенія Ильи Муромца. Пѣсня 5-я смѣшиваетъ подвигъ со службою Владиміру, и потому ея начало, до борьбы со Збутомъ, именно *примѣшано* сюда, а на своемъ мѣстѣ было бы въ разрядѣ IV-мъ (см. ниже).

Разрядъ II-й, своею сущностью, очерчиваетъ путь *Ильи изъ отцовскаго дому въ Кіевъ* и первыя событія на этомъ пути — *выборъ дороги*, главную битву — *съ разбойниками*, и *спасеніе Чернигова.*

Въ *Разрядѣ III-мъ* продолжается *путь Ильи.* Пѣсни, сюда вошедшія, начинаютъ очень рано, съ выѣзда Ильи изъ отцовскаго дому, но путь его ведутъ всѣхъ далѣе: онъ уже *борется здѣсь съ Соловьемъ разбойникомъ* и вслѣдъ за тѣмъ *пріѣзжаетъ ко Владиміру.* Борьба съ Соловьемъ и пріѣздъ въ Кіевъ, — вотъ сущность разряда, наиболѣе въ немъ развитая.

Разрядъ IV-й — это *подвиги Ильи на службѣ Владиміру.*

или, собственно, одинъ главный подвигъ, очерченный 1-ю пѣснію сего разряда, превосходною пѣснею изъ Сборника П. В. К., какъ борьба съ *Жидовиномъ* *). Черты этаго страшнаго богатыря, противъ котораго не устоялъ никто кромѣ Муромца, тамъ и сямъ разбросаны по пѣснямъ; въ 3-й пѣсни того же разряда онѣ переведены на *Тугарина*, хотя здѣсь битва жены за мужа есть отзывъ сторонній, изъ жизни другихъ богатырей. Но, какъ 5-я пѣсня I-го разряда, помянутая выше, передъ борьбою со Збутомъ вставила начало, идущее собственно къ разряду IV-му, къ описанію службы Владиміру, такъ 2-я пѣсня IV-го разряда, совершенно на оборотъ, передавши всю первую половину правильно, какъ битву богатырей на заставѣ съ страшнымъ похвальщикомъ, примѣшала сюда, во второй половинѣ, *Збута*, и, вслѣдствіе того, разыгравшись по пути увлеченія, внѣ очертаній, извѣстныхъ изъ жизни Муромца, заставила сына убить мать, а отца звѣрски прикончить сына. Явно, это безцѣльное убійство, несообразное съ характеромъ Ильи, есть собственно удѣлъ *не Збута*, а *страшнаго богатыря*, встрѣченнаго на богатырской заставѣ.

Разрядъ V-й имѣетъ своею сущностію, опять *на службѣ Ильи Владиміру, спасеніе Кіева* отъ нашествія одного изъ тѣхъ народцевъ, выходцевъ съ Востока, которые въ то время то и дѣло грозили государству, слагавшемуся на югѣ Руси. Пѣсни называютъ предводителей этихъ полчищъ то *Калиномъ* (Кулинъ), то *Мамаемъ*, и прочими восточными именами.

Разрядъ VI-й, заключительный, представляетъ *исчезновеніе* (не говоримъ — смерть) *Ильи Муромца*. Обѣ пѣсни, сюда вошедшія, равно замѣчательны. Первая, изъ Шенкурска, есть почти единственная, какую только можно назвать полною, съ началомъ и концемъ, съ разсказомъ о всей богатырской дѣятельности Ильи Муромца. Правда, въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ подвиговъ, извѣстныхъ по другимъ пѣснямъ, но за то есть и такіе, которыхъ нѣтъ тамъ. Уже по тому самому она заслуживала мѣсто здѣсь, какъ сосредоточивающая и собирающая отрывки другихъ пѣсень въ одну

---

*) Блестящія соображенія о значеніи этого богатыря высказаны были нѣкогда А. С. Хомяковымъ, нынѣшнимъ Предсѣдателемъ Общества, въ Московскомъ Сборникѣ, 1852 г., въ Предисловіи къ пѣсни, отпечатанной тогда изъ собранія П. В. К.

полноту. Но, главнымъ образомъ, она не только собираетъ, она ведетъ и къ заключенію: въ ней Илья *исчезаетъ*. По основѣ, она не уступаетъ другимъ въ древности: но по обработкѣ, хотя и чисто народной, по уряду, она явно позднѣйшая, и позднѣйшія обстоятельства русской жизни оказали на нее замѣтное вліяніе. Владиміръ здѣсь называется уже Царемъ; его и Илью водятъ слуги подъ руки, — обрядность, какою пѣсни не окружаютъ дворъ Владиміра; онъ встрѣчаетъ Илью названіемъ «сельщины и деревеньщины»; даже убѣдившись въ силѣ его богатырства, сажаетъ его только «по край стола, по край скамьи»; самъ Илья является съ непривычной гнѣвностію и раздражительностію, даже жестокостію. Онъ видитъ хорошо, какъ его приняли, и на предложеніе служить воеводою, встаетъ и объявляетъ: «не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть, не хочу я у васъ воеводой жить; на пріѣздѣ гостя не употчивали, на поѣздинахъ не учествовали; эта ваша мнѣ чéсть не въ честь», и, съ этими словами, избиваетъ всѣхъ вокругъ до послѣдняго; только царь за печку задвинулся, собольей шубой закинулся. Илья исчезаетъ: «Илья-то тутъ и былъ и пѣтъ, пѣтъ ни вѣсти ни повѣсти, ныпѣ и до́ вѣку». Чувствуется живо, какъ сходитъ онъ съ поприща внѣшнихъ дѣйствій и уходитъ внутрь народнаго сознанія, гдѣ теряется съ своимъ именемъ, но продолжаетъ творить какъ сила внутренняя. И конечно въ самомъ Ильѣ, по преимуществу образѣ народа, народъ начерталъ свою собственную исторію, въ ту пору, когда уходилъ съ поля внѣшней дѣятельности во внутреннюю область глубокаго сознанія. — Вторая пѣсня почти такая же, но съ новымъ еще оттѣнкомъ. Она также значительно полна, но съ половины круто поворачиваетъ къ заключенію и даетъ Ильѣ огромныя богатства, чтобы заставить его строить «церкву Пещерскую». Онъ сдвигаетъ громадный камень, сходитъ *въ глубь*—и здѣсь каменѣетъ, строя церкву въ пещерѣ. Онъ исчезаетъ изъ внѣшняго міра также точно, какъ въ пѣсни первой; но исчезаетъ съ тою особенностью народнаго воззрѣнія, которая дала ему мѣсто въ пещерахъ Кіевскихъ и чтитъ его мощи. Изъ государства переходъ къ церкви; изъ богатырства выходъ къ святости; изъ Былевой пѣсни къ Стиху. И пѣсня кончается многознаменательнымъ выраженіемъ, употребительнымъ лишь въ Стихахъ: «да къ тому-то стиху и славы поютъ.»

Разрядъ VII-й есть собственно *добавочный* къ предыдущимъ. Здѣсь прекращаются живыя черты дѣятельности Ильи Муромца, и

является уже не *образъ* его, столь знакомый по извѣстнымъ подвигамъ, а простое *воспоминаніе* о немъ. Пѣсня 1-я воспоминаетъ, что Илья *умеръ*; 2-я разсказываетъ, что *о немъ поютъ*; 3-я и 4-я вставляетъ *имя Ильи* тамъ, гдѣ можно бы вставить и всякое другое, и даже просто обойтись безъ имени, хотя въ послѣдней и есть нѣкоторое кажущееся сходство съ 3-й пѣснею I-го разряда; наконецъ 5-я, употребляя выраженія, близкія къ 1-й пѣсни II-го разряда и къ другимъ того же рода, выставляетъ безцвѣтный подвигъ, равно свойственный всякому богатырю и ничего не прибавляющій къ самому Муромцу. Здѣсь-то переходъ къ пѣснямъ, которыя назвали мы *Безименными*.

Таково примѣненіе общихъ основаній къ размѣщенію пѣсень настоящаго выпуска. Но при этомъ встрѣтилась еще *третья* особенность, нѣсколько видоизмѣнившая послѣдовательный порядокъ пѣсень. *Съ одной стороны*, естественно, пѣсни, собранныя П. В. К., помѣщены въ каждомъ разрядѣ *непремѣнно сначала*, а за тѣмъ уже изъ другихъ печатныхъ изданій; исключеніе за однимъ II-мъ разрядомъ, въ которомъ, о борьбѣ съ разбойниками, сперва идутъ пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, съ выдержками изъ другихъ изданій, а потомъ, подъ № 7-мъ, снова взята (сводная) пѣсня у г. Кирѣевскаго, ибо она переноситъ дѣйствіе съ путь-дороги на море и корабль; для разряда же V-го и VI-го, къ сожалѣнію, вовсе не найдено у Собирателя никакой подходящей пѣсни *). *Съ другой стороны*, пѣсни изъ сборника Кирши Данилова, до сихъ поръ столь замѣтно отличныя отъ прочихъ, издававшихся и издающихся, принято печатать, какъ полагалъ и П. В. К., *не иначе, какъ въ концѣ* каждаго разряда. На сколько, при этихъ новыхъ двухъ условіяхъ, выдержана правильность въ размѣщеніи пѣсень, покажутъ послѣдствія и успѣхи столь труднаго дѣла.

На конецъ, говоря о распредѣленіи пѣсень перваго выпуска сообразно содержанію самой были, нельзя не замѣтить, что Сказки, по-

*) Вообще настоящій выпускъ изобилуетъ дополненіями изъ другихъ печатныхъ изданій: отчасти къ сожалѣнію, ибо это почти подавляетъ долю самого Сборника, чего не будетъ впослѣдствіи; отчасти къ лучшему, ибо это обстоятельство доказываетъ, какъ успѣшно, послѣ самоотверженнаго и никогда неединаго подвига П. В. Кирѣевскаго, двинулась наша наука на пути изученія народности и собранія народныхъ пѣсень.

мѣщенныя въ нашихъ Приложеніяхъ, дополняютъ дѣятельность Ильи Муромца еще новою особою чертою: это *борьба Ильи съ поганымъ Идолищемъ*, о которомъ молчатъ пѣсни, вѣроятно разбрасывая черты его по другимъ врагамъ Муромца.

—

II.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

К. С. Аксакова.

Въ дѣтствѣ я не разъ слыхалъ разсказы объ Ильѣ Муромцѣ, и изъ того, что сохранила моя память, есть нѣкоторыя подробности и особенности, которыя, сколько мнѣ извѣстно, не находятся, вовсе, или по крайней мѣрѣ не въ томъ видѣ, въ пѣсняхъ и сказкахъ, и которыя передать во всеобщее свѣдѣніе, кажется мнѣ, будетъ не лишнимъ.

Разсказъ начинается, какъ обыкновенно, съ того, что Илья Муромецъ сидѣлъ сидемъ тридцать лѣтъ. — Однажды, когда отецъ и вся семья его были на работѣ, приходятъ къ нему двое старцевъ и говорятъ: «Илья Муромецъ, принеси намъ напиться.» — Илья отвѣчаетъ, что онъ встать на ноги не можетъ, и вотъ тридцать лѣтъ сидитъ сидемъ. «Встань и принеси,» говорятъ ему старцы.— Илья Муромецъ всталъ и принесъ ведро воды старцамъ.— «Выпей самъ,» говорятъ они ему.—Илья выпилъ.—«Что ты въ себѣ слышишь,» спрашиваютъ его. — Слышу большую силу, отвѣчаетъ Илья *). «Поди принеси еще ведро,» говорятъ старцы.— Илья приноситъ.— «Выпей!» — Илья выпиваетъ. —«Что ты теперь слышишь въ себѣ,» спрашиваютъ старцы. — «Еслибъ ввернуть кольцо въ землю, отвѣчаетъ Илья: то я бы всю землю перевернулъ **).» —«Это много, го-

*) Мнѣ помнится, онъ опредѣлилъ эту силу тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать,—но чѣмъ, я навѣрное не помню; какъ будто тѣмъ, что онъ вырветъ дерево съ корнемъ.

**) Помнится и такой отвѣтъ: «еслибъ утвердить столбъ отъ земли до неба, то я бы этотъ столбъ повернулъ.»

воритъ старцы, поди принеси еще ведро.»— Илья принесъ. — «Выпей.»— Илья выпилъ, и силы въ немъ поубавилось *). — «Довольно тебѣ этой силы,» сказали старцы, и ушли.— Илья всталъ и пошелъ къ своимъ на работу. Какъ только увидали его, такъ закричали, въ изумленіи: «смотрите-ка: Илья идетъ **)!» —

Когда Илья, взявъ благословеніе у отца и матери, пустился въ путь, по направленію къ Кіеву, то, слѣдуя берегамъ Оки, встрѣтилъ онъ въ узкомъ мѣстѣ богатыря (помнится, Зюзю, по имени), который одинъ тащилъ разшиву. «Съ дороги!» кричалъ богатырь. Обидно показалось Ильѣ; онъ не далъ дороги, схватилъ богатыря въ руки и кинулъ вверхъ, и потомъ опять подхватилъ его на руки и поставилъ на землю. Богатырь, пока летѣлъ вверхъ и падалъ внизъ, успѣлъ сказать сто разъ: «виноватъ, Илья Муромецъ, впередъ не буду.» Здѣсь нельзя не замѣтить пріема Ильи, къ которому онъ не разъ прибѣгаетъ въ схваткахъ богатырскихъ: пріемъ этотъ—схватить на руки и кинуть вверхъ, а потомъ подхватить и безвредно опустить на землю. Илья бьетъ не охотно, только въ крайнихъ случаяхъ; а гдѣ нѣтъ этой, непріятной для него, необходимости, онъ только показываетъ, безвредно, свою богатырскую силу, чтобы заставить уступить себѣ, чтобъ заставить смириться своего врага: такъ, мечетъ онъ вверхъ своихъ противниковъ; такъ, когда нападаетъ на него толпа разбойниковъ, онъ стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ, который разлетается въ дребезги,—и разбойники падаютъ на землю.

Я слышалъ еще слѣдующій разсказъ. Илья Муромецъ, послѣ многихъ, совершенныхъ имъ, богатырскихъ подвиговъ, не найдя себѣ равнаго силою, заслышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать, гору, и лежитъ на ней.— Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣриться. Пошелъ онъ искать

---

*) Не помню, на сколько: въ половину ли, или до той силы, какая послышалась послѣ перваго ведра.

**) Я не помню ясно, на какой работѣ была семья Ильи: но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была рубка лѣсу, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья.

этого богатыря и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Ишкалъ я зацѣпился за сучокъ,» говоритъ богатырь.— Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и сказалъ ему: «А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лежу на ней.»—

Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ—весьма замѣчателенъ. Очевидно, что онъ *выходитъ вонъ разряда богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи. Вочеловѣченіе этихъ силъ имѣетъ свои степени; не всѣ богатыри этой первозданной эпохи одинаково носятъ на себѣ стихійный характеръ; но одинъ болѣе, другой менѣе, одинъ дальше, другой ближе къ людямъ. Къ такимъ богатырямъ принадлежатъ, кажется, тѣ, которыхъ вдругъ одного за другимъ, по именамъ только и при случаѣ, исчисляетъ пѣсня Владиміровой эпохи, которые—Богъ знаетъ откуда—появляются толпою и о которыхъ въ ней ничего не повѣствуется. Таковы Полканъ, Святогоръ, и др.; съ теченіемъ времени, при повтореніи пѣсенномъ, значеніе ихъ могло забыться и образъ утратить свой отпечатокъ.—Не ихъ ли должно разумѣть подъ «старшими богатырями (см. первую пѣсню заключительнаго, VI-го разряда)», которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку. Недавно найденная однимъ просвѣщеннымъ любителемъ старины, превосходная древняя пѣсня о Святогорѣ говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Пѣсня разсказываетъ именно, какъ Святогоръ хотѣлъ найти вѣсъ или тяготу земли,—то есть такую тяжесть, которая бы равнялась тяжести земли, — хотѣлъ найти и поднять эту тяжесть: дѣло чисто титаническое.—Такая же, выступившая за обыкновенные предѣлы, титаническая міровая сила обняла Илью, когда онъ, послѣ втораго ведра, сказалъ: «поверну всю землю.» — Но старцы умѣрили эту силу и возвратили ее въ предѣлы силы человѣческой.—

Илья Муромецъ не принадлежитъ къ титанической, но къ богатырской эпохѣ; онъ есть величайшая, первая *человѣческая* сила. —

—

III.

ОТМѢТКИ ИЗЪ СКАЗОКЪ

И ПРЕДАНІЙ ВЪ НАРОДѢ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ,

В. И. Даля.

Отецъ Ильи, Иванъ Тимоѳеевъ; мать, Ефросинья Яковлева. Онъ сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ. Когда странники его отпоили *), то онъ сказалъ: «Кабы мнѣ столбъ съ кольцомъ въ небо утвердить, я бы землю съ мѣста своротилъ», и этой-то силы ему поубавили.

Илья на печи, подъ собою, яму протеръ, такъ, что видна была только борода съ головою, да и та все ныряла; онъ день и ночь молился, поклоны клалъ. Сидя на печи, онъ слышалъ не разъ вѣсти про Соловья разбойника, который промежъ Кіева и Чернигова дорогу залегъ; Илья задумывался, вздыхалъ и распрашивалъ объ этомъ дѣлѣ странниковъ. «Что тебѣ до него, дитятко?», говаривалъ отецъ—и Илья замолкалъ, но во снѣ и на яву все въ очью видитъ Соловья разбойника: и молиться не даетъ, окаянный.—Есть одно преданіе, которое говоритъ, что Илья всталъ, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресъ*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе.

Коня богатырскаго Илья купилъ у Корачаровскаго дьячка, шелудивымъ жеребенкомъ, за три деньги, вывалялъ его въ росѣ на тридевяти утренникахъ, и вываллася жеребенокъ конемъ богатырскимъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу (пшеничку кукурузу), пьетъ одну росу утреннюю.

Пытая мечи булатные, Илья сокрушалъ рукояти ихъ, сжимая въ кулакѣ; канулъ онъ мечи эти бабамъ лучину щепать, а самъ выковалъ себѣ, изъ трехъ полосъ булатныхъ, три стрѣлы, закаливъ ихъ во утробѣ матери сырой земли.

Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго въ Кіевъ, на богатырскіе подвиги, а Иванъ Тимоѳеевъ недовѣрчиво усомнился, то

*) См. 1-ю пѣсню I-го разряда, Сказки въ Приложеніяхъ и Воспоминанія К. С. Аксакова.

онъ, созвавъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечемъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку; подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильею. Тогда родители его благословили, наложивъ однако заклятіе ѣхать не на Черниговъ-градъ, гдѣ залегъ Соловей, а объѣхать на Кіевъ околицею; и, второе, не проливать напрасно христіанской крови, людей не обижать.

Илья, на прощанье, пустилъ корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, за то, что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли.

Пустившись въ путь, Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ исподъ копыт богатырскаго коня живой ключь ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ поставлена часовенка, во имя Пророка Иліи.—На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ, испить водицы, понабраться богатырской силы.

За другимъ ускокомъ, Илья, на перелетѣ черезъ Муромь, снялъ шапку и перекрестился, супротивъ Троицкаго монастыря; а за третьимъ ускокомъ, очутился уже подъ лѣсами Брынскими.

Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что ращепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черепья ножевые, Илья наѣхалъ оставъ, костякъ богатырскій, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который—гдѣ-то—и теперь стоитъ.

Затѣмъ, онъ освободилъ Кишешму отъ Литвы, за что князь Кишешемскій и всѣ жители, кумирники, обратились въ Христіанство. Также освободилъ онъ Черниговъ, бывшій въ осадѣ, и, полонивъ Соловья-разбойника на перепутьи, явился въ Кіевъ, на широкій княжій дворъ, къ вечернѣ того же дня, въ который отстоялъ утреню въ Корачаровѣ.

У Владиміра, ласкова князя Солнышка, было столованье, почестной пиръ, и рѣчь шла о Соловьѣ разбойникѣ, который много народу перегубилъ; въ это время докладываютъ, что чужой дѣтина пріѣхалъ, Соловья въ торокахъ привезъ. «Пріѣзжій дѣтина крѣпко завирается, коли Соловьемъ въ торокахъ похваляется», рѣшили всѣ застольные богатыри, и пошли всѣ, съ великимъ княземъ и со княгиней Апраксѣевной, на княжье широкое крыльцо. Тамъ увидали Соловья, въ сыромятныхъ путлищахъ, въ торокахъ; онъ однимъ глазомъ на Кіевъ, другимъ, по старой привычкѣ, на Черниговъ глядѣлъ; виситъ травянымъ мѣшкомъ, согнутъ корчагою. Илья сказываетъ князю похожденія свои; девять сыновъ или зятьевъ Соловья, спасаясь отъ Ильи, обратились въ воронов, съ желѣзнымъ клю-

вомъ, и живутъ понынѣ. Тутъ прискакалъ гонецъ изподъ Чернигова, съ вѣстію объ освобожденіи его Ильею, котораго повели почетно за княжій пиръ, и проч. Илья побратался съ Добрынею, съ Алешею Поповичемъ дружно жилъ; съѣзжался съ Калѣчищемъ перехожимъ, съ которымъ у дьячка Корачаровскаго вмѣстѣ грамотѣ учился; онъ-то надоумилъ Илью, что чудище Полканище, Полканъ Полкановичъ, въ Кіевѣ людей поѣдаетъ, по турпиому, жвачку жуетъ. Илья обмѣнялся одежей съ Калѣкой и самъ, побираясь, прошелъ въ Кіевъ, былъ принятъ, какъ нищій, въ княжьихъ палатахъ, гдѣ засталъ Полкана у полдника: ему подавали цѣлаго быка за разъ, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Стоя скромно у печи, Илья сказалъ ему пословицу: «У моего у сударя, у батюшки, была обжорлива кобыла, да не много нажила: разорвало ее, волчью сыть.» Полканъ обругался, прибавивъ:—Каковъ-то у васъ былъ Илья Муромецъ, я бъ на него поглядѣлъ, и того бы ногтемъ прикрылъ, такъ бы только мокрепько стало. — «А вотъ онъ каковъ», отозвался Илья, ударивъ Полкана шляпою Калѣки перехожаго по головѣ: и вогналъ ему голову промежъ плечъ, раскололъ на двое пса-богатыря.

Илья, на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ на Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было; Соколъ-корабль насилу ушелъ отъ Сизаго-орла,—по вѣстей объ Ильѣ болѣе никакихъ. Куда онъ дѣвался, не говорится ни въ сказкахъ объ немъ, ни въ пѣсняхъ *).

конецъ 1-го выпуска.

---

*) Я слышалъ слѣдующій разсказъ о кончинѣ Ильи. Ѣздилъ онъ съ Добрынею и Алешею, наѣзжалъ на диво — Невеличку, поборолся, Невеличка помялъ ему бока, такъ что Муромецъ крякнулъ: «невелика, говоритъ, птичка, а носокъ востёръ!» Покончивши съ нимъ, только что двинулись дальше: стоитъ каменный гробъ, безъ крышки. «Полѣзай», говорятъ Алёшѣ; Алёша влѣзъ: гробъ ему великъ. Попыталъ Добрыня: гробъ ему узокъ. «Видно гробъ по мнѣ», сказалъ Муромецъ и влѣзъ, снявши доспѣхи: откуда ни возьмись каменная крышка, захлопнула его накрѣпко. Кричитъ оттуда Илья, крышку силятся своротить, крышка не подается. «Берите мой мечь-кладенецъ, рубите имъ!» Мечемъ ударили, — а на гробу появились два обруча и еще крѣпче его сжали. «Рубите обручи!»— Рубятъ,— а ихъ стало четыре, потомъ шесть. «Пришелъ мнѣ конецъ», послышался голосъ Муромца: «прощайте, товарищи!» Раздѣлилъ онъ богатырямъ доспѣхи, разрядилъ все по завѣщанью, гробъ назначилъ гдѣ поставить, велѣлъ приходить на него молиться, и замолкъ.—*П. Безсоновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ I-ГО ВЫПУСКА.

	Стран.
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл.	I — II.
Предувѣдомленіе отъ Коммиссіи для печатанія пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.	I — IV.
Вступленіе къ Былевымъ пѣснямъ, П. В. Кирѣевскаго.	IV — VI.
Пѣсни Былевыя. Время Владимірово.—Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ. .	1 — 94.
Приложенія.—Сказки 1, 2, 3. .	I — XXII.
Свѣдѣніе о мѣстѣ погребенія Ильи Муромца, о памяти ему и службѣ.	XXII.
I. Замѣтка о порядкѣ въ размѣщеніи пѣсень Былевыхъ, въ томъ числѣ пѣсень объ Ильѣ Муромцѣ, по содержанію самой были.	XXIII—XXIX.
II. Личныя воспоминанія К. С. Аксакова.	XXIX—XXXII.
III. Отмѣтки изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ. В. И. Даля.	XXXII—XXXIV.

*

Погрѣшности.

Пѣсни, страница 2, строка 1 снизу:	Слѣдуетъ исправить:
на двѣнадсять дѣнъ. — —	на двѣпадсять дѣнъ.—*О*.
— стран. 22, строка 4 и 5 въ разнорѣчіяхъ:	
по морю синему. — — —	по морю по синему.
— — строка 11. тамже:	
И на якорях. — — —	И на якорѣ.
— стран. 23, строка 7:	
залочоныя — — — —	золочоныя
— стран. 28, строка 1 снизу:	
съ повелительнымъ. — —	съ повелительнымъ.—*О*.
— стран. 22 и 23, во всей пѣсни подъ № 7-мъ и въ разнорѣчіяхъ къ ней, по особому обстоятельству допущенную ошибку— — — — —	Слѣдуетъ исправить вездѣ:
Соколь— — — — —	Соколъ

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.
Въ Типографіи А. Семена.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 23-го дня, 1861 года.

Цензоръ *П. Гиляровъ-Платоновъ.*

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1860 года, Декабря 7-го, XXXIX засѣданіе; пунктъ 5-й. «Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Коммиссія для изданія «Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» изготовила къ изданію второй выпускъ сего собранія, который будетъ заключать въ себѣ пѣсни о богатыряхъ: Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и Васильѣ Казиміровичѣ.

Положено: а) Приступить немедленно къ печатанію 2-го выпуска пѣсень, въ числѣ 1,200 экземпляровъ.

б) Цѣну за экземпляръ назначить по 50 к. сер., а съ пересылкою 75 к. серебромъ.

в) Всѣ распоряженія по напечатанію и продажѣ сего изданія, на прежнемъ основаніи, возложить на Д. Чл. П. А. Безсонова.»

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1860-й годъ.

Выпускъ 2.

а) Добрыня Никитичъ,

богатырь-боярин.

б) Богатырь Алёша Поповичъ.

в) Василій Казимировичъ,

богатырь-дьякъ,

Долгополый,

Пьяница.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

*

I.

1.

(Новгородъ).

Ты тулу́пъ ли мой, тулу́пчикъ, шуба но́вая!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридсять лѣтъ:
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи́ плеча.
Охъ ты по́ле моё, по́ле, по́ле чи́стое!
Заростало мое по́люшко крапи́вушкой:
Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ.
Пробѣжало ту́то ста́дечко звѣриное,
Что звѣри́ное ста́дечко—сѣрыхъ волко́въ;
Наперёдъ бѣжитъ собака лютый Ски́менъ звѣрь:
Чго на Ски́менѣ шёрсточка була́тная,
Какъ у Ски́мена уши что востро́ копьё.
Прибѣжала, воръ-собака, ко Нѣпру́ рѣкѣ,
Становилась, воръ-собака, на круто́й берегъ,
Закричала, воръ-собака, по гуси́ному,
Зашипѣла, воръ-собака, по змѣи́ному:
Съ крути́хъ бе́режковъ пѣсо́чикъ пріусы́пался,
Во Нѣпру́ рѣкѣ вода съ пѣско́мъ смути́лася,
Что ни бѣла ли ры́бушка на низъ ушла.
Середи́ было двора́ княженѐцкаго:
Чго не бѣлая берёза къ землѣ кло́нится,
Не шелко́вая трава́ разстила́ется,
Ужь какъ сынъ передъ матерью кла́нется:

« Государыня моя ро́дна матушка,
« Ты честна вдова Офи́мья Александровна!
« Еще дай ты мнѣ вели́ко благословле́ньице:
« Я пойду́ дале́ко во чисто́ поле,
« Поищу́ свого́ братца я ро́днаго,
« Поищу́ я бра́тца ро́днаго—Ильюшу Му́ромца!»
— Охъ ты сынъ, ты мой сынъ, ча́до ми́лое!
— Ещё какъ ты оставишь ро́дну ма́тушку
— Безпрію́тную, безпризрѣ́нную?—

(9 Сент. 1834 г.; Феклa).

*

2.

(Тульской губ., Алексинск. уѣзда).

Охъ далече, охъ далече во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ—во раздольицѣ,
Выбѣгало тутъ стадечко звѣриное,
Что звѣриное, звѣриное-зачѣтное.
На передъ-то выбѣгаетъ Скиперъ звѣрь:
На Скиперу звѣрю шерсть бумажная,
Круты роги и копытички булатные.
Отбѣгаетъ Скиперъ звѣрь ко Нѣпрѣ рѣкѣ:
Въ Нѣпрѣ рѣкѣ вода вся возмутилася,
Круты красны бережёчки зашаталися,
Со хоромъ, братцы, верхёчки посвалялися.
Какъ зачуялъ воръ-собака нарожденьице:
Народился на Святой Руси, на богатой,
Молодёшенекъ Добрыня сынъ Никитьевичь.
Охъ далече, охъ далече во чистомъ полѣ,
Еще того подалѣ—во раздольицѣ,
Что не бѣлая берёза къ землѣ клонится,
Что не сынъ-то передъ матерью склоняется:
« Отпусти же меня, матушка родимая,
« Да на всѣ на четыре на сторонушки.»
— Охъ дитё ли, охъ дитё ли чадо милое!

— На кого жь ты покидаешь свою матери? —
« Покидаю свою матушку на́ Бога. »
— На кого жь ты покидаешь молоду́ жену? —
« Молодой женѣ давно было приказано:
« Черезъ девять лѣтъ въ десятый день *) за-мужь иди.
« Не ходи, моя Настасья, за Олёшеньку:
« Какъ Олёша-то Поповичь воръ насмѣшливъ былъ,
« Онъ охочь былъ смѣяться чужимъ женамъ,
« Что чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ,
« Молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ. »

*

3.

(Симпрекъ).

Какъ далече ли далеченько
Во чистомъ полѣ,
Какъ не бѣлая береза
Къ землѣ склонится,
Какъ кланяется
Сынъ своей матери:
« Не прошу я у тебя
« Не злата и не серебра,
« Ты пожалуй мнѣ
« Великое благословенъицо:
« Какъ поѣду я
« Поищу своего брата названаго,
« Какъ стараго казака
« Илью Муромца.
А еще того подалѣе,
За синее море,
Взбушевались, взволновались,
Три Татарченка:
Они бились-рубились
Ровно три часа;
Они били-разбивали

*) Годъ? — *O.*

Весь Черниговъ градъ;
Напросили они
Душу красную дѣвицу,
Князей родную сестрицу.

(Запис. Д. Валуевымъ).

*

4.

(Симбир. губ., село Головино).

Не бѣла береза ко землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются,—
Сынъ ко матери приклоняется,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь:
« Ой ты гой еси, моя матушка,
« Молода княгиня Тимоѳеевна!
« Не прошу ни золота, ни сéребра,
« Только дай ты мнѣ великое благословленіе:
« По чисту́ полю мнѣ поѣздити,
« Свово добра коня понаѣздити,
« Могучи́ плеча́ порасправити,
« Всѣхъ *) силушекъ проповѣдати **);
« Поискать себѣ супротивничка.»
Тутъ возго́воритъ родна матушка,
Молодая княгиня Тимоѳеевна:
— Ой ты гой еси, родно́ дитятко,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
— То-то молодо, то-то зе́лено!
— Ты за что скоро принимаешься?—
Тутъ возго́воритъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь:
« Ой ты гой еси, родна матушка,
« Молода княгиня Тимоѳеевна!
« Тебѣ меня дома не выучить:
« Еще жилъ-былъ родной батюшка,

---

*) Въ себѣ?— *О.*

**) Попровѣдати: распровѣдать, попытать.— *О.*

« Свѣтъ сударь Микита Романовичь,
« Жимши-бымши, самъ состарѣлся,
« Состаримши переставился! »
Даетъ ему тутъ великое благословеньице,
По чисту́ полю козакомъ гулять.
Онъ и палъ ей во рѣзвы́ ноги:
« Ой ты гой еси, родная матушка,
« Молодая княгиня Тимоѳеевна!
« Ты не жди домой со ряду́ шесть лѣтъ,
« А еще не жди со ряду́ пять лѣтъ,
« Ты еще не жди ровно круглой годъ, —
« Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ;
« На тринадцатомъ году домой приду.»
Молодой женѣ сталъ наказывать:
« Ой ты гой еси, молода жена,
« Молода Памельфа Тимоѳеевна!
« Ты не жди домой со ряду́ шесть лѣтъ,
« А еще не жди со ряду́ пять лѣтъ,
« Ты еще не жди ровно круглой годъ, —
« Тому дѣлу стало двѣнадцать лѣтъ;
« На тринадцатомъ году хоть за мужь поди,
« Хоть за князя иль за барина,
« Аль за гостя за торговаго,
« Иль за му́рзыньку за Татарина;
« Не ходи за Олёшу за Поповича,
« За бабьяго пересмѣшничка,
« За судейскаго перелестничка.»
Еще минуло со ряду́ шесть лѣтъ,
Еще минуло ровно три года,
Еще минуло ровно круглой годъ, —
Тому дѣлу стало девять лѣтъ.
На десятымъ году за мужь пошла,
А его сло́ва не послушала:
Пошла не за князя, не за барина,
Не за гостя не за торговаго,
Не за му́рзыньку не за Татарина,
Пошла за Олёшу за Поповича,
За бабьяго пересмѣшничка,

За судейскаго перелестничка.

Тутъ возго́воритъ ему добрый конь:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
— Ничего не знаешь и не вѣдаешь:
— Молода жена твоя за мужь пошла,—
— А твово слова не послушала:
— Не за князя, не за барина,
— И не за гостя за торговаго,
— Не за му́рзыньку не за Татарина,
— Пошла за Алёшу за Поповича,
— За бабьяго пересмѣшничка,
— За судейскаго перелестничка.—
Слѣзалъ тутъ добрый мо́лодецъ
Съ своего добра́ коня,
Онъ и палъ коню во рѣзвы́ ноги,
Во правую, во переднюю:
« Ой ты гой еси, конь, добра́ лошадь!
« Переставь домой черезъ три часа,
« Черезъ три часа, черезъ битые,
« Черезъ битые, со минутою! »
Тутъ возго́воритъ конь, добра́ лошадь:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
— Переставилъ бы я черезъ три часа,
— Черезъ три часа, безъ минуточки:
— Накладывай сѣделечко Черкасское,
— Подтягивай подпруженьки шелковыя,
— Подвязывай стременички серебряныя,
— Самъ ты вяжись крѣпко на́ крѣпко *).—

Пріѣхалъ онъ къ широку́ двору,
Онъ и пнулъ столбы своимъ чоботомъ,
Столбики пошатилися,
Воро́течки растворилися.
Онъ пускалъ коня не привязана,

*) *Вяжись*—къ коню, цѣпко держись. Пословица: « не вязался за гриву, за хвостъ не увяжешься.» — *О.*

Никому коня не приказывалъ,
Самъ взошелъ въ палаты бѣлокаменны.
Во палатушкахъ родна матушка,
Молодая княгиня Тимоѳеевна
Чудну образу помоляется,
Своей матушкѣ поклоняется:
«Ой ты гой еси, родна матушка,
«Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Еще гдѣ моя молода жена?»
Тутъ его матушка не у́знала:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
— Мое чадо было не эдако:
— На моемъ чадѣ платье латынское,
— На тебѣ платье богатырское.—
Тутъ возго́воритъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь:
«Ой ты гой еси, моя матушка,
«Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Износилъ я платье латынское,
«Надѣвалъ платье богатырское.»
— На моемъ чадѣ есть примѣточка:
— На лѣвой ногѣ была родинка.—
Онъ скидалъ тутъ скоро сафьянъ-сапогъ,
Показалъ ей свою примѣточку.
Матушка тутъ его у́знала:
— Ой ты гой еси, родно дитятко,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
— Молода жена твоя за мужь пошла,
— А твово слова не послушала,
— Не за князя, не за барина,
— Не за гостя за торговаго,
— Не за му́рзыньку за Татарина,
— Пошла за Алёшу за Поповича,
— За бабьяго пересмѣшничка,
— За судейскаго перелестничка!—
«Ой ты гой еси, родна матушка,
«Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Еще гдѣ мои звончаты́ гусли?»

— Звончаты́ гусли на полочкѣ:
— У нихъ полочка запылилася *),
— А струпочки перержавѣли.—
«Я пойду къ Алёшѣ на почéстной пиръ.»
Тутъ возго́воритъ родна матушка,
Молодая княгиня Тимоѳеевна:
— Ой ты гой еси, родно́ дитятко,
— Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь!
— Гдѣ тебѣ съ Алёшинькой тягатися?
— У нихъ тысяцкой Володиміръ князь,
— А дружкою Илья Муромецъ.—
Тутъ возго́воритъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня, сынъ Никитьевичь:
«Ой ты гой еси, родна матушка,
«Молодая княгиня Тимоѳеевна!
«Я пойду на пиръ потихо́хоньку,
«Потихо́хоньку, посмирнёхоньку.»
Самъ приходитъ онъ на почéстной пиръ,
Чудну образу помоляется,
На всѣ стороны поклоняется:
«Здраствуй, Володимеръ князь
«Со своимъ со княземъ новобрашнымъ,
«Со княгинею новобрашною!
«Еще здраствуй, Илья Муромецъ,
«Со своимъ со княземъ новобрашнымъ,
«Со княгинею новобрашною!
«Прикажи мнѣ, сударь, при мѣстѣ быть.»
— Садись, добрый молодецъ,
— Середи избы на скамеечку.—
Наливали ему зелена́ вина,
Зелена́ вина полсема́ ведра;
Принимаетъ онъ, молодецъ, одной рукой,
Выпиваетъ онъ за единый духъ.
И тутъ молодецъ не похмѣлился,
А возго́ворилъ своимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси, Володимеръ князь,
«Володимеръ князь, Илья Муромецъ!

*) *Полочка* — дека? — *О.*

«Прикажи, сударь, поиграть въ звончаты́ гусли?»
— Ты поиграй, поиграй, добрый молодецъ
— Во свои-то звончаты́ гусли! —
Онъ и сталъ наи́грышки *) наигрывать:
«Охъ вы гусли мои, гуслицы,
«Гусли мои звонча́тые!
«Вы лежали со ряду́ шесть лѣтъ,
«А еще лежали ровно три года,
«А еще лежали ровно круглой годъ,
«На десятомъ году играть стали!»
А другой наи́грышекъ сталъ наигрывать:
«Гдѣ это видано, еще гдѣ это слыхано,
«Отъ жива мужа за мужь итти?..»
Молодая его жена догадалася,
Встаетъ съ мѣста съ княжепецкаго,
Наливаетъ чару зелена́ вина,
Зелена вина полпята ведра,
Подноситъ она доброму молодцу.
Принимаетъ онъ во одну руку,
Выпиваетъ за единый духъ;
Самъ береть ее за праву руку:
«Ой ты гой еси, Володи́міръ князь,
«Илья Муромецъ!
«Кланяюсь я къ себѣ на поче́стный пиръ:
«У меня дѣло не насёное **),
«Зелено́ вино не курёное,
«И пойлице не варёное!»

(Доставилъ П. М. Языковъ).

*

5.

(Локтевскій заводъ).

Какъ изда́леча далеча́,
Изъ чиста́ поля́,

*) *Наигры* — напѣвы, съ такимъ содержаніемъ... — *О.*
**) Не припасёное. — *О.*

Изъ того было раздольица
Широкаго,
Что не грозная бы туча
Накаталася,
Что не буйные бы вѣтры
Подымалися:
Напередъ то выбѣгаетъ
Лютой Скименъ-звѣрь;
Какъ на Скименѣ-то шерсточка
Булатная,
Напередъ-то его шерсточка
Сторонилась.
Добѣгаетъ воръ-собака
До быстрой рѣки:
Становился воръ-собака
На задни лапы;
Закричалъ онъ, воръ-собака,
По звѣриному;
Засвисталъ онъ, воръ-собака,
По соловьему;
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака,
По змѣиному:
Отъ его было отъ крику
Отъ звѣринаго,
Что быстрая рѣка-мать
Взволновалася;
Отъ его было отъ свисту
Отъ соловьяго,
Что темны лѣса къ сырой землѣ
Клонилися;
Отъ его было шипѣнья
Отъ змѣинаго,
Зелена трава въ чистомъ полѣ
Повяпула.

(Только начало. Записано С. П. Гуляевымъ. См. Прил. къ Изв. А. Н., т. II.)

6

(Опера).

А не туця-то, да не туця туцитсе,
Не тéменьё, да не темень темнитсе:
Выбѣгало, братцы, звѣрей стадо́;
Во́ томъ ли стади лёвъ ли звѣрь;
А шерсь у льва дакъ золоцёная,
А усы у льва да какъ шшики *) стоятъ.
Крыцялъ лёвъ-звѣрь по звѣриному,—
Посы́пались тутъ кру́ты-красны бере́жоцьки,
Смутилосе мать Нѣпра́-рѣка:
Заслышали рожденьицё Добрынино.
Дакъ во тоё время родилсе Добрыня киязь.
Сталъ Добрынюшка въ двѣнадцеть лѣтъ.
Поизволилъ Добрыня женитсе
На той ли Окулицыни Микулисьнёй.
Окулицына годъ живетъ—жоной словетъ,
Да и дру́гой годъ живетъ—жоной словетъ.
На третéй годъ поѣжжатъ Добрыня въ цисто́ поле́.
Приступила къ ёму мать ро́дная,
Да приступила и жона моло́дая:
— На кого ты оставлёёшь мать свою родную?
— На кого ты оставлёёшь и жену моло́дую?—
Отвѣцялъ Добрыня таковы слова:
« Оставлею мать я свою родную
« На Спаса Христа да съ Богородичёй,
« А жену свою моло́дую
« Оставлею я на волюшку вольную.
« Годъ живи—дакъ жоной слови,
« Да другой годъ живи—все жоной слови,
« На третéй годъ не буду—дакъ вдовой слови,
« Вдовой слови, а хоть за му́жь поди,
« Хоть за киязя поди, хоть за боярина,
« Хоть за гостя поди торговаго,

*) *Шшикъ (щикъ)*—щетина.—*Прим. 1-го изд.*

« Хоть за кресьенина поди богатого,—
« Только не ходи ты за Олёшу Поповица:
« Онъ есь насмѣшникъ женьскіе!»
Дакъ Добрыня-та поѣхалъ во цистó полё.
Годъ Окулицуша живетъ—женой словетъ,
Да и другой живетъ—женой словетъ,
На третей-то годъ живетъ, да и вдовой словетъ.
Приходилъ къ ей Олеша Поповиць, говорилъ ей:
— Былъ я, Окулицуша, въ цистóмъ поли́;
— По примѣтамъ знать—Добрынюшки живого нѣтъ:
— Голова у Добрынюшки отсѣцёна,
— Да во цистомъ поли́ отъ тулова *) откацёна,
— Выклёвали вóроны ясны́ оци́,
— Проросли травы сквозь ясны оци́,
— И чвѣтутъ чвѣты, да все лазурёвы.
— Поди-тко ты, Окулицуша, за миня за му́жь!—
И да́ла, вить, ему Окулицуша
Слово итти да въ замужесьво.
Собирались на́ вецеръ на послѣдніе—
Съ того со вецера итти ко Божьимъ церквамъ,
Принимать вѣнчи пресвѣтлые,
Перстнеми обрущетьсе золоцёныма.
А во тую-ту пору́, во цистóмъ поли́,
Не туця темнитсе, не солнышко выкати́нтсе,
(Не армія) изъ циста́ поля́ вымантсе:
По примѣтамъ знать—ѣдётъ Руськой бога́тырь,
А на́ имя ѣдётъ Добрыня князь.
Пріѣжжатъ онъ ко городу ко Кіеву,
А изъ города-то да изъ Кіева
Идутъ двѣ калики перехожіе.
Нацялъ Добрыня у каликъ спрашивати.
А калики нацяли да сказывати:
« Все ли, де, во Кіеви по старому?»
Отвѣцели калики:—Все во Кіеви по старому,
— Развѣ въ Кіеви только и нового,
— Што Олёша Поповиць женитсе

*) *Тулово*—туловище.—*Прим. 1-го изд.*

— На той ли Окулинуши Микулисьнёй.—
Говоритъ Добрыня таковы слова:
« Дайте-тко мнѣ платья́ калисьнёго.»
Скидыва́лъ Добрыня платьё княжесько,
Надѣвалъ Добрыня платьё кали́сьнёё.
Ише взялъ съ собой звонцято̀й гудокъ,
И пошелъ смотрять на свадьбу Олешину.
Становился онъ о̀ ве́рію *) тоцёную.
Вси въ гудки играютъ, и вси увеселяютъ.
Нацяли гудо́сьниковъ удабривать,
И виномъ-то ихъ стали попаивать;
А не даютъ калики цяры зелена вина,
Да и платы-то гудосьныя нѐ даютъ,
А за то ему не даютъ,
Што не игралъ въ свой гудокъ.
И говорилъ калика перехожіе:
« Прикажи-тко, Олёша, во вси гудки молцети,
« А я нацьну въ свой гудокъ играти,
« Штобы не лишили миня платы-то гудо́сьныя,
« Да и цярой зелена̀ вина не о̀бнесли.»
Нацяли во вси гудки молцети,
Дакъ и нацялъ калика играть въ свой гудокъ.
Нацялъ во гудки онъ выговаривать:
« Добро, добро бы Окулинуши за му́жь нейти,
« Што было отъ Добрынюшки запре́шшоно....»
Мудры́-ты люди догадалисе,
А глупы люди дивова́лисе,
Какъ калика перехожіе
Узналъ приказаньё Добрынино.
А мудры́-ты люди соглашалисе
Дать калики цяра зелена̀ вина,
И тая цяра полтора вёдра̀.
Принималъ калика едино́й рукой,
Выпивалъ калика на еди́ной духъ,
А выпивалъ онъ цяру до̀ суха,
Клалъ онъ въ цяру свой злацёнъ перстéнь:

---

*) *Верія*—верея, стойка, на которой двери ходятъ. — *О.*

Тѣмъ-то перстнёмъ и обруцелисе.
Тутъ и видитъ Олёша, што Добрыня князь.
Падаётъ Окулицуша въ рѣзвы ноги,
Да во рѣзвы ноги Добрынюшкины:
— Ты прости-тко, прости бабу глупую.
— Ту́ю жонку прости перозумную!—
« Подь-ко ты, Окулицуша, въ своя домы,
« Да живи-тко, живи по прежному!»
Сидитъ Олёша за столомъ, да задумалсе,
И говоритъ Олёша таковы слова:
— Быдто Олёша и жонатъ бывалъ!
— Быдто Олёша и съ жоной живалъ!—

(Записано г. Верещагинымъ; изъ Прибав. къ Изв. А. Н., XXXIX, № 3, л. CIV—XXIII).

7.

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Сѣдлатъ Добрыня добра коня нерадышенъ
Въ хорошо сидѣличько Черкавское;
Подпруживатъ двѣнадцать подпружинокъ шелковыехъ,
Не ради красы, ради крѣпости,
Ради нужиово дѣла богатырсково.
Увидала Добрыню молода жона,
Молода жона, Агрофена Григорьевна:
— Што сѣдлашь ты добра коня нерадышенъ
— Въ хорошо сидѣличько Черкавское,
— Ты подпруживашь двѣнадцать подпружинокъ шелковыехъ?
— Ты далеко ль, другъ, ѣдешь, скоро́ ль будешь?—
Тутъ возговоритъ Добрыня Никитичь:
« Охъ ты гой еси, Агрофена Григорьевна!
« Я далико́ больно ѣду, и не скоро буду:
« Ѣду я на годы на урочныя, на двѣнадцать лѣтъ,
« Побить мнѣ силушки двѣнадцать ордъ.»
Увидала Добрыню родная матушка,
Стара́ вдова Офимья Александровна:

— Охъ ты гой еси, родимо моё дитятко!
— Што сѣдлашь добра коня нерадышенько?
— Въ хорошо сидѣличько Черкавское,
— Подпруживаешь двѣнадцать подпружинокъ шелковыехъ,
— Не ради красы, ради крѣпости,
— Ради нужново дѣла богатырсково?
— Далёко ли ѣдешь, скоро ль будешь?—
Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
« Охъ ты гой еси, родима моя матушка!
« Далёко я ѣду, и не скоро буду:
« Ѣду я на годы на урочныя, на двѣнадцать лѣтъ,
« Побить мнѣ силушки двѣнадцать ордъ.»
Тутъ возговоритъ вдова таково слово:
— Охъ ты гой еси, родимо мое дитятко!
— На ково ты покидаешь молоду жону,
— Да ужь молоду—Агрофену Григорьевну?—
« На тя я покидаю, родима матушка:
« Хоша клюшницой зови её, хошь постельницой,
« Хошь вдовой держи, хошь за мужь отдай,
« Хошь за князя отдай, хошь за барина,
« Хошь за нашево за брата за богáтыря;
« Не отдай только за мово недруга,
« За тово ли за Олёшку за Поповича.»
Поѣхалъ Добрыня съ широка двора,
А вдова пошла на красёнъ крылецъ;
Глядитъ она во дáличе, во чисто поле;
Возговоритъ вдова таково слово:
— Укатается изъ глазъ красно солнышко,
— Уѣзжаетъ изъ виду доброй молодецъ.—

Минуло Добрынѣ двѣнадцать лѣтъ.
Стали къ Агрофенѣ женихи свататься,
Сватомъ-ту самъ батюшка Володимiръ князь,
А свахой-ту сама княгиня Епраксія,
За тово ли за Олёшку за Поповича.
Агрофена свата дáрила шириночькой,
Другой дáрила свахыньку;

Олёшку-ту да́рила каленой стрѣлой.
Проводила вдова Агрофену съ широка двора,
Сама пошла на красёнъ крылецъ.
Глядитъ она во да́личе, во чисто́ поле:
Не слопъ въ чисто́мъ полѣ слобнитса,
Не сы́рой дубъ въ полѣ шатаетса,—
Слонитса, шатаетса доброй молодецъ,
Онъ и прямо ко двору ко вдовиному.
Не узнаётъ Добрыню родима матушка,
Говоритъ вдова таково слово:
— У мово-та у Добрынюшки была примѣтычька,
— Што на правой погѣ у него родинка.—
Скидаетъ Добрыня зелёнъ сапогъ,
Кажетъ родимой примѣточьку.
Назва́лся онъ скоморокомъ Данилой Заморинпымъ *),
Пошолъ на пиръ ко князю Володиміру,
И сталъ онъ наигрышки наигрывать:
« Гулялъ я, молодецъ, двѣнадцать лѣтъ,
« Побилъ я слушки двѣнадцать ордъ:
« Ишпо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
« Отъ живово мужа жону отнять!
« И теперь-та по приказу княженецкому
« Поднесу молодымъ чару заздравную.»
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Опушшалъ именной перстень туда:
Выпивалъ молодой полъ чарычьки,
А останну половину Агрофена Григорьевна;
Примѣчала она именной перстень,
А по немъ узнавала и мила дружка,
Мила дружка Добрыню Никитича;
Бросимшись къ нему, слово молвила:
— Государь ты мой, Добрыня Никитовичь!
— Не давай меня Олёшкѣ немилому.
— Будь мой мужъ по старому, по бывалому!—

(Записано Е. Фаворскимъ; см. Прпб. къ Изв. А. И., т. I).

*

*) Сравни примѣчанія ниже. — *О.*

8.

(Саратовъ).

Тамъ далече, тамъ далече во чистомъ полѣ;
Какъ того еще подалѣй—во раздольицѣ,
Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая въ полѣ травка разстилается,
Ужь какъ кланяется сынъ своей матери:
« Ужь ты гой еси, родима моя матушка!
« Ты пожалуй мнѣ свое благословеньице:
« Я поѣду погуляю во чисто поле,
« Поищу я тамъ своево брата названнаго,
« Что старово казака—Илью Муромца.»
— Молодешенекъ, Добрынюшка, въ путь сбираешься!
— На кого ты покидаешь свою матушку,
— На кого ты оставляешь молоду жену,
— Молоду жену—Настасью Гурьишну?—
« Что давно моей Настасьѣ было сказано,
« За недѣлюшку Гурьишнѣ повѣдано:
« Что вдовѣть моей Настасьѣ ровно десять *) лѣтъ,
« На десятымъ годочкѣ ей своя воля,—
« Хоть во вдовахъ она сиди, хоть за мужь поди,
« Хоть за князя, хоть за боярина,
« Хоть за сильнаго могучаго богатыря;
« Не ходи только за Олешку за Поповича:
« Что Олешка-то Поповичь онъ насмѣшникъ былъ,
« Онъ любилъ, любилъ смѣяться на чужихъ женъ,
« На чужихъ женъ, на красныхъ дѣвушекъ.»
Не видали какъ Добрынюшка коня сѣдлалъ,
Только видѣли какъ Добрынюшка со двора съѣзжалъ.
Ужь какъ минуло Добрынѣ ровно девять лѣтъ.
На десятымъ годочкѣ ей своя воля.
Выходила она за мужь за Олешку за Поповича,
А сватомъ-то былъ самъ Володимеръ князь....

*) Девять?—*О.*

Что не ясные два сокола солеталися,
Два сильные могучіе богатырья соѣзжалися—
Что съѣзжалися Добрыня со Поповичемъ на смертный бой.

(Записано г. Пасхаловою; см. Прив. къ Изв. А. Н., т. III).

*

9.

(Кирша Даниловъ. Др. Росс. Стихотв.).

Въ стольномъ городѣ въ Кіевѣ,
Что у ласкова сударь князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
На многіе князи и бояра,
И на Рускіе могучіе богатыри.
А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полу столѣ,
Владиміръ князь разпотѣшился,
По свѣтлой гридиѣ похаживаетъ,
Черны кудри разчёсываетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
« Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
« Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
« А кто бы сослужилъ службу дальную,
« А и дальну службу заочную?
« Кто бы съѣздилъ въ орды немирныя
« И очистилъ дороги прямоѣзжія
« До моего тестя любимаго,
« До грозна короля Этмануйла Этмануйловича,
« Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
« Прекротилъ Сорочину долгополую,
« А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
« И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
« Чукши всѣ бы и Алюторы? »
Втапоры большой за меньшаго хоронится,

А отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣтъ.
Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается удалъ доброй молодецъ,
Молодой Добрыня Никитичь младъ:
— Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
— Ласково солнце, Владиміръ князь!
— Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
— Быть передъ княземъ невольникомъ *):
— Я сослужу службу дальную,
— Службу дальную, заочную,
— Съѣзжу я въ орды немирныя,
— Очищу дороги прямоѣзжія
— До твоего тестя любимаго,
— До грозна короля Эгмануйла Эгмануйловича;
— А и вырублю Чудь бѣлоглазую;
— Прекрочу Сорочину долгополую,
— А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ;
— А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
— Чукши всѣ и Алюторы. —
Втапоры Владиміръ князь
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра,
Подавали Добрынѣ Никитичу.
Принимаетъ онъ Добрыня единой рукой,
Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ
И турій рогъ меду сладкаго.
И пошелъ онъ Добрыня Никитичь младъ
Съ княженецкаго двора ко своей сударынѣ матушкѣ.
Проситъ благословеніе великое:
— Благослови меня, матушка,
— Матера вдова Афимья Александровна,
— Ѣхать въ дальны орды немирныя!
— Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
— Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.—
Говорила ему матушка:

*) Словосочиненіе: коли нѣтъ у тебя охотниковъ, такъ по неволѣ приходится мнѣ — *O.*

« На кого покидаешь ты молоду жену,
« Молоду Настасью Никулишну?
« За чѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
« Что не прошли твои дни свадебные,
« Не успѣлъ ты отпразновати радости своей,
« Да передъ княземъ разхвастался въ походъ итти?»
Говорилъ ей Добрынюшка Никитьевичь:
— А ты гой еси, моя сударыня матушка,
— Честна вдова Афимья Александровна!
— Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть?
— Изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?—
И даетъ ему матушка свое благословеніе великое
На тѣ годы уреченные.
Прощается Добрыня Никитичь младъ
Съ молодой женой, съ душой Настасьей Никулишной,
Самъ молодой женѣ наказываетъ:
— Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ;
— А если бо не дождешься въ шесть лѣтъ,
— То жди меня въ двѣнадцать лѣтъ;
— Коли пройдетъ двѣнадцать лѣтъ,
— Хоть за князя поди, хоть за боярина,
— Не ходи только за брата названаго,
— За молода Алёшу Поповича.—

И поѣхалъ Добрыня Никитичь младъ
Въ славныя орды немирныя.
А и ѣздитъ Добрыня недѣлю въ нихъ,
Въ тѣхъ ордахъ немирныихъ,
А и ѣздитъ уже другую:
Рубитъ Чудь бѣлоглазую,
И тое Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
А и тѣхъ Калмыкъ съ Татарами,
И Чукши всѣ и Алюторы,—
Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.
Очистилъ дорогу прямоѣзжую
До его-то тестя любимаго,
До грознаго короля Этмануйла Этмануйловича.

А втапоры Настасьѣ шесть лѣтъ прошло;
И не мало время замѣшкавши,
Пропили ей Никулишиѣ всѣ сполна двѣнадцать лѣтъ,
А никто уже на Настасьѣ не сватается,
Посватался Владиміръ князь стольной Кіевской
А за молода Алёшиньку Поповича.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко вѣнцу повезли.
Втапоры Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ градъ.
Старые люди переговариваетъ *):
« Знать, де, полетка соколиная,
« Видѣть и поѣздка молодецкая,
« Что быть Добрынѣ Никитичу **).»
И проѣхалъ молодецъ на вдовій дворъ,
Пріѣхалъ къ ней середи двора,
Скочилъ Добрыня со добра коня,
Привязалъ къ дубову столбу,
Къ тому кольцу булатному.
Матушка его старехонька:
Некому Добрынюшку встрѣтити.
Походилъ Добрыня во свѣтлу гридню,
Онъ Спасову образу молится,
Матушкѣ своей кланяется:
— А ты здравствуй, сударыня матушка,
— Матера вдова, Афимья Александровна!
— Въ домѣ ли женушка моя?—
Втапоры его матушка заплакала,
Говорила таковы слова:
« Гой еси, мое чадо милое!
« А твоя ли жена за мужь пошла
« За молода Алёшу Поповича;
« Нынѣ они у вѣнца стоятъ.»
И походитъ онъ Добрыня Никитичь младъ
Ко великому князю появится.
Втапоры Владиміръ князь съ тою свадьбою

*) Переговариваютъ.—*О.*
**) Замѣтно и видно, что надо быть онъ.—*О.*

Пріѣхалъ отъ церкви на свой княженецкой дворъ,
Пошли во свѣтлы гридни,
Садилися за убраные столы.
Приходилъ же тутъ Добрыня Никитичь младъ;
Онъ молится Спасову образу,
Кланяется князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
На всѣ четыре стороны:
— Здравствуй ты, осударь, Владиміръ князь
— Со душою княгинею Апраксѣевною!
— Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ князю службу заочную:
— Съѣздилъ въ дальны орды немирныя,
— И сдѣлалъ дорогу прямоѣзжую
— До твоего тестя любимаго,
— До грознаго короля Эмануйла Эмануйловича;
— Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
— Прекротилъ Сорочину долгополую,
— И тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
— А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
— Чукши всѣ и Алюторы. —
Втапоры за то князь похвалилъ:
« Исполать тебѣ, доброй молодецъ,
« Что служишь князю вѣрою и правдою!»
Говоритъ тутъ Добрыня Никитичь младъ:
— Гой еси, сударь, мой дядюшка,
— Ласково солнце, Владиміръ князь!
— Не диво Алёшѣ Поповичу,
— Диво князю Владиміру:
— Хочетъ у жива мужа жену отнять.—
Втапоры Настасья засовалася,
Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы;
Говорилъ Добрыня Никитичь младъ:
— А и ты, душка, Настасья Никулишна!
— Прямо не скачи, не безчести столы!
— Будетъ пора—кругомъ обойдешь.—
Взялъ за руку ее и вызелъ изъ-за убраныхъ столовъ,
Извинился князю Владиміру,
Да и молоду Алёшѣ Поповичу

Говорилъ таково слово:
— Гой еси, мой названой братъ,
— Алёша Поповичь младъ!
— Здравствуй, женившись!—да не съ кѣмъ спать!—

II.

1.

(Олонецкой губерніи).

Добрынюшки матушка говорила:
« Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
« На тую гору Сорочинскую,
« Топтать-то молодыхъ змиенышей,
« Выручать-то полоновъ русскіихъ.
« Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
« Пучай-рѣка есть свирипая:
« Середня струйка какъ огонь сичетъ.»
Добрынюшка матушки не слушался,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ опъ своего добра коня;
Сѣдлалъ бурка во сидѣлышко Черкасское,
Потнички клалъ на потнички *),
А на потнички кладетъ войлочки,
А на войлочки кладетъ Черкасское сидѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двинадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ **).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпенки ***) у подпруговъ все булатныя:
Тутъ шелкъ не рвется, и булатъ не трется,

*) Подстилка подъ сѣдло, чтобъ не тереть лошади.—*О.*
**) Не вырютилъ, не выбросилъ.—*О.*
***) *Шпеньки (шпенекъ)*—пряжечныя шпильки.—*О.*

Красно золото не ржавиетъ,
Молодецъ на кони сидитъ—не старитъ.
Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце пожалѣлося *),
Пожадѣлося и расиотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣки,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
« Мнѣ Добрыюшки матушка говаривала,
« Мнѣ Никитичу матушка наказывала,
«« Что не изди далече во чисто поле,
«« На тую гору Сорочинскую,
«« Не топчи-ко младыихъ змиенышей,
«« Не выручай полоновъ русскіихъ,
«« Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
«« Что Пучай-рѣка есть свирипая:
«« Середня струйка какъ огонь спчетъ.»
« А Пучай рѣка есть кротка, смирна:
« Она будто лужа дожжевая.»
Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу надиесло,
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
Летитъ Змиище-Горынчище,
О двинадцати змия о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу—Добрыню теперь потоплю,

*) Почувствовало жажду.— *O.*

— Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобота возьму и на Русь возьму *),
— Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—
Добрынюшка плавать гораздъ опъ былъ:
Нырнетъ на бережекъ на тамошній.
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,
И нѣтъ меча бурзамецкаго,
Только что лежитъ на земли пуховъ колпакъ,
Насыпанъ колпакъ земли греческой **),
По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
Опъ хватилъ колпакъ земли греческой,
Махнулъ во змию во проклятую,
Ошибъ змѣ двинадцать всѣхъ хоботовъ,
Упала змия во ковыль траву.
Добрынюшка на пожку былъ повертокъ,
Скочилъ на змиинны груди бѣлыя,
А змия Добрынѣ ему взмолится:
— Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитичь!
— Мы положимъ заповѣдь великую,
— Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
— Не носить людей больше русскіихъ,
— Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ,
— А тебѣ не издить далече во чисто поле,
— Не топтать ти младыихъ змиенышей,
— Не выручать полоновъ русскіихъ.—
Положили они заповѣдь великую.
Тая змия она проклятая
Поднялась опа вверхъ подъ облаку,
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Увидала опа князеву племяницу,

---

*) Сиссу?—*О.*

**) У Добрыни былъ «колпакъ земли Греческой», πεταασος, т. е. дорожный, съ широкими полями, такъ что изъ него можно было сдѣлать большой кулъ; Добрыня и насыпалъ его землею, пескомъ, чтобы бросить въ Горынича; но пѣвецъ, смѣшавъ то и другое, передаетъ, что колпакъ былъ «насыпанъ земли греческой.»—О.

Припадала змия ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла во пору во глубокую.
Тутъ солнышко Владимірь стольно-Кіевской
По три дня онъ бплицъ-волшебницъ *) скликивалъ,
Не могъ бплицъ онъ докликатися,
Кто бы могъ съиздить далече во чисто поле.
Говоритъ Алешенька Леонтьевичь **):
«Что, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Накинь-ко эту службу великую
«На того Добрыню на Никитича:
«У того Добрыни у Никитича
«Со змией вѣдь заповѣдь положена;
«Онъ достанетъ намъ Забаву ***) Путятичну
«Безъ бою, безъ драки-кровопролитія.»
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Онъ пошелъ Добрыня, закручинился,
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
— Что же ты, Добрынюшка Никитичь,
— Идешь съ пиру—самъ кручинишься?
— Знать мѣсто было тамъ не по чину,
— Чарой на пиру тебя пріобнесли,
— Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де?—
Говорилъ Добрынюшка Никитичь:
«Что мѣсто мнѣ было по чину,
«Чарой на пиру меня не обнесли,
«И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
«А накинулъ службу де великую
«Тотъ солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій,
«Что съѣздить далече во чисто поле,
«Сходить на тую гору Сорочинскую,
«Сходить во пору во глубокую,
«Достать-то князеву племянницу,
«Молоду Забаву дочь Путятичну.»

---

*) *Бплица* (здѣсь и равно *т*): *батица*, чародѣйка? — *О.*

**) Алеша Поповичъ. — *О.*

***) Запаву, собств. имя. — *О.*

Говорила родна его матушка:
— Ложись-ко спать рано съ вечера,
— Утро будетъ оное мудрое,
— Мудренѣе утро будетъ вечера.—
Онъ вставалъ по утрушку рапешенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хоротохонько;
Обсидлалъ онъ дѣдушкова добра коня;
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощаньицѣ плетку подала:
— Ахъ ты ей, рожоно мое дитятко!
— Возьми-ко плеточку шелковую,
— И бей бурка промежу уши,
— И бей бурка промежу ноги,
— Промежу ноги да между задпія:
— Что станетъ твой буроико поскакивать,
— Змиенышей отъ ногъ отряхивать,
— Притопчетъ всѣхъ до единаго.—

Какъ будетъ онъ далече во чистомъ поли,
На тыя горы Сарачинскія,
Потопталъ онъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ;
Тыи же младые змиенышп
Подточили у бурка они щеточки *),
Что не можетъ онъ бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ отряхивать.
Онъ бралъ де плеточку шелковую,
Бьетъ бурка промежу уши,
И бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги да между задпія.
И сталъ его бурушко поскакивать,
Змиенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ до единаго.
Выходила змия тутъ проклятая
Изъ тыя изъ норы изъ глубокія,

*) Мѣсто подъ лошадинымъ копытомъ.—*О.*

Говорила змия ему проклятая:
— Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитинычь!
— Ты за чѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
— Притопталъ всѣхъ малыихъ дѣтушекъ?—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитинычь:
« Ай же ты, змия да проклятая!
« Черти ли тебя несли черезъ Кіевъ градъ,
« За чѣмъ взяла князеву племянницу,
« Молоду Забаву дочь Путятичну?
« Отдай ее безъ драки-кровопролитія! »
Говорила змия ему проклятая:
— Не отдамъ я князевой племянницы
— Безъ бою, безъ драки-кровопролитія. —
Заводила она бой-драку великую,
Дрался со змией онъ трои сутки,
Онъ убилъ змию-то проклятую,
Спустился во нору во глубокую,
Много тамъ сидитъ царей, царевичевъ,
Много королей, королевичевъ,
Простой-то силы и смѣты нѣтъ,
Насчиталъ онъ силы сорокъ тысячь.
Говоритъ онъ князевой племянницы,
Молодой Забавы дочь Путятичной:
« За тебя я этакъ страпствую!
« Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
« Ко ласкову князю ко Владиміру;
« А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная!»
Повезъ онъ князеву племянницу,
По той-то пути по дороженьки;
Увидалъ онъ бродъ лошадиный,
По колѣну у ней въ землю угрязнуто *).
Онъ догналъ Алешеньку Леонтьевича,
Вручилъ ему князеву племянницу,
Тую ль Забаву дочь Путятичну,
Велѣлъ свезти ко граду ко Кіеву,

*) *Лошадиный бродъ* — слѣдъ; онъ былъ глубокъ — по колѣно вдавленная грязь.— *О.*

Къ ласкову князю ко Владиміру.

Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошединымъ.
Догналъ паленицу, женщину великую.
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на копи пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной былъ дубъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ *),
Самъ говоритъ таково слово:
« Сила у Добрыни все по старому,
« А смѣлость у Добрыни не по старому.»
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на копи пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двинадцати,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
« Сила у Добрыни все по старому,
« А смѣлость у Добрыни не по старому.»
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Догналъ паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову,—
Паленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, что комарики покусываютъ,
— Ажно русскій могучій богатыри пощелкиваютъ!—
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,

*) На дрвни.—*O.*

Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трое сутки;
Испровѣщется какъ ей добрый конь:
« Ахъ ты ей, Настасья дочь Никулична!
« Не могу везти васъ съ богатыремъ:
« Конь у богатыря противъ меня,
« А сила у богатыря супротивъ тебя *).»
Говорила Настасья дочь Никулична:
— Ежели богатырь онъ старой,
— Я богатырю голову срублю;
— А ежели богатырь онъ младой,
— Я богатыря въ полонъ возьму;
— А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
— Я теперича за богатыря за мужь пойду.—
Повыкинетъ Добрыню изъ кармапчика:
Добрыня ей тутъ понравился.
Поѣхали ко граду ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Принесли они по злату вѣнцу.
Тутъ за три дня было пированьице
Про молода Добрыню про Никитича,
Что досталъ онъ князеву племянницу.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

*

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичь
Своей государынѣ родной матушкѣ:
« Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
« Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
« Спородила бы, государыня родна матушка,
« Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
« Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
« Спустила бы меня во спне море:
« Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,

*) Конь у богатыря ровня мнѣ, а самъ богатырь ровня тебѣ силою.— *O.*

« Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
« Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душь,
« Не пролилъ бы крови я напрасныя,
« Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
« Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
« Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ.»
Отвѣтъ держитъ государыни его матушка:
— Я бы рада тебя, дитетко, спородити
— Талаиомъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора богатыря,
— Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
— Я походкою бы тебя щепливою *)
— Во того Чурилу во Пленковича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрыюшку Никитича:
— Сколько тыя статьи есть **), а другихъ Богъ не далъ,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ. —
Скоро на скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палаты похаживать,
Начала голосомъ поважпвать
Жалобнехонько она, съ причетью.
У тыя было у стремепы у правыя
Провожала Добрыню любимая семья ***),
Молода Настасья дочь Никуличпа;
Сама говорила таково слово:
— Когда Добрыюшка домой будетъ,
— Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичь:
« Когда у меня ты стала спрашивать,

*) Мелкою, щегольскою.— *О.*

**) Сколько есть въ тебѣ статьи (качества) — вѣжливости, тѣмъ и будь доволенъ.— *О.*

***) Супруга.— *О.*

« Тогда я стану тебѣ сказывать:
« Сожидай Добрынюшку по три году;
« Если въ три году не буду, жди друго три;
« А какъ сполнится времени шесть годовъ,
« Да не буду я домой изъ чиста поля,
« Поминай меня Добрынюшку убитаго,
« А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
« Хоть вдовой живи, хоть за мужь поди,
« Хоть за князя поди, хоть за боярина,
« А хоть за рускаго могучаго богатыря,
« А только не ходи за моего брата за названнаго,
« За смѣлаго за Алешу за Поповича.»
Стала дожидать его по три году.
Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три году,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три.
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть уже лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору въ то время
Пріизжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыня родна его матушка
Желешенько по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лице бѣлое
По своемъ рожономъ дитятки,
По молодомъ Добрыни Никитичи.
Сталъ солнышко-Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
« Молодой вѣкъ свой коротати?

« Поди за мужь хоть за князя, хоть за боярина,
« Хоть за рускаго могучаго богатыря,
« А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.»
Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила заповѣдь мужнюю,
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ;
— Такъ сполнится времени двинадцать лѣтъ,
— Да успѣю я и въ ту пору за мужь пойти.—

Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двинадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко-Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
« Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
« Молодой свой вѣкъ коротати?
« Поди за мужь хоть за князя, хоть за боярина,
« А хоть за рускаго могучаго богатыря,
« А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.»
Не пошла за мужь ни за князя, ни за боярина,
Ни за рускаго могучаго богатыря,
А пошла за мужь за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается.
« Ахъ ты волчья сыть *), ты медвѣжья шерсть,
« За чѣмъ сегодня потыкаешься?»
Испровѣщется ему добрый конь,

*) См. выпускъ 1-й, примѣчаніе на стран. 42.— *О.*

Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не видаешь:
— Твоя молода Настасья дочь Никулична за мужь пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
Разгорячился Добрынюшка Никитичь,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между задніи,
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ихалъ черезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Къ тому придворью ко вдовиному;
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ подворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,
Крестъ кладетъ по писапому,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовы да онъ въ особину:
« Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!»
Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
«« Пречестна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!
«« Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
«« Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
«« Насъ не спрашивалъ, у воротъ приворотниковъ,
«« У дверей не спрашивалъ придверниковъ,

«« Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ,»»
Испроговоритъ имъ честна вдова:
— Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
— Ты за чѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
— Въ палаты идешь бездокладочно?
— Какъ бы было живо мое чадо милое,
— Молодой Добрыня сынъ Никитичь,
— Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
— За твои поступки неумильные *).—
Говоритъ Добрыня сынъ Никитичь:
« Не напрасно ли вы согрѣшаете?
« А я вчерась съ Добрыней поразъѣхался,
« Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,
« А я поѣхалъ ко Кіеву.
« Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
« Спросить про него милу семью,
« Про молоду Настасью Никуличну:
« Гдѣ же есть она Настасья Никулична?»
— Добрынина родима семья за мужь пошла,
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
— А въ тую ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,
— Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
— Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
— Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
— Буйна голова испроломана,
— Могучи плечи испрострѣлены,
— Головой лежитъ чрезъ ракетовъ **) кустъ.
— Я жалешенько объ немъ плакала.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичь:
« Наказывалъ братецъ мнѣ названый:
« Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,
« Ты возьми мое платье скоморошское,

*) Невѣжливые. — *O.*
**) Ракитовъ. — *O.*

« И гуселки возьми мои яровчаты *),
« Въ новой горенки всѣ на столики.»
Принесли они **) платье скоморошское
И гуселки ему яровчаты.
Накрутился ***) молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.
Идетъ онъ княженецкой дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку-Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
« Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
« Со своей княгиной со Апраксіей!»
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
«« Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
«« Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
«« И тепереча идетъ скоморошиной,
«« Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
«« У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«« Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
«« Скоро проходилъ въ палаты княженецкія.»»
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
— Ты за чѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
— На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во палаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?—
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,

*) Изъ явора, яворчатые.— *О.*
**) Принесла она?— *О.*
***) Одѣлся (собств. накутался).— *О.*

Скоморошина въ рѣчи не вчуется *):
«Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?»
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
— На той на печки на муравленой,
— На муравленой печки—на запечки.—
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струпочки золоченыя,
Учелъ по стрункамъ похаживать,
Учелъ онъ голосомъ поважпвать,
Играетъ-то онъ въ Цари-гради,
А на выигрышь беретъ все въ Кіевѣ **),
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
«« Что не быть это удалой скоморошины,
«« А кому ни надо быть рускому,
«« Быть удалому доброму молодцу!»»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
— Опущайся изъ печки изъ запечки,
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
— Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
— Перво мѣсто сядь подли меня,
— Друго мѣсто супротивъ меня,
— А третье мѣсто, куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь.—

Не сѣла скоморошина подли князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамѣчку

*) Не обращаетъ на рѣчи вниманія и не вслушивается.—*О.*

**) Пѣвецъ нѣсколько осмыслилъ по своему. По сравненію съ другими былинами видимъ: Добрыня *сыгрышь*, напѣвъ, голосъ игралъ Цареградскій, а *наигрышь*, содержаніе, бралъ въ Кіевѣ.—*О.*

Супротивъ княжны порученыя *).
Говоритъ удала скоморошина:
« Что солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
« Бласлови мни налить чару зелена вина,
« Поднесть эту чару кому я знаю,
« Кому я знаю, еще пожалую.»
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны порученыя,
Самъ говоритъ таково слово:
« Молода Настасья дочь Никулична!
« Прими сіе чару единой рукой,
« Да выпей-ка чару единымъ духомъ:
« Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
« А не пьешь до дна, не видаешь добра.»
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единымъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чары свой злачепъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужь, который подли мени,
— А тотъ мой мужь, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужь на скамеечки,
— Подноситъ мни чару зелена вина.—
Сама выскочитъ **) изъ за стола изъ за дубоваго,
Упала Добрыни въ рѣзвы ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Никитичь,
— Въ той вины прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Алешеньку за мужь пошла.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичь:
« Что не дивую я разуму-то женскому,
« Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
« Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,

---

*) Обрученной.—*О.*

**) Въ спискѣ, съ котораго печатано, *вмскотъ*.—*О.*

« Ихъ куда везутъ, они туда идутъ *);
« А дивую я солнышку Владиміру
« Съ молодой княгиной со Апраксіей:
« Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
« А княгни Апраксія свахою,
« Они у живово мужа жену просватали.»
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичь **):
— Прости, прости, братецъ мой названый,
— Что я посидѣлъ подли твоей любимой семьи,
— Подли молодой Настасьи Никуличной.—
« Въ той вины, братецъ, тебя Богъ проститъ,
« Что ты посидѣлъ подли моей любимой семьи,
« Подли молодой Настасьи Никуличной;
« А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
« Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
« Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
« Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
« Убитъ лежитъ во чистомъ поли,
« Буйна голова испроломана,
« Могучи плечи испрострѣлены,
« Головой лежитъ чрезъ ракетовъ кустъ,—
« Такъ тогда государыни родна матушка
« Желешенько съ по мнѣ плакала,
« Слезила свои очи ясныя,
« Скорбила свое лице бѣлое:
« Съ этой вины тебѣ не прощу!»
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,
Повыдернетъ шалыгу поддорожную ***),
Учелъ шалыжищемъ ****) ухаживать,

---

*) Т. е. *идутъ*.— *О*.
**) Выше онъ названъ *Леонтьевичемъ*.— *О*.
***) Шелепугу подорожную; ср. выпускъ 1-й, примѣч. на стр. 9.— *О*.
****) Ручкою шалыги.— *О*.

Что хлопанье и что оханье, не слышно видь *).
Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,
А не дай Богъ женидьбы той Алешиной:
Только-то Алешенька женатъ бывалъ,
Женатъ бывалъ, съ женой сыпалъ.
Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
Молоду Настасью дочь Никуличну,
Пошелъ къ государыни родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ опъ доброе здоровьице **).
Вѣкъ про Добрыню старину скажутъ ***),
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

(Помѣщено въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1859 годъ; печатано со списка, кажется въ мелочахъ не вездѣ вѣрнаго).

III.

1.

(Симбирск. губ., село Станичное).

Во славномъ градѣ во Кіевѣ
Жила тутъ молодая вдова
Афимья Александровна.
Породила она себѣ чаду милаго
По имени Добрыню, сына Никитьевича.
Сталъ Добрыня на возрастѣ,
Его буйная головушка на разумѣ,
Сталъ Добрынюшка конемъ владать
И копьемъ (штурмовать).
Попзволилось Добрынѣ во чисто поле погулять.
Понимали ****) же Добрынюшку Петровскіе жары,
Попзволилъ Добрынюшка покупатися;

---

*) Не разберешь хлопанья отъ оханья.—*О.*

**) Тутъ они поздоровались.—*О.*

***) Кажутъ?—*О.*

****) Допимали, разбирали; жары *понимаютъ*, какъ и вода.—*О.*

Онъ скидалъ, Добрыня, платье цвѣтное съ себя,
Заплывалъ Добрыня за первый за ручей;
Молодецкое сердечушко разгорчивое и неунывчивое.—
Заплывалъ сынъ Никитьевичь за третій за ручей;
На встрѣчу Добрынѣ плыветъ лютый змѣй,
Лютое змѣинище-горынище,
Горынище, притугалище *).
Онъ и хочетъ Добрынюшку живаго съѣсть,
Онъ живаго хочетъ съѣсть, проглотить его.
Возговорилъ Добрыня, сынъ Никитьевичь:
« Охъ ты лютое змѣинище, горынище!
« Гдѣ тебѣ меня живаго съѣсть;
« Гдѣ тебѣ меня проглотить!»
Они бились тутъ съ нимъ объ великій закладъ,
Не объ ста рубляхъ, не объ тысячи,
А бились объ буйныхъ своихъ головахъ:
« Что тебѣ, змѣю, не ходить во Кіевъ градъ,
« А мнѣ, Добрынѣ, не купаться во Кострюхѣ во рѣкѣ.»
Выплывалъ Добрыня изъ Кострюхи рѣки,
Надѣвалъ Добрыня цвѣтно платье на себя,
Поѣхалъ же Добрынюшка въ Кіевъ градъ,
Ко тому князю Володиміру.

*

Три года у князя стольничалъ,
Да три года у князя харешничалъ **),
Да три года у князя въ приворотничкахъ былъ:
Минуло тому дѣлу девять лѣтъ.
Пошелъ Добрынюшка по городу гулять,
По проулычкамъ, заулычкамъ,
По частымъ переулычкамъ:
« Гдѣ-то мнѣ найти, гдѣ Маринка живетъ?»
У Маринки-то дворъ на семи верстахъ,
А около двора у ней все желѣзный тынъ,
И на всякой тынинкѣ маковка позолоченая,
И середь двора два терема стоятъ,

*) Тугаринище, отъ *Тугаринъ*.—*О*.
**) Отъ слова *харчи*: распоряжался харчами.—*О*.

Два терема златоверховаты;
На тѣмъ ли на теремѣ два голубя сидятъ,
Цѣлуются, милуются промежь себя.
Какъ снималъ Добрыня съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тетивочку шелковинькую,
Онъ и хочетъ убить двухъ голубей.
Его лѣвая нога поскользнулася,
А правая рука промахнулася;
Не попалъ онъ въ двухъ голубей,
А попалъ ко Маринкѣ во теремъ,
Во окошечко во косящетое,
Во окопенку стекольчатую,
Убилъ у Маринки друга милова змѣя лютова.
А въ то время Маринки не случилося:
Тутъ за тремя дверями умывалася,
Собиралася Маринка въ пиръ-бесѣдушку
Ко князю Володимеру.
Приходила Маринка въ свою спаленку,—
Инъ лежитъ убитъ ея милый другъ, лютый змѣй.
Загорися, загорися у Маринки домъ,
Разгорѣлося, разболѣлося ретиво сердце ея
По дружкѣ своемъ по миленькомъ,
По змѣи лютымъ.
— Еще кто это, *бядовъ* сынъ, эту шуточку шутилъ,
— Моего милаго убилъ?
— Эта шуточка Добрынюшкина!
— Я сама Добрынюшкѣ насмѣшку отсмѣю:
— Оборочу Добрынюшку лошадью,
— Пущу его въ зеленые луга,
— Онъ и станетъ тамъ щипать траву шелковую,
— И станетъ пить воду ключевую;
— А сама пойду, Маринка, въ пиръ-бесѣдушку
— Ко князю Володимеру.—

Она въ полъ-сыта тамъ наѣдалася,
Въ полъ-пьяна напивалася,
Сама-то собой похвалялася:
— Я Маринка, Маринушка

— Оборотила Добрынюшку лошадью.—
А въ то время Добрынина сестра тутъ была:
« Ты Маринка, Маринка блядь!
« Чѣмъ это ты хвалишься,
« Чѣмъ это ты прихваляешься?
« Оборочу тебя, Маринка, сѣрой сукою:
« Станешь ты бѣгать позадь гуменью *) съ борзымъ кобелемъ!
« Загоритесь, загоритесь дубовыя дрова,
« Разгорися, разболѣйся у Маринки ретиво сердце
« По братцѣ моемъ, по Добрынѣ Никитьевичѣ!»
Загоралися, загоралися дубовыя дрова,
Разгорѣлося, разболѣлося у Маринки ретиво сердце
По Добрынѣ Никитьевичѣ.
Не сидѣла Маринка во бесѣдушкѣ,
Побѣжала Маринка во зеленые луга,
Оборотила Добрынюшка молодцомъ,
Оборотимши его стала рѣчи говорить:
— Ты Добрыня, Добрынюшка, сынъ Никитьевичь!
— Возьми-ко, Добрыня, меня за себя.—
Возговорилъ Добрыня, сынъ Никитьевичь:
« Ты Маринка блядь!
« Твои губы не годятся мнѣ:
« Цѣловалъ-миловалъ тебя лютый змѣй!»
Онъ вынялъ изъ ноженъ свой булатный ножь,
Обрѣзываетъ у Маринки груди бѣлыя,
Губы толстыя:
« Вотъ тебѣ, Маринка, и конецъ тебѣ весь тутъ! »

(Доставилъ Языковъ).

*

2.

(Смирнъ).

« Благослови ты меня, матушка, по городу погулять,
« По городу по Кіеву,

*) По загуменью, за гумномъ.— *О.*

« По тѣмъ-же по широкимъ по улицамъ,
« По тѣмъ же по мелкимъ переулочкамъ!»
— Гуляй, гуляй, молодецъ, по городу,
— По городу по Кіеву,
— По тѣмъ же по широкимъ по улицамъ,
— По тѣмъ же по мелкимъ переулочкамъ;
— Только не ѣзди въ тоё улицу гулять,
— Въ тоё улицу гулять въ Андревскую:
— Во той улицѣ Маришка живетъ,
— Еретница она, кореньщица;
— У Маришки дворъ на семи верстахъ,
— Загороженъ дворъ все желѣзнымъ тыномъ,
— На всякой тынночкѣ по маковкѣ,
— По той ли молодецкой по головушкѣ;
— То гуляй, гуляй, молодецъ, по городу,
— По городу по Кіеву,
— По тѣмъ ли же по широкимъ по улицамъ,
— По тѣмъ ли же по мелкимъ переулочкамъ.—
Молодецкое сердечко разгоралося,
Воиска у него кровь разкипалася,
То поѣхалъ добрый молодецъ въ тоё улицу гулять,
Въ тоё улицу гулять, во Андревскую.
То бралъ онъ, добрый молодецъ, свой тугій лукъ,
Натягалъ онъ тетивку шелковую,
Пускалъ онъ, добрый молодецъ, къ Маришкѣ въ окно,
Убивалъ онъ, добрый молодецъ, двухъ голубей,
Двухъ голубей золотокрыльчатыхъ.
А въ тѣ поры Маришушкѣ не времечко было:
Бѣлилася Маринушка, румянилася,
Она въ чистое зеркало глядѣлася;
Поглядѣвши она, побѣжала въ слѣдъ;
Собирала слѣдочки Добрынюшкины,
Собравши она, побросала въ печь:
« Гори, гори, слѣдочки Добрынюшкины,
« Боли, боли, сердечко молодецкое! »

(Не кончено.—Доставилъ Языковъ).

3.

(Арханг. губ., Шенкурскъ).

Былъ-жилъ Добрыня у дядюшки *):
Не выжилъ Добрыня слóва гладкаго,
Не выжилъ Добрыня хлѣба мягкаго **),
Только выжилъ Добрыня себѣ добра коня,
Добра коня Добрыня наступчива.
Задумалъ Добрынюшка женитися
На той на Маринѣ на Игнатьевой.
Возговоритъ Добрынѣ больша сестра:
« Ужь ты гой еси, Добрыня Никитичь младъ!
« Не женись ты, Добрыня, на Маринкѣ Игнатьевой:
« Извела Маринка девять князей,
« Все девять князей—жениховъ своихъ;
« Изведетъ она тебя десятаго!»
Не послушался Добрыня большей сестры,
Молодой Катерины свѣтъ Никитишны.
Оборнулся Добрыня сизымъ голубемъ,
Полетѣлъ Добрыня во чисто поле
Ко той Маринкѣ ко Игнатьевой;
Садился къ ней на окошечко:
« Ужь ты гой еси, Марина дочь Игнатьева!
« Я пріѣхалъ къ тебѣ, Марина, свататься;
« Ты похóдишь ли за меня за мужь?
Лежала Маринка на постелюшкѣ,
На рукѣ у ней лежитъ змѣя лютая,
На другой рукѣ лежатъ два змѣеныша;
Змѣя лютая Добрыню зажечи хочетъ,
Два змѣеныша Добрыню запалить хотятъ.

---

*) Владиміра.—*О.*

**) Старинная пословица, употреблявшаяся объ Данилѣ Заточникѣ: « какъ Данило безсчастный, не выслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго. » Ср. выше, отд. I, пѣсня 7, ст. 69, гдѣ Добрыня назвался скоморохомъ « Данилой Заморинымъ »,: если не « заморскимъ », то « заморѣнымъ », заточникомъ.—*О.*

Возговоритъ Маринка дочь Игнатьева:
— Ужь ты гой еси, змѣя лютая,
— Ужь вы гой есте, два змѣеныша!
— Вы не жгите, не палите добра мо́лодца:
— Я сама съ Добрынюшкой перевѣдаюсь!—
Брала Маринка Добрыню за ручки бѣлыя,
За тѣ же перстни за злаченые,
Цаловала его во уста сахарныя:
— Ужь ты здравствуй, Добрыня Никитичь младъ!—
Повела Добрыню на широкій дворъ,
Обернула Добрыню гнѣдымъ туромъ *):
— Ты поди-ко, ты поди, гнѣдой туръ,
— Ты поди-ко, бѣжи во чисто поле,
— Гдѣ тамъ ходятъ гнѣдые девять туровъ,
— Девять туровъ—всё женихи мои;
— Не хватало только тебя, тура десятаго,
— Удала Добрынюшки Никитича!
— Выдирай ты тамъ траву со ржавчиной,
— Запивай траву водою болотною!—

То заслышала Добрынина больша сестра,
Молода Катерина дочь Никитишна;
Обернулась Катерина перепелочкой,
Полетѣла Катерина во чисто поле,
Ко той Маринкѣ ко Игнатьевой:
« Ужь ты гой еси, Маринка дочь Игнатьева!
« Ты отдай-ко мнѣ Добрынюшку Никитича,
« Ты отдай-ко мнѣ мо́го родна́го брателка.
« Не отдашь мнѣ-ка Добрынюшку Никитича,—
« Оберну я тебя суко́й долгохвостою,
« Еще псы за тобой будутъ гонятися,
« Ребята малы палками метатися!»
Говоритъ Маринка дочь Игнатьева:
— Ужь ты гой еси, Катерина дочь Никитишна!
— Ужь ты дай мнѣ-ка сроку до завтраво:
— Я отдамъ тебѣ Добрынюшку Никитича,

*) *Туръ*—русское названіе для того самаго звѣря, котораго западнѣе зовутъ Славяне *зубръ*.—*О.*

— Я отдамъ тебѣ брателка родимаго!—
Отвѣчаетъ Катерина свѣтъ-Никитишна:
« Я не дамъ тебѣ срока на единый часъ,
« Подавай мнѣ-ка брателка родимаго!»
Обернулась Маринка перепелочкой,
Полетѣла Маринка во чисто поле,
Садилася Маринка на сырой дубъ,
Говорила Маринка таковы рѣчи:
— Ужь вы гой есте, девять гнѣдыхъ туровъ,
— Ужь вы гой есте, девять молодыхъ князей,
— Вы сбирайтеся, туры, всѣ сюда!—
Прибѣгали къ ней всѣ девять туровъ,
Говоритъ она таково слово:
—Еще нѣтъ ли съ вами Добрынюшки?—
Отвѣчаютъ ей девять туровъ:
« Съ нами нѣтъ Добрынюшки Никитича.»
Говоритъ Маринка дочь Игнатьева:
— Ужь ты гой еси, десятый туръ!
— Прибѣгай ко мнѣ со черныхъ грязей,
— Прибѣгай ко мнѣ изъ болотныхъ водъ!—
Треплется *) Добрыня Никитичь младъ:
Нога за ногу у горя заплетается.
Садилась Маринка дочь Игнатьева,
Садилась къ Добрынѣ на правый рогъ:
— Ужь ты гой еси, Добрынюшка Никитичь младъ!
— Ты не будешь ли меня ни бить, ни мучити,
— Оберну тебя, Добрыня, добрымъ молодцемъ!—
Возговоритъ Добрыня Никитичь младъ:
« Ужь ты гой еси, Маринка дочь Игнатьева!
« Я не буду тебя ни бить, ни мучити,
« Поучу только тебя наученьицемъ,
« Небольшимъ наученьицемъ,—по женскому,
« Поучу тебя, Маринка, какъ мужья женъ учатъ.»
Отвернула она Добрыню въ добра молодца.

Походили они къ родной сестрѣ Добрынинои,
Ко той ли Катеринѣ дочь Никитишнѣ.

*) Идетъ въ перевалку, плетется.— *О.*

Возговоритъ Марина дочь Игнатьева:
— Ужь ты гой еси, Катерина свѣтъ-Никитишна,
— Изволь, бери брателка родимаго!—
Брала она его за бѣлы руки,
За тѣ же перстни за злаченые,
Цаловала во уста сахарныя;
А дуру Маринку дочь Игнатьеву
Оборнула въ суку долгохвостую:
Кобели за Маринкой гоняются,
Малы ребята палками въ нее метаются.

(Записано г. А. Харитоновымъ и получено отъ В. И. Даля).

*

4.

(Сибир. губ., Корсупек. уѣзда, выселокъ Александровъ).

Добрыня былъ Микитинъ сынъ.
Три года Добрыня хлѣбничалъ,
Три года горшечничалъ [*],
Три года приторговывалъ,
Три года приворовывалъ [**],
Три года по Кіеву гулялъ.
Спрашивалъ Добрыня,
Гдѣ Маришкинъ дворъ?
Маришкинъ дворъ на семи столбахъ,
У Маришкина двора два терема стоятъ,
Два терема златоверховые,
На домахъ два голубя сидятъ,
Взъѣзжаетъ Добрыня на широкій дворъ,
Сымаетъ со плечь тугій лукъ,
Накладываетъ калену стрѣлу,
Убиваетъ сиза голубя,
Того ли змѣя Притугалинка [***],

---

[*]) Вѣроятно: *харечничалъ*.—*О*.
[**]) Конечно: *приворотничалъ*.—*О*.
[***]) Тугарина.—*О*.

Маришкина друга милаго.
Закидалася Маришка, заметалася;
Въ тѣтно платье наряжалася,
Брала Добрыню за бѣлыя руки,
Вела въ палаты каменныя,
Сажала за столы дубовые,
За скатерти браныя,
Отпирала темны заходы,
Наливала зелья лютаго,
Подносила Добрынѣ:
« Выкушай, Добрыня, Микитинъ сынъ!»
— Прежде хозяина и попъ не пьетъ....—

(Не кончено.—Записано П. В. Шейномъ, отъ 80-тилѣтняго старика; ср. III кн. «Чтеній» 1859 г.).

*

5.

(Кирша Даниловъ).

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ во Рязани тутъ богатой гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, переставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалось житье-бытье, богатество,
Осталась его матера жена
Амелѳа Тимоѳеевна,
Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичь младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Никитѣ *) въ наукъ пошла;
Присадила его матушка перомъ писать.

*) Никитичу.—*О.*

А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хороброю,
Во тѣ жары Петровскіе;
Проснился Добрыня у матушки:
« Пусти меня, матушка, купатися,
« Купатися на Сафатъ рѣку. »
Она, вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословеніе даетъ:
— Гой еси ты, чадо милое,
— А молодой Добрыня Никитичь младъ!
— Пойдешь ты, Добрыня, на Израй рѣку,
— На Израѣ рѣкѣ станешь купатися,—
— Израй рѣка быстрая,
— А быстрая она, сердитая:
— Не плавай, Добрыня, за перву струю,
— Не плавай ты, Никитичь, за другу струю.—
Добрыня-то матушки не слушался.
Надѣлъ на себя шляпу земли греческой,
Надъ собой онъ Добрыня невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинушкѣ хоробрыя:
« А и гой еси вы, молодцы удалые!
« Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее *).»
А всѣ молодцы разболокалися **);
И тутъ Добрыня Никитичь младъ,—
Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ,—
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ
Перекрестясь Добрынюшка въ Израй рѣку пошелъ.
А поплылъ Добрынюшка за перву струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю;
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны;

*) Не мнѣ первому итти въ воду.— *О.*
**) Раздѣвались.— *О.*

Ни отколь взялся тутъ лютой звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ-то говоритъ Горынчище,
А самъ онъ, змѣй, приговариваетъ:
— А стары люди пророчили,
— Что быть змѣю убитому
— Отъ молода Добрынюшки Никитича:
— А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ!—
Молился Добрыня Никитичь младъ:
« А и гой еси, змѣище, Горынчище!
« Не честь, хвала молодецкая,
« На нагое тѣло напущаешься!»
И тутъ змѣй Горынчище
Мимо его пролетѣлъ.
А стали его ноги рѣзвыя,
А молода Добрынюшки Никитьевича,
А грабится онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ доброй молодецъ;
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ,
Нагребъ онъ шляну пѣску желтаго;
Налетѣлъ на его змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить;
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляну земли греческой
Со тѣми пѣски желтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчище
Во ту во матушку во Израй рѣку;
Когда ли змѣй исправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Сваталъ *) Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытащилъ змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на кляплую **);

*) Схватилъ.— *О.*
**) Покляпую, согнутую, наклонную.— *О.*

«Сушися ты, змѣй Горынчище,
«На той-то осинѣ на кляплыя!»
А поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ по Израи рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище,
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, по поламъ перервалъ;
Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго змѣища Горынчища,
Нашелъ онъ много злата-серебра,
Нашелъ во палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну,—
Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны,
И собралъ злата-серебра,
Пошелъ ко матушкѣ родимыя своей;
А матушки дома не годилося,
Сидитъ у князя Владиміра;
Пришелъ, де, онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,
И пошелъ ко князю явитися.
Владиміръ князь запечалился,
Сидитъ онъ, ничего свѣту *) не видитъ.
Пришелъ Добрынюшка
Къ великому князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится,
Владиміру князю поклоняется;
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала его во уста сахарныя,—
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А гдѣ побывалъ, гдѣ почевалъ?

*) Свѣтъ.—*O*

Говоритъ Добрыня таково слово:
« Ты гой еси, мой сударь дядюшка,
« Князь Владиміръ, солнце Кіевско!
« А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
« У лютаго змѣища Горынчища,
« А всю породу змѣиную его я убилъ
« И дѣтей всѣхъ погубилъ,
« Родимую тетушку повыручилъ.»
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Привели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ,
Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

*

6.

(Тоже).

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь-князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
А три года Никитичь приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятой годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву.
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мелкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушамъ *) стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.
Зайдетъ въ улицу Игнатьевску,

*) *Повалуша* — самый верхній, низкій покой для спанья. На сѣверѣ, въ Олонецкой и Архангельской, не говорятъ «лечь спать», а обыкновеннѣе— *повалиться*.—О.

И во тотъ переулокъ Марининъ,
Взглянетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
На ея высокіе терема;
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ терему,
Сидятъ тутъ два сизые голубя,
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ,
Цѣлуются они, милуются,
Желты носами обнимаются:
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А спѣла, вѣдь, тетивка у туга лука *),
Звыла да пошла калена стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
Лѣвая нога его поскользнула,
Права рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ окошницу стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя **),
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое,
Бѣлодубовы столы пошатался,
Что питья медвяныя восплеснулися.
А втапоры Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкой дворъ:
— А кто это невѣжа на дворъ заходилъ?
— А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?
— Проломилъ окошницу мою стекольчатую,
— Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
— Разшибъ зеркало стекольчатое?—
И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,

---

*) Въ Оренбургскомъ краю, гдѣ до послѣдняго времени употреблялись луки и стрѣла, выраженіе «спѣла тетива» попынѣ означаетъ спускъ стрѣлы съ лука.— *О.*

**) *Причалокъ* — всякая связь, скрѣпа; *причалина* у окна — цавѣска, петля, которою прикрѣпленa растворчатая рама, а также крючья и задвижки.— *О.*

Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муравленую
Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
— Сколь жарко дрова разгораются
— Со тѣми слѣды молодецкими,
— Разгоралось бы сердце молодецкое
— Какъ у молода Добрынюшки Никитьевича!—

А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко:
Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не успется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его-то щаски великія,
Рано зазвонили къ заутренямъ:
Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени;
Прошелъ онъ церкву соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ,—
А у молодой Марины вечеринка была:
А и собраны были душечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,
Она молода Марина отказываетъ и прибариваетъ.
Втапоры Добрыня ни во что положилъ
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ:
А стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пѣнять:
Завидѣлъ Добрыня онъ змѣя Горынчата;

Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалося,—
Сбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,
Заперлася Марина Игнатьевна:
А и молодой Добрыня Никитичь младъ
Ухватилъ бревно онъ въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Не доладомъ *) изъ пяты онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты;
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
« Деревенщина ты дѣтина, зашельщина **)!
« Вчерась ты, Добрыня, на дворъ заходилъ,
« Проломилъ мою окошницу стеколчатую,
« Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое.»
А бросится змѣища Горынчища,
Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его,
Больно пѣняти:—Не хочу я звати Добрынею,
— Не хощу величать Никитичемъ,
— Называю те дѣтиною деревенщиною и зашельщиною:
— Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?
— Проломилъ ты окошницу стекольчатую,
— Разшибъ зеркало стекольчатое?—
Ему туто-тко Добрынѣ за бѣду стало,
И за великую досаду показалося,
Выпималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
« А и хощешь ли тебя змѣя изрублю я
« Въ мелкія части пирожныя,
« Разбросаю далече по чистому полю?»
А и тутъ змѣй Горынчь хвостъ поджавъ
Да и вонъ побѣжалъ;

---

*) Неладно, неучемъ, неучтиво.—*О.*

**) Засельщина.—*О.*

Взяла его страсть, такъ зачалъ *срать*
Околышки металъ по три пуда....
Бѣгучи онъ, змѣй, заклинается:
— Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
— Есть у нея не одинъ я другъ,
— Есть лучше меня и повѣжливѣе.—
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ въ окно,
Въ одной рубашкѣ безъ пояса;
А сама она змѣя уговариваетъ:
« Воротись, милъ надежа, воротись, другъ!
« Хошь,—я Добрыню оберну клячею водовозною:
« Станетъ, де, Добрыня на меня и на тебя воду возить?
«А еще, хошь,—я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?»
Обернула его Добрыню гнѣдымъ туромъ,
Пустила его далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.
Безвѣстно не стало богатыря молода
Добрыни Никитича
Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ.
А много, де, прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть мѣсяцовъ,
По нашему-то Сибирскому словетъ полгода.
У великаго князя вечерница была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя.
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ дитятами *) княженецкими,

*) Молодцами.—*О.*

Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
— Гой еси вы, княгини, боярыни!
— Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
— А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
— А и я, де, оберпула девять молодцовъ;
— Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
— А и нынѣ я, де, отпустила десятаго молодца,
— Добрыню Никитьевича;
— Онъ всѣмъ атаманъ—золотые рога.—
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аѳимья Александровна;
Наливала она чару зеленаго вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
« Гой еси ты, любимая кумушка,
« Молода Анна Ивановна!
« А и выпей чару зелена вина,
« Поминай ты любимаго крестника,
« А и молода Добрыню Никитьевича:
« Извела его Марина Игнатьевна,
« А и нынѣ на пиру похваляется.»
Проговоритъ Анна Ивановна:
— Я, де, сама эти рѣчи слышала,
— А слышала рѣчи ея похвальныя.—
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ,
Сама она Марину больно бранитъ:
— А и сука ты, ..., еретница...!
— Я, де, тебя хитрѣя и мудренѣя,
— Сижу я на пиру, не хвастаю;
— А и хошь ли, я тебя сукой оберну?
— А станешь ты, сука, по городу ходить,

— А станешь ты, Марина, много за собой псовъ во-
дить?—

А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое *):
Обернулась Маринка косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходятъ девять туровъ,
Девять братаниковъ,
Добрыня-то ходитъ десятый туръ.

А сѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
— Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
— Тебѣ чистое поле наскучило
— И зыбучія болоты напрокучили:
— А и хошь ли, Добрыня, женитися?
— Возмешь ли, Никитичь, меня за себя?—
« А право возму, ей Богу возму!
« А и дамъ тѣ, Марина, поученьице,
« Какъ мужья женъ своихъ учатъ.»
Тому она, Марина, повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому, по прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богатыремъ,
Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
Пошелъ онъ ко городу ко Кіеву,
А идетъ за нимъ Марина....
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говорилъ Добрынюшка Никитичь младъ:
« А и гой еси ты, моя молодая жена,
« Молода Марина Игнатьевна!
« У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
« Нѣту Спасова образа,
« Не кому у тя помолитися,
« Не за что стѣнамъ поклонитися;

*) Путливое.—*O.*

«А и чай моя острая сабля заржавѣла?»
А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу, ..., безбожницу:
Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
«Эта мнѣ рука не надобна,—
«Трепала она рука змѣя Горынчища.»
А второе ученье—ноги отсѣкъ:
«А эта, де, нога мнѣ не надобна,—
«Оплеталася со змѣемъ Горынчищемъ.»
А третье ученье—губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А эти, де, губы не надобны мнѣ,—
«Цѣловали они змѣя Горынчища.»
Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«А и эта голова не надобна мнѣ,
«И этотъ языкъ не надобенъ,—
«Зналъ онъ дѣла еретическія.»

IV.

1.

(Колыванская фабрика).

У того было приходу Воскресенскаго,
Что по той-то было улицѣ Устрѣтенской,
Тутъ стояли-то палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтрячка палаты зашатались,
Не отъ вихорю палаты отворялися:
Заходилъ туда Добрыня со товарищи,
Со князьями, со бояры, со богатыри.
Въ полпьяна они, бояре, напивалися,
Въ полсыта они, бояре, наѣдалися,
Во хмѣлю-то всѣ бояре припрасхвастались:
Еще кто-то бы похвасталъ своей удалью,
Еще кто-то бы похвасталъ своей бодростью,

А Добрынюшка похвасталъ молодой женой.
Что надъ тѣмъ-то всѣ бояре усмѣхнулися,
Другъ на друга-то бояре оглянулися,
Со бесѣдушки бояре разъѣзжалися,
Со Добрынею бояре распрощалися,
Надъ Добрынею бояре всѣ смѣялися,
Межь собой они, бояре, разговоръ вели:
« Еще чѣмъ-то намъ, Добрыня сынъ Никитьевичь,
« Еще чѣмъ-то ты, Добрынюшка, намъ хвастаешь!...»

(Записано г. Гуляевымъ, отъ фабричнаго мастера П. В. Черешнова; см. Прил. къ Изв. А. Н., т. II; сравни ниже много разночтеній къ этой пѣсни).

*

2.

(Симбир. губ., Сызрань).

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Православный царь веселъ былъ,
Онъ и веселъ, и радошенъ:
Породила сударыня
Ему сына царевича.
Тутъ и няпюшки, и мамушки
Всеё ночку просидѣли,
Сороченьку прошили
По атласу, по бархату,
По чистому по золоту,
По мелкому сéребру;
Тутъ-то плотнички мáстеры
Всеё ночку простукали,
Колыбелушку строили *).

*

Отломилася вѣточка
Отъ садóвой отъ яблонки,

*) Къ этому началу, взятому совсѣмъ изъ другаго отдѣла пѣсень, есть много разночтеній, которыя напечатаны будутъ гораздо ниже.—*О.*

Откатилося яблочко:
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
На чужу дальну сторону,
На чужу дальну сторону—
За рѣку за Смородину.
Подъѣзжаетъ же молодецъ
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ;
Онъ воскликнетъ же, возгаркнетъ
Громкимъ голосомъ:
« Охъ ты рѣчушка, рѣчушка,
« Мать быстра рѣка Смородина!
« Широкимъ ты не широкая,
« Глубокимъ ты глубокая!
« Есть ли на тебѣ на рѣчушкѣ
« Переходы-то частые,
« Переброды-то мелкіе?»
Возговоритъ рѣчушка
Человѣческимъ голосомъ,
Душёй красною дѣвицей:
— Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
— Добрыня Никитьевичь!
— Нѣтъ-то на мнѣ на рѣчушкѣ
— Переходовъ-то частыихъ,
— Перебродовъ-то мелкіихъ;
— Только есть на мнѣ на рѣчушкѣ
— Два мосточка калиновыхъ,
— И то они во далечѣ
— Во чистомъ полѣ.—
Возговоритъ молодецъ,
Добрыня Никитьевичь:
« Что же ты, рѣчушка,
« Съ перевозу съ насъ берешь?»
Возговоритъ рѣчушка
Человѣческимъ голосомъ,
Душёй красной дѣвицей:
— Охъ ты гой еси, молодецъ,
— Ты Добрыня Никитьевичь!
— Съ перевозу-то съ васъ беру:

— По добру коню наступчату,
— По сѣделечку Черкасскому,
— По удалу добру молодцу;
— А тебя я, добрый молодецъ,
— Я тебя и такъ перепущу
— За слова твои за ласковы,
— За поклоны за низкіе.—
Переѣхалъ же молодецъ
Черезъ рѣку чрезъ Смородину
И сталъ похвалятися,
Надъ рѣкой посмѣхатися:
« Сказали про рѣчушку,
« Сказали про быструю,
« Что эта рѣчушка
« Широкимъ широкая,
« А глубокимъ глубокая:
« Анъ эта рѣчушка
« Хуже озера стоячаго,
« Какъ дождева калужина!»
Какъ возговоритъ рѣчушка
Душёй красной дѣвицей:
— Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
— Ты Добрыня Никитьевичь!
— Воротись ты за меня, за рѣчушку:
— Позабылъ ты за мной за рѣчушкой
— Два ножа, два булатныихъ.—
Воротился молодецъ
За рѣку за Смородину:
Онъ на перву ступень ступилъ,
Онъ добра коня потопилъ;
Онъ на другую ступень ступилъ,
Сѣделичко Черкаско потопилъ;
На третью ступень ступилъ,
Самъ тутъ утонулъ.

(Записано Языковымъ; на вторую половину пѣсни есть разночтенія, которымъ настоящее мѣсто ниже).

* *
*

АЛЁША ПОПОВИЧЬ.

I.

1.

(Москва *).

Бесѣда ли, бесѣда,
Смиренная бесѣда,—
Во той во бесѣдѣ [1])
Сидѣли тутъ [2]) два брата,
Два брата родные [3]),
Хвалились сестрою [4]),
Своей сестрой роднóю [5]):
« У насъ [6]) сестра хорóша,
« Голубушка пригóжа [7]):
« На улицу не ходитъ [8]),
« Въ хороводы не играетъ,
« Въ окошечко не смотритъ [9]),
« Бѣла лица не кажетъ [10]).»

---

*) Къ этой пѣснѣ, принятой за основу, прибавлены два разнорѣчія: А.) Орловск. губ., Малоарханг. уѣзда, село Лимовòе, такъ называемая пѣсня «*Тягольная;*» Б.) Тульской губ., Алексина. уѣзда; третье же разнорѣчіе, по особому складу пѣсни, помѣщено цѣликомъ подъ № 2-мъ.—*О.*

1) А.) Какъ у нашего сосѣда Весёлая бесѣда; Б.) Какъ у нашего сосѣда Весела была бесѣда.

2) А.) Тамъ.

3) А.) и Б.) этого стиха нѣтъ.

4) Б.) Хвалилися они своею сестрою.

5) А.) и Б.) этого стиха нѣтъ.

6) А.) и Б.) наша.

7) А.) и Б.) этого стиха нѣтъ.

8) А.) Изъ тéрема не хóдит.

9) А.) и Б.) этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.

10) А.) ... не кажет, Бѣлилъ-румянъ не срóнет, Безъ бѣлилъ бѣла, Безъ румянъ румяна.

Гдѣ ни взялся Алёша
Алёшинька Поповичь [11]):
— Не хвалитесь два брата [12])
— Своей сестрой родною [13]):
— Я у вашей сестрѣ былъ [14]),
— Двѣ ноченьки ночевалъ,
— Два завтрака завтракалъ,
— Два обѣда обѣдалъ [15]),
— Два ужина ужиналъ.—
Какъ взго́воритъ большой братъ [16]):
« Пойдемъ, братецъ [17]), ко́ двору,
« Сожмемъ [18]) снѣгу по́ кому,
« Бросимъ сестрѣ во́ теремъ [19]).»
Что взговоритъ намъ сестрица [20]):
— Не шути шутку, Алёша [21])!
— Ступай прямо во терёмъ [22]):
— Моихъ братьевъ дома нѣту [23]).—
Какъ взговоритъ большой братъ [24]):
« Пойдемъ, братецъ, въ кузницу [25]),
« Скуёмъ, братецъ, сабельку [26]),
« Срубимъ сестрѣ голову!»
Покатилась головка

---

11) А.) Гдѣ ни былъ Поповъ сынъ; Б.) Какъ взговоритъ Олеша, Олёшенька Поповъ сынъ.
12) А.) Не хвалитеся; Б.) Не хвалитесь вы, два братца.
13) А.) этого стиха нѣтъ; Б.) Вы своею сестрою.
14) А.) Я у вашей у сестрѣ Въ гостяхъ побывалъ; Б.) Я у вашей у сестрѣ.
15) А.) этого стиха нѣтъ.
16) А.) Братъ брату говоритъ; Б.) Какъ взговоритъ братъ брату.
17) А.) братъ.
18) А.) и Б.) Свёрнемъ.
19) А.) Бросимъ сестрѣ во окно; Б.) Бросимъ къ сестрѣ во́ теремъ.
20) А.) Что́ наша сестра сговоритъ?—Б.) Какъ взговоритъ сестрица.
21) А.) Шалишь, шалишь, Поповъ сынъ; Б.) «шутки» вмѣсто «шутку.»
22) А.) Войдёмъ ко мнѣ во теремъ; Б.) Войди ко мнѣ во терёмъ.
23) А.) Моихъ братьевъ дома нѣтъ, Мои братья у сусѣдей, На веселой на бесѣдѣ; Б.) Моихъ братьевъ дома нѣтъ, Мои братья у сусѣда.
24) А.) этого стиха нѣтъ; Б.) Какъ взговоритъ братъ брату.
25) А.) въ кузню; Б.) въ кузенку.
26) А.) Сдѣлаемъ по ножу; Б.) Сольемъ, братецъ, сабельку.

Алёшинькѣ подъ ножки.

А Богъ суди Алёшу:
Не далъ пожить на свѣтѣ [27])!

(Записано отъ семидесятилѣтней мѣщанки).

*

2.

(Орловск. губ., Малоарханг. уѣзда).

У попа была бесѣдушка, у дьякона другая,
У дьякона другая—хвалились два брата,
Хвалились два брата: «што есть у насъ сестрица,
«Што есть у насъ сестрица, изъ терема не ходитъ,
«Изъ терема не ходитъ, бѣлилъ съ лица не ронитъ,
«Бѣлилъ съ лица не ронитъ, бѣла лица не кажитъ,
«Бѣла лица не кажитъ.» Какъ выйскался сынъ Поповичь,
Какъ выискался сынъ Поповичь: — Не хвалитесь вы, два брата,
— Не хвалитесь вы, два брата, я вашу сестру знаю:
— Я въ вашей сестрицы два ужина ужиналъ,
— Два ужина ужиналъ, третій завтракъ завтракалъ.—
Какъ братъ брату взговорилъ: «Пойдемъ, братецъ, ко двору,
«Пойдемъ, братецъ, ко двору, свернемъ снѣгу по кому,
«Свернемъ снѣгу по кому, бросимъ къ сестрѣ въ окошко,
«Бросимъ къ сестрѣ въ окошко, што намъ сестра сговоритъ?»
Сговорила имъ сестрица:—Не дури, сударь, Поповичь!
— Не дури, сударь, Поповичь! пойди ко мнѣ во теремъ,
— Во теремъ, во высокъ, моихъ братьевъ дома нѣтъ,
— Моихъ братьевъ дома нѣтъ: поѣхали на базаръ,

---

27) А.) Сѣчемъ сестрѣ голову Вотъ до этѣ рѣчушки, По самыя плечушки; Покатилась голова Къ Поповичу въ ворота; В.) кончается словами: Срубимъ сестрѣ голову По самыя плечи.

— Поѣхали на базаръ, твѣтно платье покупать,
— Твѣтно платье покупать, меня сестру снаряжать. —
Какъ братъ брату взговорилъ: «пойдемъ, братецъ, во кузенку,
«Мы и сдѣлаемъ по ножу, сѣкемъ сестрѣ голову,
«Сѣкемъ сестрѣ голову: обезчестила бороду!

(Записано кн. П. А. Костровымъ).

3

Братья Бродовичи.

(Шепкуревъ).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
У князя было у Владиміра,
Столованьице было, пированье, почестенъ пиръ
На многіе князи и бояра,
На сильныхъ могучихъ богатырёвъ
И на всѣ паленицы удалыя.
На пиру всѣ были пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Новой *) хвастаетъ своей ухваткою,
А бояре хвастаютъ животомъ своимъ.
При томъ пиру, при бесѣдушкѣ,
Сидятъ два брата, два Петровича;
Сидятъ они братаны не веселы,
Свои буйны головы повѣсили.
Князь Владиміръ стольный Кіевскій
Сталъ по гридницѣ **) похаживать:

*) Иной, другой.—*О.*

**) На вопросъ: что такое «*гридница?*» сказочникъ отвѣчалъ:—горница, гдѣ чевствовалъ Владиміръ бояръ и богатырей. — На вопросъ мой: «откуда онъ почерпнулъ это свѣдѣніе,» онъ отвѣчалъ: — старики-посказатели такъ сказывали: имъ, старикамъ, не въ отдоръ отъ нихъ итти.—*Примѣч. записавшаго.*

« Что вы, братàны, не веселы,
« Что вы ни чѣмъ не похвалитесь?»
— Князь Владимѝръ стольный-Кіевскій!
— А и не чѣмъ намъ, братанамъ, похвастати:
— Добры копи у насъ не у̀далы,
— Молоды жены не изро̀дныя *);
— Есть у насъ у братовъ родна сестра,
— Свѣтъ Наталья Збородовична:
— Сидитъ она во высокомъ теремѣ,
— Сидитъ, заперта двумя две́рями,
— Она за̀мкнута тремя ключами;
— Ей красно солнушко не огрѣетъ,
— И буйны вѣтры ее не обвѣютъ,
— Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,
— На добромъ конѣ мимо молодецъ не проѣдетъ.—
При томъ пиру при бесѣдушкѣ
Случилось быть Алешинькѣ Поповичу;
Поповичь говорилъ таковы рѣчи:
« Не чѣмъ же вы, братаны, хвастаете,
« Не добромъ вы, братаны, похваляетесь;
« Довольно я видалъ вашу сестрицу,
« Свѣтъ Настасью Збородовичну,
« А бывали и такіе часы,
« Что у ней и на грудяхъ лежѝвалъ!»
Збородовичамъ братьямъ за бѣду пало,
За бѣду пало, за великую;
Хватали они по ножишку по булатному,
Метали ими въ Алешу Поповича.
Гора̀здецъ Алеша былъ ножи хватать,
Хваталъ за черенья за ножевыя,
Самъ говорилъ таковы слова:
« Ой вы гой еси, два брата, два Петровича!
« Поѣзжайте, братаны, къ своему двору,
« Соймѝте съ себя платье цвѣтное,
« Отдавайте его любимымъ конюхамъ,
« Оболокайтесь сами въ платье черное,
« Чтобъ васъ жены не опо̀знали;

*) Не отличныя, по природѣ, не прекрасныя.— *О.*

« Дождитесь ноченьки седьмá часу,
« Поѣзжайте тогда во чисто поле,
« Захватíте комýлю * снѣга бѣлаго,
« Метните ее во окошечко во слýхово:
« Услышите отвѣстьё **) Настасьи Збородовичны.»
Снимались братаны со пира въ полпьяна,
Садились они на добрыхъ коней,
Поѣзжали братаны къ терему высокому,
Захватили комýлю снѣга бѣлаго,
Метали его во окошечко во слухово.
Услышала брéкотъ ***) Настасья Збородовична,
Сама держитъ скорое отвѣстьице:
« Ужь ты гой еси, Алешинька Поповичь младъ!
« Безъ тебя у меня кушанья призачéрстнули ****),
« Пúтьица медвяны застоялися!»
Тогда два брата Збородовичи
Ко высокому терему сбѣгалися:
Ломали двери теремóвыя,
Захватили свою родну сестрицу,
Свѣтъ Настасью Збородовичну,
Везли ее во поле во Куликово,
Хотятъ ей срубить буйну голову.
Тогда Алеша Поповичь младъ
Крычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
« Ой вы два брата, два Петровича!
« Не губите своёй Настасьи Збородовичны:
« Отдайте мнѣ-ка во замужество!»
Остóялись *****) братья Збородовичи,
Низко кланялись они Алешѣ Поповичу,
Отдавали ему во замýжество
Свѣтъ Настасью Збородовичну.

(Записано г. А. Харитоновымъ, сообщено В. И. Далемъ).

---

*) Комъ.—*О.*
**) Отвѣтъ.—*О.*
***) Бряканье, стукъ.—*О.*
****) Призачерствѣли.—*О.*
*****) Остановились.—*О.*

II.

1 *).

(Кирша Данилов).

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алёшинька Поповичь младъ
А со молодомъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское.
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскучаго;
Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
Лежатъ три дороги широкія,
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючь камень,
А на камени подпись подписана.
Возговоритъ Алёша Поповичь младъ:
« А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичь,
« Въ грамотѣ поученой человѣкъ!
« Посмотри на каменю подписи,
« Что на каменю подписано?»
И скочилъ Екимъ со добра коня,
Посмотрѣлъ на каменю подписи,
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичь:
— А и брагецъ, Алёша Поповичь младъ!

---

*) Мелкія разнорѣчія приведены нами изъ Сахарова « Сказ. русск. пар., » т. I, 1841 г., « народн. былины » стр. 22—26, печатанныя съ рукописи Бѣльскаго (?).—*О.*

— Которой дорогой изволишь ѣхать?—
Говорилъ ему Алёша Поповичь младъ:
«Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру.»
Втапоры поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
Не доѣхавши они до Сафатъ рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыхъ:
Надо Алёшѣ покормить добрыхъ коней;
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алёша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ со *) добры кони
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ;
Самъ ложился въ свой шатеръ, опочивъ держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алёша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичь
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафатъ рѣку:
И приказалъ ему Алёша
Скоро сѣдлать добрыхъ коней;
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
Лапатки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ **),

*) Сахар. объясняетъ смыслъ
Молодой Екимъ-то добры кони,
Стреножимши, во зеленъ лугъ пустилъ.—*О.*

**) Лапти 1., плетутся или ковыряются въ одинорядь, или простой плетенкой; 2., потомъ иногда подошва или носокъ подковыриваются, т. е. проплетаются въ другой разъ. и такія, съ подковыркой, дороже; на перелкѣ или личикѣ подковырка бываетъ узорная.—*О.*

Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа Сорочинская, земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятдесятъ пудъ налита свинцу Чебурацкаго.
Говорилъ таково слово:
—Гой вы есп, удалы добры молодцы!
— Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
— Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
— Промежь плечей косая сажень,
— Промежу глазъ калена стрѣла;
— Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
— Изъ хайлища пламень пышетъ,
— Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.—
Привязался Алёша Поповичь младъ:
« А и ты, братецъ, калика перехожея!
« Дай мнѣ платье каличее,
« Возми мое богатырское:
« Лапатки свои семи шелковъ,
« Подковырены чистымъ серебромъ,
« Личико унизано краснымъ золотомъ,
« Шубу свою соболиную, долгополую,
« Шляну Сорочинскую, земли Греческой,
« Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
« Въ пятдесятъ пудъ налиту свинцу Чебурацкаго.»
Даетъ свое платье калика Алёшѣ Поповичу
Не отказываючи; а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.
Скоро Алёша каликою наряжается,
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафатъ рѣку.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичь младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алёша Поповичь едва живъ идетъ;
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичь младъ:
— Гой еси, калика перехожея!

— А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
— Про млада Алёшу Поповича?
— А и я бы Алёшу копьемъ закололъ,
— Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.—
Говоритъ тутъ Алёша каликою:
« А и ты ой еси, Тугаринъ Змѣевичь младъ!
« Поѣзжай поближе ко мнѣ,
« Не слышу я, что ты говоришь.»
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичь младъ.
Сверстался Алёша Поповичь младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его плелугою по буйной головѣ,
Разшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алёша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичь младъ:
— Гой еси ты, калика перехожея!
— Не ты ли Алёша Поповичь младъ?
— Только ты Алёша Поповичь младъ,
— Семъ побратуемся съ тобой *)!—
Втапоры Алёша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь.
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ:
Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичь
И калика перехожея,
Испужалися его, сѣли на добрыхъ копей,
Побѣжали ко городу Ростову;
И постигаетъ ихъ Алёша Поповичь младъ,
Оберпется Екимъ Ивановичь,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросилъ назадъ себе,
Показалося ему, что Тугаринъ Змѣевичь младъ,
И угодилъ въ груди бѣлыя Алёши Поповича,

*) Если ты Алеша, давай побратаемся.—*О.*

Сшибъ изъ сѣделечка Черкесскаго,
И упалъ онъ на сыру землю.
Втапоры Екимъ Ивановичь
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ пороть груди бѣлыя,
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
— По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
— Что убихъ *) своего братца родимаго!—
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алёша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
Клали въ чемоданъ къ себѣ;
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княжепецкомъ дворѣ,
Скочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
И на всѣ четыре стороны.
Говорилъ имъ ласковой Владиміръ князь:
— Гой вы еси, добры молодцы!
— Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
— А по имени вамъ мочно **) мѣсто дать,
— По изотчеству можно пожаловати.—
Говоритъ тутъ Алёша Поповичь младъ:

---

*) Сахар.: убилъ.— *O.*

**) Сахар.: можно.— *O.*

« Меня, осударь, зовутъ Алёшою Поповичемъ,
« Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго.»
Втапоры Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
— Гой еси, Алёша Поповичь младъ!
— По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
— Въ другое мѣсто богатырское,
— Въ дубову скамью противъ меня,
— Въ третье мѣсто, куда самъ захошь.—
Не садился Алёша въ мѣсто большое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатной брусъ *).
Мало время позамѣшкавши,
Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота,
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большое,
И подлѣ его сидѣла княгиня Апраксѣевна.
Тутъ повары были догадливы,
Понесли ѣства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Стали тутъ пить-ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичь не честно хлѣба ѣстъ,
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія;
И не честно Тугаринъ питья пьетъ,
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра;
И говорилъ втапоры Алёша Поповичь младъ:
« Гой еси ты, ласковой осударь Владиміръ князь!
« Что у тебя за болванъ пришелъ,
« Что за дуракъ неотесаной?
« Не честно у князя за столомъ сидитъ,
« Ко княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,

---

*) На *гриду*, откуда и названіе *гредни* или *гридни*; см. примѣчанія въ другихъ выпускахъ ниже.—*О.*

« Цѣлуетъ во уста сахарныя,
« Тебѣ князю насмѣхается.
« А у моего сударя батюшки
« Была собачища старая,
« Насплу по подстолью таскалася,
« И костью та собака подавилася:
« Взялъ ее за хвостъ, подъ гору махнулъ;
« Отъ меня Тугарину то же будетъ!»
Тугаринъ почернѣлъ какъ осенняя ночь,
Алёша Поповичь сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ.
И опять втапоры повары были догадливы,
Носятъ ѣства сахарныя,
И принесли лебедушку бѣлую,
И ту рушала княгиня лебедь бѣлую,
Обрѣзала ученку лѣвую,
Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила;
Говорила таково слово:
— Гой вы еси, княгини-боярыни!
— Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
— Либо смотрѣть на милъ животъ,
— На молода Тугарина Змѣевича.—
Онъ взявши, Тугаринъ, лебедь бѣлую,
Всю вдругъ проглотилъ,
Еще тутъ же ковригу монастырскую;
Говоритъ Алёша на полатномъ брусу:
« Гой еси, ласковой осударь Владиміръ князь!
« Что у тебя за болванъ сидитъ,
« Что за дуракъ неотесаной?
« Не честно за столомъ сидитъ,
« Не честно хлѣба съ солью ѣстъ,
« По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ
« И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ;
« У моего сударя батюшки,
« Ѳедора попа Ростовскаго,
« Была коровища старая,
« Насплу по двору таскалася:
« Забилася на поварню къ поварамъ,
« Выпила чанъ браги прѣсныя,

« Отъ того она лопнула,—
« Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
« Отъ меня Тугарину то же будетъ!»
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осенняя ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алёшу Поповича;
Алёша на то-то вертокъ былъ,
Не могъ Тугаринъ попасть въ него;
Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичь,
Говорилъ Алёшѣ Поповичу:
— Самъ ли ты бросаешь въ него, али мнѣ велишь?—
« Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не велю!
« Заутра съ нимъ перевѣдаюсь;
« Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
« Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
« А бьюсь о своей буйной головѣ.»
Втапоры князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги
И всѣ за Тугарина поруки держатъ,
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесять, крестьяне по пяти рублевъ;
Тутъ же случилися гости купеческіе,—
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ;
А за Алёшу подписывалъ владыка Черниговской.
Втапоры Тугаринъ и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ, подъ небесью *) летать.
Скочила княгиня Апраксѣевна на рѣзвы ноги,
Стала пѣнять Алёшѣ Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
— Не далъ посидѣть другу милому!—
Втапоры того Алёша не слушался,

*) Сахар.: по поднебесью.— *О.*

Звился *) съ товарищи и воинъ пошелъ,
Садился на добры кони,
Поѣхали ко Сафатъ рѣкѣ;
Поставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней отпустили въ зелены луга.
Тутъ Алёша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
« Создай, Боже, тучу грозную,
« А и тучи-то съ градомъ дождя!»
Алёшины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дожди,
Замочило Тугарина (**) крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю.
Приходилъ Екимъ Ивановичь,
Сказалъ Алёшѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ.
И скоро Алёша паряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичь Алёшу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
— Гой еси, Алёша Поповичь младъ!
— Хошь ли я тебя огнемъ спалю,
— Хошь ли, Алёша, конемъ стопчу,
— Али тебя, Алёшу, копьемъ заколю?—
Говорилъ ему Алёша Поповичь младъ:
« Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичь младъ!
« Бился ты со мною о великъ закладъ,
« Биться-драться единъ на единъ,
« А за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ
« На меня Алёшу Поповича.»
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,—
Втапоры Алёша подскочилъ, ему голову срубилъ.

---

*) Взвился, быстро поднялся.— *О.*

**) Сахар.: у Тугарина.— *О.*

И пала глава на сыру землю, какъ пивной котелъ *).
Алёша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня,
И прокололъ уши у Тугарина Змѣевича,
И привязалъ къ добру коню,
И привезъ въ Кіевъ на княженецкой дворъ,
Бросилъ средп двора княженецкаго.
И увидѣлъ Алёшу Владиміръ князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраны столы,
Тутъ для Алёши и столъ поспелъ.
Сколько время покушавши,
Говорилъ Владиміръ князь:
— Гой еси, Алёша Поповичь младъ!
— Часъ **) ты мнѣ свѣтъ далъ!
— Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
— Служи мнѣ князю Владиміру.
— До люби ***) тебя пожалую.—

---

*) Въ «Русскихъ сказкахъ» Чулкова, 3-е изд., 1820 г., часть I, стр. 122, 123, при разсказѣ о такомъ же точно подвигѣ Добрыни противъ Тугарина, сдѣлано примѣчаніе —

«Къ крайнему моему сожалѣнію, въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича. Отрывки пѣсни сей остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь:

Изъ далеча, изъ далеча во чистомъ полѣ,
Какъ далѣе того на Украйнѣ,
Какъ ѣдетъ-поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучь богатырь Добрыня,
А Добрыня вѣдь то, братцы, Никитьевичь,
И съ нимъ вѣдь ѣдетъ Торопъ слуга...

(послѣ сего описывается пріѣздъ его къ князю Владиміру, сраженіе съ Тугариномъ; но подробно словъ пѣсни я не помню)

... У Тугарина, собаки, крылья бумажныя,
И летаетъ онъ, собака, по поднебесью...

Конецъ:

Упалъ онъ, собака, на сыру землю,
А Добрыня ему голову свернулъ,
Голову свернулъ, на копье взоткнулъ.»

**) Часомъ, за одинъ часъ, въ одну минуту.—*О.*

***) Сколько любви есть, отъ всего сердца.—*О.*

Вгапоры Алёша Поповичь младъ князя не ослушался.
Сталъ служить вѣрою и правдою;
А княгиня говорила Алёшѣ Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
— Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
— Съ молодымъ Змѣемъ Тугаретиномъ *).—
Отвѣчаетъ Алёша Поповичь младъ:
« А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксѣевна!
« Чуть не назвалъ я тебя сукою,
« Сукою-то волочайкою!»
То старина, то и дѣянье.

III.

1.

(Сузунскій заводъ; см. прежде).

Какъ издалече, изъ чиста поля
Выѣзжали два русскіе богатыря:
Одинъ богатырь—Илья Муромецъ,
Другой-то Алёша Поповичь младъ.
Пріѣзжали они къ синю морю
На тихія морскія заводи.
Не случилось тутъ ни сѣра гуся,
Ни сѣра гуся, ни бѣлаго лебедя,
Ни малой пташки—сѣрой уточки.
Не на чемъ имъ сердце пріутѣшити,
Могучія плечи прирасправити.
Побѣжалъ тутъ Алёша чрезъ широку степь.
Середи той широкой степи
Стоялъ сырой дубъ крековистый.
На томъ дубу, на крековистомъ,
Тутъ сидѣла птица вѣщая,
Птица вѣщая—черёнъ воронъ.
Онъ съ крыла на крыло перелетываетъ,
Съ ноги на ногу воронъ переступываетъ.

*) Сахар.: Тугаринымъ.

Тутъ Алёша удивляется,
Удивляется, разсержается.
Соскакиваетъ со добра́ коня,
Снимаетъ лукъ съ могучихъ плечь,
Беретъ изъ колчана калену́ стрѣлу́,
Кладетъ стрѣлу́ на тетивочку,
Хочетъ птицу вѣщую подстрѣлити,
Могучія плечи порасправити,
Богатырское сердце пріутѣшити.
Проговариваетъ птица черёнъ-воро́нъ:
« Ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
« Тебѣ на мнѣ сердце не утѣшити,
« Могучія плечи не расправити!
« Побѣгай-ко, Алеша, чрезъ эту степь,
« Черезъ эту степь Саратовскую,
« Что ко той рѣчкѣ ко Саратовкѣ,
« Ко тому камню бѣлъ-горючему,
« Къ тому кусту ко ракитову:
« Тутъ сидятъ-то два Татарина,
« Два Татарина некрещеные;
« Полонили они красну дѣвицу
« Красну дѣвицу—душу Русскую,
« И одинъ Татаринъ уговарива́тъ:
«« Ты по русскому красна дѣвица,
«« А по нашему будь голчаночка *).»
« А другой молвитъ: « Увеземъ тебя,
«« Увеземъ тебя, красна дѣвица,
«« Увеземъ тебя къ себѣ въ орду:
«« Отдадимъ тебя за Татарина,
«« За Татарина за дороднаго,
«« За хорошаго—въ ко́су сажень.
«« Мы всѣ ему покоряемся,
«« Покоряемся и поклоняемся.»»
Тутъ Алеша Поповичь младъ
Надѣвалъ тугой лукъ на могучи плечи,
Клалъ стрѣлу во колчаночку,

*) У Славянъ для дѣвушки есть названіе неяснаго корня: *Голка*. Но можетъ быть это ошибка вмѣсто *полоняночка*.—*О*.

Заскакивалъ Алеша на добра́ коня,
Бѣжалъ опъ чрезъ широку степь,
Чрезъ широку степь Саратовску,
Ко той, было, рѣчкѣ ко Саратовкѣ,
Къ тому камню бѣлъ-горючему,
Къ тому кусту ко ракитову:
Одного Татарина конемъ стопталъ,
Другаго Татарина мечомъ зарубилъ.
Соскакивалъ Алеша съ добра́ коня,
Падалъ коню въ праву́ ногу́:
« Спасибо тебѣ, батюшко, добрый конь!
« Получилъ я себѣ обру́чницу,
« Обру́чницу, подвѣпечницу!»
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
Садилъ дѣвицу на тучны́ бедры́.
Говорилъ тутъ дѣвицѣ Алеша Поповичь младъ:
« Какого ты, дѣвица, роду-племени?
« Царскаго али боярскаго?
« Княжепецкаго али купенкаго?
« Али послѣдняго роду—крестьянскаго?»
Отвѣчала Алёшѣ красна дѣвица:
— Не царскаго я роду, ни боярскаго,
— Не княжепецкаго, ни купецкаго,
— Не купецкаго, ни крестьянскаго,
—А того ли батюшка попа Ростовскаго.—
Соскакивалъ Алёша съ добра коня,
Падалъ коню во праву ногу:
« Спасибо тебѣ, батюшко, добрый конь!
« Я думалъ получить себѣ обру́чницу,
« Обру́чницу, подвѣпечницу,
« А выручилъ ро́дпу се́стрицу.»
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
Побѣжалъ опъ къ своёму батюшкѣ,
Что къ тому ли попу Ростовскому.

(Записано Д. П. Соколовымъ; Прпб. къ Изв. А. П., т. II.—Сравни въ I-мъ выпускѣ, про Илью Муромца, въ разрядѣ I-мъ № 3-й, и въ разр. VII-мъ № 4-й, а ниже разныя пѣсни безымянныя).

* *
*

ВАСИЛІЙ КАЗИМІРОВИЧЬ.

I.

1 *).

(Арханг. губ., Шенкурскаго уѣзда).

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У славнаго [1]) князя Владиміра [2]),
Говоритъ батюшка Владиміръ князь:
— Ой ты гой еси [3]), Василій сынъ Казиміровичь!
— У меня тебѣ, Василій [4]), служба я́вленная,—
— Ѣхати Василью въ Большую орду,
— Въ Большую орду Заóданскую,
— Ко царю ли ко́ Батыю [5]),
— Везти ли тебѣ дани, везти пошлины:
— Везти тебѣ двѣнадцать ясныхъ со́коловъ,
— Везти тебѣ двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
— Везти тебѣ миса чи́ста [6]) золота,
— Везти тебѣ миса чи́ста се́ребра,
— Везти тебѣ миса ска́тна же́мчуга.—
Василій отъ того не отпирается:
« Ахъ ты гой еси, батюшка, Владиміръ князь!

---

*) Разнорѣчія помѣщены изъ пѣсни, доставленной В. Ѳ. Даремъ и записанной для него въ Шенкурскомъ уѣздѣ г. А. Харитоновымъ.—*О.*

1) У ласкова.

2) Столованьице было, пированье—почестенъ пиръ,
На всѣ князи и на бояра,
На сильные могучіе богатыри,
На всѣ наленицы удалыя.

3) Гой ты.

4) Василью.

5) Заоданскому.

6) Красна.

« Куда меня пошлёшь, я тебѣ радъ служить;
« Только дай-ко ты мнѣ во товарищи
« Дай-ко мо́лода Добрыню́шку Никитича,
« Другова дай Марка-и-па́робка [1]).»
Говоритъ Владимі́ръ князь ко товарищамъ:
— Вотъ вамъ, ребята, служба я́вленная,—
— Ѣхати вамъ во Большую орду,
— Во Большую орду Заода́нскую,
— Ко царю ко Батыю [2]),
— Везти вамъ [3]) дани, пошлины:
— Везти [4]) двѣнадцать ясныхъ, со́коловъ,
— Везти двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
— Везти миса чи́ста [5]) зо́лота,
— Везти миса чи́ста се́ребра,
— Везти миса скатна жемчуга.—
Не брали они ни дани, ни пошлины,
Ухватили лучи́шко дорожное;
Поѣхали ребята не воротами:
Скочили чрезъ стѣну городо́вую,
Черезъ тѣ [6]) башни наугольныя.
Пріѣхали ребята въ землю Заода́нскую,
Пріѣхали ко Батыю царю [7]).
Остался Добрыня на новы́хъ сѣня́хъ;
Въ палаты пошелъ Василій сынъ Казиміровичь,
Ко царю, ко Батыю:
« Ой ты гой еси, Батый царь [8])!
« Изволь принять дани и пошлины:
« Вотъ тебѣ [9]) двѣнадцать ясныхъ соколовъ,

---

1) Въ разнорѣчіи тоже. — Паробка; *и*, вѣроятно *й*, служитъ переходомъ между *Марка* и *паробка*.—*О*.
2) Заоданскому.
3) Ребята.
4) Вамъ.
5) Красна.
6) Черезъ тѣ же.
7) Заодонскому.
8) Заодонскій.
9) Вездѣ: « Ты изволь принять...»

« Вотъ тебѣ двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
« Вотъ тебѣ миса чиста [1]) золота,
« Вотъ тебѣ миса чиста сéребра,
« Вотъ тебѣ миса скáтна жемчуга,
« Отъ лáскова князя Владимíра!»
Говоритъ ему царь Батый:
— Ахъ ты гой еси, Василій сынъ Казимíровичь!
— Есть ли у васъ таковы умильны [2]) игроки:
— Поиграть бы во тавлеи во валья́щеты [3])?—
« Ахъ ты гой еси, Батый царь!
« Я не зналъ, право, охоты твоей царской,
« Не зналъ охоты твоей боярской [4]):
« Не бралъ изъ города умильныхъ [5]) игроковъ;
« А надѣюся на Спаса, на Пречистую,
« На Матушку на Божію Богородицу,
« Надѣюсь на братца на назва́наго,
« На молода Добрыню [6]) Никитича:
« Съ измалёхонька Добрынюшка тѣшился,
« Съ малыми ребятами игрывалъ.»
Кликнули Добрыню Никитича,
Подёрнули столы бѣлодубовые,
Раздёрнули тавлéи валья́щеты [7]),
Первую тавлéюшку [8]) царь ступилъ;
Другую тавлéюшку Добрыня Никитичь младъ;
Третью тавлéюшку царь ступилъ;
Четвертую Добрыня [9]) Никитичь младъ:
Больше царю ступить нéкуда;

---

1) Красна.
2) Умѣльны.—*Искусные.*—*О.*
3) Въ разнорѣчіи испорчено:
Поиграть бы во ставлеи во альянскія.
Тавлея (tabula)—шашка и шахматъ; *вальящетый*—рѣзной.—*О.*
4) Царскія; боярскія.
5) Умѣльныхъ.
6) Добрынюшку.
7) Ставляи воальянскія.
8) Ставляюшку.—Пѣвецъ вѣроятно осмыслилъ слово, ему незнакомое, какъ *ставку*.—*О.*
9) Добрынюшка.

Та игра была проиграна.
Вино́во бьетъ челомъ Василій сынъ Казиміровичь:
« Ой ты гой еси, Батый царь!
« Изволь принять дани, пошлины [1]):
« Двѣнадцать ясныхъ со́коловъ,
« Двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
« Миса чиста золота,
« Миса чиста се́ребра,
« Миса скатна жемчуга,
« Отъ ласкова князя Владиміра.»
Говоритъ ему царь Батый [2]):
— Ахъ ты гой еси, Василій сынъ Казиміровичь!
— Есть ли у васъ таковы умильны [3]) борцы?—
Отвѣчаетъ Василій сынъ Казиміровичь:
« Ахъ ты гой еси, Батый царь!
« Я не зналъ, право, охоты твоей царской,
« Не зналъ охоты твоей боярской [4]):
« Не́ бралъ изъ го́рода умильныхъ [5]) борцёвъ;
« А надѣюсь на Спаса, на Пречистую,
« На Матушку на Божью Богородицу,
« Надѣюсь на братца на назва́наго,
« На мо́лода Добрыню [6]) Никитича:
« Съ измалёхонька Добрынюшка тѣшился,
« Съ малыми ребятушками ба́рывался.»
Крикнули Добрыню Никитича.
На у́лкѣ у царя ходятъ три борца,
Три борца, три Татарина:
Дру́жка дру́жку за́ воротъ похватываютъ,
Дру́жка дру́жку на́ земь побрасываютъ.
Спускается Добрыня со кра́сна крыльца,

---

1) « Ты прими дани и пошлины
« Отъ ласкова князя Владиміра!»
2) Отвѣчаетъ Батый Заодански́й.
3) Умѣльные.
4) Царскія; боярскія.
5) Умѣльныхъ.
6) Добрынюшку.

Въ одномъ спускается во порядочкѣ [1]):
« Ахъ ты гой еси, Батый царь [2])!
« Какъ ты прикажешь мнѣ боротися:
« Со всѣми ли вдругъ, или по одиночкѣ?»
Говоритъ Батый царь Заóданскій:
— Ой ты гой еси, Добрыня Никитичь младъ!
— Ты какъ поизволишь, такъ и борись!—
Добрыня взялъ перваго Татарина зà воротъ,
Втораго Татарина взялъ зà голову,
Третьяго Татарина зà власы [3]);
Бросилъ ихъ о сырỳ землю,
Зашибъ до смéрти, до скóрыя:
Та борьба побóрана [4]).
Внóво бьетъ челомъ [5]) Василій сынъ Казиміровичь:
« Ой ты гой еси, Батый царь [6])!
« Изволь принять [7]) дани, пошлины:
« Двѣнадцать ясныхъ сóколовъ,
« Двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
« Миса чиста [8]) золота,
« Миса чиста сéребра,
« Миса скатна жемчуга,
« Отъ ласкова князя Владиміра [9]).»
Говоритъ ему Батый царь [10]):
— Ахъ ты гой еси, Василій сынъ Казиміровичь!
— Есть ли у васъ таковы̀ умильны [11]) стрѣльцы:
— Пострѣляти бы изъ нашихъ изъ тугихъ луковъ?—
Отвѣчаетъ Василій [12]) сынъ Казиміровичь:

---

1) Въ разнорѣчіи этого стиха нѣтъ; *въ однорядочкѣ: однорядка* или *однорядокъ*,—съ однимъ рядомъ застежекъ, однобортная одежа.—*О.*

2) Заоданскій.

3) Взялъ зà волосы.

4) Побората.

5) Говоритъ.

6) Заоданскій.

7) Въ каждомъ стихѣ, и ниже: « Ты изволь принять....»

8) Красна.

9) Отъ Владиміра.

10) Заоданскій.

11) Умѣльны; вездѣ такъ, и ниже.

12) Баська.

« Ахъ ты гой еси, Батый царь!
« Я не зналъ, право, охоты твоей царской,
« Не зналъ охоты твоей боярской [1]:
« Не бралъ изъ города умильныхъ стрѣльцёвъ;
« А надѣюсь на Спаса, на Пречистую,
« На Матушку Божью Богородицу,
« Надѣюсь на братца на назва́наго,
« На мла́да Добрыню Никитича:
« Изъ маленькихъ лучишковъ онъ пострѣливалъ [2].»
Крикнули [3] Добрыню Никитича.
На у́лкахъ у царя несутъ тугой лукъ:
Подъ конецъ несётъ сто Татаровей,
Подъ другой несётъ другое сто,
Подъ серёдочку третье [4] сто;
Всѣ идутъ Татарове—покрёхтываютъ [5].
Берётъ ли [6] Добрыня ручкой правою,
Кладетъ ли Добрыня подъ ножку подъ лѣвую,
Съ лѣвыя ножки на пра̀во плечо [7]:
Заскрипѣли только полосы булатныя,
Заревѣли змѣи у туга̀ лука,
Изломалась полоса булатная,
Со бедра Добрыня бросилъ лукъ о́ землю:
« Ахъ ты гой еси, Батый царь Заба́данскій!
« Что̀ ты мнѣ экой за лукъ принёсъ?
« Ахъ ты гой еси, Марко-и-па́робко!
« Тащи-тко лучи́шко дорожное,
« Дорожное лучи́шко, завозное [8]!»
Беретъ Добрыня ручкой правою,

---

1) Царскія; боярскія.

2) Съ измалёхонька Добрынюшка тѣшился,
Изъ маленькихъ лучишекъ пострѣливалъ.

3) Кликнули.

4) Третьёе.

5) Татаровья покряхтываютъ.

6) Беретъ лукъ.

7) « Съ лѣвыя ноги на правое плечо.» Это пріемъ для напяливки тетивы на лукъ.—*О.*

8) Притащили лучишко завозное.

Кладетъ Добрыня подъ ножку подъ лѣвую [1]:
Защелка́ла тети́вочка шёлковая,
Натянулся у Добрыни тугій лукъ;
Наложилъ онъ [2] стрѣлку калёную.
Говоритъ Добрыня Никитичь младъ:
« Ахъ ты гой еси, Батый царь Заóданскій!
« Ты куда прикажешь изъ лука стрѣли́ть [3]:
« По Татаровей стрѣлить [4], али во чисто́ поле,
« Во матёрое дубово́ дерево [5]?»
Отвѣчаетъ Батый царь:
— Ахъ ты гой еси, Добрыня Никитичь младъ!
— Ты куда попзволишь, туда и стрѣли́ [6].—
Разжалился стрѣлять по Татаровей [7],
Стрѣлялъ онъ далече во чисто́ поле,
Во то ли во матёрое во дубо́во дерево [8]:
Разшибъ дубъ дерево [9] въ черенье во ножёвое;
Еще стрѣла не уходилася,—
Залетѣла [10] въ пещеру бѣлокаменную;
Убила змія троеглаваго.
Скочили робята [11] на добрыхъ копей;
Не́ дали робята ни дани, ни пошлины;
Уѣзжали робята въ стольный Кіевъ градъ.

(Записано г. Кузнищевымъ и доставлено г. Погодинымъ).

---

1) Съ лѣвыя ноги на правое плечо.
2) Добрыня.
3) Стрѣлять.
4) По Татаровямъ стрѣлять.
5) Въ матёрое дубъ-древо.
6) Туда стрѣляй.
7) Разжалялся стрѣлять Добрыня по Татаровямъ.
8) Во дубъ-древо.
9) Дубъ-древо.
10) Стрѣла.
11) Ребята.

2.

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Ни ясёнъ соколъ съ тёпла гнѣзда солётывать,
Ни бѣлóй кречоть съ тёпла гнѣзда сопорхывать:
Востаетъ самъ батюшка Володимѣръ князь
Изъ свова изъ мѣста княженецково.
Приказалъ онъ наливать чанъ зелёна вина;
Въ чанъ пушшаетъ золоту́ чару́,
Вѣсомъ чара пол-сёма пуда,
Мѣрой чара пол-сёма вёдра.
Возгóворитъ самъ батюшка Володимѣръ князь:
— Охъ вы гой есть, мои сильны могучи богáтыри!
— Хто подыметъ эту чару́ одной рукой,
— И хто вы́пьетъ эту чару одны́мъ духáмъ,
— Сослужилъ бы мнѣ тотъ служебку великую;
— Съѣздилъ бы въ óрду во невѣрную,
— Къ тому царю къ Бáтырю ко Каймáновичу;
— Отвёзъ бы ёму дани-пошлины,
— Всѣ выходы княженецкіе:
— Двѣнадцать тысячь золотой казны,
— На двѣнадцать тысячь чистово сéребра,
— На двѣнадцать тысячь крупново жемчугу,
— На двѣнадцать тысячь ясны́хъ соколóвъ,
— На двѣнадцать тысячь бѣлы́хъ кречотóвъ,
— На двѣнадцать тысячь мелкихъ итáшычокъ.
— Я дамъ тому провожатыехъ
— И вдвое дамъ сбережатыехъ.—
Выходитъ доброй молодецъ,
Ужь и молодой Васпліи Казнѣровичь;
Беретъ чару одной рукой,
Выпиваетъ чару́ едны́мъ духáмъ:
« Ужь ты батюшка нашь, Володимѣръ князь!
« Сослужу тебѣ я служебку великую,
« Съѣзжу въ óрду во невѣрную,
« Къ тому царю ко Батырю Каймановичу;

« Отвёзу ёму всѣ дани-пошлины
« И всѣ выходы княженецкіе:
« Двѣнадцать тысячь золотой казны,
« На двѣнадцать тысячь чистово сéребра,
« На двѣнадцать тысячь крупново жемчугу,
« На двѣнадцать тысячь ясныхъ соколóвъ,
« На двѣнадцать тысячь бѣлыхъ кречотóвъ,
« На двѣнадцать тысячь мелкихъ итáшычокъ.
« Мнѣ не надобно твоихъ провожатыихъ,
« Не пады твехъ сберегатыихъ;
« Только дай мнѣ братца названово,
« Да ужь молода Добрыню Никитича.
« Добрыня, батъ *), отца-матери хорошово;
« Добрыня роду-племени учёново:
« Умѣтъ Добрыня слово молыти,
« Передъ тѣмъ царёмъ Батыремъ поклонитиса,
« Поклонитиса умѣтъ и похвалитиса.»
Давалъ ёму князь Добрыню Никитича.

Пошли молодцы по конюшенкамъ по дубовыимъ
Выбирать всѣ добрыхъ коней.
Во стремена ногою не ступáючи,
И зауздницу рукою не хватáючи,
Садились молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали ко городу ко Астрахáнѣ.
Ѣхали онѣ трои суточьки,
Царь Батырь изъ окна глядитъ,
Глядючи на нихъ улыбаетса и насмѣхаетса:
— Што эта прилетѣли за двѣ пташки, за двѣ Рускихъ!
— Не бывать вамъ мóлодцамъ на святой Руси,
— Не видать вамъ мóлодцамъ князя Володимíра
— И не гýливать по кóнымъ по плóшшадямъ!—
Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
« Охъ ты гой еси, царь Батырь!
« По чёмъ ты знаешь, по чёмъ вѣдаешь?
« Мы ударимса съ тобою объ великъ закладъ:

*) Баять, говорить.— *О.*

« Ни объ стѣ рубляхъ, ни объ тысячѣ,
« Мы ударимся съ тобою объ буйныхъ головахъ.
« Поставимъ въ чистомъ полѣ востро́ копьё,
« И станемъ въ востро копьё мѣтити
« Изъ твова́ изъ высоково терёма́,
« Изъ твова́ станемъ кося́шшета окна:
« Хто не попадетъ въ востро́ копьё,
« Рашшибить ёво на́ двое и на́ трое,
« На́ трое и на четверо.»
Возго́воритъ царь Батыр́ь:
— Охъ вы гой естя, мое Тата́ровья,
— Злыи мужики ула́повыи *)!
— Внеси́те мой ту́гой лукъ и калену́ стрѣлу,
— Положите лукъ на дубовой столъ.—
Внесли ему ту́гой лукъ,
Положили на дубовой столъ.
Возго́воритъ царь Батырь:
— Ишша што это дубовой столъ не шатнетса,
— И у́ стола ноги не подломятса?—
Отвѣтъ держитъ Добрыня Никитичь:
« Подъ столомъ тѣ сидятъ двѣ птапки, объ Рускихъ.»
Сталъ царь ту́гой лукъ натягивать,
Сталъ калену стрѣлу накладывать:
Тутъ и лопнулъ у нёво ту́гой лукъ....
Скоро сѣли молодцы на добры́хъ коней,
Учали по силушкѣ погулывать:
Гдѣ повёрнутса, дѣлали улицы,
Поворотятса—ча́сты пло́шшади....
Царь Батырь изъ окна глядитъ:
— Охъ вы гой естя, доро́дныи молодцы!
— Покиньте мнѣ людей хошь на сѣмены;
— Мнѣ не нады теперь вашихъ данёй-по́шлинней
— И всѣхъ выходовъ княженецкіехъ!—

(Записано свящ. Фаворскимъ; см. Прил. къ Изв. А. Н., т. I.).

*) Улановьи, улановья.—*О.*

II.

1.

(Тотъ же).

Подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
Подступаетъ онъ съ двумя сыновьями,
И со зятемъ съ Лукопёромъ богáтыремъ.
Онъ и пишетъ, собака, похваляется:
« Я и Кѣевъ-атъ городъ выжгу, вырублю,
« Божьи церкви съ дымóмъ пушшу,
« Князя со княжной во полонъ возьму,
« А князей-бояръ въ котлѣ сварю.»
А на ту пору богатырей-ту дома не было:
Илья Муромецъ усланъ былъ въ землю Латынскую
Закупать коней богатырскíихъ;
А Добрыня—въ землю Черкавскую
Закупать сидѣличьки Черкавскія;
А Олёша Поповъ въ землю Сорочинскую
Закупать пшено Сорочинское.
Оставался одинъ Василій Пьяница.
Возговоритъ Володимíръ князь:
— Охъ вы гой éсте, мои князья-бояря!
— Позовите ко мнѣ Василья Казнѣровича.—

Пошли-же бояря во царевъ кабакъ,
Увидали тутъ Васютучьку сына Пьяницу,
Говорятъ ему таковы грубны рѣчи:
— Охъ ты гой еси, Васютычька сынъ Пьяница!
— Што ты лежишь на печишшѣ нагъ, ни ниточьки?
— Ничего-та ты не знаешь и не вѣдаешь:
— Подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
— Царь Батый, онъ-жа Каймановичь.
— Онъ и пишетъ, собака, похваляется:
—« Я и Кѣевъ-атъ городъ выжгу, вырублю,
—« Божьи церкви со дымóмъ пушшу,

—« Князя со княгинеи во полонъ возьму. »
— А насъ князей-бояръ хочетъ въ котлѣ сварить. —
И слѣзаетъ онъ съ печи, запираетъ кабакъ,
Запираетъ его крѣпко на крѣпко,
Сбираетъ съ князей-бояръ свѣтно платье до нага,
Беретъ липпилишу *) кабацкую,
Онъ и бьётъ князей-бояръ по крутымъ бёдрамъ,
И гонитъ ихъ до двора княженецкаго.
А Володиміръ князь глядючи на нихъ улыбается,
И возговоритъ онъ таковы рѣчи:
« Охъ вы гой есте, мои князи-бояря!
« Ужь вы пропились у меня, аль проигралися?»
— Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
— Мы не пропились у тя, не проигралися,
— Обесчестилъ насъ Васютычька сынъ Пьяница.—
Возговоритъ Володиміръ князь:
« Ахъ вы глупые бояря, неразумные!
« Не утѣшили **) молодца, а только раззадорили.»
Пошолъ самъ Володиміръ во кружало государево,
И молится Володиміръ чудному образу,
И кланятся на всѣ четыре стороны,
Особливой поклонъ Василью Казиѣровичу:
« Охъ ты гой еси, Василій Казиѣровичь!
« Ничево-та ты не знаешь и не вѣдаешь:
« Подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
« Царь Батый, онъ-жа Каймановичь,
« Онъ и пишетъ, собака, похваляется:
«« Я и Кѣевъ-атъ городъ выжгу, вырублю,
«« Божьи церкви со дымомъ пушшу,
«« Князя со княгинеи во полонъ возьму,
«« А князей-бояръ въ котлѣ сварю.»»
— Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
— Поднеси-ка мнѣ чарычьку похмѣльную,
— Которой чарой пьётъ Илья Муромецъ.—
А Илья пьётъ чарой въ полсёма ведра:

---

*) Вѣроятно брусъ отъ дверной притолоки? — *О.*

**) Не утишили. — *О.*

Выпивалъ онъ её до суха.
— Поднеси ещшо, батюшка, чарычьку заздравную,
— Которой пьётъ Добрыня Никитьевичь.—
Добрыня пьётъ чарой въ полпята ведра:
Выпивалъ и эту чару до суха.
— Поднеси-жа ещшо, батюшка, чарычьку веселую,
— Которой пьетъ Олёша Поповичь.—
Олёша пьётъ чару въ полтретья вёдра:
Выпивалъ и эту чару до суха.

Пополъ Васипька супротивъ непріятеля:
Сталъ стрѣлять ему во табуры,
И попалъ Лукопёру въ правой глазъ *).
Ишшо пуще царь Батый разсержается,
И пишетъ онъ ко князю Володиміру:
— Володиміръ! Либо городъ сдай,
— Либо выдай виноватово. —
Говорятъ князья-бояря:
« Батюшка великой князь!
« Давай выдадимъ виноватово.»
А Василій, услыхавши таково слово,
Смахнулъ съ сеи чудный крестъ.
Возговоритъ ему Володиміръ князь:
« Знать ты, Васютка, въ правду обасурманился,
« Придался Васютычька къ царю Батыю **)?»

Говоритъ ему таковы рѣчи:
« Охъ ты гой еси, царь Батый Каймановичь!
« Принимашь ли ты насъ, добрыхъ молодцовъ?
« Мы съ тобой возмемъ вмѣстѣ Кіевъ градъ,
« Взямши ево, вызжемъ, вырубимъ,
« Божьи церкви со дымомъ пустимъ,

*) Сравни въ 1-мъ выпускѣ, въ разрядѣ V-мъ, № 3-й, особенно страницы 72 и 73, поляка того же Василья Пьяницы. — *О.*

**) Здѣсь пропускъ о томъ, что Василій отправился дѣйствительно къ Батыю и говоритъ ему:... — *О.*

« Князя со княгиней во полонъ возмёмъ,
« А князей-боляръ въ котлѣ сваримъ *)....»

(Записано тѣмъ же; см. Прибав. къ Изв. А. Н., т. I.).

Конецъ пѣсни 2-го выпуска.

*) Этимъ былина не окапчивается. По крайней мѣрѣ въ сказкѣ того же содержанія, Мамай (а не Батый) отвѣчаетъ Васютѣ Пьянице: «Пропилъ ты, Васютка, свою голову, измѣнилъ родному отцу-матери: измѣнишь и мнѣ чужеродному» и т. д.—*Примѣч. 1-го изд.*—Дѣйствительно, по другимъ былинамъ, извѣстнымъ для насъ, но еще не вошедшимъ въ печать, Пьяница, подпивши у Батыя, побиваетъ его войско.—*О.*

ПРИЛОЖЕНІЯ

КО 2-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

I.

СКАЗКА

о Добрынѣ Никитичѣ.

Во гридницѣ княженецкой, у Владиміра князя Кіевскаго, было пированье, почестной столъ, былъ пиръ про князей-бояръ и могучихъ богатырей. А Владиміръ стольный князь Кіевскій, солнышко Святославьевичь, сидитъ со княгинею Апраксѣевною, сидитъ во своихъ теремахъ златоверхіихъ, за столами дубовыми, за скатертьми браными, за яствами сахарными. А и былъ день ко вечеру, а и столъ въ полустолѣ, и послышалось всѣмъ за диво: затрубила труба ратная. Солнышко князь Владиміръ прикручинился, сложилъ свои руки крѣпкія ко бѣлымъ грудямъ и думалъ крѣпку думушку.

Пріуныли князья-бояре, повѣсили буйны головы могучіе богатыри. Одинъ только воевода Кіевскій не унылъ сидитъ; онъ встаетъ—не встаетъ, а поднимается изъ-за стола дубоваго, не допилъ онъ чары зелена вина, не доѣлъ онъ куска сахарнаго, преклонилъ онъ чело до полу, а и говоритъ таковы слова: «А и гой еси ты, нашь батюшко, Владиміръ князь Кіевскій, солнышко Святославьевичь! не прикажи казнить-рубити, а прикажи слово вымолвити: отъ чего ты, осударь, прикручинился, о чемъ запечаловался? Будетъ Чудь поганая пришла подъ твой градъ Кіевскій, иво есть у тебя рати сильныя. Вымолви, осударь, слово ласковое, вели опослать рать могучую, опровѣдаль рать невѣрную: ужь и она ль наступила на землю Русскую?»

Возговоритъ Владиміръ князь Кіевскій: «Гой еси вы, князья-бояре, сильны могучи богатыри, и ты воевода Кіевскій! Видалъ и рати сильныя, водилъ я богатырей на Чудь поганую, пере-

ходилъ я всю подсолнечную, разорялъ я грады крѣпкіе, посылалъ я пословъ во всѣ земли и царства; а попѣсь мнѣ война понаскучила. И думалъ было я печаловать васъ *) князей-бояръ и тѣшить могучіихъ богатырей.»

Встали всѣ князья-бояре и могучіи богатыри изъ-за стола дубоваго, преклоняли чело до полу, кланялись ниже того, вымолвляли слово вѣстное: — Гой еси ты нашь батюшко, Владиміръ стольный князь Кіевскій, солнышко Святославьевичь! Вели, осударь, своимъ могучімъ богатырямъ опровѣдать: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко стольному князю Владиміру? На бой ли зоветъ могучь богатырь, аль тѣшиться **)? Аль супостатъ изъ Чуди поганой? —

«Гой еси вы, князья-бояре, сильны могучіи богатыри!» возговоритъ стольный князь Кіевскій, Владиміръ свѣтъ Святославьевичь. «Пошлите опровѣдать двухъ могучіихъ богатырей: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? кто смѣловалъ трубить ко стольному князю Владиміру? Будетъ могучь богатырь, ино зоветъ ли на бой, аль тѣшиться ***)? Будетъ супостатъ изъ Чуди поганой, ипъ самъ о себѣ, инъ со ратью?»

Воевода Кіевскій поклапяется, выходитъ изъ терема златоверхаго, кличитъ кличь на княжемъ дворѣ. Бюрючи по городу разсыпаются, буйны молодцы на княжей дворъ собираются, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; во рукахъ у добрыхъ молотовъ мечи булатные, да палицы желѣзныя; а шапочки на молодцахъ разнорядь: со бобрами, со куницами, да съ черными лудами ****). А и мало время позамѣшкавши, собиралися славны богатыри, ни мало, ни много—семь сотъ безъ единаго. Возговоритъ воевода Кіевскій: «Гой еси вы, славны могучіи богатыри! Заповѣдалъ стольный князь Кіевскій, Владиміръ свѣтъ Святославьевичь, красное солнышко Кіевское, опровѣдать во полѣ заповѣданномъ: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко князю Владиміру? Будетъ могучь богатырь, ино зоветъ ли на бой княжіихъ богатырей, ино зоветъ ли княжіихъ богатырей потѣшиться? Будетъ супостатъ, ипъ во пріѣздѣ самъ о себѣ, ипъ со ратью изъ Чуди поганой?»

---

*) Заботиться объ васъ.—*О.*

**) Тѣшится?—*О.*

***) Тѣшится?—*О.*

****) Бапха; пряжка.—*О.*

Зашумѣли буйны молодцы посередъ двора; зазвенѣли мечи булатные по крутымъ бедрамъ; застучали палицы желѣзныя у красна крыльца; закидали шапки разпорядь по поднебесью. Воевода Кіевскій самъ стоитъ, самъ слушаетъ, ни словечушка не скажетъ, ни добромъ не промолвитъ. Выступали на середъ двора сильны могучіи богатыри, ни мало, ни много—семь сотъ безъ единаго; кланялись отъ востока до запада, на всѣ ли на четыре стороны, а кланявшись, становилися въ единъ рядъ. Пріутихли буйны молодцы, выступили стары старики, разлавался міръ крещеный по всѣмъ сторонамъ. И возговорили сильны могучіи богатыри: «Идемъ опровѣдать въ поле заповѣданное!» Выбираетъ воевода Кіевскій двоихъ богатырей, а выбравши, посылаетъ сказать слово княжее.

Надѣваютъ сбрую ратную могучіи богатыри, садятся на добрыхъ коней, выѣзжаютъ во чисто поле. Во чистомъ полѣ нѣтъ силы ратныя, нѣтъ могуча богатыря: только стоитъ одинъ бѣлъ шатеръ *). Подъѣзжаютъ ко бѣлу шатру, видятъ коня богатырскаго, коня необъѣзднаго. Какъ завидѣлъ конь могучіихъ княжихъ богатырей, пересталъ ѣсть пшеницу бѣлоярую, учалъ бить копытомъ во сыру землю, провѣщалъ человѣчьимъ голосомъ: «А встань, пробудись могучь богатырь, Тугаринъ Змѣевичь! Взглянь — идутъ послы изъ стольнаго града Кіева, отъ Владиміра стольнаго князя, солнышка Святославьевича.»

Всталъ, пробудился Тугаринъ Змѣевичь. Чохнулъ онъ чохъ по полю заповѣданному: дрогнула сыра земля; попадали ничь могучіи княжіе богатыри. А и былъ же Тугаринъ Змѣевичь не въ урость человѣчь: голова-то съ пивной котелъ, глаза-то со пивные ковши, туловище-то со круту гору, ноги-то съ дубовы колоды, руки-то со шесты вязовы. А и самъ-то Тугаринъ Змѣевичь ѣдетъ по лѣсу—ровенъ съ лѣсомъ; ѣдетъ по полю—ровенъ съ поднебесью. А и держится Тугаринъ Змѣевичь еретическимъ, да и хвастаетъ собака онъ молодечествомъ. А и всталъ Тугаринъ Змѣевичь — не покланяется, стоитъ—на послов озирается.

Встали могучіи княжіе богатыри исполнять заповѣданное, а и встали, не дошедъ шатра, покланяются, начинаютъ свою рѣчь посольскую:

«Гой еси ты, удалъ-добрый молодецъ! Скажи, повѣдай намъ: какъ зовутъ тебя по имени, какъ величаютъ по изотчеству?

*) Шатеръ.—*О.*

Царь ли ты, аль царевичь? Король ли ты, аль королевичь? Аль ты чужихъ земель грозенъ посолъ? Аль ты силенъ могучь богатырь? Аль ты поляница удалая?—Запрпслалъ къ тебѣ насъ Владиміръ, стольный князь Кіевскій, солнышко свѣтъ Святославьевичь, а велѣлъ опровѣдати: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко князю Владиміру? Служить ли ты пришелъ ко Владиміру, стольному князю Кіевскому, солнышку свѣтъ Святославьевичу? Аль задумалъ ты повѣдаться со могучіими богатырями? Дурно на умъ берешь, не спрошаючи ума-разума. Будетъ ты пришелъ служить, пио не честь богатырская стать на лугахъ княженецкихъ, не спрошаючи: довелось бы тебѣ напередъ обослатися, поклонитися. Будетъ ты пришелъ испытать могучи плечи, пио уноси ты скорѣй буйну свою голову: не смочи тебѣ на Русь славную! Не въ твою пору богатыри сильные погибали передъ Кіевомъ; не въ твою стать клевали ихъ тѣла черны вороны; не тебѣ чета таскали ихъ кости сѣры волки. Хоть убьешь ты злѣсь богатыря княжева, пио есть вмѣсто его тысяча, а за тысячью и смѣты нѣтъ. »

Тугаринъ Змѣевичь осержается, а посольскія угрозы ставитъ ни во что. И запыхтѣлъ Тугаринъ Змѣевичь: изъ ныздрей посыпались искры огненныя, засверкали глаза молоньей, застучали брови каменнымъ градомъ, а самъ вскричалъ громкимъ голосомъ:—Гой еси вы, ребятишки глупые, неразумные! Посверну я вамъ буйны головы отъ могучихъ плечь! Мнѣ ли смѣловать сказать таковы рѣчи? Таланъ быти вамъ посланцами! Не топтать бы вамъ травы-муравой. Вѣстно дѣло, что пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ. Ворочайтесь вы ко князю Кіевскому, скажите ему опалу великую. А и будетъ онъ вѣжливымъ, а и позабудетъ онъ править угрозы со послами. А и та ли богатырская честь на словахъ грозить? Покажу я вамъ былью со правдою, какъ побиваютъ богатырей передъ Кіевомъ, какъ клюютъ тѣла богатырскія черны вороны! Прогнѣвилъ князь Кіевскій царя Болгарскаго, того царя, что живетъ недалечь лукоморья синяго *), и велѣлъ тотъ царь Болгарскій привезти ему главу Владимірову за его неправды великія, за похвальбы богатырскія, за его терема златоверхіе, за его богатства несмѣтныя. Содержу слово крѣпкое, богатырское, сонмаю его буйну голову со могучіихъ плечь. Погублю родъ-

*) Обыкновеннѣе: *зеленаго*. — *О*.

племенъ, и двѣнадцать сыновей, и двѣнадцать дочерей, и двѣнадцать внучатъ со братаничами. Не сокроютъ князя Владиміра лѣса темные, дубравы дремучія, горы высокія; не надо мнѣ ни злата, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, ни окупа великаго. Не скажу вамъ, ребятишки глупые, неразумные, какъ зовутъ меня по имени, какъ величаютъ по изотчеству: покажу лишь вамъ, каковы мои могучи плечи, каковы руки сильныя. — И схватилъ Тугаринъ Змѣевичь камень со круту гору, возмахнулъ камень подъ облаки, и полетѣлъ камень по поднебесью. И стало всѣмъ за страхъ.

Идутъ могучіи княжіе богатыри ко стольному граду Кіеву, а головы клонятъ ко бѣлымъ грудямъ, и отъ страха слова не вымолвятъ. Отповѣдали послы князю Владиміру Кіевскому, солнышку свѣтъ Святославьевичу, про Тугарина Змѣевича. Запечаловалъ князь Владиміръ, красное солнышко свѣтъ Святославьевичь, пуще прежняго.

Стоятъ князья-бояре, и слово молвить не смогутъ, лишь одинъ воевода Кіевскій молвитъ: «Гой еси ты, свѣтъ наше солнышко, стольный князь Кіевскій, Владиміръ свѣтъ Святославьевичь! Не прикажи рубить-казнити, а вели слово вымолвити: много есть у тебя, свѣтъ наше солнышко, злата и серебра, каменья самоцвѣтнаго, много теремовъ златоверхіихъ; много есть у тебя, осударь, князей и бояръ, а болѣй того рати безсмѣтныя и богатырей могучіихъ. Али нѣтъ у насъ, во Кіевѣ, новольниковъ перевѣдаться съ Тугаринымъ Змѣевичемъ? Вымолви, осударь, слово ласковое, прикажи своимъ словомъ кликнуть кличь на новольники?»

Возговоритъ стольный князь Кіевскій, Владиміръ свѣтъ Святославьевичь: «Гой еси ты, воевода Кіевскій! кликни кличь на новольники, собери могучіихъ богатырей перевѣдаться. Ужь и я ли, Владиміръ князь Кіевскій, потеряю остуды Тугарина Змѣевича? Во моихъ ли градахъ, градахъ крѣпкіихъ, сидятъ люди ратные, люди ратные, добры молодцы; во моихъ ли поляхъ заповѣданныхъ стоятъ бѣлы шатры, во бѣлыхъ шатрахъ могучіи богатыри, семь сотъ безъ единаго; не было мнѣ бо́льшаго по всей поднебесной; не было мнѣ старшаго на морѣ; не было мнѣ равнаго на сушѣ; былъ я одинъ, Владиміръ стольный князь Кіевскій!»

Воевода Кіевскій покланяется, выходитъ изъ терема златоверхаго. Кличитъ кличь онъ на княжемъ дворѣ. Собираются добры молодцы, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; во рукахъ у

добрыхъ молодцовъ мечи булатные, да палицы желѣзныя; а шапочки на молодцахъ разнорядь: со бобрами, со куницами, да съ черными лудами. А и мало время позамѣшкавши, собиралися сильны могучіи богатыри, ни мало, ни много — семь сотъ безъ единаго. Выходилъ воевода Кіевскій на особицу, становился онъ, воевода, посередъ двора, а и кланялся онъ отъ востока до запада, на всѣ ли на четыре стороны. Возговоритъ воевода Кіевскій: «Гой еси вы, могучіи богатыри! Заповѣдалъ стольный князь Кіевскій, Владиміръ свѣтъ Святославьевичь, красное солнышко Кіевское, перевѣдаться съ Тугариномъ Змѣевичемъ.»

Бьетъ каличище во набатъ. Зашумѣли буйны молодцы посередь двора; зазвенѣли мечи булатные по крутымъ бедрамъ; застучали палицы желѣзныя у красна крыльца; закидали шапочки разнорядь по поднебесью. Воевода Кіевскій самъ стоитъ, самъ слушаетъ, ни словечушка не скажетъ, ни добромъ не промолвитъ. Былъ день ко вечеру, былъ сборъ ко расходу, а думушки не придумано. Бьетъ каличище во набатъ; кличетъ кличь воевода Кіевскій во второй разъ; а отповѣди нѣтъ отъ могучіихъ богатырей. Бьетъ каличище во набатъ; кличетъ кличь воевода Кіевскій во третій разъ: а и не было отповѣди отъ могучіихъ богатырей, лишь старшій хоронится за моложева.

Запечаловался князь Владиміръ, красное солнышко Кіевское, свѣтъ Святославьевичь, пуще прежняго. Думалъ крѣпку думушку.

Ни думано, ни гадано, широки вороты заскрипѣли, въѣзжаетъ на дворъ могучь богатырь. Доспѣхи на немъ ратные, во правой рукѣ держитъ копье булатное, на бедрѣ виситъ мечь каленецъ. Конь подъ нимъ воздымается аки лютъ звѣрь, самъ онъ на конѣ что ясенъ соколъ. Онъ на дворъ въѣзжаетъ не спрошаючи, подъѣзжаетъ ко крыльцу красному не кланяючись, сходитъ съ добра коня не шатаючись, отдаетъ коня слугѣ вѣрному, а самъ идетъ во терема златоверхіе, княженецкіе. Слугато привязываетъ коня середи двора, у столба дубоваго, ко тому ли золоту кольцу, а своего коня ко кольцу серебряну. Дивовались князья-бояре и народъ весь Кіевскій, что ни думано, ни гадано, въѣхалъ на княжей дворъ могучь богатырь, да и идетъ не спрошаючи во теремъ ко князю Владиміру, стольному Кіевскому, свѣтъ Святославьевичу. «Гой еси ты, удалъ добрый молодецъ—спрошалъ воевода Кіевскій—ты скажи

намъ: какъ звать тебя по имени, какъ величать тебя по изотчеству? Царь ли ты, аль царевичь? Король ли ты, аль королевичь? Аль ты изъ чужихъ земель грозенъ посолъ? Аль ты поляница удалая?» Могучь богатырь иконамъ молится, на всѣ стороны покланяется, а вымолвляетъ таковы рѣчи: — Гой еси вы, князья-бояре! Будетъ скажу вамъ всю правду, ино нече *) вымолвлять станетъ самому князю. Ѣхалъ я тридцать три дня и тридцать три ночи до стольнаго града Кіева, до солнышка князя Владиміра, до свѣта Святославьевича, съ добра коня не слѣзаючи; дней и ночей не просыпаючи. А и не было мнѣ отповѣди ни отъ коннаго, ни отъ пѣшаго.—И вводятъ князья-бояре и могучіи богатыри его во теремъ княженецкой, ко ласкову осударю ко князю Владиміру.

Могучь богатырь иконамъ молится, на всѣ стороны покланяется, а князю Владиміру ниже того. «Гой еси ты, удалъ добрый молодецъ, ты скажи намъ: какъ зовутъ тебя по имени, какъ величаютъ по изотчеству?» — Осударь, стольный князь Кіевскій! — возговоритъ могучь богатырь; — по имени меня зовутъ Добрынею, по изотчеству величаютъ Никитичемъ, а пріѣхалъ я къ тебѣ, осударь, изъ Великаго Новгорода, служить вѣрою и правдою. — «Исполать тебѣ, удалъ добрый молодецъ! — проговоритъ Владиміръ князь Кіевскій, солнышко свѣтъ Святославьевичь; — а и видѣлъ ли ты, Добрыня Никитичь, во моемъ полѣ заповѣданномъ Тугарина Змѣевича? Онъ, злодѣй, до стольнаго града Кіева не пропускаетъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни звѣря, ни птицу?» — Надежа, осударь! доселѣ мнѣ, молодцу, еще не было дороги запертыя. Проѣзжалъ я горы высокія, проходилъ я лѣса темные, переплывалъ я рѣки глубокія, побивалъ я рати несмѣтныя, прогонялъ я сильныхъ могучіихъ богатырей; а понѣсь ли мнѣ уробѣть Тугарина? Совернулъ бы я ему буйну голову со могучіихъ плечь во твоемъ во полѣ заповѣданномъ, да ты бъ, осударь, мою службу не видалъ. И хочу я сослужить тебѣ, осударь, службу при твоемъ лицѣ ясномъ, при твоихъ могучіихъ богатыряхъ.—И спозналъ стольный князь Кіевскій про Добрыню Никитича. А втапоры никому не отповѣдалъ про Добрыню.

И было за диво всѣмъ князьямъ-боярамъ и могучіимъ богатырямъ дородство и вѣжство Добрынюшки Никитича. Втапоры

---

*) Нечего. — *О.*

повелѣ его Владимiръ князь Кiевскiй во гридницы свѣтлыя, ко княгинѣ Апраксѣевичѣ.

На небѣ ясно: во теремѣ яснѣй того; на небѣ звѣзды изписаны: во теремѣ богачествомъ изукрашено; на небѣ подзарево пылаетъ, что радость небесная: во теремѣ княгиня Апраксѣевна красуется красотою несказанною. А весь-то теремъ состроенъ на семи столбахъ золотыихъ, на той ли крутой горѣ Кiевской; а крылечки у терема красна золота, а лавочки во теремѣ чиста серебра. На небѣ взойдетъ солнце красное: во теремѣ запоютъ птицы райскiя. По середъ терема стоятъ столы бѣлодубовы, за столами сидятъ князья и бояре, и весь людъ почестной.

« Сослужи мнѣ службу, Добрынюшка Никитичь—возговоритъ Владимiръ, стольный князь Кiевскiй, солнышко свѣтъ Святославьевичь:—а я за то тебя пожалую златомъ и серебромъ, и каменьями самоцвѣтными. » Клонитъ Добрынюшка голову до полу, а говоритъ таковы слова: —Гой еси ты, нашь батюшко, Владимiръ стольный князь Кiевскiй, солнышко свѣтъ Святославьевичь! Не прикажи казнить-рубити, а прикажи слово вымолвити. Не надо мнѣ ни злата, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, а подаруй меня, осударь, словомъ ласковымъ за мою службу вѣрную Надъ тобой, осударь, Тугаринъ Змѣевичь насмѣхается, и грозитъ онъ, злодѣй, за похвальбы богатырскiя, за терема златоверхiе, за богатства несмѣтныя, за неправды великiя отъ тебя, осударь, ко царю Болгарскому. Вымолви, осударь, слово ласковое, прикажи опровѣдать силу съ Тугариномъ Змѣевичемъ!— « Гой еси ты, удалъ добрый молодецъ!— возговоритъ Владимiръ, стольный князь Кiевскiй; — жаль, де, мнѣ тебя, Добрынюшка Никитьевичь, отпустить на пагубу къ Тугарину Змѣевичу: онъ, злодѣй, держится еретичествомъ. А и есть у меня за тысячу богатырей, а за тысячей рати нѣтъ числа: а опровѣдать силы съ Тугариномъ Змѣевичемъ—никто отповѣди не прислалъ.»

А втапоры воевода Кiевскiй билъ челомъ до полу, вымолвлялъ таковы рѣчи: « Гой еси ты, Владимiръ, стольный князь Кiевскiй! не прикажи казнить-рубити, а прикажи слово вымолвити Прикажи, осударь, своимъ словомъ заповѣданнымъ опровѣдать силу всѣмъ богатырямъ со Добрынею Никитичемъ.» И не положилъ князь отповѣди про Добрыню Никитича.

А Добрыня-то Никитьевичь воздымается на воеводу Кiевскаго, и бьетъ челомъ до полу князю Владимiру, а вымолвляетъ таковы рѣчи: —Не талантъ мнѣ, осударь, быть въ послугахъ у

воеводы Кіевскаго; не пригоже мнѣ крушить могучихъ богатырей княжихъ.— На томъ Добрынюшка и рѣчь свою ставилъ. И порѣшилъ Владиміръ, стольный князь Кіевскій, солнышко свѣтъ Святославьевичь, быть бою у Добрыни Никитича съ Тугариномъ Змѣевичемъ одинъ на одинъ.

На зарѣ-то было на утренней, на всходѣ краснаго солнышка, подымались во Кіевѣ старъ и младъ, старъ и младъ, и весь людъ почестной. Бирючи по городу разсыпаются, буйны молодцы на княжей дворъ собираются, кто на конѣ, кто самъ о себѣ: во рукахъ у добрыхъ молодцовъ мечи булатные, да палицы желѣзныя; а шапочки на молодцахъ разнорядь: со бобрами, со кувицами, да со черными лудами. Идетъ—пейдетъ калѣчище, малъ-малехонекъ, бьетъ во набатъ разъ, бьетъ и въ другой, а побивши въ другой, бьетъ и въ третій. И сѣлъ калѣчище у тесовыхъ воротъ. Собиралися люди всѣ почетные, князья и бояре; сходилися сильны могучіи богатыри, ни мало, ни много, — семь сотъ безъ единаго; приходили люди житые со прохожими каликами. Становился весь людъ почестной отъ тесовыхъ воротъ до хрустальнаго крылечика. Выходитъ со хрустальнаго крылечика воевода Кіевскій, становится посередъ двора, становившись посередъ двора вымовляетъ таковы слова: «Гой еси вы, князья и бояре, и сильны могучіи богатыри, и весь людъ почестной! Соизволилъ стольный князь Кіевскій, Владиміръ свѣтъ Святославьевичь, наше солнышко красное, опровѣдать силу Добрыни Никитичу съ Тугариномъ Змѣевичемъ.» А вымовивши, воевода Кіевскій сталъ на особицу.

Зашумѣли буйны молодцы посередъ двора; зазвенѣли мечи булатные по крутымъ бедрамъ; застучали палицы желѣзныя у красна крыльца; закидали шапочки разнорядь по поднебесью. Идетъ—пейдетъ калѣчище, малъ-малехонекъ, ко тесовымъ воротамъ, растворяетъ калѣчище тесовы ворота на полъ двора, разступился весь людъ почестной въ полъ-широка, подъѣзжалъ Добрыня Никитичь подъ красенъ крылецъ.

Изъ Кіева было изъ стольнаго града, какъ ѣдетъ добрый молодецъ, сильный могучь богатырь, Добрыня, а Добрыню, вѣдь, братцы, величаютъ по изотчеству Никитичемъ, а съ Добрынею, вѣдь, братцы, ѣдетъ Торокъ слуга. А и ѣдетъ Добрыня отповѣдь чинить съ Тугариномъ Змѣевичемъ во полѣ заповѣданномъ.

Не вѣтры буйные въ полѣ подымалися, не желты пески со дна моря разсыпалися: то съѣзжалися, сходилися Добрыня съ

Тугариномъ. Поднимается Тугаринъ выше лѣсу стоячева, а у Тугарина, собакѣ, крылья бумажныя, и летаетъ онъ, собака, по поднебесью. Взвился конь подъ Добрынею выше лѣсу стоячева, до облака ходячева. Самъ-то Добрыня мечемъ рубитъ Тугарина, а Торопъ-то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣевича, во его крылья бумажныя. И упалъ онъ Тугаринъ на сыру землю. И тутъ ему Добрыня голову сверчулъ, голову сверчулъ, на копье взоткнулъ, а самъ коня ко граду Кіеву верчулъ.

И посылаетъ Владиміръ, стольный князь Кіевскій, солнышко свѣтъ Святославьевичь, къ Добрынюшки Никитичу золотъ перстень со правой руки, а княгиня Апраксѣевна ширинку шелковую, золотошвейную. А допрашивалъ дары воевода Кіевскій отъ князя Владиміра и отъ княгини Апраксѣевны.

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ, у стольнаго князя Владиміра, у солнышка свѣтъ Святославьевича, было пированье почестное, почестное и похвальное, про князей-бояръ, про сильныхъ могучіихъ богатырей, про всю полянину *) удалую, про Добрыню свѣтъ Никитича. Въ полсыта князья-бояре наѣлися, въ полпьяна могучіи княжіе богатыри напивалися, и какъ послѣдняя ѣства на столъ пошла, послѣдняя ѣства лебединая, Владиміръ, стольный князь Кіевскій, похваляется, а въ похвальбѣ своей вымолвляетъ таковы рѣчи: «А и не было такого удалаго добраго молодца во стольномъ городѣ во Кіевѣ сопротивъ Добрыни Никитича!»

*

И со той поры Добрынюшка Никитичь жилъ во славномъ городѣ во Кіевѣ, у ласковаго осударя Владиміра князя, свѣтъ Святославьевича. Три года Добрынюшка стольничалъ, три года Добрынюшка приворотничалъ, три года Добрынюшка чашничалъ,—стало девять лѣтъ. На десятомъ году онъ Добрынюшка погулять захотѣлъ. Не сыръ дубъ къ землѣ клонится, клонится Добрыня Никитичь ко князю Владиміру, а кланявшись молвитъ таковы рѣчи: «Гей **) еси ты, нашь осударь батюшко, солнышко наше Кіевское, Владиміръ свѣтъ Слатославьевичь! Не вели казнить-рубити, а прикажи слово вымолвити. Соизволь выслушать мое челобитьице не малое, не большое: три года я во

---

*) Полянину. *О.*

**) Гой? — *О.*

Кіевѣ стольничалъ, три года я во Кіевѣ приворотничалъ, три года я во Кіевѣ чашничалъ, а на десятомъ году захотѣлось мнѣ погулять. Дай ты мнѣ, осударь, позволеньице великое: погулять пусти по городу по Кіеву, по славнымъ по продольнымъ большимъ улицамъ, по частымъ, мелкимъ переулочкамъ.» Возговоритъ Владиміръ князь Кіевскій: — За твою за службу немалую жалую тебя, Добрынюшка, позволеньицемъ великимъ: погуляй по славному по городу по Кіеву, по славнымъ по продольнымъ большимъ улицамъ, по частымъ, мелкимъ переулочкамъ; не ходи только на улицу широкую, во тотъ узенькой, Марининъ переулочикъ, не гляди на Маринины терема. Про Марину худа слава идетъ: еретичествомъ живетъ. Извела она она девять молодцовъ, десятую душу красну дѣвицу.—

Кланяется Добрынюшка до полу, принимаетъ повелѣньице великое на всю волю. И сталъ Добрынюшка сбираться. Не беретъ онъ своего коня богатырскаго, а беретъ онъ свой тугой лукъ; не беретъ онъ свой мечь каленецъ, а беретъ онъ колчанъ съ каленой стрѣлой. И пошелъ онъ, Добрынюшка, по славному городу по Кіеву гулять. Идетъ Добрынюшка по славнымъ продольнымъ большимъ улицамъ, по частымъ, мелкимъ переулочкамъ. Гуляньице молодцу на умъ пейдетъ; ему молодцу не гуляется. Захотѣлось Добрынюшки погулять на улицѣ широкой, во тотъ узенькій, Марининъ переулочикъ. Идетъ Добрынюшка по улицѣ широкой,—стрѣляетъ по горницамъ воробушковъ, идетъ по мелкимъ переулочкамъ, — стрѣляетъ по повалушамъ сизыхъ голубей. И завидѣлъ Добрынюшка на Маринкиномъ теремѣ диво не малое: сидѣли два голубя, два сизые, цѣловалися-миловалися, сизыми крыльями обнималися. И тутъ Добрынѣ за обѣду стало, будто сизы голуби надъ Добрынею насмѣхаются. Молодецкое сердце разгорается, кровь богатырская раскипается.—А и не быть дѣлу такъ — молвилъ Добрынюшка. Вынимаетъ онъ изъ колчана тугой лукъ, изъ налучна калену стрѣлу, натягиваетъ тетивочку шелковую. Не долго думано, скоро сдѣлано: спѣла тетивка у его туга лука, звыла да пошла калена стрѣла. По великимъ грѣхамъ надъ молодцомъ учинилося, что его лѣва нога поскользнулася, а права рука промахнулася; не попалъ онъ въ сизыхъ голубей, а попалъ онъ въ окошко косящатое, и пробилъ онъ окошницу стекольчатую, набилъ причалину серебряную, разшибъ зеркальцо стекольчатое. Не буйны вѣтры въ полѣ подымалися, а бѣлолубовы столы во теремѣ запиталися, питья

медвяныя восплескулися. И сталъ Добрынюшка у терема Маринкина.

А втапоры со Маринкой было безвременьице не малое: мылася она и бѣлилася, во цвѣтно платье снаряжалася. Не домывшись, Маринка бросила бѣлыя бѣлилы, кидала на одаль цвѣтно платье; выбѣгала Маринка на красное крылечко въ одной рубашечки безъ юпочки, въ одних чулочкахъ безъ чоботовъ, и ставши на красно крылечко говорила: «А и кто бы таковъ на дворъ заходилъ? А и кто бы таковъ въ окопко стрѣлялъ? А и ты-то невѣжа, неотецкой сынъ, молодой Добрыня Никитичь, бѣды накурилъ: проломилъ ты мою окошницу стекольчатую, избилъ причалины серебряныя, разбилъ зеркальцо стекольчатое.»

А Добрынюшка, братцы, молодой молодецъ, онъ стоитъ усмѣхается, надъ Маринкой зло издѣвается, а и тѣ бабьи угрозы, угрозы Маринкины, ни во что ставитъ.

И втапоры Маринку за бѣду взяло: брала она слѣды горячіе, молодецкіе, дѣлала зѣлье лютое, брала дрова бѣлодубовыя, разжигала печку муравчату со тѣми ли со слѣдами молодецкими, а сама приговаривала: «Какъ бѣлодубовы дрова разгораются, такъ бы разгоралось сердце молодецкое у молода Добрынюшки Никитича; какъ слѣды молодецкіе загораются, такъ бы загоралась кровь богатырская у молода Добрынюшки Никитича.»

Идетъ Добрыня по улицѣ—самъ шатается; взяло Добрыню еретичество пуще прежняго по его по сердцу богатырскому. Со вечеру онъ Добрыня хлѣба не ѣстъ, со полуночи Добрыни не спится, бѣла свѣта не лождется. Встаетъ онъ, Добрыня, съ кроватушки тесовой, подпоясываетъ сабельку острую, выходитъ на улицу на широкую, во мелкій Маринкинъ переулочикъ. Всходитъ онъ на широкъ дворъ Маринкинъ, и сталъ послушати рѣчи крупныя у высока терема Маринкина. А втапоры у Маринки вечерина была: у ней, у молодой, были собраны душечки красны дѣвицы, да молодыя молодушки, всѣ были дочери отецкія, да жены молодецкія. А и слышитъ Добрыня, какъ похваляются жены молодецкія, какъ усмѣхаются душечки красны дѣвицы. На перву рѣчь молвитъ Маринка про невѣжество Добрынин Никитича, про его удаль нерожденую. И взяло Добрынюшку пуще прежняго; а и то ему за бѣду показалося, а и то за велику досаду показалося. Вбѣгаетъ онъ на крылечко на красное, хватается за двери желѣзныя. Ши-

рокъ теремъ шатается, бѣлодубовы столы потрясаются, питья медвяныя разливаются. Бѣжитъ Маринка къ окошечку, глядитъ молода въ окошницу стекольчату, и стала она Добрыню бранить, бранить—больно нѣнятн. Добрынюшка не слушаетъ, онъ свое дѣло дѣлаетъ: ухватилъ онъ бревешутко не малое, въ охватъ велнкъ, бьетъ во двери желѣзныя. Широкъ теремъ потрясается, желѣзныя двери распадаются. Входитъ Добрыня во сѣни косящаты. И тутъ-то бросилась Маринка бранить его: «Ай ты дѣтина деревенщина, зашельщина! Вечеръ ты, Добрыня, на дворъ заходилъ, окошницу стекольчату проломилъ, причалину серебряну разшибъ, зеркальцо хрустальчатое расшибъ.» Не успѣла Маринка рѣчь покончить, какъ бросился тутъ Змѣища Горынчища, и чуть было Добрыню огнемъ не спалилъ, и чуть было молода хоботомъ не ушибъ. Стоитъ Добрынюшка —не шевелнется, лишь головкой покачиваетъ, бабьи угрозы на усъ поматываетъ, а какъ завидѣлъ Змѣя Горынчища, вынималъ саблю острую, воздымалъ саблю выше головы, а на воздыманьицѣ молвилъ: — А и хочешь ли, Змѣй, изрублю я тебя во части мелкія, пирожныя, разбросаю твое тѣло по чисту полю?—А и змѣй-то Горынчища былъ злой еретикъ: онъ хвостъ поджалъ, да и вонъ побѣжалъ. Бѣгучи *) Змѣй заклинается, а въ заклятьицѣ молвитъ: «Охъ, не приведи лихой лиходѣй у Маринѣ во дому бывать, еще у молодой на вечеринцѣ пировать! Есть у Маринѣ не одинъ другъ, есть у молодой лучше меня, а и лучше меня и повѣжливѣе!»

А втапоры Маринку за ретиво сердце взяло, за ретиво сердце взяло, за тоску приняло, и кидалась Маринка посередъ полу, сорывала **) цвѣтно платье, и супулась въ окошечко косящато, въ одной рубашечкѣ безъ пояса, а сама приговариваетъ: «Воротися, милъ надежа, воротися, другъ сердечный! У меня, у Марины, ты одинъ милъ другъ, у меня, у молодой, ты одинъ сердечный. А и хочешь ли: я Добрыню клячей водовозной оберну? Будетъ Добрыня на тебя и на меня воду возить. А и хочешь ли: я Добрыню гнѣлымъ туромъ оберну?»

Бѣгучи Змѣй останавливается, и самъ отъ страха словечушка не молвитъ. А втапоры Маринка кидалась на Добрынюшку, хватала его во бѣлы руки, кидала-бросала Добрынюшку отъ полу до печи, отъ стѣны до большаго угла. А

*) У Сахар. «бѣручи.» — *О.*

**) У Сахар. «сорывало.» — *О.*

сама-то Маринка нашептывала заклинаньице великое. И сталъ Добрыня Никитичъ гнѣдымъ туромъ. И то-то дѣло сотворилось еретичествомъ.

И отпускала Маринка Добрыню во чисто поле, а отпускаючи сама приговаривала: «Походи-ко ты, Добрыня, по чисту полю со тѣми молодцами за душой красной дѣвицей. Во чистомъ полѣ ходятъ девять туровъ, а ты, Добрыня, будешь десятой туръ, всѣмъ турамъ большой набольшой. А и на то-то, Добрыня, жалую тебѣ золоты рога.»

Никто-то во Кіевѣ не вѣдастъ, никто-то во Кіевѣ вѣсточки не скажетъ про Добрыню Никитича. А и справляла его матушка, матера вдова Аѳимья Ивановна, честныя девятинки. Сходилися калики перехожіе, пили-ѣли честной канунъ *) про Добрынюшку Никитича. Выходитъ матера вдова Аѳимья Ивановна ко каликамъ перехожимъ, обдѣлаетъ златомъ и серебромъ отъ стара до мала, а облѣзючи сама молвила: «Нѣтъ у меня молода Добрынюшки Никитича! По грѣхамъ надъ нимъ содѣялось злое еретичество.» А втапоры стоялъ поодаль калика перехожій, не бралъ онъ ни злата, ни серебра, а молвилъ словечушко къ матерой вдовѣ Аѳимьѣ Ивановнѣ: — Спасибо тебѣ, матушка матера вдова, на смиренной бесѣдѣ, на честномъ канунѣ! А и правь ты скорѣй сорочины великія на веселъ пиръ. Живо твое дѣтище молодое, Добрынюшка Никитичъ! — И только видѣли его.

Собиралася честна вдова Аѳимья Ивановна править сорочины великія; варила пива ячныя, кануны сыченой; собирала честной людъ на веселъ пиръ. Сходилися-собиралися честны вдовы. Напередъ приходила молода вдова, честна Настасья Ивановна, матушка крестовая Добрыни Никитича. А втапоры Аѳимья Ивановна садилась за дубовой столъ править про Добрынюшку покаяньице **). Ужь она ль, матера вдова, голосила-причитывала про все житье молодецкое, про всю удаль Добрынюшкину. А справивши покаяньице, встрѣчала гостей посередъ двора, сажала за дубовы столы. Не отколь взялась молода Марина, садилась сама безъ прошеньица за дубовой столъ. Пошелъ пиръ, бесѣдушка смиренная. Въ полсыта наѣдаются, въ полпьяна напиваются, промежъ собой рѣчи говорятъ весе-

---

*) Угощенье на поминкахъ.—*О.*

**) Переводъ греческаго *метаніа:* поклонъ; молитва съ поклонами; заплачка съ причитаньями.—*О.*

лья. Пошла похвальба великая. А напередъ молвила Анисья Севастьяновна, молода жена воеводы Кіевскаго: «Ужь какъ у меня ль, молодой, есть теремъ изукрашенный и златомъ и серебромъ и каменьями самоцвѣтными, а въ томъ теремѣ тесова кровать хрустальчата. Ужь какъ у меня ль, молодой, есть подвалы со пойлами: ни мало, ни велико — сто чановъ. Ужь какъ у меня ль, молодой, есть коробьи съ большимъ добромъ: со бобрами, со куницами. Ужь какъ у меня ль, молодой, одинъ сердечный другъ, Акулинъ Иванович, воевода Кіевскій.» — Велика милость Божья до вѣку! — молвила молода вдова, честна Настасья Ивановна; — была едина радость *) во родствѣ, было едино дѣтище во семьѣ, и того нынѣ не стало. Завелось у насъ во Кіевѣ еретичество не слыхано, не слыхано не видано. — А молвивши, сама на Маришку поглядывала. Взяло Маришку за ретивое, и стала она, еретица, похвалятися: «Гой еси вы, боярыни старыя, некорыстныя **)! Скажу я вамъ слово вѣстное, великое, а вы послушайте. Какъ и нѣтъ-то во Кіевѣ хитрѣе меня: что задумаю со полуночи, ко бѣлу свѣту состряпаю: что задумаю со вечера, ко полуночи придѣлаю. Ужь я, де, обернула девять молодцовъ, сильныхъ могучіихъ богатырей; а нынѣ отпустила десятаго молодца, молода Добрыню Никитича.»

За то-то слово вѣстное матера вдова Аонмья Ивановна изымается, изъ-за стола подымается, наливаетъ чару зелена вина, подноситъ чару молодой вдовѣ Настасьѣ Ивановнѣ, а несучи, сама заплакала: «Гой еси ты, молода вдова Настасья Ивановна! пріимай чару зелена вина, поминай своего любимаго крестника, Добрыню Никитича. Извела его еретица, злая Маришка.» Молода вдова Настасья Ивановна пріимала чару зелена вина, и сама молвила: — Я, де, сама слышала рѣчи Маришкины, и всѣ ея рѣчи похваленыя. — Выпивала чару зелена вина, подходила къ Маришкѣ. — А и ты-то, еретица, извела Добрыню Никитича! — И молвивши, ударила Маришку по щекѣ, сбивала со рѣзвыхъ ногъ, топтала ее по бѣлымъ грудямъ, а сама причитывала: — Ай ты, еретица, безбожница, Маришка окаянная! За чѣмъ ты извела моего любимаго крестника, молода Добрыню Никитича? Я, де, хитрѣе тебя, я сижу на пиру, не хвас-

*) У Сахар. «родость.» — *О.*

**) Непригодныя, негодныя. — *О.*

таю; а и хочешь ли, я тебя сукой оберну? А и станешь ты по городу ходить, людей смѣшить?—

Не успѣла молода вдова Настасья Ивановна взозрити, какъ Маришка перекинулась на крылечко красное, скидала съ себя цвѣтно платье и обернулась ласточкой. И только видѣли Маришку.

Прилетѣла Маришка во чисто поле, во то чисто поле, гдѣ-то ходятъ девять туровъ, десятой туръ Добрыня Никитичь. А сѣла Маришка къ Добрыни на правой рогъ, а силючи Добрыню уговариваетъ: «Гой еси ты, Добрыня Никитичь! Послушай мою рѣчь простую: сколько молодцу по чисту полю не гулять, зыбучія болоты не топтать, чисто поле припаскучитъ, зыбучи болоты опротивятъ. Ужь ты ли, Добрынюшка, на возрастѣ, а я ли, Маринка, на выданьѣ. Возьмешь ли ты, Добрыня, меня молоду за себя? Женишься ль, Никитичь, на мнѣ?» — А и право возьму! Ей Богу возьму! — «Быть дѣлу такъ, молвила Маринка, а и сдѣлаю тебя по старому, по прежнему.» И обернула его, Добрыню, добрымъ молодцомъ по прежнему, а сама обернулась красной дѣвицей. И пошли они ко Кіеву.

А втапоры гости были на расходѣ. Молода вдова, честна Настасья Ивановна выходила на крылечко на красное съ матерой вдовой Аѳимьей Ивановной. И тутъ-то Добрыня на встрѣчу имъ. Пошла радость великая, бесѣда веселая. А и сталъ Добрыня Маришку учить: онъ перво ученье далъ—руки отсѣкъ. А рубючи, самъ приговаривалъ: «Та-то рука мнѣ не надобна: трепала она Змѣя Горынчища.» Второе ученье далъ—ноги прочь отсѣкъ. А рубючи, самъ приговаривалъ: «Тѣ-то ноги мнѣ не надобны: сплеталися ноги со Змѣемъ Горынчищемъ.» Третье ученье далъ — рубилъ губы прочь. А рубючи, самъ приговаривалъ: «Тѣ-то губы мнѣ не надобны: цѣловали губы Змѣя Горынчища.» Четверто ученье далъ—голову прочь отсѣкъ. А рубючи, самъ приговаривалъ: «Та-то голова мнѣ не надобна: знала голова дѣла еретическія.»

И съ той поры Добрынюшка задумалъ дѣло великое: въ законъ *) вступить. Не беретъ онъ себѣ жену у князя, не беретъ у боярина, а береть у гостя торговаго, у того Микулы

*) Въ бракъ.—О.

Микитича, молоду Настасью Микулишну. Идетъ онъ Добрыня по теремъ княженецкій, къ ласкову осударю ко князю Владиміру, свѣтъ Святославьевичу, а молвитъ таковы рѣчи: «Осударь ты нашь батюшко, свѣтлое солнышко Кіевское! Соизволь лать позволеньице великое: мнѣ, молодцу, въ законъ вступить. А задумалъ я, молодецъ, по жену понять Настасью Микулишну у того ли гостя торговаго, у Микулы Микитича!» И дастъ ему Владиміръ князь Кіевскій позволеньице великое вступить въ законъ, во жену понять молоду Настасью Микулишну.

Скорымъ пиркомъ состряпали свадебку. Дружкою былъ Илья Муромецъ, тысяцкимъ Владиміръ князь, а свахою молода княгиня Апраксѣевна, а въ поѣзжанахъ всѣ князьи и бояре Кіевскіе. А принявши законъ, Добрынюшка жилъ припѣваючи, а живши, состарѣлся, состарѣлся и переставился *).

(Русскія народн. сказки, г. Сахарова; С. П. Б. 1841 г.).

—

II.

СВѢДѢНІЯ О ДОБРЫНѢ НИКИТИЧѢ И АЛЁШѢ ПОПОВИЧѢ ПО ЛѢТОПИСЯМЪ.

Лаврент. (изд. Арх. Ком.): «Въ лѣто 6478... Въ се же время придоша людье Новугородьстіи, просяще князя собѣ: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ;» и рече къ нимъ Святославъ: «абы пошелъ кто къ вамъ.» И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: «просите Володимера.» Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ольжины; сестра же бѣ Добрыня **); отець же

*) Лубочныя сказки о Добрынѣ взяты изъ Чулкова и представляютъ плохую выдумку, лишенную всякой народной основы.—*О.*

**) Добрыница.—*О.*

бѣ имя Малкъ Любечанинъ *), бѣ Добрыня уй **) Володимеру..... И пояша Новгородьци Володимера къ собѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею уемъ своимъ Новугороду.»

«Въ лѣто 6488. Володимеръ же ***) посади Добрыню уя своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрыня Наугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Новгородьстіи аки Богу.»

«Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею съ уемъ своимъ въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на коняхъ, и побѣди Болгары. Рече Добрыня Володимеру: «съглядахъ колодинкъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ.»

«Въ лѣто 6731.... ****) Александръ Поповичь ту убіенъ бысть съ инѣми 70 храбровъ *****).»

Новгородск. 4-я. «Въ лѣто 6732.... убиша Александра Поповича, а съ нимъ богатырь 70.»

Никоновская (изд С. П. Б., 1767 г.). «Въ лѣто 6733... воинственыхъ людей толико бысть побѣжено, яко ни десятый от нихъ возможе избежати, и Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и седмьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побьени быша.»

Львовская (изд. С. П. Б., 1792 г.). О томъ же: «Тогда жъ и Александръ Поповичь убіенъ бысть со инѣми семьюдесять храбрыхъ вой...»

Степенная (изд. Моск., 1775 г.). «Преосвященный же Митрополитъ Михаилъ Кіевскій и всея Русіи,... съ нимъ же шесть Епископовъ, иже Фотій Патріархъ даде ему на помощь, съ нимъ же и Анастасъ Корсунянинъ, и Добрыня дяди Владимировъ, пришедше въ великій Новъ-градъ, вся идолы сокруши, и требища раззори, и многіе люди крести... Кумира же Перуна посѣче, и верже на землю, и повязавше ужы, влѣчаху его по калу, біюще жезліемъ

*) Разночтія: «Малко Любчанинъ.» — *О.*

**) Дяля по матери. — *О.*

***) Утвердившись въ Кіевѣ. — *О.*

****) О битвѣ при Калкѣ. — *О.*

*****) Богатырей. — *О.*

и ихающе *)....» О битвѣ на Калкѣ: «пдѣже Александръ Поповичь убіенъ бысть, съ нимъ же и инихъ 70 храбрыхъ.»

Лѣтопись по списку Типографской Библіотеки № 3,752—10 **), листъ 9, оборотъ: «Въ лѣто 67... бой бысть князю Юрію ***) съ княземъ Костянтиномъ ****): и одолѣ старѣйши братъ. Съ Костянтиномъ было 2 богатыря, Доврыня Златопоясъ, да Александръ Поповичь, съ слугою своимъ Торопкомъ. В лѣто 6731 брань бысть на Калкахъ... Тогда убиша Александра Поповича, и инихъ много богатырей.»

III.

ЗАМѢТКА.

Сперва порознь о каждомъ богатырѣ, къ которому относятся напечатанныя пѣсни.

По порядку, который принятъ основаніемъ для размѣщенія Былевыхъ пѣсень и изложенъ въ предыдущемъ 1-мъ выпускѣ, I-й *Разрядъ* пѣсень *о Добрынѣ Никитичѣ*, начиная съ отрывковъ и восходя къ образцамъ болѣе полнымъ, содержитъ въ себѣ а) разсказъ о рожденіи Добрыни и сопровождавшихъ обстоятельствахъ, какъ представлялись онѣ баснословно пастроенному народному творчеству: б) первый и главный подвигъ Добрыни на службѣ Владиміровой, въ теченіе котораго жена его выходитъ за мужъ.

---

*) И прочее, извѣстное сказаніе. По другимъ старшимъ лѣтописямъ дѣло это приписывается одному Епископу Новгородскому Іоакиму. Сравни объ участіи Добрыни въ крещеніи Новгорода по такъ называемой Іоакимовской лѣтописи у Татищева, ч. I. М., 1768 г., стр. 38—40.—*О.*

**) Писанная рукою Юрія Крижанича.—*О.*

***) Всеволодовичу.—*О.*

****) Ростовскимъ и Ярославскимъ.—*О.*

Разрядъ II-й, заключающій въ себѣ двѣ былины, которыя впрочемъ составляютъ одно непрерывное цѣлое, передаетъ намъ а) купанье Добрыни, послѣ его домашняго воспитанія, и первое дѣло со Змѣемъ Горынычемъ, Тугариномъ; б) встрѣчу съ удалою, разъѣздной дѣвицей Настасьею Никуличной, дочерью представителя земщины, Никулы Селяниновича, борьбу съ нею и женидьбу; в) тотъ же подвигъ, о которомъ говорено въ первомъ Разрядѣ.

Разрядъ III-й очерчиваетъ а) семейное воспитаніе Добрыни, съ точки зрѣнія уже не баснословной, а бытовой; б) то же, какъ во II-мъ Разрядѣ, купанье Добрыни, съ тою же борьбою противъ Змѣя, и в), главнымъ образомъ, послѣ долгой службы у Владиміра, молодецкій разгулъ по Кіеву, новую встрѣчу со Змѣемъ и дѣло съ Мариной.

Разрядъ IV-й, добавочный, въ первой пѣсни намекаетъ еще нѣсколько на ту черту, которая извѣстна изъ жизни Добрыни, о событіи, помрачившемъ было его женидьбу; но остальная, вторая пѣсня, вставляетъ имя Добрыни въ тѣ позднѣйшія произведенія народнаго творчества, которыя собственно отходятъ къ разряду *Безъименныхъ*.

Если бы кто разбросанныя черты по этимъ Разрядамъ, разумѣется кромѣ IV-го, захотѣлъ соединить въ одинъ послѣдовательный порядокъ, какъ *жизнеописаніе*, то ему слѣдовало бы такъ размѣстить отдѣлы, раздробившіе самыя пѣсни:

1.) Баснословное рожденіе Добрыни.
2.) Бытовое происхожденіе его и семейное воспитаніе первыхъ лѣтъ.
3.) Купанье въ рѣкѣ и первое дѣло со Змѣемъ.
4.) Дѣло съ Мариной и вторую битву со Змѣемъ.
5.) Встрѣчу, битву и супружество съ Настасьею.
6.) Отъѣздъ на первый и главный подвигъ службы Владиміровой, а между тѣмъ выходъ жены за Алёшу Поповича и мщеніе возвратившагося Добрыни.

Народное творчество поступаетъ не такъ: оно привыкло соединять вмѣстѣ нѣкоторыя черты такого рода, которыя по видимому противорѣчатъ послѣдовательному порядку нашего воззрѣнія, уже разобличеннаго отъ баснословія. Такъ, на примѣръ, мы по своимъ взглядамъ

приписали бы дѣло съ Мариной молодымъ лѣтамъ Добрыни, когда еще онъ былъ холостъ, а потомъ благословили бы его на женидьбу. Народъ же, создавая пѣсню, увѣряетъ, что Добрыня пустился за Мариною тогда уже, когда долго передъ тѣмъ проходилъ все-возможныя службы передъ Владиміромъ. Дѣло въ томъ, что народъ при всемъ этомъ событіи имѣлъ въ виду не какой ни будь грѣхъ Добрыни противъ какой ни будь заповѣди, а хочетъ выразить необузданный разгулъ самого мо́лодца; разгулъ же выражаетъ недовольство Добрыни; онъ слишкомъ долго служилъ у Владиміра, и не выслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго. Тогда, недовольный, богатырь бросаетъ всѣ дѣла, шатается по городу, задираетъ всѣхъ и каждаго, бросается во великую схватку: образъ, хорошо знакомый всѣмъ Славянамъ, и особенно Русскимъ, когда они оскорблены невниманіемъ къ ихъ усердію; такъ дѣлывалъ и Садко, и Василій Буслаевъ, и даже степеннѣйшій изъ богатырей, Илья Муромецъ, когда въ одной, извѣстной намъ пѣсни, поссорившись, изъ за того же невниманія, съ княземъ Владиміромъ, бродитъ по Кіеву и стрѣляетъ—уже не по повалушамъ, не по Маринкѣ и не по Тугарину, а даже по церквамъ и церковнымъ маковкамъ. Подобные подвиги, на языкѣ пѣсень, значатъ обыкновенно, что въ народныхъ представленіяхъ богатырь отступаетъ отъ цѣлаго порядка вещей, свойственнаго извѣстному времени, на примѣръ Владимірову: что онъ старше этого времени или моложе. Слѣдовательно, повторяемъ, здѣсь, по народному воззрѣнію, нѣтъ никакого отношенія къ грѣху, къ заповѣди, къ закону супружества, и т. п.: дѣло съ Мариной одинаково прилично Добрынѣ и до женидьбы, и послѣ женидьбы.

За то, въ замѣнъ этой кажущейся неопредѣленности, мы получаемъ другія, и весьма выразительныя черты въ образѣ Добрыни. Мы видѣли, что старшія лѣтописи называютъ его дядею Владиміра: народъ знаетъ именно этого Добрыню и только на оборотъ дѣлаетъ его Владиміру не дядею, а племянникомъ. Его благородство по происхожденію, его боярство видно всюду: даже въ этомъ постоянномъ отчествѣ, — Никитичъ, въ этомъ «дородствѣ,» которое преимущественно ему приписывается. Особенное благородство разлито и во всемъ его образѣ: мягкость въ отношеніяхъ, изящество въ пріемахъ, рыцарство въ подвигахъ. Если Муромецъ, въ своей простотѣ и вѣрности назначенію, часто близокъ къ суровости и даже къ грубости, напоминая намъ въ этомъ случаѣ Ахилла и Марка королевича:

то Добрыня нашъ Гекторъ, нашъ Милошъ. Народъ называетъ въ немъ всю совокупность этихъ свойствъ *вѣжствомъ* или *вѣжествомъ*, вѣжливостью, знаніемъ, какъ съ кѣмъ и гдѣ обойтиться, учтивостью, внушающею почётъ и умѣющею почтить: «у Добрыни вѣжство рожденное и ученое,» по природѣ и по воспитанію, по сложившемуся въ жизни навыку.

Съ другой стороны, чѣмъ тоньше черты въ этомъ изящномъ образѣ, тѣмъ способнѣе онѣ расплываться въ неопредѣленность; чувство, которому ближе всего говоритъ Добрыня, само по себѣ уже уступчивѣе и неопредѣленнѣе строгаго разума и стойкаго разумѣнія жизни. Потому, какъ ни прокъ образъ Добрыни, въ опредѣленности онъ уступаетъ значительно Ильѣ Муромцу. Илья представляется постоянно старше, и не по однимъ лѣтамъ: онъ старше потому, что глубже его основы, старше и потому, что разумнѣе, что стоитъ въ головѣ и смотритъ впередъ. Только что успѣлъ русскій народъ прочнѣе сложиться, при своемъ появленіи на поприще бытописанія, онъ уже поспѣшилъ огласить себя былевымъ словомъ, какъ Греки, какъ всѣ народы съ нхнимъ эпосомъ: это былевое слово есть первый кругъ или циклъ нашихъ пѣсень, время Владимірово, и Муромецъ—высшее его выраженіе, главный образъ среди народныхъ образовъ. Потому черты его такъ опредѣленны и законченны, что нхъ невозможно смѣшать ни съ чѣмъ другимъ, такъ точно, какъ невозможно битвъ съ Разбойниками, съ Соловьемъ и Идолищемъ приписать кому либо другому, кромѣ Муромца. Но какъ сложившійся народъ русскій на первыхъ же порахъ закрѣпилъ складъ своего народнаго духа христіанскими началами, такъ онѣ же проникаютъ и все существо Ильи, не смотря на видимую его суровость и даже грубость. На оборотъ, мы видѣли, что событія изъ жизнедѣятельности Добрыни уже расплываются въ народномъ представленіи, сбиваются и перемѣшиваются въ разныхъ пѣсняхъ. При такомъ свойствѣ образа, въ народное творчество гораздо легче было вторгаться недавнимъ, свѣжимъ еще представленіямъ язычества: и вотъ въ числѣ подвиговъ Добрыни мы находимъ весьма многое, что отводитъ насъ въ глубь языческихъ вѣрованій: эти змѣи, хожденіе по нхъ пещерамъ, эта волхвующая Марина, превращеніе въ тура, и т. д. Однимъ словомъ, кому, во что бы то ни стало, хочется непремѣнно отъ древней Руси язычества, тотъ, съ прискорбіемъ отказавшись отъ Му-

ромца, можетъ совершенно успокоить свою жажду на Добрынѣ и утѣшить пытливость свою тысячью баснословныхъ выводовъ.

Алёша Поповичь въ этомъ отношеніи весьма также близокъ къ Добрынѣ. Пѣсня объ немъ, отдѣленная нами во *II-й Разрядъ*, приписываетъ ему такіе же баснословные подвиги въ борьбѣ со Змѣемъ, какіе и Добрынѣ. Если же одинъ и тотъ же подвигъ можетъ быть приписанъ народнымъ творчествомъ двумъ разнымъ лицамъ, то, хотя бы онъ выходилъ и изъ глубины баснословія, мы убѣждаемся однако же, что образы такихъ лицъ довольно неопредѣленны, черты ихъ перехожи, расплывчивы (потому и пѣсня, включенная въ *Разрядъ III-й*, ничего не говоритъ намъ особеннаго объ Алёшѣ, такъ что вмѣсто его имени мы можемъ вставить и всякое другое). Здѣсь богатыри различаются уже не *подвигами*, подобно какъ отличается ими Илья Муромецъ, а своими *пріемами* въ подвигахъ, произвольно къ нимъ перенесенныхъ изъ языческой дали, которая покрылась для народа русскаго безцвѣтнымъ туманомъ послѣ усвоенія христіанства. Соберемъ же эти *пріемы*, чтобы уловить въ нихъ—если уже не крупныя черты цѣлостнаго народнаго образа, какъ въ Ильѣ, то по крайности черты *частныя* и *личныя*. Алеша, сынъ попа Ростовскаго, по отчеству своему сажается у Владиміра «въ большое мѣсто, въ передній уголокъ;» тѣмъ не менѣе, народъ, постоянно величающій Добрыню Никитичемъ, дѣлаетъ изъ Поповича то *Леонтьевича*, то *Григорьича*, то *Ѳедоровича*. Онъ остается *выскочкой*: у него «вѣжество не рожденное.» Ему остается выставить себя подвигомъ; а не имѣя въ самомъ себѣ крѣпкихъ основъ, онъ въ подвигѣ беретъ смѣлостью: *смѣлый*—неотъемлемое прозвище Алеши, и на дѣлѣ смѣлость его доходитъ до дерзости и наглости. Онъ «захлыщевый,» забубенный; онъ бранчивъ и задоренъ; у него «глаза завидущія, руки загребущія;» необузданно-удалый, онъ при встрѣчѣ со врагомъ не надѣется на свою крѣпость и не брезгаетъ средствами плохими, обманомъ, ударомъ изъ подъ тишка; однимъ словомъ, это совершенно обратная сторона личныхъ качествъ Добрыни. Наконецъ, и это всего замѣчательнѣе, главные и срединные подвиги его дѣятельности, составляющіе исключительное его своеобразіе, суть выраженія страсти личной: онъ охотникъ до дѣвушекъ и чужихъ женъ, онъ «женской пересмѣшничекъ,» и въ этой удали обманетъ всякой законъ, и судъ, и расправу,—онъ «судейскій перелестничекъ.» Онъ сманиваетъ дѣвушекъ: отъ его подви-

говъ «бѣжала со новыхъ сѣней красна дѣвица, дочь гостиная (вып. 1, стр. 5);» онъ набрасываетъ тѣнь на семейное счастіе Добрыни и даже на такую женщину, какъ Настасью дочь Микулову; потому же, мы помѣстили пѣсни объ этихъ подвигахъ его въ *I-й Разрядъ*, какъ единственное, своеобразное отличіе Алеши Поповича. Здѣсь, въ дѣлѣ съ сестрою братьевъ *Збродовичей* (которые, замѣтимъ, до сихъ поръ извѣстны были только по одному имени и теперь въ первые лишь являются въ особой пѣсни), выражается все своеобразіе Поповича, весь подвигъ, на какой только былъ онъ способенъ отдѣльно отъ другихъ богатырей. Память народная до того затвердила себѣ эту единственную, недѣлимую черту жизнедѣятельности Алеши, что примѣшиваетъ его имя доселѣ къ тѣмъ многочисленнымъ сказаніямъ, въ которыхъ передаются извѣстныя подробности семейныхъ отношеній между хозяиномъ и его батракомъ или работникомъ. И въ знаменитой хороводной пѣсни древнѣйшаго происхожденія, «Ахъ по морю, морю сѣрому,» дѣвушка, уклонившись отъ мо́лодца, на упрекъ его извиняется тѣмъ, что «прости,» говоритъ, «я думала, что поповской сынъ, что поповской сынъ, воръ Алешинька.»

Такимъ образомъ, при всемъ личномъ различіи отъ Добрыни, Алеша связывается съ нимъ неопредѣленностію баснословныхъ подвиговъ, приписываемыхъ то тому, то другому, а въ своихъ отличіяхъ опять сталкивается съ Добрыней по дѣламъ женскимъ. Съ этой точки зрѣнія, въ теченіе своего былеваго творчества, народъ мало по малу начинаетъ спутывать ихъ имена, сводить одного къ другому, смѣшивать самое время ихъ дѣятельности и сопоставлять ихъ съ удальцами позднѣйшими. Такъ, мы видѣли, изъ временъ Владиміра, Добрыня, съ прозвищемъ *Златой поясъ*, переведенъ въ битву *при Калкѣ*, а по связи съ Алешею, въ ополченіе Константина *Ростовскаго;* изъ Любеча, Кіева и Новгорода, преданія переселяютъ дядю Владимірова въ *Рязань* (вып. 2, стр. 49) и дѣлаютъ его сыномъ «богатаго гостя,» *Рязанчемъ* (см. Никоновск. лѣтопись). На оборотъ, имя Алеши, вѣроятно черезъ посредство употреблявшагося имени *Алексы*, смѣшивается съ *Александромъ*, и самъ онъ изъ дружины Ростовской приводится къ Добрынѣ *на Калку*. *Торопъ*, слуга и оруженосецъ, придается то тому, то другому.

Третьяго богатыря, *Василья*, занимающаго въ пѣсняхъ втораго выпуска послѣднее мѣсто, народъ, также какъ и Алешу, не удостоиваетъ опредѣленнаго отчества: онъ то *Казиміровичь*, то *Игнатьевичь*. Покойный Предсѣдатель Общества, А. Ст. Хомяковъ, съ свойственной ему одному необыкновенной проницательностью, умѣлъ замѣтить въ немъ образъ *дьяка* или *грамотѣя* *). Дѣйствительно, это *дьякъ* въ древнѣйшемъ смыслѣ: то есть, во первыхъ, это ученикъ и ученый, человѣкъ поученый грамотѣ (старинное славянское значеніе дьяка, занятое отъ Грековъ); во вторыхъ, какъ грамотѣю, ему и книги въ руки, ему *грамоты*, онъ *писарь* (таковъ у Сербовъ Марко королевичь, изъ школы попа Недѣльки перешедшій въ писари къ Душану); въ третьихъ, какъ такой же, онъ *посолъ*. И это послѣднее значеніе преимущественно закрѣплено въ древности за Васильемъ. Въ пѣсняхъ объ немъ, помѣщенныхъ у насъ во *II-мъ Разрядѣ* настоящаго выпуска и въ выпускѣ 1-мъ на стран. 70—76, Василій, за посольскимъ бездѣльемъ, при наступленіи рати, отдается весь гульбѣ и бражничеству; только въ крайности, и то силою и приманками, вызываютъ его замѣнить отсутствующихъ богатырей: но и тутъ онъ съумѣлъ только заварить кашу и самъ поспѣшилъ опять на кружало. Его собственное, своеобразное дѣло—посольское: потому-то мы и помѣстили пѣсни такого рода въ *I-мъ Разрядѣ*. Здѣсь Василій не беретъ на себя богатырства: для того онъ выпрашиваетъ себѣ у Владиміра и употребляетъ въ дѣло Добрыню: его же дѣло—принимать порученія, везти и передавать дани и выходы, говорить рѣчи передъ инородными царями. Такой образъ до того утвердился въ народномъ представленіи, что когда жена Ставра (Кирша, стр. 125, 126) передѣлась Посломъ, она назвалась «Грознымъ Посломъ *Васильемъ*:» всякой посолъ становился уже Васильемъ. Помимо же этого общественнаго значенія, личныя черты и частные пріемы Василья выражены прозвищами *Долгополый* или *Долгополистый* и *Пьяница*: древнѣйшее представленіе народа объ неуклюжести и пьянчивости грамотника. Любопытно замѣтить, что, по позднѣйшимъ понятіямъ, мы должны бы искать тѣхъ же самыхъ отличій, и еще болѣе, въ Алешѣ Поповичѣ; совсѣмъ на оборотъ: Алеша въ высшей степени развязенъ, ловокъ, именно «вертокъ;» онъ пьетъ чару только «веселую,» меньше Добрыни и Муромца;

*) Моск. Сборникъ 1852 года, стран 320.

даже въ отличіе отъ грамотныхъ—Ильи, Добрыни и Василья, онъ не знаетъ грамотѣ и заставляетъ читать своего товарища, «въ грамотѣ поученаго человѣка,» Екима Ивановича.

Наконецъ, всѣ трое—«братья названые» и съ Ильею, и между собою. Подвиги всѣхъ четырехъ тѣсно связаны. Самая поѣздка Василья за посольскимъ дѣломъ, вмѣстѣ съ Добрынею, есть именно та поѣздка, въ которую постигло Добрыню семейное горе и которая изображена въ пѣсняхъ 1-го Разряда о Добрынѣ Никитичѣ.

КОНЕЦЪ 2-ГО ВЫПУСКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-ГО ВЫПУСКА.

	Стран.
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл.	I.
Пѣсни Былевыя. Время Владимірово.—Добрыня Никитичъ, богатырь-боярин. . .	1 — 63.
Богатырь Алёша Поповичъ.	64 — 82.
Василій Казимировичъ, богатырь-дьякъ, Долгополый, Пьяница. .	83 — 96.
Приложенія. — I. Сказка о Добрынѣ Никитичѣ.	I — XVII.
II. Свѣдѣнія о Добрынѣ Никитичѣ и Алёшѣ Поповичѣ по Лѣтописямъ. . .	XVII— XIX.
III. Замѣтка о пѣсняхъ, отпечатанныхъ во 2-мъ выпускѣ.	XIX —XXVI.

*

Погрѣшности.

Пѣсни, страница 4, строка	Слѣдуетъ исправить:
17 снизу:	
плеча — — — — —	плечи
— строка 3 снизу:	
батюшка, — — — —	дядюшка,
стран. 5, строка 10 и 18:	
со ряду́ пять лѣтъ, — —	безъ ряду пять лѣтъ,
стран. 27, строка 1 снизу:	
Мѣсто подъ — — —	Мѣсто надъ
стран. 44, строка 13:	
тынпочкѣ — — — —	на тынпочкѣ
— строка 6 снизу:	
Поглядѣвши — — — —	Поглядѣвши
стран. 83, строка 3:	
батюшка — — — —	батюшко

Кромѣ того замѣчены еще погрѣшности въ 1-мъ выпускѣ:

стран. 17, строка 10 снизу:	
на мнѣ старыемъ — —	на мнѣ на старыемъ
стран. 5, строка 21:	
къ Софѣ — — — —	ко Софѣ

—

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

7.1.Вып.3

МОСКВА.
Въ Типографіи А. Семена.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Апрѣля 14-го дня 1861 года.

Цензоръ И. Гиляровъ-Платоновъ.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1861 года, февраля 4-го, XLI засѣданіе; пунктъ 6. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Коммиссіею «изготовленъ къ печати третій выпускъ «Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» въ который войдутъ слѣдующія Былевыя пѣсни: а) Иванъ Гостиный сынъ и Иванъ Годиновичь; б) Данило Ловчанинъ съ женою и Данило Игнатьевичь съ сыномъ; в) Дунай Ивановичь; г) Сорокъ каликъ со каликою; д) Дюкъ Степановичь; е) Суровецъ-Суздалецъ и ж) Сауръ Вандовичь или Саулъ Левандовичь съ сыномъ.

Положено: а) Приступить немедленно къ печатанію 3-го выпуска «Пѣсень,» въ числѣ 1,200 экземпляровъ.

б) Цѣну за экземпляръ назначить по 50 к. сер., а съ пересылкою 75 к. серебромъ.

в) Всѣ распоряженія по печатанію и продажѣ сего изданія, на прежнемъ основаніи, возложить на Д. Чл. П. А. Безсонова.»

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1861-й годъ.

Выпускъ 3.

Богатыри: Иванъ Гостиный сынъ; Иванъ Годиновичь; Данило Ловчанинъ съ женою; Данило Игнатьевичь съ сыномъ; Дунай Иванновичь; Сорокъ каликъ со каликою; Дюкъ Степановичь; Суровецъ-Суздалецъ; Сауръ Ванидовичь или Саулъ Леванидовичь съ сыномъ.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

*

I.

1.

(Дер. Сóсница, на берегу Сезгера, Валд. уѣзда, Новгор. губ.).

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведрó пива былó:
Самъ бы испи́лъ, да и намъ бы поднёсъ.
Мы, мáлы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про ши́року про Волгу рѣку́.
Ши́рока рѣка подъ Казань подошла,
А пошúре подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новы́мъ-Городóмъ.

Бѣгъ выбѣгалъ тутъ насадничекъ *),
Въ этомъ во насадничкѣ сынъ со матерью **).
Пью они ѣдя́, прохлажáются ***),
Прóмежду собою похваляются:
Одинъ похвалился житьёмъ-бытьёмъ,
А другой похвалился молодою женой,
А третій похвалился саблей вострою.

---

*) *Насадъ* или набой, отъ насаживанья или набиванья бортовъ: судно, низъ котораго изъ однодеревки, а съ боковъ приставные досчатые борты.—*О.*

**) Все это начало очевидно взято изъ другой пѣсни.—*Прим. П. В. К.*

***) Крестьянинъ, со словъ котораго эта пѣсня записана, признавался, что онъ ея вполнѣ не помнитъ, и пояснилъ словами, что Иванъ Гостиный сынъ пируетъ въ Кіевѣ у *ласковаго князя Владимíра*, а похвалнется передъ его славными богатырями.—*Примѣч. П. В. К.*

Взго́ворилъ Ва́нюшка Гостиный сынъ:
« Ахъ вы братцы, вы бо́яры!
« Одинъ похвалился житьёмъ-бытьёмъ,
« Другой похвалился молодою женой,
« Третій похвалился саблей во́строю:
« А я похвалюсь своимъ бу́рушкой,
« Я похвалюсь своимъ ка́урушкой *)!
« Есть у меня да еще бурушка,
« Есть у меня да ка́урушка,
« Трёхъ годковъ жеребу́шечка:
« Малепькій, косма́тенькій,
« Гла́зочки какъ яблочки,
« Копы́течки по рѣше́течку,
« Гривушка семи саженько́въ,
« Хвостичикъ и семи́десятъ **)!...».
Вотъ они и закладываются,
Не объ стѣ рублей, не объ тысячи,
А просто объ своей буйной го́ловы:
Какъ бы съ Кіева до Владиміра,
Выѣхавши отъ заутрени,
Къ ра́нней обѣдни поспѣть ***)

. . . . . .

« Ахъ ты бурушко мой, кавурушко!
« Сослужи-тко мнѣ слу́жебку,
« Не царскую, не госуда́рскую,
« А мою со́бственную,—
« Поклонюсь я тебѣ во пра́вое копытечко:
« Какъ бы съ Кіева до Владимірова
« Съ зау́тренки къ обѣденкѣ поспѣть!»
— Ахъ ты Ва́нюшко, Гостиный сынъ!
— Сослужу я тебѣ слу́жебку

---

*) *Каурый*—лошадиная масть (изъ *курый*, въ сложности *было-курый*, съ поднятымъ звукомъ изъ *у* въ *ау*): желторыжій съ ремнемъ по хребту, хвостъ и грива той же масти.—*О.*

**) Здѣсь, по словамъ пѣвца, пропускъ.—*П. В. К.*

***) Опять пропускъ.—*П. В. К.*

— Не царскую, не государскую,
— А свою собственную:
— Накорми жъ ты меня пшенóй ѝровою,
— Ты напой меня бѣлой ключевой водой,
— Выведи меня во чистóе поле,
— Пусти́ меня на травы зелёныя,
— Накорми́ меня травóй шёлковою,
— Самъ покатáйся и меня покатай *)!
. . . . . .
— Ахъ ты Ва́нюшко, Гостиный сынъ!
— Выноси́-тко сѣдéличко Черкасское,
— Подтяни́-тко подпру́ги-то шелковыя,
— Садись-ко ты на добра́ коня,
— Подтянись-ко ты подпру́гам'-то шелкóвым' !—

Онъ бѣгомъ побѣга́лъ по пяти́десятъ вёрстъ,
Ско́комъ поскакалъ по семи́десятъ вёрстъ,
Засипѣлъ онъ по змѣи́ному,
Заревѣлъ онъ по звѣри́ному:
Съ горъ желты́ пѣски́ сподыма́лися,
Бѣлая вода всколыха́лася,
Съ теремóвъ шатры **) посваля́лися,
Вси господа́ испужа́лися,
Вси по ка́менным палáтамъ разбѣжалися.

(Не кончено; записано самимъ П. В—чемъ отъ крестьянина Савелья, 5 Сент. 1839 г. въ Новгородѣ).

*

2.

. . . . . .
Бѣгомъ побѣжалъ по пятидесятъ верстъ,
Ско́комъ поскакалъ по осьмидесятъ верстъ,
Въ тотъ ли то городъ Кіевскій,
Въ Кіевскій въ Володимірскій:

*) Опять пропускъ.—*П. В. К.*
**) *Шатёръ*—крыша.—*П. В. К.*

Вся это вода всколыхалася,
Вси господа испужалися,
Вси по каменнымъ палатамъ разбѣжалися.
Ужь какъ тотъ жеребецъ, сивогривый жеребецъ,
Онъ и тынъ изломилъ, онъ и въ поле ушелъ.

(Отрывокъ того же; записано П. В—чемъ на пожнѣ).

*

3.

(Кирша Даниловъ).

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи-бояра,
И на Рускіе могучіе богатыри,
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ;
Владиміръ князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
« Гой еси, князи и бояра,
« И всѣ Рускіе могучіе богатыри!
« Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
« Ктобъ похвалился на триста жеребцовъ,
« На триста жеребцовъ и на три жеребца похваленые,—
« Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ *),
« И которой полоненъ воронко во Большой ордѣ,
« Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Иваповичь,
« Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
« Изъ Кіева бѣжать до Чернигова

---

*) *Кологривъ*—грива на одну сторону.—*О.*

« Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
« Промежь обѣдней и заутренею?»
Какъ бы меньшой за большаго хоронится,
Отъ меньшаго ему тутъ князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ Гостиной сынъ,
И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
— Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь!
— Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
— А и быть передъ княземъ невольникомъ.
— Я похвалюсь на триста жеребцовъ,
— И на три жеребца похваленые,—
— А сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
— Да третій жеребецъ полоненъ воронко̀,
— Да которой полоненъ во Большой ордѣ,
— Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
— Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
— Ѣхать дорога не ближняя,
— И скакать изъ Кіева до Чернигова,
— Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
— Промежу обѣдни и заутрени,
— Ускоки давать конные,
— Что выметывать раздолья широкія *).
— А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
— Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ—
— О своей буйной головѣ.—
За князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князи и бояра, туто, де, гости корабельщики,
Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
А никто, де, тутъ за Ивана поруки не держитъ,—
Пригодился тутъ владыка Черниговской,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей—
Подписалися.

*) Выметывать изъ подъ себя, перескакивать цѣлыя долины.—*О.*

Молодой Иванъ Гостиной сынъ
Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Походилъ онъ на конюшню бѣлодубову
Ко своему доброму коню къ бурочкѣ,
Косматочкѣ, троелѣточкѣ,
Падалъ ему въ правое копытечко,
Плачетъ Иванъ, что рѣка течетъ:
« Гой еси ты, мой доброй конь,
« Бурочко, косматочко, троелѣточко!
« Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
« А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
« Со тобою добрымъ концемъ.
« Бился съ княземъ о великъ закладъ,
« А не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
« Бился съ нимъ о стѣ тысячей,
« Захвастался на триста жеребцовъ,
« А на три жеребца похваленые,—
« Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
« И третій жеребецъ полоненъ воронко:
« Бѣгати-скакать на добрыхъ на коняхъ
« Изъ Кіева скакать до Чернигова,
« Промежу обѣдни, заутрени,
« Ускоки давать конные,
« Что выметывать раздолья широкія.»
Провѣщится ему доброй конь бурочко,
Косматочко, троелѣточко,
Человѣческимъ Рускимъ языкомъ:
— Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
— Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
— Сива жеребца—того не боюсь,
— Кологрива жеребца—того не блюдусь,
— Въ задоръ пойду—у воронка уйду;
— Только меня води по три зари,
— Медвяною сытою пои
— И сорочинскимъ пшеномъ корми.
— И пройдутъ тѣ дни срочные,
— И тѣ часы урочные,
— Придетъ отъ князя грозенъ посолъ

— По тебя-то Ивана Гостинаго,
— Чтобы бѣгати-скакати на добрыхъ на коняхъ,—
— Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
— Только берись за шелковъ поводокъ,
— Поведешь по двору княженецкому,
— Вздѣнь на себя шубу соболиную,
— Да котора шуба въ три тысячи,
— Пуговки въ пять тысячей.
— Поведешь по двору княженецкому,
— А стану, де, я, бурка, передомъ ходить,
— Копытами за шубу посапывати,
— И по черному соболю выхватывати,
— На всѣ стороны побрасывати,—
— Князи-бояра подивуются,
— И ты будешь живъ—шубу наживешь,
— А не будешь живъ, будто пашивалъ *).—

По сказанному и по писанному:
Отъ великаго князя посолъ пришелъ,
А зоветъ-то Ивана на княженецкой дворъ.
Скоро, де, Иванъ наряжается,
И вздѣвалъ на себя шубу соболиную,
Которой шубѣ цѣна три тысячи,
А пуговки вальящатыя **) въ пять тысячей;
И повелъ онъ коня за шелковъ поводокъ.
Онъ будетъ, де, Иванъ, середи двора княженецкаго,
Сталъ его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати:
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися;
Зрявкаетъ бурко по турпиному,

---

*) Пословица понынѣ: «Поживешь—шубу наживешь, а не наживешь—будто пашивалъ.—*О.*

**) Рѣзныя, чеканеныя толстой работы; въ противуположность работѣ *обронной.—О.*

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,—
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княжепецкаго двора разбѣжалися:
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронко̀ въ Золоту орду бѣжитъ,
Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ;
А князи-то и бояра испужалися,
Всѣ тутъ люди купецкіе,
Окарачь они по двору наползалися;
А Владиміръ князь со княгинею печаленъ сталъ,
. . . . . .
Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иванъ Гостиной сынъ!
«Уведи ты уродья со двора долой:
«Просты поруки крѣпкія *), записи всѣ изодранныя. »
Втапоры владыка Черниговскій,
У великаго князя на почестномъ пиру,
Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватить корабли
Съ тѣми товары заморскими,
— А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ.—

(Ср. ниже начало пѣсни о Дунаѣ).

* *
*

*) Упразднены, порѣшены; въ закладѣ говорятъ: «рублемъ простъ буду», — ставлю рубль, и рубль отданый порѣшитъ, опроститъ, развяжетъ руки заложившихся объ рублѣ.—*О.*

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЬ.

I.

1.

(Шенкурскій уѣздъ).

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У того же у князя у Владиміра,
Собиралъ Владиміръ князь славный пиръ,
Славный пиръ, почестенъ столъ,
Назвалъ на пиръ всѣхъ князей-бо́яровъ,
Еще всѣхъ могучихъ бога́тыревъ.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной хвастаетъ золотой казной,
Иной похвасталъ чистымъ се́ребромъ,
Иной похвасталъ скатнымъ жемчугомъ,
Иной похваляется добрымъ конемъ.
Тутъ сидитъ Иванушко Годиновичь,
Онъ сидитъ, не пьетъ не кушаетъ,
Бѣлой лебеди Иванъ не рушаетъ.
Что на это Владиміръ князь слово говоритъ,
Говоритъ Владиміръ князь, какъ въ трубу трубитъ:
«Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
«Ужь ты что́ же сидишь, не пьешь не кушаешь,
«Ты почто бѣлой лебеди не рушаешь?
«Ужь и я ль обнесъ тебя золотой казной,
«Я ль обнесъ тебя братыней пьяною?»
На это Иванушко отвѣтъ держитъ:
— Не обнесъ ты меня царо́й *) казной,
— Не обнесъ ты меня братыней пьяною.—

*) Такъ.—*О.*

На это ласковъ князь рѣчь говорилъ:
« Что ты, что ты, Иванушко Годиновичь,
« Что ты, что ты сидишь—ни чѣмъ не хвастаешь?»
На это Годиновичь отвѣтъ держитъ:
— Ужь ты гой еси, ласковъ Владиміръ князь!
— Ты позволь-ко мнѣ-ка слово молвити:
— Не изволь меня при всемъ столѣ казнить,
— Не изволь меня при всѣхъ князьяхъ рубить.—
На это ласковъ князь рѣчь говоритъ:
« Говори ты, Иванушко, безъ опасности,
« Говори ты, Годиновичь, безъ великія.»
Проговорилъ Иванушко Годиновичь:
— Что во нашемъ во городѣ во Кіевѣ,
— Что у насъ въ слободѣ въ Ерусалимскія,
— У насъ нѣтъ молодцевъ, удалыхъ Суздальцевъ *),
— У насъ нѣтъ дѣвицъ—бѣлыхъ лебедей:
— У насъ мо́лодцы прижепилися,
— У насъ дѣвицы за мужь выданы,
— Я одинъ, добрый молодецъ, холостъ хожу.—
На это ласковъ князь слово вымолвилъ:
« Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
« Ты поди-ко, Иванъ, на конюшій дворъ,
« Ты бери жеребца съ девяти цѣпей,
« Надѣвай-ко сбруду **) богатырскую,
« Поѣзжай-ко ты, куда хочется,
« Ты бери себѣ жену, гдѣ можется:
« Хоть у того царя, у царевича,
« Хоть у того короля, у королевича,
« Хоть у того у купца богатаго,
« Хоть у того у попа простоволосаго,
« Хоть у того у мужика у подлаго ***).»
Показалося Ивану за досадушку,
Показалося ему за бѣду великую:
— Мнѣ не падо у царя, у царевича,

---

*) Ср. ниже богатыря « Суздальца.» — *О.*
**) Збрую. — *О.*
***) Низкаго, изъ низшаго сословія. — *О.*

— Мнѣ не надо у короля, у королевича,
— Мнѣ не надо у купца богатаго,
— Мнѣ не надо у попа простоволосаго,
— Мнѣ не надо у крестьянина подлаго;
— Я возьму ли себѣ, возьму сужену,
— Что во томъ ли въ городѣ во Черниговскомъ,
— У того ли у короля у Чернигова;
— У него есть Авдотья, Лебедь бѣлая:
— Она ростомъ не ма́ла, умомъ крѣпка,
— У ей лицо бѣло, какъ осённый *) снѣгъ,
— У ей брови черны, какъ у соболя,
— У ей очи ясны, какъ у сокола.—
На это ласковъ князь Владиміръ рѣчь го́ворилъ:
« Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
« Не бери ты во городѣ во Черниговѣ,
« У того у царя у Чернигова:
« У него есть Авдотья, Лебедь бѣлая,
« Она ростомъ не мала, да умомъ слаба;
« У нее лицо бѣло, какъ осённый снѣгъ,
« У нее брови черны, какъ у соболя,
« У нее очи ясны, какъ у сокола. »

Показалося Иванушку за досадушку:
Выходилъ Иванъ изъ дуба́-стола,
Изъ за тѣхъ скатертей изъ за бе́рчатыхъ **);
Ни съ кѣмъ добрый молодецъ не прощается,
Онъ двери отпираетъ широко, на́ пяту,
Онъ двери запираетъ крѣпко на́ крѣпко:
Дубовыя ободверины по́косилъ.
Говоритъ ему на это Владиміръ князь:
« Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
« Тебѣ много ли надо золотой казны,
« Тебѣ много ли надо силы (арміи),
« Тебѣ много ли надо сильныхъ бога́тырёвъ? »
— Мнѣ не надо твоей золотой казны,

*) Первый. — *О.*

**) Браныхъ (въ которыхъ перебираются нитки для узора). — *О.*

— Мнѣ не надо твоей силы (арміи),
— Мнѣ не надо твоихъ богатыревъ.—

Походилъ Иванъ на конюшій дворъ,
Онъ бралъ жеребца съ девяти цѣпей,
Надѣвалъ узду богатырскую,
Онъ бралъ съ собой саблю широкую,
Онъ бралъ съ собой востро копье,
Онъ бралъ съ собой палку буевую *),
Захватилъ на попутьѣ булатный ножь.
Видѣли Ивана, какъ коня сѣдлалъ,
Не видали поѣздочки богатырскія,
Только взглянутъ: въ чистомъ полѣ курева́ стои́тъ **).
Поѣхалъ Иванъ по чисту по́лю,
Онъ доѣхалъ до рѣченьки бродо́выя,
Переѣхалъ за рѣченьку бродовую,
Онъ заѣхалъ во городъ во Чѐрниговскій,
Онъ пріѣхалъ ко царю ко Чернигову.

Онъ заѣхалъ къ царю на широкій дворъ,
Онъ поставилъ коня не привязавши.
Походилъ Иванъ на крылечушко,
Со крылечушка во новы сѣни,
Со новыхъ сѣней во свѣтлу гряду́ ***).
Онъ двери отпиралъ широко—на́ пяту,
Онъ двери запиралъ крѣпко на́ крѣпко:
Дубовое ободве́ренье онъ по́косплъ.
Онъ крёстъ кладетъ по писапому,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Онъ молится Спасу Пречудному.
« Ужь ты здравствуй, царь со царицею,
« Ужь ты здравствуй, царь, все Черниговецъ! »
На это Черниговецъ отвѣтъ держитъ:

---

*) Палицу боёвую.— *О.*

**) Пыль столбомъ.— *О.*

***) Обыкновенно—«во свѣтлу *гридню.*» *Гряда* нынче—воронецъ, поперечное бревно, на которомъ лежатъ палати, отъ стѣны до печнаго голубца. Отсюда, черезъ слово *греда*, образовалась *гридня:* покой съ палатями (въ ней упоминаются по пѣснямъ именно «богатырскія палати»), гдѣ сидѣли богатыри, *гридь*, слуги,—*людская;* она же, прямо изъ сѣней, была *пріемною.*— *О.*

— Ужь ты здравствуй, Иванушко Годиновичь!
— Ты пріѣхалъ ко мнѣ все по старому,
— Все по старому, по бывалому,
— Что во тѣ ты во ключнички во столовые?—
На эту рѣчь Иванушко въ отвѣтъ сказалъ:
« Я пріѣхалъ къ тебѣ не по старому,
« Не по старому пріѣхалъ, не по прежнему,
« Не во тѣ во ключнички во столовые,
« Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататься:
« Ты отдай за меня Авдотью, Лебедь бѣлую!»
Говоритъ Черниговецъ таковы рѣчи:
— Ужь ты что ты, Иванушко Годиновичь!
— У меня вѣдь Авдотьюшка засватана,
— Засватана Авдотья, запоручена,
— Что во ту ли во орду во невѣрную,
— За того ли за Одóлища *) поганаго.—
На эти рѣчи Иванушка отвѣтъ держитъ:
« Ужь ты гой еси, царь Черниговецъ!
« Отдавай за меня Авдотью, Лебедь бѣлую:
« Ужь ты чёстно не дашь,—за боёмъ возьму,
« Ужь я тѣмъ кроволитьицемъ великімъ.»
— Ужь ты гой еси, Иванъ Годиновичь!
— У меня, право, Авдотьюшка засватана,
— Засватана Авдотья, запоручена,
— Что во ту ли во орду во невѣрную,
— За того ли Одолища за поганаго.—

Тутъ пошелъ Иванъ изъ свѣтлой гряды,
Изъ свѣтлой гряды пошелъ по новымъ сѣнямъ,
Изъ новыхъ сѣней пошелъ во другу́ гряду́,
Онъ двери отпиралъ широко—на́ пяту,
Онъ двери запиралъ крѣпко на́ крѣпко.
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Молится Спасу Пречудному.
« Ужь ты здравствуй, Авдотья, Лебедь бѣлая!»
Тутъ сидитъ Авдотья, полотенце ткётъ.

*) Идолища.—*О.*

На головкѣ у Авдотьи бѣлы лебеди,
На лѣвомъ плечѣ у ней черны собыли,
На правомъ плечѣ сидятъ ясны соколы,
На прошéстяхъ *) у Авдотьи сизы голуби,
На подножкахъ **) у Авдотьи черны вóроны.
— Ужь ты здравствуй, Иванъ, свѣтъ Годиновичь!—
Выходила Авдотья изъ тонка полотнá ***),
Она брала Ивана за бѣлы руки,
Цаловала-миловáла во сахарныя уста.
На это Иванъ не замѣшкался:
Повелъ онъ Авдотью изъ свѣтлой гряды,
Онъ повелъ Авдотью по новымъ сѣнямъ.
Еще тутъ ли Авдотьюшка росплакалась:
— Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить-вскормить,
— Ты умѣлъ меня, батюшка, высоко взростить,
— Не умѣлъ меня, батюшка, за мужь выдати,
— Безъ того кроволитьица великаго!—
На эту рѣчь Черниговецъ отвѣтъ держитъ:
«« Ужь ты что же, Иванушка Годиновичь,
«« Хлѣба-соли со мной не покушаешь?»»
Отвѣчаетъ Иванъ Годиновичь:
« На пріѣздѣ ты гóстя не отпотчивалъ,—
« На поѣздѣ тѣ гостя не отпотчивать!»
Садилъ Авдотью на добра коня,
Поѣзжалъ Иванъ во чисто поле;
Онъ доѣхалъ до рѣченьки бродовыя,
Переѣхалъ рѣченьку бродовую,—
Пристигала его темная ноченька.
Онъ разставилъ шатеръ бѣлый, камчаточный,
Повалился въ шатри съ своей Авдотьюшкой.
Мало по малу, да въ скорѣ времени
Доходили вѣсточки до Одóлища.
Походилъ Одолище во конюшій дворъ,
Онъ бралъ жеребца съ девяти цѣпей,

---

*) *Прошéсть*—основа, утóкъ, то, что ткутъ. — *О.*
**) *У* ткацкаго станка. — *О.*
***) Изъ за ткацья. — *О.*

Надѣвалъ сбру́ду богатырскую,
Бралъ съ собой саблю широкую,
Бралъ съ собой востро копье,
Бралъ съ собой палку буе́вую,
Захватилъ на попутьѣ булатный ножь;
Тутъ поѣхалъ Одолище во чисто поле,
Онъ доѣхалъ до го́рода до Чернигова,
Ко тому ли царю ко Чернигову.
Онъ заѣхалъ къ царю во широкій дворъ,
Закрычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ужь ты гой еси, царь, вольный Черниговецъ,
— У тебя до́ма ли Авдотья, Лебедь бѣлая?—
Что на это Черниговецъ дога́денъ былъ,—
Выходилъ Черниговецъ изъ свѣтлой гряды,
Выходилъ Черниговецъ на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на крылечушко,
Говорилъ Черниговецъ таковы рѣчи:
« У меня пѣть Авдотьи, Бѣлой лебеди,
« У меня былъ Иванушка Годиновичь,—
« Увезъ Авдотью, Лебедь бѣлую.»

На это Одолище не замѣшкался:
Поѣзжалъ Одолище во чисто поле,
Доѣхалъ до рѣченьки до бро́довы,
Переѣхалъ рѣченьку бродовую,—
Онъ увидѣлъ шатеръ бѣлый, камчаточный,
Онъ скрычалъ-сзычалъ зычнымъ голосомъ:
— Кто есть живъ въ шатрѣ въ тонкомъ, камчаточномъ,
— Кто есть живъ въ шатрѣ, тотъ поди сюда!—
На это Иванушка послушался:
Ото сна встаетъ добрый молодецъ, пробужается,
Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра,
Умывается водой свѣжей, ключевою,
Онъ терея полотенцемъ тонкимъ, камчаточнымъ,
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Онъ молится Спасу Пречудному.
Походитъ Иванъ ко добру коню,

Оболокаетъ сбру́ду богатырскую,
Беретъ съ собой саблю широкую,
Беретъ съ собой остро копье,
Беретъ съ собой палку буёвую;
Поѣхалъ Иванъ ко Одолищу.
Разъѣзжалися братаны на у три́ версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они саблями ударилися широкими,
И тутъ другъ друга не рашли.
Что разъѣхались братаны на у три́ версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они копьями ткнулися бержемецкими *),
Они еще, братаны, другъ друга не доса́дили.
Что разъѣхались братаны на у три версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они палками кинулись буёвыми:
Попала Одолищу по го́ловы,—
Улеталъ Одолище со добра коня.
На это Иванушка догадливъ былъ:
Соскочилъ Иванъ со добра коня,
Перескочилъ гриву лошади́ную,
Навалился Одолищу на черны груди,
Разстегаетъ петельки шелковыя,
Отстегаетъ пуговки однозоло́тныя **),
Хочетъ спороть груди черныя,
Хочетъ вынуть ретиво сердце;
Позабылъ во шатрѣ свой булатный ножь;
Онъ скрычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
« Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
« Ты кинай-ко ***) булатный ножь изъ бѣла шатра:
« Надо пороть Одолищу черны груди,
« Надо вымать у Одолища ретиво сердце,»
На это Авдотьюшка ослышалась ****):
Припосила изъ шатра его булатный ножь.
Увидалъ Одолище поганое,

*) Мурзамецкими.—*О.*
**) Изъ одного, чистаго золота.—*О.*
***) Кидай.—*О.*
****) Послушалась.—*О.*

Заговорилъ Одолище таковы слова:
— Ужь ты гой еси, Авдотья, лебедь бѣлая!
— Ты кинай пожишко далече во чисто поле,
— Ты бери-ко Ивана за русы кудри,
— Согони́ Иванушка съ Одолища!—
Что на это Авдотья ослы́шалася:
Кина́ла булатный ножь въ чисто поле,
Она брала Ивана за русы кудри,
Воротила Иванушка съ Одолища.
Еще тутъ-то Одолище на верхъ попалъ:
Навалился къ Ивану на бѣлы груди,
Разстегаетъ онъ петельки шелковыя,
Отстегаетъ онъ пуговки однозолотныя,
Онъ хочетъ пороть груди бѣлыя,
Онъ хочетъ вымáть ретиво сердце,
Онъ вымаетъ изъ ножней свой булатный ножь.
Сожалѣлася Авдотьюшка объ Иванушкѣ,
Сама го́воритъ таковы рѣчи:
«« Ой ты гой еси, Одолище поганое!
«« Не пори у Ивана бѣлыхъ грудей,
«« Не вымáй у Ивана ретива сердца:
«« Мы возмемъ-ка Иванушка да свяжемъ здѣсь,
«« Еще той свяжемъ плетью шелковою,
«« Шелковою плеточкой, троесу́чною *),
«« Мы привяжемъ Ивана ко сыру дубу!»»
Пристигала ихъ темна поченька:
Повалился Одолище въ тонко́й шатеръ,
Повалился Одолище съ Авдотьюшкой.
Поутру онъ вставастъ ранехонько,
Выходитъ Одолище изъ бѣла шатра.
Прилетѣли на сырой дубъ два голубя,
Увидалъ ихъ Одолище поганое,
Проговорилъ Одолище таковы рѣчи:
— Ужь ты взглянь-ко, Авдотья, лебедь бѣлая,
— Прилетѣли на сырой дубъ два голубя!—
На это Авдотьюшка отвѣтила:

*) Въ три сука сученою.—*О.*

«« Ужь ты гой еси, Одолище поганое!
«« Ты устрѣль-ко мнѣ сиза голубя:
«« Захотѣла я здѣсь голубятины.»»
На это Одолище ослы́шался:
Заряжаетъ стрѣлу, стрѣлу вострую,
Выпущаетъ свою стрѣлу каленую,
Онъ самъ стрѣлѣ паказываетъ,
Онъ самъ стрѣлѣ наговариваетъ:
— Ты пади, стрѣла, не на воду, не на́ землю,
— Ты пади, стрѣла, во дубъ-древо,
— Изъ сыра дуба въ сиза голубя,
— Снизу голубю пади ты во право око!—
Она пала не на воду, не на землю,
Она пала во матерое въ дубъ-древо,
Отскочила отъ дуба Одолищу въ черны груди,
Изъ черныхъ грудей въ ретиво сердце:
Тутъ-то Одолище окончился.
Еще тутъ-то Авдотьюшка расплакалась:
«« Огъ того ли бе́режка отъѣхала,
«« До другаго бережка не доѣхала!»»
Взмолился Иванушко Авдотьюшкѣ:
— Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
— Отвяжи меня, Авдотья, отъ сыра дуба,
— Не положу я на тебя большой вины,
— Только дамъ паучёньице по женскому.—
Что на это Авдотья не ослышалась:
Она бра́ла себѣ саблю вострую,
Она хочетъ срубить Ивану голову,
Она мѣтитъ Ивану по бѣлой шеѣ:
Заторча́ли *) Авдотьюшки бѣлы ручушки,
Не попала Ивану по бѣлой шеѣ,
Попадала по плеточкѣ по шелковой,
Пересѣкла плеточку шелковую.

Тутъ добрый молодецъ на волѣ сталъ,
Садилъ Авдотью на добра коня,

*) Задрожали.— О.

Поѣхалъ Иванушка во чисто поле,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
« Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
« Ты сходи-ко на рѣченьку бродовую,
« Принеси-ко ты воды свѣжей ключевыя:
« На этомъ на мѣстечкѣ испить хочу!»
На это Авдотья рѣчь говорила:
— Ужь ты гой еси, Иванушка Годиновичь!
— Ты не пить хочешь, хóшь меня губить!—
Показалося Ивану за досадушку,
Показалося ему за бѣду великую:
Онъ срубилъ Авдотьѣ буйну голову,
По локóтъ отсѣкъ онъ ручку правую,
Самъ говорилъ таковы рѣчи:
« Обнимала Одолища поганаго!»
По колѣно отсѣкъ лѣву ноженьку,
Самъ говорилъ таковы рѣчи:
« Оплетала ты Одолища поганаго!»
Онъ самъ себѣ паговариваетъ:
« Я женился, добрый молодецъ, мнѣ-ка не съ кѣмъ спать!»

Поѣзжалъ онъ во городъ во Кіевскій,
Въ ту слободу Ерусалимскую,
Въ стрѣту ладятъ *) ему князья-бояра,
Встрѣчаютъ молодца, усмѣхаются:
«« Ты женился, добрый молодецъ, тебѣ не съ кѣмъ спать!»»
На это Иванушко отвѣтъ несетъ:
« Ой вы гой есте, братцы-товарищи!
« Вѣдь не всякому, братцы, женитьба издается **)!»

(Записано А. Харитоновымъ и доставлено В. И. Даломъ).

*

*) Угодили, пригодились, попадаются.—*О.*

**) Удается.—*О.*

2.

(Кирша Данилов).

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра вечеринка была,
На пиру у него сидѣли честныя вдовы.
Пригодился тутъ Иванъ Годиновичь,
И проговоритъ ему стольной Кіевской Владиміръ князь:
«Гой еси, Иванъ ты Годиновичь!
«А за чѣмъ ты, Иванушка, не женишься?»
Отвѣчаетъ Иванъ сынъ Годиновичь:
— Радъ бы, осударь, женился, да не гдѣ взять:
— Гдѣ охота брать, за меня не даютъ,
— А гдѣ-то подаютъ, ту я самъ не беру.—
А проговоритъ ласковой Владиміръ князь:
«Гой еси, Иванъ сынъ Годиновичь!
«А садися ты, Иванъ, на ременчатъ стулъ,
«Пиши ярлыки скорописчаты *).»
И садился тотчасъ Иванъ на ременчатъ стулъ,
Написалъ ярлыкъ скорописчатой,
О добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ,
Къ славному городу Чернигову,
Къ Дмитрію гостю богатому;
Написалъ онъ ярлыкъ скорописчатой,
А Владиміръ князь ему руку приложилъ.
«А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься,
«Сватаюсь я, де, Владиміръ князь.»

А скоро, де, Иванъ спаряжается,
А скоря **) того поѣздку чинитъ
Ко городу Чернигову.
Два девяносто-то мѣрныхъ верстъ
Переѣхалъ Иванушка въ два часа.
Сталъ онъ, Иванъ, на гостинномъ дворѣ,
Скочилъ онъ, Иванъ, со добра коня;
Привязавши коня къ дубову столбу,

*) Грамоты. — *О.*
**) Скорѣй. — *О.*

Походилъ во гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Онъ Дмитрію гостю кланяется,
Положилъ ярлыкъ скорописчатой на круглой столъ.
Димитрій гость распечатываетъ и разсматриваетъ,
Просматриваетъ и прочитываетъ:
— Глупой Иванъ, неразумной Иванъ!
— Гдѣ ты, Иванушка, перво былъ?
— Нонѣ Настасья просватана,
— Душа Дмитревна запоручена
— Въ дальну землю Загорскую,
— За царя Аѳромея Аѳромеевича.
— За царя отдать—ей царицею слыть,
— Пановя всѣ поклонятся,
— Пановя и улановья,
— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
— За тебя, Иванъ, отдать—холопкой слыть,
— Избы мести, заходы скрести.—
Тутъ Иванушкѣ за бѣду стало,
Схватя ярлыкъ, Иванъ, да и вонъ побѣжалъ.

Садился Иванъ на добра коня,
Побѣжалъ онъ ко городу ко Кіеву;
Скоро Иванъ на дворъ прибѣжалъ,
И приходитъ онъ во свѣтлу гридню
Ко великому князю Владиміру,—
Спасову образу молится,
А Владиміру князю кланяется.
Вельми онъ, Иванъ, закручинился.
Сталъ его Владиміръ князь спрашивати,
А сталъ Иванъ разсказывати:
« Былъ я у Дмитрія во дому,
« Положилъ ярлыкъ на круглой столъ,
« Дмитрій гость не задерживалъ меня въ томъ,
« Скоро ярлыки прочитывалъ
« И говорилъ таковы слова:
«— Глупой ты, де, Иванъ, неразумной Иванъ!
«— Гдѣ ты, Иванушка, перво былъ?
«— Нонѣ Настасья просватана

«— Въ дальну землю Загорскую,
«— За царя Афромея Афромеевича;
«— За царя, де, ее отдать—царицею слыть,
«— Паповя всѣ поклонятся,
«— Паповя всѣ и улановья,
«— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
«— За тебя, де, Иванъ, отдать—холопкой слыть,
«— Избы мести, да заходы скрести.—»
Тутъ ему князю за бѣду стало,
Рветъ на главѣ черны кудри свои,
Бросаетъ ихъ о кирпищетъ полъ:
— Гой еси, Иванъ Годиновичь!
— Возьми ты у меня князя сто человѣкъ
— Рускихъ могучихъ богатырей,
— У княгини ты бери другое сто,
— У себя, Иванъ, третье сто;
— Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
— Честью не дастъ, ты и силою бери.—

Скоро молодцы тѣ собираются,
А скоря того поѣздку чинятъ,
Поѣхали къ городу Чернигову;
А и только переѣхали быстраго Днѣпра,
Выпала пороха снѣгу бѣлаго.
По той по порохѣ, по бѣлу снѣгу,
И лежатъ три слѣда звѣриные:
Первой слѣдъ гнѣдаго тура,
А другой слѣдъ лютаго звѣря,
А третій слѣдъ дикаго вепря.
Сталъ онъ Иванъ разъясачивати *):
Послалъ онъ за гнѣдымъ туромъ сто человѣкъ,
И велѣлъ поимать его бережно,
Безъ той раны кровавыя;
И за лютымъ звѣремъ послалъ другое сто,
И велѣлъ изымать его бережно,
Безъ той раны кровавыя;
И за дикимъ вепремъ послалъ третье сто,

*) Дѣлать нарядъ, разряжать молодцовъ по отрядамъ.—*О.*

А велѣлъ изымать его бережно,
Безъ тоя раны кровавыя,
И привесть ихъ во стольной Кіевъ градъ
Ко великому князю Владиміру.
А самъ онъ, Иванъ, поѣхалъ единый во Черниговъ градъ.

И будетъ Иванъ во Черниговѣ,
А у Дмитрія гостя богатаго,
Скачетъ *) Иванъ середи двора,
Привязалъ коня къ дубову столбу,—
Походилъ онъ во гридню свѣтлую,
Къ Дмитрію гостю богатому,
Спасову образу молится,
Дмитрію гостю не кланяется;
Походилъ за занавѣсу бѣлую
Онъ къ душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ.
А тутъ у Дмитрія гостя богатаго
Сидятъ мурзы-улановья,
По нашему Сибирскому дружки словутъ.
Привезли они платьице цвѣтное,
Что на душку Настасью Дмитревну,
Платья того на сто тысячей,
Отъ царя Афромея Афромеевича;
А самъ царь Афромей Афромеевичь
Онъ отъ Чернигова въ трехъ верстахъ стоитъ;
А силы съ нимъ три тысячи.
Молодой Иванушка Годиновичь
Онъ изъ за занавѣсу бѣлаго
Душку Настасью Дмитревну
Взялъ за руку за бѣлую,
Потащилъ онъ Настасью, лишь туфли звенятъ.
Что взговоритъ ему Дмитрій гость:
— Гой еси ты, Иванушка Годиновичь!
— Суженое пересуживаешь,
— Ряженое переряживаешь:
— Можно тебѣ взять не гордостью,
— Веселымъ пиркомъ, свадебкой.—

*) Слѣзаетъ (вскочить—взлѣзть).—О.

Только Иванъ слово выговорилъ:
« Гой еси ты, славной Дмитрій гость!
« Добромъ мы у тебя сваталися,
« А сватался Владиміръ князь;
« Не могъ ты честью мнѣ отдать,—
« Понѣ беру и не кланяюсь.»
Вытащилъ ее середи двора,
Посадилъ на добра коня,
И самъ метался въ седѣлечко Черкесское.
Некому бѣжать во Кіевъ градъ
За молодомъ Иванушкомъ Годиновичемъ;
Переѣхалъ онъ, Иванъ, девяносто верстъ,
Поставилъ онъ, Иванъ, тутъ свой бѣлъ шатеръ,
Развернулъ ковры сорочинскіе,
Послалъ потнички *) бумажные,
Изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьею опочивъ держать.

Донеслась скоро вѣстка нерадошна
Царю Афромею Афромеевичу;
А пріѣхали мурзы, улановья,
Телячьимъ языкомъ разсказываютъ:
«« Изъ славнаго, де, города изъ Кіева,
«« Прибѣжалъ удалъ молодецъ,
«« Увезъ твою противницу **) Настасью Дмитревну.»»
Царь Афромей Афромеевичь
Скоро онъ вражбу чинилъ:
Оберпется гнѣдымъ туромъ,
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темные лѣса соболемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ,—
Скоро онъ сталъ у бѣла шатра.
А и тутъ царь Афромей Афромеевичь
Закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
— Гой еси, Иванушка Годиновичь!
— А и ты сужепое пересуживаешь,
— Ряженое переряживаешь:
— Почто увезъ ты Настасью Дмитревну?—

*) Подстилки подъ сѣдло, чтобы не тереть лошади. — *О.*

**) Ровню, сверстницу, *дружку*, что пришлась кому, сербск. «слика и прилика.» — *О.*

А скоро Иванъ выходитъ изъ бѣла шатра,
Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичь:
« Гой еси, царь Аѳромей Аѳромеевичь!
« Станемъ мы съ тобою боротися,
« О большинѣ *), что кому наша Настасья достанется. »
И схватилися они тутъ боротися.
Что, де, ему царю дѣлати
Со молодымъ Иваномъ Годиновичемъ **)?
Согнетъ онъ царя корчагою,
Опустилъ онъ о сыру землю:
Царь Аѳромей Аѳромеевичь
Лежитъ на земли, свѣту не видитъ.
Молодой Иванъ Годиновичь
Онъ ушелъ за кустикъ мочитися;
Царь Аѳромей едва пропищалъ:
— Думай ты, Настасья, не продумайся!
— За царемъ за мною быть—царицею слыть,
— Пановя всѣ поклонятся,
— Пановя всѣ, улановья,
— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
— За Иваномъ быть—холопкой слыть,
— А избы мести, заходы скрести.—
Приходитъ Иванъ ко бѣлу шатру,
Напустился съ нимъ опять боротися,
Схватилися они руками боротися;
Душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Годиновича за ноги,
Тутъ его двое и осилили.
Царь Аѳромей на грудяхъ сидитъ,
Говоритъ таково слово:
— А и нѣтъ чингалища ***) булатнаго,
— Нечѣмъ пороть груди бѣлыя.—
Только лишь царь слово выговорилъ:
— Гой еси ты, Настасья Дмитревна!
— Подай чембуръ ****) отъ добра коня.—

---

*) Кто кого пересилитъ, чья будетъ сила и большина: *о большинѣ.* — *О.*

**) На оборотъ: « Что Ивану дѣлать съ царемъ? » — *О.*

***) Книжалища. — *О.*

****) Третій поводъ: ср. вып. 1-й, стр. 73. — *О.*

И связали Ивана руки бѣлыя,
Привязали его ко сыру дубу.
Царь Афромей въ шатеръ пошелъ,
Сталъ съ Настасьею поигривати,
А назолу даетъ *) ему молоду Ивану Годиновичу.
По его было талану добра молодца,
А и молода Ивана Годиновича,
Первая высылка изъ Кіева бѣжитъ,
Ровно сто человѣкъ:
Прибѣжали ко тому бѣлу шатру,
Будто зайца въ кустѣ изъѣхали:
Спиря скочилъ, тотъ поспириваетъ,
Сёма прибѣжалъ, тотъ посёмываетъ;
Которы молодцы они поглавнѣе,
Срѣзали чембуры шелковые,
Молода Ивана Годиновича опрастывали.
Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичь:
«А и гой вы еси, дружина хорабрая!
«Ихъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
«Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ:
«Повезите его ко городу ко Кіеву,
«Ко великому князю Владиміру.»

А и тутъ три высылки всѣ сбиралися,
Нарядили царя въ платье цвѣтное,
Повезли его до князя Владиміра.
И будутъ въ городѣ Кіевѣ,
Разсказали тутъ удалы добры молодцы
Великому князю Владиміру
Про царя Афромея Афромеевича.
И Владиміръ князь со княгинею
Встрѣчаетъ его честно, хвально и радошно,
Посадилъ его за столы дубовые,
Тутъ у князя столъ пошелъ
Для царя Афромея Афромеевича.

Молодой Иванушка Годиновичь,
Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,

*) Дѣлаетъ досаду: Ивану, глядя на то, завистно.—*О.*

Онъ душку Настасью Дмитревну.
Онъ перво ученье, то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:
«Эта мнѣ рука не надобна,
«Трепала она рука Афромея царя.»
А второе ученье, ноги ей отсѣкъ:
«А и та, де, нога мнѣ не надобна,
«Оплеталася со царемъ Афромеемъ невѣрнымъ.»
А третье ей ученье, губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А и эти губы мнѣ не надобны,
«Цѣловали они царя невѣрнаго.»
Четверто ученье, голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«Эта голова мнѣ не надобна,
«И этотъ языкъ мнѣ не надобенъ,
«Говорилъ со царемъ невѣрнымъ,
«И здавался на его слова прелестныя.»

Втапоры Иванъ Годиновичь
Поѣхалъ ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
И будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Благодаритъ князя Владиміра
За велику милость, что женилъ его
На душкѣ Настасьѣ Дмитревичѣ.
Втапоры его князь спрашивалъ:
— Гдѣ же твоя молодая жена?—
Втапоры Иванъ о женѣ своей сказалъ,
Что хотѣла съ Вахромеемъ царемъ
Въ шатрѣ убить его,
За что ей поученье далъ, голову срубилъ.
Втапоры князь веселъ сталъ,
Что отпускалъ Вахромея царя, своего подданника,
Въ его землю Загорскую.
Только его увидѣли,
Что оберпется гнѣдымъ туромъ,
Поскакалъ далече во чисто поле къ силѣ своей.

* *
*

ДАНИЛО ЛОВЧАНИНЪ

СЪ ЖЕНОЮ.

I.

1.

(Симбирск. губ., село Станичное).

Не красное солнце числовалося *):
Заводилося пированьеце честно́е у князя Володимі́ра
Про всѣхъ ли про князей-бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поленицу уда́лую.
Они пили-ѣли, прохлаждалися,
Промежду́ себя похвалялися:
Кто хвалится житьемъ-бытьемъ,
Кто хвалится богатствомъ,
А кто хвалится силушкою,
А кто хвалится молодой своей женой.
Возго́воритъ нашь батюшка Володимі́ръ князь:
« Ой вы гой еси, князи-бо́яре,
« Сильные могучіе богатыри
« И вся поленица уда́лая!
« Всѣ вы у меня пережёнены:
« Одинъ-то я не женатъ хожу, холостъ гуляю.
« Гдѣ было бы мнѣ за себя невѣсту взять,

*) Владиміръ прозванъ « краснымъ солнышкомъ; » солнышко играетъ и по небу ходитъ; и играя, и ходя оно показываетъ « число-время »; и Владиміръ называется « числомъ-временемъ », у него пиры и игры, онъ всегда на пиру похаживаетъ, онъ на пиру гостей « чествуетъ » (считаетъ въ счетъ, чтитъ, откуда у Славянъ самый пиръ называется « честью » и « частью »).— *О.*

« И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,
« И было бы съ кѣмъ слово промолвити,
« При пиру́ при бесѣдушкѣ похвалитися,
« И было бы кому вамъ поклонитися?»
Возго́воритъ Путятинъ Путятовичь:
— Ты батюшка нашь, Володимѣръ князь!
— Возьми ты невѣсту за себя
— У Данилы Ло́вчанина,
— Грозную Настасью Никулишну:
— Есть тебѣ съ кѣмъ думы подумати,
— Есть съ кѣмъ слово промолвити,
— При пиру при бесѣдушкѣ похвалитися,
— Есть кому намъ поклонитися.—
Возго́воритъ Володимѣръ князь:
« Ты гой еси, Путятинъ Путятовичь!
« Какъ мнѣ у живаго жену отнять?»
Возго́воритъ опять Путятинъ Путятовичь:
— Ой ты гой еси, нашь батюшка Володимѣръ князь!
— Наряди его въ службу дальнюю, невзворо́тливую,
— На Буянъ островъ;
— Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,
— Звѣря лютаго, сивопрянаго *), лихошёрстнаго,
— Вели вынуть изъ него сердце со печенью.—
И возго́воритъ тутъ Володимѣръ князь:
« Ой ты гой еси, Данило Ло́вчанинъ!
« Сослужи ты мнѣ службу дальнюю:
« Съѣзди на Буянъ островъ,
« Убей звѣря лютаго,
« Звѣря лютаго, сивопряна́го, лихошёрстнаго,
« И вынь сердце его со печенью.»

Становился Данило Ло́вчанинъ
На свои но́женьки рѣзвыя
Изъ за столовъ за дубовыихъ,
Ска́тертей бѣлобранныхъ,
Яствъ сахарныхъ,

*) Сиво-перянаго, сиво-пе́раго.—*О.*

Пойловъ медовыхъ;
И выходитъ на широкой дворъ;
Садился онъ на своего коня добраго,
И поѣхалъ къ своему подворьицу.
Увидала его молодая жена
Изъ высока терема
Грозная Настасья Никулишна,
Что-то онъ ѣдетъ не́ веселъ,
Буйну головушку повѣсилъ,
Очи ясны понасунилъ въ матушку сыру землю:
Знать онъ у князя не учёщенъ былъ (*),
Или мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ ниже,
Или чара приходила всѣхъ послѣ?
Возго́воритъ Данило Ло́вчанинъ:
« Ой ты гой еси, моя молода жень,
« Грозна Настасья Никулишна!
« У князя-то я учёщенъ былъ,
« И мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ выше,
« И чара приходила всѣхъ прежде:
« Погубляютъ меня перемёты (**) женскія.
« Подавай мнѣ малъ колчанъ въ полтретья́ ста стрѣлъ. »
Она подала ровно въ триста стрѣлъ.

Поѣхалъ же добрый молодецъ
Далече въ чисто́ поле;
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
Ко Буянову острову.
Увидалъ онъ звѣря лютаго,
Снимаетъ съ себя ту́гой лукъ,
Накладываетъ тоё стрѣлу позлачёную
На тети́вочку шелко́вую;
Убиваетъ онъ звѣря лютаго,
Вынимаетъ онъ сердце со печенью.
А самъ добрый молодецъ сѣлъ хлѣба покупать,
Бѣла лебедя порушать.

(*) Не участвовавъ, не получилъ своей части и чести.—*О.*

(**) Обороты, путаницы, сплетни, сѣти.—*О.*

Ѣдутъ къ нему триста бояриновъ
Да триста Татариновъ,
Триста Донскихъ козаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ:
«« Хлѣбъ тебѣ соль, Данило Ловчанинъ, кушати,
«« Бѣла лебедя рушати!
«« Не хлѣба-соли мы пришли кушати,
«« Не бѣла лебедя рушати,
«« Пришли мы за твоей буйной головушкой.»»
Становился Данило Ловчанинъ
На свои рѣзвыя ноженьки,
Натягивалъ тугой лукъ,
Накладывалъ каленыя стрѣлы,
Не по стрѣлкѣ онъ накладывалъ,
А накладывалъ по пяти все онъ стрѣлъ,
Побивалъ всѣхъ онъ триста бояриновъ,
Побивалъ всѣхъ Татариновъ,
Побивалъ онъ всѣхъ Донскихъ козаковъ,
Съ перваго до послѣдняго.
И самъ онъ добрый молодецъ позадумался:
« Знать, я князю неугоденъ сталъ!»
Упиралъ копье тупымъ концемъ въ сыру землю,
А вострымъ копьемъ въ ретиво сердце.

Тутъ малые люди остались
И донесли князю.
Володимiръ князь
Собиралъ поѣздъ вѣнчаться
На грозной Настасьѣ Никулишнѣ.
И возговоритъ тутъ грозная Настасья Никулишна:
« Охъ ты гой еси, батюшка, Володимiръ князь!
« Дозволь ты мнѣ съ другомъ милымъ повидаться,
« Съ бѣлымъ тѣломъ распроститься?»
И пошла она отъ него
И увидѣла: дѣлаютъ гробницу;
И возговоритъ грозная Настасья Никулишна:
« Ой вы гой еси, плотники мастера!
« Дѣлайте гробницу просторную,

« Чтобъ было гдѣ ему положиться,
« Костямъ бы его поворотиться:
« Его кости богатырскія.»
Какъ пришла къ тѣлу Даніилы Ловчанина,
И на то же копье споролася.

(Доставлено А. М. Языковымъ).

•

2.

(Село Павлово, Нижегородск. губ.).

У князя было у Владиміра,
У Кѣевскаго солнышка Сеславича
Было пированьицо почесное,
Честно и хвально, больно радышно
На многи князья и бояря,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Въ полсыта бояря наѣдалися,
Въ полпьяна бояря напивалися;
Промежь себя бояря похваллялися:
Сильн-а-тъ хвалится силою,
Богатой хвалится богатествомъ;
Купцы-тѣ хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояря-та хвалятся помѣстьями,
Онѣ хвалятся вотчинами.
Одинъ только не хвалится Даніила Денисьевичь.
Тутъ возговоритъ самъ Володиміръ князь:
« Охъ ты гой еси, Даніилушка Денисьевичь!
« Ишшо што ты у меня ничѣмъ не хвалишса?
« Али не чѣмъ тѣ похвалитися?
« Али нѣту у тея золотой казны?
« Али нѣту у тея молодой жоны?
« Али нѣту у тея платья свѣтиово *)?»

*) Цвѣтнаго.—*О.*

Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичь:
— Ужь ты батюшка нашь, Володиміръ князь!
— Есь у меня золота казна,
— Ишшо есь у меня и молода жона,
— Ишшо есь у меня и платье свѣтное;
— Нéшта такъ я это призадумалса.—

Тутъ пошолъ Данила съ широка двора.
Туть возговоритъ самъ Володиміръ князь:
« Охъ вы гой естя, моп князья-бóяря!
« Ужь вы всѣ у меня переженены,
« Только я одинъ холóстъ хожу;
« Вы пшши́те мнѣ невѣстушку хорошую,
« Вы хорошую и пригожую,
« Штобъ лицомъ красна и умомъ свёрстна,
« Штобъ умѣла Рускую грамату
« И четью-пѣтью церковному,
« Штобы было ково назвать вамъ матушкой,
« Ввелпчать бы государынеи.»
Изъ за лѣвой было изъ за сторонушки
Тутъ возгóворитъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
— Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
— Много я ѣжжалъ по инымъ землямъ,
— Много видалъ я королевишонъ,
— Много видалъ и изъ ума пыталъ:
— Котора лицомъ красна—умомъ не сверстна,
— Котора умомъ сверстна—лицомъ не красна.
— Не нахажпвалъ я такой красавицы,
— Не видывалъ я эдакой пригожицы,—
— У тово ли у Данилы у Денисьича,
— Ишшо та ли Василиса Никулишна:
— И лицомъ она красна, и умомъ сверстна,
— И Рускую умѣетъ больно грамоту,
— И четью-пѣтью горазда церковному;
— Ишшо было бы кого назвать намъ матушкой,
— Ввеличать намъ государынеи!—
Это слово больно князю не показалося,
Володиміру словечко не полюбилося.

Тутъ возго́воритъ самъ батюшка Володи́міръ князь:
«Ишшо гдѣ это видано, гдѣ слыхано
«Отъ живово мужа жону отпять!»
Приказалъ Мишатычку казнить-вѣшати.
А Мишатычка Путятинъ приметливъ былъ *),
На иную на сторонку перекинулся:
— Ужь ты батюшка, Володи́міръ князь!
— Погоди меня скоро́ казнить-вѣшати,
— Прикажи, государь, слово мо́лыти.—
Приказалъ ему Володи́міръ слово мо́лыти:
— Мы Данилушку пошлёмъ во чисто́ поле,
— Во тѣ ли луга Леванидовы,
— Мы ко ключику пошлёмъ ко гремячему,
— Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
— Принести её къ обѣду княженецкому;
— Што ишшо убить ему льва лютово,
— Принести его къ обѣду княженецкому.—
Это слово князю больно показалося,
Володи́міру словечко полюбилося.
Тутъ возговоритъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
«Ужь ты батюшка, Володи́міръ князь!
«Изведёшь ты ясново сокола:
«Не пымать тебѣ бѣлой лебеди!»
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца во погребъ.

Садился самъ во золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ градъ.
Тутъ поѣхалъ Мишатычка въ Черниговъ градъ
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину.
На дворъ-атъ въѣзжаетъ безопасышно,
Во полатушку входитъ безобсылышно.

*) *Переметливъ*: умѣлъ оберпуться на другую сторону.—*О.*

Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
« Ты невѣжа; ты невѣжа, неотецкой сынъ!
« Для чего ты, невѣжа, эдакъ дѣлаешь:
« Ты на дворъ-атъ въѣзжаешь безопасышно,
« Въ полатушку входишь безобсылышно?»
Отвѣтъ держитъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
— Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
— Не своей я волей къ вамъ въ гости зашолъ,
— Прислалъ меня самъ батюшка Володиміръ князь
— Со тѣми ярлыками скорописными.—
Положилъ ярлычки, самъ вонъ пошолъ.
Стала Василиса ярлыки пересматривать:
Заливалася она горючьми слезми.
Скидовала съ сея платье свѣтное,
Надѣваетъ на сея платье молодецкое,
Сѣла на добра копя, поѣхала во чисто поле
Искать мила дружка своего Данилушка.
Нашла она Данилу свѣтъ Денисьича;
Возговоритъ ему таково слово:
« Ты надежинька, надежа, мой сердешной другъ,
« Да ужь мóлодой Данила Денисьевичь!
« Што останное *) намъ съ тобой свиданьицо!
« Поѣдемъ-ка съ тобою къ широку̀ двору.»
Тутъ возгóворитъ Данила Денисьевичь:
— Охъ ты гой еси, Василисушка Никулишна!
— Погуляемъ-ка въ остатки по чисту полю,
— Побьемъ съ тобой гуськовъ да лебёдушокъ!—
Погулямши поѣхали къ широку двору.
Возгóворитъ Данила свѣтъ Денисьевичь:
— Внеси-ка мнѣ малóй колчанъ калёныхъ стрѣлъ.—
Несетъ она большой колчанъ каленыхъ стрѣлъ.
Возгóворитъ Данилушка Денисьевичь:
— Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь!
— Чево ради ты, невѣжа, ослушаешса?
— Аль не чаешь надъ собою бóльшово?—
Василисушка на это не прогнѣвалась,

*) Послѣднее.—*О.*

И возго́воритъ ему таково слово:
« Ты надежинька, мой сердешной другъ,
« Да ужь мо́лодой Данилушка Денисьевичь!
« Лишняя стрѣлычка тебѣ приго́дится:
« Пойдетъ она ни по князѣ, ни по барынѣ,
« А по свымъ братѣ бога́тырѣ.»

Поѣхалъ Данила во чисто поле,
Што во тѣ луга Левандовы,
Што ко ключику ко гремячему,
И къ колодезю пріѣхалъ ко студёному.
Беретъ Данила трубыньку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кѣеву.
Не бѣлы́ снѣги забѣлѣлиса,
Не чёрныя грязи зачернѣлиса:
Забѣлѣласа, зачернѣласа сила Руская
На тово ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючьмѝ слезмѝ,
Возго́воритъ онъ таково слово:
— Знать, гораздо я князю сталъ непадобенъ,
— Знать, Володимiру не слуга я былъ!—
Беретъ Данила саблю боёвую,
Прирубилъ Денисьичь силу Рускую.
Погодя тово времечько манёшинько,
Берётъ Данила трубычку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кѣеву.
Не два слопа въ чистымъ полѣ слопятса,
Не два сырѣ дуба шатаютса:
Слопятса-шатаютса два бога́тыря
На тово ли на Данилу на Денисьича,
Ево родной братъ Никита Денисьевичь
И названной братъ Добрыня Никитовичь.
Тутъ заплакалъ Данила горючьмѝ слезмѝ:
— Ужь и въ правду, знать, на меня Господь прогнѣвалса,
— Володимiръ князь на удалово осе́рдилса!—
Тутъ возговоритъ Данила Денисьевичь:
— Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,

— Братъ на брата со боёмъ идётъ?—
Берётъ Данила сво востро̀ копьё,
Тупымъ концомъ втыкатъ во сыру̀ землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Споролъ сеѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ сеѣ Денисьичь очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему два бога́тыря,
Заплакали объ нёмъ горючьмѝ слезмѝ.
Поплакамши, назадъ воротилиса,
Сказали князю Володимiру: «« Не стало Данилы
«« Што тово ли уда́лово Денисьича!»»

Тутъ сбирастъ Володимiръ поѣздъ-атъ.
Садилса въ колёсычку во зо́лоту,
Поѣхали ко городу Черниго̀ву.
Пріѣхали ко двору ко Данилину;
Восходятъ во те́ремъ Василисинъ-атъ.
Цѣловалъ ее Володимiръ во саха́рныя уста.
Возго́воритъ Василиса Никулишна:
« Ужь ты батюшка, Володимiръ князь!
« Не цѣлуй меня въ уста во кро́вавы,
« Безъ мово друга Данилы Денисьича.»
Тутъ возговоритъ Володимiръ князь:
— Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
— Наряжайся ты въ платье свѣтное,
— Въ платье свѣтное подвѣнешное.—
Наряжалась она въ платье свѣтное,
Взяла съ собой булатной ножь.
Поѣхали ко городу ко Кѣеву.
Поверстались супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
« Ужь ты батюшка, Володимiръ князь!
« Пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ
« Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.»
Посылалъ онъ съ ней двухъ бога́тырей.
Подходила Василиса ко милу̀ дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу;

Поклонилась она, да восклонилася,
Возговоритъ она двумъ богáтырямъ:
« Охъ вы гой естя, мое вы два богáтыря!
« Вы подите, скажите князю Володимíру:
« Штобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
« По чисту полю со милымъ дружкомъ,
« Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.»
Беретъ Василиса свой булатной ножь,
Спорола сеѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богáтыря.
Пошли онѣ ко князю Володимíру:
«« Ужь ты батюшка, Володимíръ князь!
«« Не стало нашой матушки Василисы Никулишны.
«« Передъ смертью она намъ цромóлыла:
«« — Охъ вы гой естя, мое вы два богатыря!
«« — Вы подите, скажите князю Володимíру,
«« — Штобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
«« — По чисту полю со милымъ дружкомъ,
«« — Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ. — »»
Пріѣхалъ Володимíръ во Кѣевъ градъ,
Выпушшалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ ёво въ головку, во темячко:
— Правду сказалъ ты, старóй казакъ,
— Старой казакъ Илья Муромецъ!—
Жаловалъ ёво шубой соболиною,
А Мишаткѣ пожаловалъ смолы котёлъ.

(Изъ Прибав. къ Изв. А. Н., т. I; записано свящ. Е. Фаворскимъ).

*

* *

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЬ

СЪ СЫНОМЪ.

I.

1.

(Симбирск. губ., с. Старичное).

Во городѣ во Кіевѣ
Жилъ тутъ Данило Игнатьевичь,
Сильный могучій богатырь;
Поизволилъ онъ постричься,
Попосхимиться во чудномъ монастырѣ.
И послышали орды невѣрныя,
Что не стало у князя Володиміра
Сильнаго богатыря Данилы Игнатьевича.
Они пишутъ ярлыки скорописные князю Володиміру:
«« Охъ ты гой еси, Володиміръ князь!
«« Вышли къ намъ поединщика;
«« А не вышлешь къ намъ поединщика,
«« То все твое вызжемъ и вырубимъ,
«« Самого тебя князя въ полонъ возмемъ.»»
Растужится, расплачется Володиміръ князь:
« Не стало у меня застоюшки *) великой! »
Некому съѣздить далече во чисто́ поле,
Попровѣдать орды великія,
И некому привести къ нему языка поганаго:
Растужится, расплачется Володиміръ князь.
И приходитъ къ нему молодой вьюношь,
Иванъ Даниловичь двѣнадцатилѣтецъ:
— Охъ ты гой еси, наша батюшка, Володиміръ кня

*) *Застоя*—защита, оборона.—*О.*

— Не плачь, не тужи и не печалься:
— Я твоя великая застоюшка,
— Оборонушка не малая,
— Я съѣзжу далече во чисто́ поле,
— Попровѣдаю о́рды великія
— И приведу языка погапаго.—
« Охъ ты гой еси, мла́дый вьюношь, Иванъ Данпловичь!
« Молодехонекъ, зеленехонекъ:
« Ты на большихъ бояхъ не бывывалъ,
« Страстей-ужастей ты не видывалъ.»
Возговоритъ младый вьюношь Иванъ Данпловичь:
— Охъ ты гой еси, князь Володимiръ!
— Возьму я благословенъице великое
— У своего батюшки у родимаго Данилы Игнатьевича,
— И попрошу его коня добраго,
— И сбрую богатырскую.—

— Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевичь!
— Дай ты мнѣ благословенъеце великое,
— Коня добраго и сбрую богатырскую.—
Возговоритъ отецъ его:
« Ой ты гой еси, мое дитятко Иванъ Данпловичь!
« Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
« На большихъ бояхъ не бывывалъ,
« Страстей-ужастей ты не видывалъ
« И богатырскимъ конемъ ты не владывалъ.»
И далъ онъ ему благословенъице,
Коня добраго, сбрую богатырскую.

Поѣхалъ же молодой вьюношь далече въ чисто́ поле.
И никуда конца не видно и силы смѣты нѣтъ;
Его добрый конь разъярился,
И не усидѣлъ онъ на добромъ конѣ,
Среди силы невѣрной, и сронилъ его;
И поскакалъ къ монастырю, гдѣ сидитъ его родной отецъ,
Данила Игнатьевичь.

Всталъ добрый молодецъ на рѣзвы ноги,
И взялъ Татарина за ноги,
И побилъ всю силу невѣрную
Съ перваго до послѣдняго.
И самъ дивуется Татарину:
— Исполать тебѣ, Татаринушка!
— Крѣпокъ ты и гибокъ, не порвешься,
— Не порвешься и не изломишься;
— Какова палица боевая:
— И то изгибается и ломается!—
Расправилъ шатеръ и легъ почивать.

А отецъ его Данила Игнатьевичь
Прискакалъ на добромъ конѣ къ шатру,
И—пыхъ изъ лука стрѣлой—шатеръ бѣлый сшибъ,
И увидѣлъ свое дѣтище *).

И поѣхалъ къ князю Володимiру:
Князь Володимiръ встрѣтилъ ихъ съ образами мѣстными
И служилъ молебны чéстные.

(Доставлено А. М. Языковымъ).

*

2 **).

(Онега).

Какъ во славномъ-то во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владимiра [1])
Заводилось пированьице—почѐстенъ пиръ.

---

*) Перебито: конь сронилъ Ивана Даниловича, но, поправившись, Иванъ побилъ враговъ Татариномъ; тогда онъ поѣхалъ къ отцу въ монастырь и тамъ его убилъ было Данило, не узнавши. Ср. слѣдующую пѣсню.—*О.*

**) Разнорѣчія взяты изъ другаго образца былины, въ которомъ по мѣстному говору употребляется вообще: *ч* вм. *ц* и на оборотъ; *е* вм. *я*—«киезь», «напивалисе»; *и* вм. *ы*—«вси»; «тобi» вм. «тебя», и т. п. Разнорѣчія же болѣе важныя приведемъ особо.—*О.*

1) Владимера.

А и всѣ на пиру [1]) да напивалися,
А и всѣ на чесномъ да пріѣдалися [2]),
Да и всѣ на чесномъ видь прохвастались:
А иной же-то [3]) хвасталъ широкимъ дворомъ,
А другой-отъ-то видь хвасталъ золотой казной,
А новой-отъ-то [4]) хвасталъ [5]) добрымъ конемъ,
Да другой-то хвасталъ силою могучею;
Только [6]) глупой-отъ видь хвасталъ [7]) молодой женой.
И сидитъ молодець [8]), да онъ не пьетъ не ѣстъ,
А не пьетъ да онъ не ѣстъ [9]), да онъ не кушаетъ,
И пичѣмъ же молодець да видь не хвастаетъ,
И повѣсилъ молодѣць да буйну голову:
Ише на имя Данила свѣтъ Игнатьевичь.
Ише эфто князю Владиміру не показалося.
По середу [10]) кирпичьному онъ запохаживалъ,
Да онъ бѣлыма руками заразваживалъ,
Да онъ желтыма кудрями запотряхивалъ:
«А што же ты, Данилушка Игнатьевичь,
«А не пьешь да ты не ѣшь, да ты не кушаешь,
«И пичимъ же ты, Данило, видь не хвастаешь?»
Втогды сталъ тутъ [11]) Данило на рѣзвы ноги,
Втогды клалялся Владиміру до сырой земли:
— Ише чимъ мнѣ-ка, Владиміръ князь, видь хвастати?
— Ни двора-то у меня широкого не было,
— Золотой у меня казны видь не лучилося,
— А и сила-та была видь во мнѣ ровная [12]).

---

1) На пиру-ту.
2) Наѣдалисе.
3) Иной-отъ-то.
4) *Новой*—иной.—*О.*
5) Хвастаетъ.
6) Тольки.
7) Хвастатъ.
8) Молодѣць.
9) Не ѣсъ.
10) *Середъ, середа* и *среда*—полъ.—*О.*
11) Становился втогда.
12) Посредственная, такъ и сякъ.—*Прим. 1-го изд.*

— Видь служилъ я у тобя да пятьдесятъ годовъ,
— Да убилъ я тобѣ [1] видь пятьдесятъ царёвъ,
— А мелкòй силы убилъ—да той и смѣту нѣтъ.
— Теперь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
— Ты спусти-тко [2], спусти, Владиміръ, въ монастырь пречѐстные,
— Да во тѣ ли [3] спусти во кельи низкія,
— Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.—
А отвѣтъ держалъ Владиміръ князь:
« Ой, нельзя [4], нельзя спустить тебя, Данилушко, —
« Ише нѐкому дѣлать видь защиты всему Кіеву.»
И во втòрой разъ просилъ [5] Данилушко Игнатьевичь:
— Да спусти же ты, Владиміръ, въ монастырь пречестные,
— Да во тѣ-то ты спусти во кельи низкія,
— Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.—
Говорилъ же тутъ Данило да Игнатьевичь:
— А и будетъ тѣ ограда бѣлокаменной,
— Да и будетъ тѣ защита всему Кіеву:
— Есть видь у меня да сынъ Михайлушко [6].—
И втогдà [7] спустилъ его Владиміръ въ монастырь пречѐстные,
Да во тын-то спустилъ во кельи низкія.

А узнали тутова [8] цари невѣрные,
Што во Кіеви богатыри ушли въ монàстыри.
Приходитъ втогда туда невѣрный царь,

---

1) У тобя.
2) Спусти-тко-се.
3) Во тын.
4) А нельзи.
5) Прошалъ.
6) — За то есь видь у миня Михайло Даниловичь:
— Вотъ и будетъ тѣ защыта всѐму Кіеву,
— Будетъ тѣ ограда бѣлокамѐнной.
« Бѣлокаменной » — вѣроятно Москвы, прозвище которой перенесено къ Кіеву. — *О.*
7) Втогды.
8) Ту.

Приносилъ видь онъ книгу настольную,
Ише требуетъ, собака, поединщины.
Выходилъ Владиміръ князь да на (балконъ) высокіе,
Да смотрѣлъ Владиміръ князь да во всѣ стороны:
У собаки видь силы-то въ чистомъ поли
Будто облако ходячоё нагонено.
И втогда Владиміръ князь зачалъ почестенъ пиръ,
Што на всѣ князи [1]), на всѣ бояра,
Да на всѣ и паленицы-то удалые,
Ише и на весь-то народъ да православные.
Дакъ и всѣ видь на пиру-то напивалися,
Да и всѣ видь на чеснокъ да наѣдалися.
Говорилъ втогда [2]) Владиміръ князь въ первой на-
конъ [3]):
« Ужь вы ой еси, князи мои бояра,
« Да вы ой еси, паленицы [4]) да удалые,
« Ише весь-то вы народъ да православные!
« А и хто бы то видь съѣздилъ да въ чисто полё,
« Да пересчитывать силы невѣрныя?»
А и въ тую пору было, во то время
Большой видь хоронится за средняго,
Ише средней-отъ хоронится за младшого,
А отъ младшого Владиміру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ же видь Владиміръ во второй наконъ,
Да говорилъ видь онъ и во третій наконъ.
А и въ тую-ту пору было, во то время
Выходилъ тутъ дородне [5]) доброй молодець
Изъ за того онъ стола видь бѣлодубова,
Ише на имя Михайло да Даниловичь.
Поклонёшеньку онъ Владиміру поклоняется,
Помалёшеньку ко Владиміру подвигается:
— Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ князь, въ чисто
полё,

---

1) Пируху.
2) Ту.
3) *Наконъ*—разъ.—*О.*
4) Мои.
5) *Дородне, дороднй*—дородній, дородный.—*О.*

— Пересчитывать-то видь силы невѣрныя.—
А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:
« Ой же ты, Михайло да Даниловичь!
« А и ростомъ-то видь ты же есь глупешенёкъ,
« Да и разумомъ-то ты же есть малешенёкъ [1];
« Теперь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,
« Потеряшь, братъ, ты, Михайло, свою голову.»

А и то видь Михайлу да не показалося.
Ише скоро онъ пошелъ по сѣреды кирписьныя,
Широко отворялъ онъ двери на пяту,
Запиралъ онъ тыи двери крѣпко на крѣпко,
А двери-ты на штёпочки всѣ разсыпалися [2],
Да и двери-ты видь тѣ да покололися,
И вся эта палата зашаталася,
Да одва эта палата не розрушилась.
Ише скоро онъ пошелъ да [3] на широкой дворъ,
Да скоро того пошелъ онъ къ своёй матери [4].
Да сѣдлалъ, да онъ уздалъ да лошадь добрую,
И поѣхалъ нашь Михайло во чисто полё,
Во чисто полё поѣхалъ—онъ роздумался:
« Што я не съѣздилъ къ своёму родителю,
« Да не взялъ отъ его благословленья-та да полнаго [5].»
Поворачивалъ добра коня ко монастырю пречестному,
Да ко тѣмъ ли да ко кельямъ низкіемъ.
А въ тую пору мать сыра земля да зазыбалася [6],
Старо старчишшо Данильшо засовалося:
— А не мой ли видь [7] пріѣхалъ да Михайлушко?

---

1) На оборотъ: « ростомъ малешенекъ, а разумомъ глупешенекъ.» Такъ и есть въ разпорѣчіи.—*Ростомъ*—возрастомъ.—*О.*
2) Разсыпались.
3) Скоро выходилъ онъ.
4) Пропущено:
Да и взялъ у ей благословленьё полноё
Пересцитывать силы невѣрныя.
5) Пересцитывать да силы невѣрныя.
6) *Зазыбалася*—всколебалася.—*О.*
7) Тутъ.

— А куда, Михайло, ѣдешь, куда путь дёржишь?—
«Ѣду видь я, бачько, да во чистò полё,
«Пересчитывать-то видь силы невѣрныя.»
Отвѣтъ дёржалъ старо старчишшо Данилишшо:
— Этая-та должность не твоя бы есть,
— Не спустилъ бы я тобя да во чистò полё.
— И тàя [1]) заповѣдь положена тяжелая,
— Да и застава положена великая [2]):
— Теперь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ [3]);
— Да потеряёшь ты, Михайло, свою голову!—
А и то видь какъ Михайлу да не показалося.
Скоро поворачивалъ добрà коня въ чистò поле;
И рыкалъ да старо старчишшо Данильшо гласомъ громкіемъ [4]):
— Стой-ко ты, Михайло, да удёржи коня,
— Да возьми-тко отъ меня благословленьё полноё.
— А [5]) поѣдёшь ты, Михайло, во чистò полё,
— Выѣдёшь ты на шеломя́ на окатисто [6]),
— А по Русскому—на гору да на высокую,
— Да крычи-тко ты, Михайло, вò всю голову,
— Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
—«Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
—«Послужи-тко ты теперь сыну Михайлушку!»
— Прибѣжитъ тутъ конь да видь [7]) косматые,

---

1) Къ тому.

2) Порученіе дано тебѣ тяжелое, обѣтъ, тобою положенный, труденъ, и простоять на такой «заставѣ,» противъ такого непріятеля, дѣло великое. Порученія, дававшіяся богатырямъ, обозначаются общимъ именемъ «богатырской заставы;» ср. «застоя», защита, оборона.—*О.*

3) А и разумомъ-то ты видь есь глупешопёкъ,
Да и ростомъ-то видь ты есь малёшопёкъ.

4) Старо старцишшо Данильшо тутъ опомнилсе,
Да скрыцялъ старòй видь гласомъ громкіемъ:

5) Какъ.

6) Холмъ со скатомъ вокругъ: съ котораго можно вокругъ осмотрѣть. *Шеломя*, какъ слово древнее (извѣстное и по Слову о П. И.), выраженіе «шеломя окатистое,» какъ древле-пѣсенное, переводится уже «по русски», т. е. на современный обиходный языкъ.—*О.*

7) Да конь.

— Стоитъ онъ на горы да на высокія;
— Да отмѣрь-ко ты, Михайлушко, какъ пять локо́тъ,
— И копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю̀,
— Да во сторону копай да ты во встосьную:
— А и тутова [1]) збруя да видь богатырская.—

Втогда выѣхалъ Михайло на шеломя̀ окатисто,
Да крычалъ Михайло во всю голову,
Ише требовалъ онъ бурушка косматого:
«Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
«Послужи-тко ты теперь сыну̀ Михайлушку [2])!»
Да отмѣрилъ тутъ Михайло какъ видь пять локо́тъ,
Да во сторону копалъ да онъ во встосьную,
И копалъ Михайло да мать сыру землю̀,
Находилъ онъ тутъ все збрую богатырскую,
И втогды ужь онъ поѣхалъ во чисто полё [3]).
Забрячала его палица боёвая,
Засвистѣла его сабля, сабля вострая.
Выходило старо старчишшо Данильшо на зеленой лугъ,
Да просилъ онъ Спаса съ Богородицёй:
— Ты, Спаса всемилослива Богородица!
— Да прими-тко ты [4]) моленьё пустынноё,
— Да прими-тко ты моленьё скоро на-скоро,
— Помоги-тко ты сыну Михайлушку:
— Исполнятъ онъ все да дѣла добрыя [5]),
— Ише дѣлать онъ защиту всему Кіеву [6]).—

---

1) Лёжитъ.
2) Прибѣжалъ ту конь, да конь косматые.
3) Да копалъ тутъ Михайло мать сыру землю̀,
Да во сторону копалъ землю во встосьную.
Копалъ Михайло, копалъ да и выкопалъ:
Тутъ лёжала збруя богатырская.
Принималъ Михайло саблю вострую,
Бралъ въ бѣлы рукѝ палицу боёвую,
Да поѣхалъ Михайло во чисто̀ полё.
4) Мое.
5) Исполняётъ вить онъ дѣло доброё.
6) Ише дѣлаётъ ограду бѣлокамённой.

Только [1]) въ тую было пору [2]), въ то время
Доброй конь у Михайла провѣщился:
«« Бей-ко [3]) ты, Михайло, силу съ крайчику,
«« Не заѣжжай-ко се, Михайло, въ силу въ мàтику [4]):
«« А и копаютъ тутъ [5]) уланове три погреба,
«« А три погреба копаютъ тутъ глубокіе,
«« И становятъ тутъ у погребъ копья вострые,
«« Ише первой-отъ я погребъ дакъ перѐскочу,
«« Видь и дрýгой-отъ я погребъ да перѐскочу,
«« А третьёго мнѣ-ка погреба не перѐскочить.»»
И бьетъ Михайло тутъ коня по тусьнымъ [6]) бедрамъ:
« Ахъ ты конь, мой конь, травяной мѣшокъ!
« Не хочешь ты послужить мнѣ-ка времени малого?»
Да началъ коня приправливать во силу да въ матику:
Пѐрвой-то погрѐбъ его конь перѐскочилъ,
Да и дрýгой-отъ онъ погребъ видь перѐскочилъ,
А третьёго-то онъ погреба не перѐскочилъ;
И упалъ ногами онъ да задними,
Уронилъ Михайла онъ въ глубокъ погрѐбъ,
Только нѐ палъ тотъ [7]) на копья вострые.
Набиралися уланове поганые,
Да вязали видь его за руки бѣлыя,
Да тѣмà петлями [8]) видь шелкóвыма,
И ковали, ковали, да во желѣза тяжелые,
Видь рѣзвы ноги ковали Михайловы,
И повели-то его ко царищу ко Уланищу.
Только молится Михайло Спасу съ Богородицёй:

---

1) Тольки.
2) Вта́поры.
3) Бей-ко-се.
4) *Матика*—матица, приподнятая, выдающаяся надъ концами середина.—*О.*
5) Тамъ.
6) Тучнымъ.—*О.*
7) Михайло.
8) Петлéми.

« Ты не дай-ко-се меня поганымъ на поруганье:
« Буду я служить да съ вѣку до вѣку
« Да за тую я за вѣру за крещопую,
« Да за церкви я служить буду за Божьія [1])!»
А втогда видь у Михайлы съ двое съ трое силы прибыло [2]),
Разорвалъ онъ петли-ты шелковые;
Да сломалъ [3]) желѣза онъ тяжелые,
Ухватилъ онъ видь ослядь [4]) телѣжную,
Да и завелъ [5]) видь онъ ослядью помахивать.
Какъ впередъ-то онъ махнетъ—дакъ тутo улица,
А назадь-ту отмахнетъ—дакъ переулочекъ.
И узнала тутъ его конь-лошадь добрая,
Прибѣгала [6]) со всей со сбруей богатырскою;
И садился тутъ Михайло на добра коня,
Заводилъ [7]) онъ силы пересчитывать,
Пересчитывать тутъ силы [8]) съ крайчику,
Да полонить тѣ силы тутъ да съ края на край.
И поѣхалъ онъ къ царишшу ко Уланишшу,
И отсѣкъ царишшу онъ да буйну голову,
Положилъ [9]) онъ тую голову на копье вострое.
Самъ онъ головы-то удивляется:
Вить ушишша-та у царишша—быдто блюдишша,
А глазишша-та у царишша—быдто чаши пивныя,
А носишшо-то у царишша—быдто палица боёвая.

Дакъ и ѣдетъ втогды Михайло по чисту полю.
И ходитъ тутo старо старчишшо Данилишшо

---

1) За тѣ церквы служить буду за Божьи.
2) А втогда вить у Михайлы Даниловица
Съ двое съ трое силы-то прибыло.
3) Разломалъ.
4) *Ослядь, оследь*—одинъ изъ двухъ длинныхъ толстыхъ стяговъ, составляющихъ *плаз* телѣги.—*Прим. 1-го изд.*
5) Да и пошлъ (почалъ).
6) Тутъ узналъ.... прибѣгалъ.
7) Да и пацялъ (началъ).
8) Онъ силу.
9) Насадилъ

Да со той ли со клюкою со желѣзною,
Ише тал-та клюка да сорока пудовъ [1]),
А старикъ-отъ самъ видь приговариватъ:
— Ой же вы еси, улапове поганые,
— А убили у меня вы сына Михайлушка!—
Тутъ пріѣхалъ самъ Михайло близь его,
Да крычалъ [2]) ему опъ гласомъ громкіемъ:
« Што ты ише, старой, туто дѣлаёшь?»
А отвѣтъ дёржалъ старо старчишшо Данильшо:
— Ой же ты, улановинъ поганые!
— Да подвинься-ко сюда [3]), да ко мнѣ старому,
— Дакъ розсѣку я тя клюкой и съ коемъ на двое.—
А скрычалъ Михайло гласомъ скромкіемъ [4]),
Ише скромкіемъ опъ гласомъ, да робечьемъ:
« Стой-ко-се ты, монахъ, да удёржи коня [5]),
« Призднши-тко [6]) ты свой колпакъ шелковые,
« Втогда да увидишь, кого надобѣть!»
Призднулъ [7]) монахъ колпакъ шелковые;
Подъѣжжалъ втогда Михайло близь его;
Тутъ [8]) во первыхъ опозналъ своёго бурушка,
Во вторыхъ-то опозналъ сына Михайлушка:
— Ты куда, Михайло, ѣдёшь, куда путь дёржишь?—
« Ѣду я, бачко, видь во Кіевъ градъ.
« Былъ же я видь, бачко, во несчастіи:
« Пересчитывалъ я силы видь поганыя,
« Въ глубокій погрѣбы ѣздилъ [9]) —убить не былъ:
« Видно ваши-ты молитвы да пустынныя
« Видь послѣдовали къ Спасу многомилосливу!

---

1) Примѣтывать тулова-та (ходить да переворачивать клюкою туловища) человѣчески.
2) Скрыцялъ.
3) Суды.
4) *Скрóмкой*—тихій, слабый.—*Прим. 1-го изд.*
5) Клюку.
6) Приподними.—*О.*
7) Призднулъ.
8) Дакъ.
9) Падалъ?—*О.*

« Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречѐстные,
« Да моли-тко ты, моли Бога по прежному,
« А самъ-отъ я поѣду видь во Кіевъ градъ [1] .»

Да во Кіевъ градъ заѣхалъ не воротами—
Черезъ стѣну заѣхалъ онъ городовую,
Черезъ башню онъ заѣхалъ наугольную,
И вязалъ коня къ кольцю онъ золоченому.
Выходилъ втогда Владиміръ со Опраксіёй,
И дивились головы-то тутъ улановой.
Дакъ втогда ужь вотъ завелся тамъ [2]) почестенъ пиръ,
Што на всѣ князи пируха [3]) на бояра,
Да на всѣ и налепицы-ты удалыя.

(Записано г. Верещагинымъ со словъ Пинежскаго крестьянина Ивана Пахомова, ср. Прпб. къ Изв. А. Н., т. III; разночтенія оттуда же).

*
* *

1) « Да, видно, молитвы-тѣ твои пустынныя
« Послѣдовали Спасу да съ Богородичёй.
« Теперь поди-тко ты, бацько, въ монастырь пречёстные,
« Да во тѣ поди кельи инокія,
« Да моли-тко ты, моли Бога по прежному,
« А я теперь поѣду во Кіевъ градъ.»
2) Втогды зашлъ.
3) Пируху.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЬ.

I.

1.

(Шенкурскъ).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра
Столованье было пированьице,
Почестенъ пиръ на всѣхъ на князей на бояръ,
На сильныхъ могучихъ на богатырей,
На всѣ полянйцы удалыя.
Всѣ ко князю на пиръ собиралися,
Всѣ князи и бояра,
И всѣ сильные могучіе богатыри,
И всѣ поляницы удалыя.
Всходжее солнушко идетъ къ западу,
Бѣлый день-то идетъ къ вечеру,
Почестенъ пиръ идетъ на̀ весело,
И всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ князья и бояра,
И сильные могучіе богатыри,
И всѣ поляницы удалыя;
Всѣ они пьяны-веселы,
Всѣ они промежь собой порасхвастались:
Первой князь хвалился чистымъ серебромъ,
Второй князь хвалился краснымъ золотомъ,
Третёй князь хвалился скатнымъ жемчугомъ.

Не золота̀ трубочка вострубила,
Не серебряна саповочка *) возыграла,—

*) Дудочка.— *О.*

Проговорилъ слово князь Владиміръ,
Князь Владиміръ стольный Кіевскій:
«Не дѣломъ вы, братцы, хвастаете,
«Не удачей своей похваляетесь;
«У меня ли то нѣтъ чиста сéребра?
«У меня ли то нѣтъ красна золота?
«У меня ли то нѣтъ скатна жемчуга?
«А всѣ вы, князья, у меня пзжёнены *),
«По мѣстамъ вы, князья, да испосажены,
«И всѣ вы, князья, у меня жалованы:
«А я ли Владиміръ не женатъ живу,
«Не женатъ живу, да холостымъ слыву.
«А кто мнѣ знаетъ супротивницу,
«Супротивницу **)—красну дѣвицу?»
Всѣ князья и бояра,
Всѣ сильные могучіе богатыри,
И всѣ поляницы удалыя—
Всѣ другъ за друга хоронятся:
Большой князь хоронится за средняго,
А середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Не изъ большаго-то мѣста, не изъ меньшаго,
Изъ того ли мѣста изъ середняго,
Изъ за столья изъ за бѣлодубоваго
Вставалъ-то да добрый молодецъ
Тихій ***) Дунай сынъ Ивановичь,
Низко Владиміру князю покланяется:
— Ужь ты батюшка нашь, Владиміръ князь,
— Ты Владиміръ князь стольный Кіевскій!
— Благослови мнѣ слово молвити,
— Безъ скораго безъ казпенья
— И безъ дальнія мнѣ-ка высылки?—
«Теперь ты, Тихій Дунай сынъ Ивановичь,
«Теперь ты что хочешь говори.»

*) Переженены.—*О.*

**) Ровню, достойную меня; ср. выше.—*О.*

***) Дунай прозывается *Тихимъ*, ибо таково исконное прозвище (*тихій* и *бѣлый*) у Славянъ для ихъ старшей рѣки—Дуная.—*О.*

— Жилъ я, Владиміръ князь, въ Ляховинской землѣ
— У Ляховинскаго короля двѣнадцать лѣтъ:
— Ровно три года я былъ въ конюхахъ;
— Три года я у воротъ стоялъ;
— У воротъ стоялъ приворотничкомъ:
— Три года я у дверей стоялъ,
— У дверей стоялъ придверничкомъ;
— Три года я у стола стоялъ,
— У стола стоялъ—стольничалъ.
— У того-то у короля у Ляховинскаго
— Есть двѣ дочери—двѣ хорошія:
— Большая-то дочь возрастомъ не мала
— И умомъ-то она на статѣ *),
— Въ грамоту дѣвица поучёная,
— Лицомъ она бѣла, какъ зимній снѣгъ,
— Очи у ея, какъ у сокола,
— Брови у ея, какъ у соболя,
— Ходитъ она, словно лебедушка,
— Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
— Будетъ тебѣ она супротивница.—
Князю Владиміру слова приглянулися,
Приглянулися, прилюбилися;
Садилъ онъ его за дубовый столъ,
Учалъ онъ его чествовать:
« Поѣзжай ты, Дунай, сватовцомъ,
« Бери ты казны, сколько надобно,
« Бери ты тридцать богатырей.»
— Казна мнѣ твоя не надобна;
— О богатыряхъ мнѣ не подумати;
— Дай ты мнѣ любимаго товарища
— Добрыню Никитича.—

Пошли они съ Добрыней Никитичемъ;
Пришли они къ королю Ляховинскому,
Зашли въ палаты высокія бѣлокаменныя.
Не креститъ онъ лица бѣлаго,

*) Статна, къ стати, пригожа, какъ слѣдуетъ быть.—*О*

На всѣ на четыре стороны поклапяется,
Королю Ляховинскому на особицу.
Проговорилъ король Ляховинскій:
« Что ты пришолъ ко мнѣ: войной воевать,
« Или по старому служить?»
— Я пришолъ не войной воевать,
— Не по старому служить;
— Я пришолъ о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ:
— Ты отдай большую дочь свою
— За нашего князя за Владиміра.—
Отвѣтъ держитъ король Ляховинскій:
« За Владиміра можно дѣвка давать:
« Хорошой женихъ, во славѣ во почести.»
— А другую дочь за меня отдай.—
« Веселымъ пиркомъ да и свадебка!»

Отошло дѣло *), и домой снялись,
И пріѣхали ко князю ко Владиміру.
Владиміръ князь возрадовался;
И пошли они ко Божьей церкви, обвѣнчалися;
И пошло у нихъ пированьицо,
Пированье-столованье на весь крещеный людъ.
На пиру Дунай порасхвастался:
— Нѣтъ на свѣтѣ меня сильнѣй!—
« Не дѣломъ ты, Дунай, хвастаешь,»
Говоритъ ему молодая жонка,
« Нѣтъ на свѣтѣ меня стрѣльнѣе **),
« А Ильи Муромца сильнѣе:
« Я у тебя съ тѣмечка перстенекъ сострѣлю,
« И темечка не задеру.»
Не задѣла она, сострѣлила.
Дунай разъ стрѣлилъ—онъ задѣлъ выше:
Надо головы не прихватить;
Другой разъ стрѣлилъ,—на праву сторону на аршинъ:
Третій разъ Дунай намѣтилъ въ ретиво сердце.

---

*) Покончили сватовство.—*O.*

**) Болѣе мѣткой на стрѣльбу.—*O.*

Проговорила жонка Дунаева:
«Почто ты стрѣляешь мнѣ въ ретиво сердце?
«У меня во утробѣ два чада:
«Одно—по колѣнъ ножки въ серебрѣ,
«По локоть ручки въ золотѣ.»
Не слушаетъ Дунай жонки своей,
Стрѣлилъ онъ ей въ ретиво сердце;
Распоролъ груди бѣлыя:
Какъ увидѣлъ онъ два чада—испугался,
Воткнулъ копье тупымъ концомъ въ дубовый полъ,
Бросился на остріе—и животъ скончалъ.

(Записано въ 1844 году г. П. Борисовымъ и доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Сузунскій заводъ).

У ласкова князя Володиміра
Было пированье—почетный пиръ,
Было столованье—почетный столъ
На всѣ князи и бо́яре
И сильные могучіе бога́тыри.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ столъ во полу̀ столѣ;
Богатыри прирасхвастались
Молодецкою у́далью:
Алешенька Поповичь—что бороться гораздъ,
А Добрыня Никитичь—гораздѣ его,
А Дунай сынъ Ивановичь—изъ лука стрѣлять
По той, было, мѣточкѣ—въ золо́тъ перстень,
Что во ту, было, ставочку муравлену.
Говорила тутъ Дуная жена,
Что по имени Дарья Бродовишна *):

*) Збродовична.—О.

«Ахъ ты гой еси, Дунай сынъ Ивановичь!
«А и я тебя не хуже стрѣлять
«По той мѣточкѣ—въ золо́тъ перстень,
«Въ ту ставочку муравленую.»
Тутъ-то Дунаю за бѣду стало,
За великую обиду показалося.
Говорилъ онъ своей молодой женѣ:
— Ты гой еси, Дарья Бродовишна!
— Пойдемъ-ко мы на горы высокія,
— На тѣ, было, шеломы окатистые *),
— Станемъ съ тобой изъ туга лука стрѣлять,
— По той мѣточкѣ—въ золо́тъ перстень,
— Въ ту ставочку муравлену.—
Тутъ-то его молодая жена
Сдогадалася, спохваталася:
«Ахъ ты, Дунай сынъ Ивановичь!
«Ты прости меня, глупу женщину,
«Что тебя при бесѣдѣ избезчестила:
«У меня есть въ утробѣ чадо милое,
«Чадо милое, любимое,
«По колѣнъ у чада ноги въ золотѣ,
«По локо́ть у чада руки въ се́ребрѣ,
«Во лбу у чада солнце красное,
«На затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ,
«По косицамъ **) часты звѣзды.»
Тому-то Дунай не увѣровалъ;
Бралъ онъ жену за бѣлы́ руки́,
За бѣлы руки, за златы́ перстни́;
Повелъ ее на горы высокія,
На тѣ, было, шеломы окатисты;
Становилъ Дунай молоду жену;
Отскакивалъ на версту пятисотную;
Стрѣлялъ Дунай изъ тугà лукà:
Первóй разъ стрѣлилъ, не дóстрѣлилъ,
Второй разъ стрѣлилъ, пере́стрѣлилъ,

*) Ср. выше.—*О.*
**) На висках.—*О.*

Въ третій разъ попалъ въ молоду жену,
Угодилъ по ретиву сердцу,
И убилъ Дунай молоду жену.
Подскакивалъ къ своей молодой женѣ,
Выдергивалъ чинжалище булатное,
Споролъ у ней бѣлую грудь,
Посмотрѣлъ—въ утробѣ чадо милое:
По колѣнъ бы у чада ноги въ золотѣ,
По локоть у чада руки въ серебрѣ,
Во лбу у чада солнце красное,
На затылкѣ свѣтѣлъ мѣсяцъ,
По коспцамъ часты звѣзды.
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалось:
Становилъ кинжалъ тупымъ концомъ,
Становилъ въ сыру землю
И падалъ на кинжалъ ретивымъ сердцомъ.

Отъ той ли крови отъ горячія
Протекала матушка Дунай рѣка.

(Безъ начала; записано Д. П. Сокозовымъ отъ старика Епанешникова; ср. Прибавл. къ Изв. А. Н., т. II).

*

3 *).

(Онега).

Ай былъ-жилъ Дунай да сынъ Ивановичь,
Гулялъ-гулялъ Дунай да съ земли [1]) въ землю,
И загулялъ Дунай да къ королю въ Литву,
А къ тому ли королю да Ляховпискому.
Трн годы у короля Дунай конюхалъ,

*) Разнорѣчія изъ былины, записанной тамъ же и тѣмъ же, но съ бо́льшимъ соблюденіемъ мѣстнаго говора; отношеніе между обѣими былинами совершенно то же, какъ выше между двумя былинами о Даніилѣ Игнатьевичѣ.—*О.*

1) Изъ земли.

Да три́ годы у короля онъ стольничалъ,
Ише три́ годы у короля онъ клюшничалъ.
Какъ король-отъ мо́лодца да любилъ-жаловалъ,
Да и королиха мо́лодця вить тако же,
А Настасья королевисьня молодця́ у души дёржи́тъ.

У короля въ тую пору завелся [1]) почестенъ пиръ;
Не спушшаётъ Настасья вить на пиръ мо́лодця:
« Не ходи-тко ты, Дунай, да на почестенъ пиръ,
« А на томъ-то пиру да напиваются,
« Да на томъ тамъ пиру [2]) все наѣдаются,
« Да похвастаешь какъ мной ты, красной дѣвицёй,
« Дакъ потеряёшь ты, Дунай, да свою голову.»
Дунай-отъ Настасьи вить да не слушаётъ.
И пошелъ Дунай да на почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру тутъ напивалися,
Вить и всѣ да на пиру-то наѣдалися,
Да и всѣ на пиру [3]) да приросхвастались.
А Дунай-отъ говорилъ да таковы слова:
— Гулялъ я молодѐць да изъ земли въ землю́,
— Загулялъ я молодѐць да къ королю въ Литву [4]),
— Король меня, молодця, да любилъ-жаловалъ,
— Да и королиха вить молодця тако же [5]),
— А Настасья королевисьня [6]) у души дёржи́тъ.—

А то вить [7]) какъ королю да не показалося.
Скрычалъ король да гласомъ громкіемъ:

---

1) Втогды у короля зацялсе.
2) Да на томъ ли па пиру-ту.
3) Ише вси вить на цесно́мъ.
4) — А къ тому ли королю да Ляховиньскому:
— Три́ годы у короля я конюхалъ,
— Да три́ годы у короля я стольницялъ,
— Ише три́ годы у короля я клюсьницялъ.
5) — Королиха ласкала, приголубливала.
6) мо́лодця да
7) Ише эвто.

« Ой же вы, палачи еси немило̀сливы,
« Да возмите-тко Дуная за бѣлы̀ руки̇,
« Ише за тѣ перстни возмите за злаченые,
« Да ведите-тко Дуная во чисто̀ полё,
« Отсѣките-тко Дунаю да буйну голову!»
Повели Дуная мимо домъ да Настасьюшкинъ [1]);
А не до̀йдучись дому да Настасьиного,
Скрычалъ Дунай въ полгласа [2]) человѣческа:
— Спишь ты, Настасья, не пробудишься:
— Вить ведутъ-то Дуная во чисто̀ полё [3])!—
Проходилъ онъ противъ дому Настасьина,
Да скрычалъ Дунай да во всю голову:
— Все ты спишь, моя Настасья, не пробудишься:
— Вить ведутъ Дуная да во чисто̀ полё!—
А скрычалъ Дунай-то [4]) гласомъ громкіемъ:
Отъ того палата да и зашаталася,
И королевисьня Настасья пробужалася [5]).
И бѣжитъ Настасья да на широкой дворъ,
Во единой вить рубашечки и бѐзъ пояса,
И крычала же она да гласомъ зычныемъ [6]):
« Ой же вы еси, палачи немило́сливые [7])!
« Возмите-тко казны да колько надобно [8]),
« А спустите-тко Дуная во чисто̀ полё!
« Да подите-тко ише да [9]) на царевъ кабакъ,
« И напойте, палачи, да пьяницю кабацкого,
« Да отсѣките-тко ему да буйну голову,
« Тую голову снесите королю Ляховинскому.»

---

1) Настасьинъ.
2) Въ половину гласа.
3) Ему ссѣкци, сказнить да буйна го́лова.
4) Дунай-отъ.
5) Пробужеится.
6) И бѣжитъ въ одной рубашки да и бе́зъ пояса,
И крыцитъ Настасья гласомъ громкіемъ.
7) Немило́стивы.
8) Надобѣть.
9) А сами-ты подитё.

И послушались Настасьи палачи немилóсливы,
Да и брали оны казны, да колько надобно,
И спустили вить Дуная [1]) во чистó полё,
И пошли оны ише да на царевъ кабакъ,
Напоили оны тамъ да пьяницю кабацкого,
Да отсѣкли оны ему да буйну голову,
И снесли ту головý да къ самому царю [2]).

И пошелъ втогда Дунай да во чистó полё,
Да зашелъ ише Дунай какъ вить во Кіевъ градъ.
Заходилъ Дунай да на царевъ кабакъ,
Пропилъ [3]) тутъ Дунай да шляпу Греческу,
Ише пропилъ онъ съ собя сапожкѝ сафьяные,
Да съ собя онъ пропилъ и все платьё цвѣтное.
Сидитъ теперь Дунай да вить въ рогозочки.
Втогда [4]) зачался у Владиміра почестенъ пиръ,
Ише всѣ вить на пиру-ту напивалися,
Да и всѣ вить на честномъ да наѣдалися.
Говорилъ втогда Владиміръ таково слово:
« Всѣ у насъ во Кіеви поженены,
« Да и всѣ у насъ во Кіеви подаваны [*]),
« Только язъ, Владиміръ, одинъ холóстъ хожу.
« Хто бы мнѣ зналъ жену да супротивную [5]),
« Да и станомъ мнѣ ровнý, да и умомъ сверстнý,
« Штобы очи у ей были, какъ у ясна сокола,
« Да и брови были, какъ у черна [6]) соболя,
« Што у черного ли то соболя Сибирского?»
А въ тую-то было пору, во то время,

---

1) Тѣ Настасьи-то, вить, послушали,
Деньги взели, Дунай спустили....
2) Тую голову снесли да самому королю,
Самому королю да Ляховицьскому.
3) Пропивалъ.
4) Втогды.
*) Повыдаваны, повыданы.—*О.*
5) Супротивничу.—Ср. выше.—*О.*
6) У чернаго.

Большой-отъ хоронится за средняго,
А середнёй-отъ хоронится за меньшого [1]),
А отъ меньшого Владиміру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ тутъ Владиміръ во другой наконъ [*]),
Говорилъ же вить Владиміръ и въ третёй наконъ.
А и было въ тую пору, да во то время,
Выходилъ тутъ дородне-доброй молодець
Изъ за того онъ стола да бѣлодубова,
Изъ за тòя онъ скатёрки-то берчàтыя [**]),
Ише на имя Малюта Воскурлатовъ сынъ [2]).
Самъ онъ говорилъ да таково словò:
«« Ой же ты, осударь нашь, Владиміръ князь!
«« Прикажи-тко-се мнѣ да слово молвити,
«« Безъ той ли безъ высылки безъ дальныя,
«« Безъ той ли безъ кàзани [***]) безъ смертныя?»»
« Говори же ты, Малюта, тобя Богъ проститъ.»
«« Есть на царевомъ бòльшомъ кàбаки:
«« Сидитъ вить тамъ Дунай да въ рогòзочки [3]),
«« Къ тобѣ не въ чемъ притти ему да на почестенъ пиръ;
«« А знать онъ тобѣ жену да супротивницю,
«« И станòмъ тобѣ ровнỳ, да и умомъ сверстнỳ,
«« Вить и очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
«« Да и брови-ты у ей, какъ у черна соболя,
«« Што у черного ли то соболя Сибирсково.»»
Говорилъ тутъ Владиміръ таковы слова:
« Бери-тко ты, Малюта, золоты ключи,
« Отмыкай-ко-се, Малюта, кованы сундуки,
« Да бери-тко ты казны, да колько надобно [4]),
« И поди же [5]) ты, Малюта, на царевъ кабакъ,

---

1) За младшого.

*) Разъ.—*О.*

**) Брапой.—*О.*

2) Ише на имя Олёша Поповиць сынъ.—И ниже то же —*О.*

***) Казни.—*О.*

3) Повторяется, что пропилъ Дунай.—*О.*

4) Надобѣть.

5) Иди-тко.

«Выкупай-ко-се ты платье Дунаево,
«Да веди-тко ты Дунай на почестенъ пиръ.»
Бралъ Малюта да золоты ключи,
Отмыкалъ онъ да кованы сундуки,
И онъ бралъ казны, да колько надобно.
Приходилъ Малюта на царевъ кабакъ [1]):
««Ой же вы, чумаки, цѣловальники!
«««Берите-тко вы денегъ, да колько надобно,
«««А отдавайте-тко вы платьё Дунаёво!»»
Обирали оны деньги, колько надобно,
Отдавали оны платьё Дунаёво.
««Ты пожалуй-ко, Дунай, къ князю Владиміру,
«««Званъ ты имъ да вить на почестенъ пиръ [2]).»»
Отвѣтъ дёржалъ Дунай да таковы слова:
— Со похмѣлья у меня, видно, съ го́лоду
— Розломило у меня да буйну го́лову [*]).—
Наливали ему чару зелена́ вина,
Ише тая-та чара вить въ полтора ведра;
Принималъ ее Дунай да едино́й рукой,
Да выпивалъ Дунай да на еди́ной духъ.
Тутъ молодцы заотправлялися,
Ише шли оны по городу по Кіеву,
Дѣвки, жонки по плечь въ окно́ металися:
«Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожалися?»
Приходилъ Дунай къ Владиміру на почестенъ пиръ;
Началъ тутъ Владиміръ у Дуная спрашивати,
А Дунай-то сталъ ему отвѣтъ дёржать:
— Гулялъ я, мо́лодець, да изъ земли въ землю́,
— Загулялъ я, мо́лодець, да къ королю въ Литву,
— Былъ въ услу́женьи [3]) у короля я девять лѣтъ;
— Вить какъ есть у короля двѣ дочери:

---

1) Да крицялъ Олёша гласомъ зысьнымъ.
2) Говорилъ ему Олёша таковы слова:
«« Ты пожалуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь,
«« Ко Владимеру князю на почестёнь пиръ.»»
*) Народная пословица.— *О.*
3) Служилъ.

— Бо́льшая дочка Настасья королевисьна,
— Да все ѣздитъ во чисто́ полё поляковать;
— А вторая-то есть дочка да Опраксія,
— Сидитъ она за тридевятью замка́ми,
— Да сидитъ она за тридевятью ключами,
— Штобы и вѣтеръ не за́вѣлъ, да и солнцё не за́пекло [1]),
— Да и добры мо́лодци штобы не за́видѣли,
— И станомъ тобѣ [2]) ровна, да и умомъ сверстна́,
— И очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
— А и брови-ты у ей, какъ у черна соболя,
— Што у черного ли то соболя Сибирскаго.—
« Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
« Бери-тко ты, Дунай, да што тѣ надобно,
« Го́роды тѣ нать-ли [*]) съ пригоро́дами,
« Ише [3]) села ли тѣ нать да со приселками,
« Али мнова [**]) тобѣ надоть золота́ казна,
« Али сила тобѣ надоть несчетная;
« Доставай-ко-се ты, Дунай, да Опраксію!»
Отвѣтъ дёржалъ Дунай да таковы слова:
— Мнѣ не надоть твои го́ролы да съ пригоро́дами,
— И не надоть мнѣ-ка села со приселками,
— Да не надоть и твоя мнѣ золота́ казна,
— Да не нать мнѣ-ка и сила да несчетная;
— Только дай ты мнѣ Добрынюшу [4]) Никитича,
— Да и дай-ко ты ише мнѣ Алешу Поповича.—
И спустилъ съ Дунаемъ-то Владиміръ князь
Добрынюшу Никитича да со Алешёю [5]).

---

1) — Штобы, вишь, вѣтры не за́вѣли,
— Да соньчё красно не за́пекло.
2) Она тѣ.
*) Надоть ли.—*О.*
3) Али.
**) Многа.—*О.*
4) Добрынюшку.
5) Да и далъ ему Владимеръ князь
Добрынюшку Микитиця да Олёшу Поповиця.

И поѣхали вить да свататися [1]).
Только видѣли мо́лодцёвъ сѣлучись,
Да не видѣли вить ихъ да поѣдучись [2]),
Только ходитъ пыль, да курева *) столбомъ стоитъ.

Пріѣжжали мо́лодци къ королю да къ Ляховинскому.
И король-отъ мо́лодця да стрѣчаётъ тутъ:
« Да ты здрастуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь!
« Ты служить ко мнѣ пріѣхалъ да по прежному,
« Да служить ли ты пріѣхалъ мнѣ по старому?»
Отвѣчалъ ему Дунай да таковы слова:
— Не служить я къ тѣ пріѣхалъ да по прежному,
— Не пріѣхалъ я служить тобѣ по старому [3]);
— Вишь я ѣжжу за добрымъ дѣломъ—за сватовствомъ:
— Да отдай-ко ты Опраксію да королевичну
— Да за нашёго ли князя за Владиміра.—
А и то вить [4]) королю не показалося,
Хочетъ король Дуная притѣснити тутъ.
А Дунай-отъ сдергивалъ скамейку дубовую,
Да завелъ вить онъ скамьею-то помахивать.
Втогда король одва и живъ лёжитъ,
Вышелъ онъ потомъ да на крыльцё злаченоё,
А Опраксію втогда вить на коня садятъ [5]).
Говорилъ туто король да таковы слова:
« Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
« Коли ты берешь у меня [6]) Опраксію,

---

1) Поѣхали мо́лодци-ти свататьсе
Да къ тому тамъ королю Ляховиньському.
2) Сѣдуци.... поѣдуци....
*) Пыль.—*O.*
3) — Я пріѣхалъ къ тобѣ, вить, служить не по прежному,
— Да пріѣхалъ къ тобѣ служить не по старому.
4) Ише эвто.
5) Сдёргиватъ Дунай скамейку дубовую,
Да и пацялъ Дунай-отъ скамейкой помахивать:
Дакъ втогды король одва и живъ лёжитъ;
Выходили втогда мо́лодци на крыльчё золоцёноё,
Выводили Опраксе́ю да и на коня садятъ.
6) Дочку.

« Дакъ возми-тко ты съ ей и придано все!»
Обирали молодци все приданоё [1]),
И поѣхали молодци во чисто поле.

Ѣдутъ какъ оны по чисту́ полю́,
Перепала пскопыть *) лошадиная,
А на пскопыти подпись похвальная:
«« Хто во этую поѣдётъ дороженьку [2],
«« Дакъ тому-то и вить живу́ не быть.»»
Розгорѣлося тутъ у Дуная ретиво́ сарцо́,
Помутилися [3]) его ясны́ очи́:
— А возми-тко ты, Добрыня, Опраксію,
— Да вези-тко ты ее да во Кіевъ градъ [4]),
— А самъ-отъ я [5]) поѣду во чисто́ полё.—
Во чистомъ поли Дунай-оть усматриватъ,
Што бога́тырь какъ сѣ́рна куча шатается [6]).
Съѣхались скоро мо́лодци, ударились,
Палицы у ихъ поломалися;
Во второй [7]) разъ съѣхались, ударились,
Сабли у ихъ пощербалися **);
Соходили потомъ [8]) молодци рукопашкою:
Первой день водилися оны до вечера,

---

1) Повыбралъ Дунай да золоту казну,
Повыносилъ златыхъ перстнёвъ, скатна жемьцюга.

*) Попался по дорогѣ конь изъ подъ копыта; ср. выше.— *О.*

2) Кому въ этую дороженьку ѣхати.

3) И смутилисе.

4) — Ой же ты, Добрынюшка Микитовиць,
— Да ты ой еси, Олёша Поповиць сынъ!
— Вы возьмите-тко Опраксе́ю королевисьню,
— Да возите-тко ей да во Кіевъ градъ
— А ко нашему-то князю ко Владимеру....

5) — А я-та.

6) Во цисто́мъ поли видитъ бога́тырь,
Какъ сѣ́рна куця стоитъ да шатаитсе.

7) Въ другой.

**) Выщербились, зазубрились.— *О.*

8) Дакъ соходили.

Да тёмну ноченьку водились до бѣла свѣта,
И второй-отъ день водился до вечера.
И упалъ дородне-доброй мо́лодець,
Со добра коня упалъ на мать сыру́ землю́,
А Дунай-отъ да садился на черны́ груди́ [1]),
И говорилъ тутъ Дунай да таковы слова:
— Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се [2]),
— Ты которой земли, да ты коёй орды?
— Да и какъ же тобя да именёмъ зовутъ [3])?—
А въ исподи́ лежитъ да горды́й думаётъ:
« Кабы я сидѣлъ да на бѣлы́хъ [4]) грудя́хъ,
« Не спрашивалъ бы ни имени, ни вотчины,
« А распоролъ бы [5]) я вить груди бѣлыя,
« Да и вынялъ бы [6]) вить я да сарцо съ печенью.»
Говорилъ Дунай да во второй наконъ:
— Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се,
— Ты которой земли, да ты коёй орды?
— Ише какъ тобя да именёмъ зовутъ?—
Вынималъ Дунай да свой булатенъ ножь,
И видитъ молодѐць, што хлопота́ пришла:
« Да ты здрастуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь!
« А попомни-тко [7]), какъ жилъ ты у нашего у батюшка,
« Да у короля-та жилъ ты Ляховицкого?
« Я вить есть Настасья королевисьня!»
Ставалъ втогды Дунай да на рѣзвы́ ноги,
Подымалъ Дунай Настасью на рѣзвы ноги́ [8]),
Цѣловалъ Настасью онъ въ уста сахарьныя;
Съ того со времени́ во Кіевъ градъ отправились [9]).

---

1) На цёрну́ю грудь.
2) — Ты скажись-ко-се, скажись, доброй мо́лодець,
3) — Да и какъ тя велице́ютъ изъ отецесьва?—
4) На цёрны́хъ.
5) А поролъ бы.
6) Вынималъ бы.
7) А помни-тко.
8) Настасьюшку съ сырой земли.
9) Заотправлялисе.

Пріѣзжаютъ [1]) оны ко городу ко Кіеву,—
Опраксію королевисьню отвѣпчали ужь,
А Настасью королевисьню ко вѣнцю ведутъ [2]).
У Владиміра втогда зачался почестенъ пиръ.
Дакъ и всѣ на пиру-ту напивалися,
Да и всѣ вить на честномъ да прирохвастались.
А Настасья королевисьня похвастала:
«Вить не долго я во Кіеви пожила,
«А все я во Кіеви повызнала:
«Вить Алёша Поповича смѣлѣ нѣтъ во Кіеви [3]),
«А Добрынюша [4]) вѣжливѣ нѣтъ во всемъ Кіеви,
«А коли по мѣтамъ-то стрѣлять,
«Дакъ мѣтнѣ [*]) меня нѣтъ во всемъ Кіеви!»
То какъ да Дунаю и не показалося.
Положили оны великъ залогъ [**]):
Отойти за вёрсту за мѣрную,
Положить злаченъ перстѣнь на буйну главу,
Да на буйну главу положить на Дунаёву.
Отходила Настасья за вёрсту за мѣрную;
Заводила она стрѣлить [5]) въ злаченъ перстѣнь,
Што на буйной головы да на Дунаёвой,
Дакъ рошшибла она перстень на двое,
И пи котора половина не болѣе.
Становилась потомъ Настасья королевисьня;
Положили ей [6]) злаченъ перстѣнь на буйну главу:
А Дунай-то отходилъ за вёрсту мѣрную,
Въ первой разъ онъ стрѣлилъ,—не дострѣлилъ,
А въ другой разъ стрѣлилъ,—да перестрѣлилъ.

---

1) Пріѣжжали.
2) Повели.
3) Во всемъ Кіеви.
4) Добрыни Микитиця.
*) Мѣтня, мѣтнѣе; «мѣтной»—мѣтко попадающій въ цѣль.—*Прим. 1-го изд.*
**) Заклалъ.—*О.*
5) Она стрѣлила.
6) Положилъ ей Дунай-отъ злащёнъ перстѣнь,
Положилъ перстѣнь Настасьи на буйну главу

И видитъ Настасья, што хлопота̀ пришла,
Говорила [1]) Настасья да таковы слова:
« Нѐ жаль мнѣ-ка свѣту бѣлого,
« А жалко мнѣ младеня во череви;
« По локо̀ту у младеня руки въ сѐребри,
« По колѣнъ у младеня ноги въ золоти [2]).»
Стрѣлилъ Дунай да и въ третѐй накопъ:
Попало Настасьи въ ретиво̀ сарцо̀,
И убилъ Дунай молоду жену,
Приходилъ къ ей Дунай шаго̀мъ варо̀выемъ [3]),
И видитъ—Настасья мертва̀ лёжитъ [4]).
Становилъ [5]) Дунай да въ мать сыру землю̀
Свой булатенъ ножь да тупымъ концемъ,
И говорилъ Дунай да таковы слова:
« А гдѣ тѣло лёжитъ Настасьино [6]),
« Да останься тутъ тѣло и Дунаево!»
И падалъ онъ на ножь да ретивы̀мъ сарцо̀мъ.

Со того ли времени, отъ крови горячія
Протекала матушка Дунай рѣка,
Отнынѣ Дунай да и да̀ вѣку [7]).

(Записано г. Верещагинымъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. III).

*

---

1) Говоритъ.
2) « По коси́чамъ (по вискамъ) у младеня цясты̀ звѣзды.»
3) Скоро на́ скоро.—*Варо̀вый*, быстрый, проворный.—*Прим. 1-го изд.*
4) Вынималъ Дунай да свой булатёнъ ножь.
5) Тутъ втыкалъ.
6) Настасьюшкино̀.
7) Втогды падалъ Дунай на вострой ножь,
И убилъ онъ закололъ самъ собя,
Пролилась-то кровь, да кровь горе́цяя.

Отъ той ли то крови горецiя
Протекала мать Дунай рѣка,
Отнынѣ Дунай до и до́ вѣку.

4.

(Кирша Данилов).

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова сударь князя Владиміра,
А и было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ;
Много на пиру было князей и бояръ,
И Рускихъ могучихъ богатырей.
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкой столъ во полу столѣ,
Владиміръ князь разпотѣшился,
По свѣтлой гридиѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ,
Говорилъ онъ, сударь, ласковой
Владиміръ князь таково слово:
«Гой еси вы, князи и бояра, и могучіе богатыри!
«Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
«Только я Владиміръ князь холостъ хожу,
«А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю:
«А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу *),
«Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу?
«Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
«Станомъ бы статна и умомъ свершна **),
«Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
«И ягодицы ***) какъ бы маковъ цвѣтъ,
«А и черныя брови какъ соболи,
«А и ясныя очи какъ бы у сокола.»
А и тутъ большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣту.
Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ Гостиной сынъ,
Скочилъ онъ на мѣсто богатырское,

*) Ср. выше; ровню, дружку, подходящую, пару мнѣ.—*О.*
**) Вѣроятно *сверстна*: сверстница по уму.—*О.*
***) Здѣсь—щеки.—*О.*

Вскричалъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
— Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь!
— Благослови предъ собой слово молвити,
— И единое слово безопальное,
— А и безъ тоя опалы великія:
— Я ли, Иванъ, въ Золотой ордѣ бывалъ
— У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича,
— И видѣлъ во дому его двухъ дочерей:
— Первая дочь Настасья королевишна,
— А другая Афросинья королевишна;
— Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
— За тридесять замками булатными,
— А и буйные вѣтры не вихнутъ *) на ее,
— А красное солнце не печетъ лице.
— А то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна,
— Станомъ статна и умомъ свершна,
— Бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
— А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ,
— Черныя брови какъ бы соболи,
— Ясныя очи какъ у сокола.
— Посылай ты, сударь, Дуная свататься.—
Владиміръ князь стольной Кіевской
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подносить Ивану Гостиному
За тѣ его слова хорошія,
Что сказалъ ему обручницу **).
Призываетъ онъ Владиміръ князь
Дуная Ивановича въ спальню къ себѣ,
И сталъ ему на словахъ говорить:
« Гой еси ты, Дунай сынъ Ивановичь!
« Послужи ты мнѣ службу заочную,
« Съѣзди, Дунай, въ Золоту орду
« Ко грозному королю Етмануйлу Етмануйловичу,
« О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ
« На его любимой на дочери,
« На честной Афросиньѣ королевишнѣ;

*) Не повѣютъ.—*О.*

**) Это начало ср. съ былиною выше, объ Иванѣ Гостиномъ.—*О.*

« Бери ты моей золотой казны,
« Бери триста жеребцовъ и могучихъ богатырей.»
Подноситъ Дунаю чару зелена вина въ полтора ведра,
Турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра:
Выпиваетъ онъ, Дунай, чару тол *) зелена вина,
И турій рогъ меду сладкаго;
Разгоралася утроба богатырская
И могучія плеча разходилися
Какъ у молода Дуная Ивановича,
Говоритъ онъ, Дунай, таково слово:
— А и ласково солнце, ты Владиміръ князь!
— Не надо мнѣ твоя золота казна,
— Не надо триста жеребцовъ,
— И не надо могучіе богатыри;
— А и только пожалуй одного мнѣ молодца,
— Какъ бы молода Екима Ивановича,
— Которой служитъ Алешкѣ Поповичу.
Владиміръ князь стольной Кіевской
Тотчасъ самъ онъ Екима руками привелъ:
« Вотъ, де, тѣ, Дунаю, будетъ паробочекъ!»
А скоро Дунай снаряжается,
Скоря того богатыри поѣздку чинятъ
Изъ стольнаго города Кіева
Въ дальну орду, Золоту землю.

И поѣхали удалы-добры молодцы;
А и ѣдутъ недѣлю споряду,
И ѣдутъ недѣлю уже другую,
И будутъ они въ Золотой ордѣ
У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича;
Середи двора королевскаго
Скакали молодцы съ добрыхъ коней,
Привязали добрыхъ коней къ дубову столбу.
Походили во палату бѣлокаменну,
Говоритъ тутъ Дунай таково слово:
— Гой еси, король въ Золотой ордѣ!
— У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ

*) Тоё.— *О.*

— Нѣту Спасова образа,
— Некому у тя помолитися,
— А и не за что тебѣ поклонитися.—
Говоритъ тутъ король Золотой орды,
А и самъ онъ король усмѣхается:
«Гой еси, Дунай сынъ Ивановичь!
«Али ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому служить и по прежнему?»
Отвѣчаетъ ему Дунай сынъ Ивановичь:
— Гой еси ты, король въ Золотой ордѣ!
— А и я къ тебѣ пріѣхалъ не по старому служить и не по прежнему,
— Я пріѣхалъ о дѣлѣ о добромъ къ тебѣ,
— О добромъ-то дѣлѣ—о сватаньѣ,
— На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
— На честной Афросиньѣ королевишнѣ,
— Владиміръ князь хочетъ женитися.—
А и тутъ королю за бѣду стало,
А рветъ на главѣ кудри черныя
И бросаетъ о кирпищетъ полъ,
А при томъ говоритъ таковое слово:
«Гой еси ты, Дунай сынъ Ивановичь!
«Кабы прежде у меня не служилъ вѣрою и правдою,
«Тобъ велѣлъ посадить во погреба глубокіе
«И уморилъ бы смертью голодною
«За тѣ твои слова за бездѣльныя.»
Тутъ Дунаю за бѣду стало,
Разгоралось его сердце богатырское,
Выпималъ онъ свою сабельку острую,
Говорилъ таково слово:
— Гой еси, король Золотой орды,
— Кабы у тя во дому не бывалъ,
— Хлѣба-соли не ѣдалъ,
— Сѣкъ бы по плечь буйну голову.—
Тутъ король неладомъ *) заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Псы борзы заходили на цѣпяхъ,
А и хочетъ Дуная живьемъ стравить

*) Безобразно, непорядкомъ.—*О.*

Тѣми кобелями Меделянскими.
Скричитъ тутъ Дунай сынъ Ивановичь:
— Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
— Что ты сталъ, да чего глядишь?
— Псы борзы заходили на цѣпяхъ,—
— Хочетъ насъ съ тобой король живьемъ стравить. —
Бросился Екимъ сынъ Ивановичь,
Онъ бросился на широкой дворъ,
А и тѣ мурзы-улановья
Не допустятъ Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкія,
А и тяжкія палицы мѣдныя,
Лита она была въ три тысячи пудъ;
Не попала ему палица желѣзная,
Что попала ему ось-то телѣжная,
А и зачалъ Екимъ помахивати,
Прибилъ онъ силы семь тысячей мурзы-улановья,
Пять сотъ онъ прибилъ Меделянскихъ кобелей.
Закричалъ тутъ король зычнымъ голосомъ:
« Гой еси, Дунай Ивановичь!
« Уйми ты своего слугу вѣрнаго,
« Оставь мнѣ силы хоть на сѣмена;
« А бери ты мою дочь любимую
« Афросинью королевишну.»
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Унималъ своего слугу вѣрнаго,
Пришелъ ко высокому терему,
Гдѣ сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными;
Буйны вѣтры не вихнутъ на ее,
Красное солнце лица не печетъ;
Дверп у палатъ были желѣзныя,
А крюки, пробои по булату злачены;
Говорилъ тутъ Дунай таково слово:
— Хоть нога изломить, а дверп выставить!—
Пнетъ во двери желѣзныя,
Приломалъ онъ крюки булатные,
Всѣ тутъ палаты зашатался.

Бросится дѣвица, испужалася,
Будто угорѣлая вся,
Хочетъ Дунаю во уста цѣловать;
Проговоритъ Дунай сынъ Ивановичь:
— Гой еси, Афросинья королевишна!
— А и ряженой кусъ, да не суженому ѣсть *):
— Не цѣлую я тебя во сахарные уста;
— А и Богъ тебя, красну дѣвицу, милуетъ,
— Достанешься ты князю Владиміру.—
Взялъ ее за руку за правую,
Повелъ изъ палатъ на широкой дворъ,
А и хочутъ садиться на добрыхъ на копей;
Спохватился король въ Золотой ордѣ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Гой еси ты, Дунай Ивановичь!
« Пожалуй подожди мурзы-улановья.»
И отправляетъ король своихъ мурзы-улановья
Везти за Дунаемъ золоту казну;
И тѣ мурзы-улановья
Тридцать телѣгъ ордынскыхъ насыпали златомъ,
И серебромъ, и скатнымъ жемчугомъ,
А сверхъ того каменьи самоцвѣтными.
Скоро Дунай снаряжается,
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.

А и ѣдутъ недѣлю уже споряду,
А и ѣдутъ уже другую,
И тутъ же везутъ золоту казну.
А наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ,
Не доѣхавши до Кіева за сто верстъ;
Самъ онъ Екиму сталъ наказывать:
— Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
— Вези ты Афросинью королевишну
— Ко стольному городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю Владиміру,
— Честно, хвально и радостно;

*) Пословица: кусъ ряженой, пригодный, да не мнѣ суждено его ѣсть, не я твой суженый.— *О.*

— Было бы намъ чѣмъ похвалитися
— Великому князю во Кіевѣ.—
А самъ онъ Дунай поѣхалъ
По тому слѣду по свѣжему, бродучему.
А и ѣдетъ ужь сутки, другіе,
Въ четвертые сутки слѣдъ дошелъ.
На тѣхъ на лугахъ на потѣшныхъ,
Куда ѣздилъ ласковой Владиміръ князь завсегда за охотою,
Стоитъ на лугахъ тутъ бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица,
А и та ли Настасья королевишна.
Молодой Дунай онъ догадливъ былъ:
Вымалъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо, калену стрѣлу *),
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу,
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго,—
Угодила стрѣла въ сыръ крековистой **) дубъ,
Изломала его въ черепья ножевые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая;
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ:
Скочилъ онъ, Дунай, со добра коня,
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
И гораздъ онъ со дѣвицею дратися,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А пнулъ онъ дѣвицу подъ .....,—
Женской полъ отъ того пухолъ живетъ,—
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя;

---

*) Потянулъ лукъ и спустилъ стрѣлу. — *О.*

**) *Крековистый, крековистый:* съ корявымъ, крюковатымъ пнемъ, суковатый и здоровый. — *О.*

Втапоры дѣвица возмолилася:
« Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
« Не коли ты меня дѣвицу до смерти:
« Я у батюшки-сударя отпрошалася,
« Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
« За того мнѣ дѣвицѣ за мужь итти.»
А и тутo Дунай сынъ Ивановичь
Тому ея слову обрадовался,
Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
— Служилъ я, Дунай, во семи ордахъ,
— Въ семи ордахъ, семи королямъ,
— А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы:
— Нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ
— Обручницу, сопротивницу.—
Тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися;
А скоро ей приказъ отдалъ собиратися,
И обралъ у дѣвицы сбрую всю:
Кулякъ *) и панцырь съ кольчугою;
Приказалъ онъ дѣвицѣ наряжатися
Въ простую епанечку бѣлую,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.

Только Владиміръ стольной Кіевской
Втапоры ѣдетъ отъ злата вѣнца,
И пріѣхалъ князь на свой княженецкой дворъ,
И во свѣтлы гридни убиралися,
За убраные столы сажалися.
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Пріѣхалъ ко церкви соборныя,
Ко тѣмъ попамъ и ко дьяконамъ,
Приходилъ онъ во церкву соборную,
Проспть честныя милости
У того архіерея соборнаго,
Обвѣнчать на той краспой дѣвицѣ.
Ради были тому попы соборные,—

*) *Кулякъ*: слово, понынѣ употребительное въ Тамбовск. и Рязанск. губерніи, въ смыслѣ шелома и колпака; въ старину — щитковыя или наборныя изъ бляхъ латы, нашитыя на сукно.—*О.*

Въ тѣ годы присяги не вѣдали,—
Обвѣнчали Дуная Ивановича;
Вѣнчальнаго далъ Дунай пять сотъ рублей
И поѣхалъ ко князю Владиміру.
И будетъ у князя на широкомъ дворѣ,
И скочили со добрыхъ коней съ молодой женой,
И говорилъ таково слово:
— Доложитесь князю Владиміру,
— Не о томъ, что итти во свѣтлы гридни,
— О томъ, что не въ чемъ итти княгинѣ *) молодой,
— Платья женскаго только одна и есть епанечка бѣлая.—
А втапоры Владиміръ князь онъ догадливъ былъ,
Знаетъ онъ кого послать:
Послалъ онъ Чюрила Плепковича
Выдавать платьице женское цвѣтное,
И выдавали они тутъ сояпъ **) хрущатой ***) камки
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью королевишну,
А цѣна тому сояну сто тысячей;
И снарядили они княгиню новобрачную,
Повели ихъ во палаты княженецкія,
Во тѣ гридни свѣтлыя,
Сажали за столы убраные,
За яства сахарныя и за питья медвяныя:
Сѣли уже двѣ сестры за однимъ столомъ.
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Женилъ онъ князя Владиміра,
Да и самъ тутъ же женился,
Въ томъ же столѣ столовати сталъ.
А жили они время не малое.

У князя Владиміра, у солнышка Сеславьевича
Была пирушка веселая.
Тутъ пьяной Дунай разхвастался:

*) Невѣстѣ.—*О.*

**) *Солнъ*: попонѣ, въ Смоленск. и Тверск. губ., исподница, суконная юбка; крашенинный сарафанъ.—*О.*

***) *Хрущатый* (хрящ—хрящ) — хрящатый, жесткій, суровый, плотный.—*О.*

— Что нѣтъ противъ меня во Кіевѣ такова стрѣльца,
— Изъ туга лука по примѣтамъ *) стрѣлять.—
Что взговоритъ молода княгиня Апраксѣевна:
« Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
« Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
« Что нѣту, де, во Кіевѣ такого стрѣльца,
« Какъ любезной сестрицы моей Настасьи королевишны.»
Тутъ Дунаю за бѣду стало.
Бросали они жеребья,
Кому прежде изъ туга лука стрѣлять,
И досталось стрѣлять его молодой женѣ
Настасьѣ королевишнѣ,
А Дунаю досталось на главѣ золото кольцо держать.
Отмѣрили мѣсто на цѣлу версту тысячну;
Держитъ Дунай на главѣ золото кольцо:
Вытягала Настасья калену стрѣлу,
Спѣла, де, тетивка у туга лука,
Сшибло съ головы золото кольцо
Тою стрѣлкою каленою;
Князи и бояра тутъ металися,
Усмотрѣли калену стрѣлу,
Что на тѣхъ-то перушкахъ лежитъ то золото кольцо.
Въ тѣ поры Дунай становилъ на примѣту свою молоду жену;
Стала княгиня Апраксѣевна его уговаривати:
«« А и ты гой еси, любимой мой зятюшка,
«« Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
«« То вѣдь шуточка пошучена.»»
Да говорила же его и молода жена:
« Оставимъ, де, стрѣлять до другаго дня,
« Есть, де, въ утробѣ у меня могучь богатырь;
« Первой, де, стрѣлкой не дострѣлишь,
« А другой, де, перестрѣлишь,
« А третьею, де, стрѣлкою въ меня угодишь.»
Втапоры князи и бояра
И всѣ сильны могучи богатыри
Его молода Дуная уговаривали.

*) *Примѣта*: мѣта, цѣль.— *O.*

Втапоры Дунай озадорился,
И стрѣлялъ въ примѣту на цѣлу версту въ золото кольцо,
Становилъ стоять молоду жену;
И втаперы его молода жена
Стала ему кланятися и передъ нимъ убиватися:
«Гой еси ты, мой любезной ладушка,
«Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
«Оставь шутку на три дни,
«Хошь не для меня, но для своего сына нерожденнаго:
«Завтря рожу тебѣ богатыря,
«Что не будетъ ему сопротивника.»
Тому-то Дунай не повѣровалъ,
Становилъ свою молоду жену Настасью королевишну
На мѣту съ золотымъ кольцомъ,
И велѣли держать кольцо на буйной главѣ,
Стрѣлялъ Дунай за цѣлу версту изъ туга лука:
А и первой стрѣлой онъ не дострѣлилъ,
Другой стрѣлой перестрѣлилъ,
А третьею стрѣлою въ ее угодилъ.
Прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ,
Выдергивалъ чингалище булатное,
Скоро споролъ ей груди бѣлыя,—
Выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ,
Онъ самъ говоритъ таково слово:
«« Гой еси, сударь мой батюшка!
«« Какъ бы далъ мнѣ сроку на три часа,
«« А и я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣе *)
«« И полутчѣе въ семь семерицъ тебя.»»
А и тутъ молодой Дунай сынъ Ивановичь запечалился,
Ткнулъ себя чингалищемъ во бѣлы груди,
Съ горяча онъ бросился во быстру рѣку.

Потому быстра рѣка Дунай словетъ:
Своимъ устьемъ впала въ сине море.
А и то старина, то и дѣянье!

* *

*) Попрытче.—*О.*

СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

I.

1.

(Шенкурск. уѣзда, деревня Шидровская).

Изъ Волынца го́рода, изъ Галича *);
Изъ той же Корелы изъ богатыя,
Во ту ли во пустыню во Данилову,
Собиралося, собрупя́лося **)
Со́рокъ каликъ со каликою,
Со́рокъ дородныхъ, добрыхъ молодцевъ.
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Становилися калики во единый кругъ,
Клю́шки-посохи всѣ въ землю испотыкали,
Клю́ши-посохи тѣ были таволжевые ***),
Одна клюша была кипарисъ-древо.
По сумочкѣ на клюшу исповѣсили,
Тѣ сумочки были рыта бархата,
Одна сумочка хущато́й камки ****),
У того же у большаго подъатаманья,
У молода Михайлушки Касьянова.
Они думали думу за единую,
Они клали заповѣдь великую:
« Еще кто изъ насъ, изъ сорока каликъ,
« Котора калика заворуется,
« Котора калика заплутуется,
« Котора обза́рится на бабицу,—

*) Галичья.—*О.*

**) Надѣвали броню, збрую (какъ признакъ похода).—*О.*

***) Изъ *таволги*, кустарника.—*О.*

****) Хрущатой.—*О.*

« Отвести того, дородна добра молодца,
« Отвести далеко во чисто поле:
« Копать ему ямище глубокое,
« Зарывать его во сыру землю,
« Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.
« Чистъ-рѣчистъ языкъ выпять теменемъ,
« Очи ясныя—косицами *),
« Ретиво сердце промежду плечей;
« Казнена дородна-добра мо́лодца
« Во чистомъ полѣ оставити.»

Походили калики въ пѣшь доро́гою.
Походили калики въ стольный Кіевъ градъ,
Ко ласкову князю ко Владиміру:
Во Ерданѣ-рѣкѣ окупатися,
Господу Богу помолитися,
Ко Господней Гробницѣ приложитися,
Владиміру князю поклонитися.

Идутъ калики по Кіеву,
На встрѣту каликамъ—Владиміръ князь.
Вскрычали калики зычнымъ голосомъ,
Зычнымъ голосомъ, по каличьему:
« Ужь ты красно наше солнышко, Владиміръ князь!
« Ты подай намъ мило́стыню спасенную,
« Ради Христа, Царя небеснаго,
« Ради Матери Божьей Богородицы!»
Возговоритъ Владиміръ стольный Кіевскій:
— Ужь вы гой есте, со́рокъ каликъ со каликою!
— У меня, право, казны съ собой не случилося,
— Подаянья вамъ, каликамъ, не пригодилося.
— Вы идите ко княгинѣ ко Апраксіи:
— Она подастъ вамъ мило́стыню спасенную!—

Походятъ калики въ пѣшь дорогою,
Ко той ко княгинѣ ко Апраксіи:
« Ужь ты гой еси, княгиня, свѣтъ Апраксія!
« Ты подай намъ мило́стыню спасенную,

*). Висками. — *О.*

«Ради Христа, Царя небеснаго,
«Ради Матери Божьей Богородицы!»
Отпирала княгиня окошко косящето,
Говорила каликамъ таково слово:
— Ужь вы сорокъ каликъ со каликою!
— Вы подите ко мнѣ въ нову горницу:
— Я въ тѣ-по́ръ подамъ вамъ милостыню спасенную.—
Заходили калики въ нову горѣницу.
Еще эта княгиня Апраксія
На одного калику обза́рилась,
На того ли на большаго подъатаманья,
На молода Михайлушку Касьянова:
Онъ не вздумалъ княгини потѣшити,
Не посмѣлъ озабы́ть заповѣди крѣпкія.

Беретъ княгиня чашу наливную,
Наливную чашу однозоло́тную,
Клала княгиня чашу въ сумочку
Ко тому ли Михайлу Касьянову.
Пошли калики въ путь-дороженьку.
Говоритъ княгиня Апраксія:
— Не калики то ходятъ,—разбойники,
— Разбойники ходятъ,—грабежники:
— Украли у меня чашу однозолотную,
— Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ,
— Изъ которой князь на пріѣздѣ пьетъ!—
Посылаетъ за ними двухъ догонщиковъ.
Наѣзжали княгинины погонщики
Сорокъ каликъ со каликою,
Сами крычатъ громкимъ голосомъ:
«Не калики вы хо́дите, а разбойники;
«Разбойники ходите, грабе́жники!
«Вы украли чашу однозолотную,
«Изъ которой князь на пріѣздѣ пилъ,
«Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ!»
Взяли сорокъ каликъ со каликою—
Метнули погонщиковъ подъ облако.
Посылаетъ княгиня новыхъ погонщиковъ:

— Побѣгите вы за каликами,
— Обойдите дураковъ словами честными:—
Наѣзжали погонщики сорокъ каликъ,
Говорятъ сами таковы рѣчи:
« Не попала ли какъ къ вамъ чаша питейная,
« Питейная чаша, однозолотная,
« Изъ которой князь на пріѣздѣ пилъ,
« Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ?»
Становилися калики во единый кругъ,
Заобыскивали калики свои сумочки:
Нашли калики чашу питейную
У большаго подъатаманья Михайлушки Касьянова.
Отвозили его на чисто поле,
Копали ямище глубокое,
Закопали его во сыру землю,
Во сыру землю до бѣлыхъ грудей;
Чистъ-рѣчистъ языкъ тянули теменемъ,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердце промежду плечей;
Казнена *) удала молодца
На чистомъ полѣ оставили.

(Не кончено. Записано г. Харитоновымъ, 29 Августа 1848 года, и доставлено В. И. Даленъ).

2.

(Петрозав. уѣзда, Сѣногубской волости, деревни Логмасы).

Собиралося сорокъ каликъ со каликою,
Самъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичь.
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Садилися калики во единый кругъ,
И думаютъ думушку добрую,
И совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Итти ко городу Ерусалиму,

*) Казнивши, каженикомъ оставили, калѣкою. — *О.*

Ко святой святынѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися.
И положили они заповѣдь великую:
« Кто обвоpуетъ и кто облядуетъ,
« Бить клюхамы каличьима,
« Тянуть языкъ со теменемъ,
« И копать очи ясныя косицамы,
« И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.»
И пошли они,—котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки Турецъ-сафьянъ;
На головушкахъ шляпы земли Греческой;
И взяли они по камешку антавенту:
И скоро калики въ походъ пошли,
День идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку антавенту.

И выходили они на чисто поле,
И садилися они въ единый кругъ,
Думали думушку добрую,
Совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Зайти ко городу ко Кіеву,
Поисть-попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закричали калики громкимъ голосомъ:
«« Свѣтъ ты, надежа, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Пошли мы ко Ерусолиму,
«« А зашли ко городу ко Кіеву
«« Поисть-попить, хлѣба покушати.»»
И тая побѣда *) учинилася:
Дома князя не случилося.
Выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Ай же вы, калики перехожіе!
« Пойдите въ столовую богатырскую (**):

*) Бѣла.—*O.*

**) Гридню; ср. выше.—*O.*

« Поставлю столы дубовые,
« Постелю скатерти бранныя
« И дамъ вамъ ѣствушекъ сахарныихъ,
« И дамъ питьицевъ медвяныихъ:
« Ѣшьте до сыта и пейте до люби!»
И шли во столовую богатырскую:
Поставили имъ столы дубовые,
Постлали скатерти бранныя,
Поставили ѣствушекъ сахарныихъ
И дали питьицевъ медвяныихъ;
Ѣли калики до сыта и пили до люби,
И много они благодарствуютъ:
«« Благодарствуешь, Опракса королевична,
«« За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья.»»
Дарила ихъ Опракса королевична
Чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
И проговоритъ Опракса королевична:
« Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Иваповичь!
« Пожалуй во спальну во теплую:
« Есть молвить словечушко тайное.»
И приходятъ во спальну во теплую,
Садились на кроваточку тесовую,
На перипочку пуховую,
И проговоритъ Опракса королевична:
« Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Иваповичь!
« Сдѣлаемъ любовь со мной великую.»
Проговоритъ Ѳома сударь Иваповичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Не сдѣлаю съ тобой любви великія, —
— Пошли мы ко городу Ерусалиму,
— И положили заповѣдь великую:
—« Кто обворуетъ, кто облядуетъ,
—« Бить клюхамы каличьима,
—« Тянуть языкъ со теменемъ,
—« И копать очи ясныя косицамы,
—« И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.»—
Эты ей рѣчи не слюбилися,

И скорешенько бѣжитъ въ особливъ покой,
И хватаетъ чашу княженецкую,
И положила въ переплеты каличьи.

И скоро калики въ походъ пошли,
И выходили на чисто поле,
Садились калики во единый кругъ,
И тутъ калики порасхвастались:
«« Были во городѣ во Кіевѣ,
«« Кормила насъ Опракса королевична,
«« Дарила насъ чистымъ серебромъ,
«« Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«« А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.»»
И проговоритъ Опракса королевична:
« Есть да пить, такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ, такъ некому!»
Повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою *):
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:
— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаны бархатны,
И *жгли* ему клюхамы натыкали:
«« Пойди ко городу ко Кіеву
«« И неси на насъ жалобу великую.»»
И приходитъ Чурила сынъ Пленковичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!

*) Безъ боязни.— *О.*

— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
« Есть да пить, такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ, такъ некому!»
Повыскочитъ Алеша Поповичь сынъ Ивановичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:
— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаты бархатны,
Наклескали .... долонямы:
«« Пойди ко городу ко Кіеву
«« И неси на насъ жалобу великую.»»
И приходитъ ко Опраксы королевичной:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
« Есть да пить, такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ, такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитинчь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я къ кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
И бьетъ челомъ, покланяется:
— Ай же вы, калики перехожіе!

— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, хлѣба кушали,
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую,—
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У того атамана Ѳомы сударь Ивановича.
И били его клюхамы каличьима,
И копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ со теменемъ,
И копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ.

И пошли ёны, калики, по чисту полю.
Напустилъ Господь на ясны очи:
И пошли они по чисту полю
Не дорогою, бездорожицею.
И за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу.
И пошелъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичь по чисту полю.
И ходятъ калики—кричатъ по чисту полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицею.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичь:
« Ай же вы, калики перехожіе!
« Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:
«« Ай же ты, Ѳома сударь Ивановичь!
«« За твою за правду за великую
«« Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,
«« А за нашу за неправду за великую
«« Напустилъ темень на ясны очи.»»

(Не кончено; записано П. И. Рыбниковымъ отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова 13 Генваря 1861 г.).

*

3.

(Кирша Данилов).

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою.
Становилися во единой кругъ,
Они думали думушку единую,
А единую думушку крѣпкую:
Выбирали большаго атамана
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
« А иттить намъ, братцы, дорога не ближняя,
« Итти будетъ ко городу Іерусалиму,
« Святой святынѣ помолитися,
« Господню гробу приложитися,
« Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
« Нетлѣнной ризой утеретися;
« Итти сёлами и деревнями,
« Городами тѣми съ пригородками;
« А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
« — Кто украдетъ, или кто солжетъ,
« — Али кто пустится на женской блудъ,
« — Не скажетъ большому атаману,
« — Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,—
« — Едина оставить во чистомъ полѣ
« — И окопать по плеча во сыру землю.— »
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученьки изприложены:
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичь,
Податаманье,—братъ его родной,
Молодой Михайло Михайловичь.
Пошли калики во Іерусалимъ градъ.

А идутъ недѣлю уже споряду,
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ.
Сверхъ тое рѣки Череги,
На его потѣшныхъ на островахъ,
У великаго князя Владиміра.
А и вышли они изъ раменья,
Встрѣчу имъ-то Владиміръ князь.
Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ;
Пригодилося ему ѣхати по близости.
Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ копей попадали,
А Спиря сталъ поспиривать,
Сёма сталъ пересёмывать.
Едва пробудится Владиміръ князь,
Разсмотрѣлъ удалыхъ-добрыхъ молодцовъ,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.
Отвѣчаетъ имъ ласковой Владиміръ князь:
« Гой вы еси, калики перехожіе!
« Хлѣбы съ нами завозные,
« А и денегъ со мною не годилося;
« А и ѣзжу я, князь, за охотою,
« За зайцами и за лисицами,
« За соболи и за куницами,
« И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,

« Перелетныхъ малыхъ уточекъ.
« Изволите вы итти во Кіевъ градъ
« Ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
« Честна роду дочь, королевична,
« Напоитъ-накормитъ васъ добрыхъ молодцовъ,
« Надѣлитъ вамъ въ дорогу злата-серебра.»
Не долго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Кіеву.
А и будутъ въ городѣ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Подсумочья рыта бархата;
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалялися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.
Становилися во единой кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молоды княгини Апраксѣевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула.
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ во свѣтлу гридню;
Пришли тутъ стольники и чашники,
Бьютъ челомъ, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову,
Со своими его товарищами:
Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ.
А и тутъ Касьянъ не ослушался,
Походилъ во гридню во свѣтлую:
Спасову образу молятся,
Молодой княгини поклоняются.
Молода княгиня Апраксѣевна,
Поджавъ ручки будто Турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
Съ красными сѣнными дѣвушки.

Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Садился въ мѣсто большое;
Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго;
Лучи стоятъ великіе;
Убирались тутъ всѣ добры молодцы,
А и тѣ калики перехожіе,
За тѣ столы убраные;
А и стольники, чашники
Поворачиваютъ, пошевеливаютъ
Своихъ они приспѣшниковъ;
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя,
А и тѣ калики перехожіе
Сидятъ за столами убранными,
Убираютъ яства сахарныя,
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя.
И сидятъ они время-часъ другой.
Во третьемъ часу подымалися,
Подымавши они Богу молятся,
За хлѣбъ за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ
И всѣмъ стольникамъ и чашникамъ;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксѣевны,
Надѣлила бъ на дорогу златомъ-серебромъ,
Сходить бы во градъ Іерусалимъ.
А у молодой княгини Апраксѣевны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ:
Пошлетъ Алёшиньку Поповича,
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ перехожіихъ,
Чтобъ не итти бы имъ сего дня и сего числа.
И сталъ Алёша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зоветъ къ княгинѣ Апраксѣевнѣ
На долгіе вечеры посидѣти,
Забавныя рѣчи побаити,
А сидѣть бы на единѣ во спальнѣ съ ней.

Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь,
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказалъ онъ Алёшѣ Поповичу,
Не идетъ на долгіе вечеры
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Забавныя рѣчи бапти:
На то княгиня осердилася,
Посылаетъ Алёшиньку Поповича,
Прорѣзать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ.
Алёша-то догадливъ былъ,
Разпоролъ суму рыта бархата,
Запихалъ чарочку серебряну
И зашивалъ гладехонько,
Что познать было не можно;
Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
Калики съ широка двора;
Съ молодой княгиней не прощаются,
А идутъ калики не оглянутся.

И верстъ десятокъ отошли они
Отъ стольпаго города Кіева,—
Молода княгиня Апраксѣевна
Посылаетъ Алёшу въ погонь за нимъ.
Молодой Алёша Поповичь младъ
Настигъ каликъ во чистомъ полѣ.
У Алёши вѣжство не рожденное,—
Онъ сталъ съ каликами здорити,
Обличаетъ ворами-разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
«Кого окрадете, своимъ зовете!
«Покрали княгиню Апраксѣевну,
«Унесли вы чарочку серебряну,
«Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ!»
А въ томъ калики не даются ему,
Молоду Алёшѣ Поповичу,
Не давались ему на обыскъ себѣ.
Поворчалъ Алёшинька Поповичь младъ,

Поѣхалъ ко городу Кіеву,
И такъ пріѣхалъ во стольной Кіевъ градъ.
Во то же время и во тотъ же часъ
Пріѣхалъ князь изъ чиста поля,
И съ нимъ Добрынюшка Никитичь младъ;
Молода княгиня Апраксѣевна
Позоветъ Добрынюшку Никитича,
Посылаетъ за каликами,
За Касьяномъ Михайловичемъ.
Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поѣхалъ во чисто поле,—
У Добрыни вѣжство рожденное и ученое,—
Настигъ онъ каликъ во чистомъ полѣ,
Сскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
« Гой еси, Касьянъ Михайловичь!
« Не наведи на гнѣвъ князя Владиміра,
« Прикажи обыскать калики перехожіе,
« Нѣтъ ли промежу васъ глупаго?»
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Становилъ каликъ во единой кругъ,
И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать,
Отъ малаго до стараго,
Отъ стараго и до большаго лица,
До себя Касьяна Михайловича.
Нигдѣ-то чарочка не явилася,
У молода Касьяна пригодилася.
Братъ его молодой Михайло Михайловичь
Принимался за заповѣдь великую:
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистомъ полѣ
Молода Касьяна Михайловича;
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу,
И съ нимъ написанъ виноватый тутъ
Молодой Касьянъ Михайловичь.
Добрыня, онъ поѣхалъ во Кіевъ градъ,
А и тѣ калики въ Іерусалимъ градъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь

Съ ними калики *) прощается.
И будетъ Добрынюшка въ Кіевѣ,
У младой княгини Апраксѣевны,
Привезъ онъ чарочку серебряну:
Виноватаго назначено **),
Молода Касьяна сына Михайлова.
А съ того время-часу захворала скорьбью недоброю,
Слегла княгиня въ великое во гноище.

Ходили калики въ Іерусалимъ градъ,
Впередъ шли три мѣсяца.
А и будутъ въ градѣ Іерусалимѣ:
Святой святынѣ помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ерданѣ-рѣкѣ искупалися,
Нетлѣнною ризою утиралися,
А все то молодцы отправили,
Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тутъ калики не замѣшкались,
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову князю Владиміру.
А идутъ назадъ уже мѣсяца два,
На то мѣсто не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою
Его молода Касьяна Михайловича.
Голосокъ наноситъ ***) помалехоньку:
А и тутъ калики остоялися ****),
А и мѣсто стали опознавать;
Подалися малехонько,—и увидѣли
Молода Касьяна сына Михайловича.
Онъ ручкой машетъ, голосомъ кричитъ.
Подошли удалы-добры молодцы,
Въ началѣ атаманъ родной братъ его,
Михайло Михайловичъ.

---

*) Каликами.—*О.*

**) Виноватый назначенъ.—*О.*

***) Доносится голосъ Касьяна.—*О.*

****) Останавливались.—*О.*

Пришли всѣ они, поклонилися,
Стали здравствовать;
Подаетъ онъ Касьянъ ручку правую,
А они-то къ ручкѣ приложилися,
Съ нимъ поцѣловалися,
И всѣ къ нему переходили.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда:
А всѣ они, молодцы, дивуются,
На его лице молодецкое —
Не могутъ зрѣть добры молодцы,
А и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса.
И стоялъ Касьянъ не мало число,
Стоялъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ,
А шесть мѣсяцовъ будетъ полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Дошли они до чудна креста Леванидова,
Становилися во единой кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали
И стоятъ калики потцхохоньку.
Молодой Михайло Михайловичь
Атаманомъ еще правилъ у нихъ;
Посылаетъ легкаго молодчика *)
Доложиться князю Владиміру:
«Прикажетъ ли итти намъ пообѣдати?»
Владиміръ князь пригодился въ домѣ,
Посылалъ онъ своихъ ключниковъ, ларечниковъ
Побить челомъ и поклонитися имъ-то каликамъ,
Каликамъ пообѣдати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тутъ ключники, ларечники
Пришли они къ каликамъ, поклонилися,
Бьютъ челомъ къ князю пообѣдати.
Пришли калики на широкой дворъ.
Середи двора княженецкаго

*) Скораго гонца.—*О.*

Поздравствовалъ ему Владиміръ князь,
Молоду Касьяну Михайловичу;
Взялъ его за бѣлы руки,
Повелъ во свѣтлу гридню.
А втапоры молодой Касьянъ Михайловичь
Спросилъ князя Владиміра
Про молоду княгиню Апраксѣевну:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
«Здравствуетъ ли твоя княгиня Апраксѣевна?»
Владиміръ князь едва рѣчи выговорилъ:
— Мы, де, уже недѣлю-другу не ходимъ къ ней.—
Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ,
Пошелъ со княземъ во спальну къ ней;
А и князь идетъ, свой носъ зажалъ;
Молоду Касьяну то ничто ему,
Никакого духу онъ не вѣруетъ.
Отворяли двери у свѣтлы гридни,
Разкрывали окошечки косящатыя;
Втапоры княгиня прощалася *),
Что нанесла рѣчь напрасную.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу княгиню Апраксѣевну;
Не стало у ней того духу, пропасти;
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ее плоть женскую:
Захотѣлось ей—и пострадала она,
Лежала въ сраму полгода.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Пошелъ ко князю Владиміру во свѣтлу гридню.
Помолился Спасову образу
Со своими каликами перехожими.
И сажалися за убраны столы,
Стали пить-ѣсть, потѣшатися.
Какъ будетъ день въ половина дня,
А и тѣ калики напивалися,
Напивалися и наѣдалися;

*) Просила прощенія. — *О.*

Владиміръ князь убивается *),—
А калики-то въ путь наряжаются,—
Проситъ ихъ тутъ Владиміръ князь
Пожить-побыть тотъ денекъ у себя.
Молода княгиня Апраксѣевна
Вышла изъ кожуха, какъ изъ пропасти,
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тутъ же къ нимъ къ столу пришла
Съ пяньками, съ мамками
И съ сѣнными красными дѣвицами;
Молоду Касьяну поклоняется
Безъ стыда, безъ сорому,
А грѣхъ свой на умѣ держитъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Тою рученькой правою размахиваетъ
По тѣмъ ѣствамъ сахарнымъ,
Крестомъ ограждаетъ и благословляетъ.
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.
Втапоры молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Вынималъ изъ сумы книжку свою,
Посмотрѣлъ и число показалъ:
« Что много мы, братцы, пьемъ-ѣдимъ, прохлаждаемся,
« Уже третій день въ доходѣ идетъ,
« И пора намъ, молодцы, въ путь итти.»
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьютъ челомъ князю Владиміру
Съ молодой княгиней Апраксѣевной,
За хлѣбъ за соль его.
И прощаются калики съ княземъ Владиміромъ
И съ молодою княгинею Апраксѣевною.
Собрались они и въ путь пошли,
До своего монастыря Боголюбова,
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и дѣянье.

* *
*

*) Усильно проситъ остаться и горюетъ о разставаньѣ.— *О.*

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

I.

1.

(На Уралѣ).

Изъ за горъ было высокихъ
Не ясенъ соколъ тутъ вылетывалъ,
Молодой кречетъ тутъ выпархивалъ:
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ
Дюкъ Степановичь,
На своемъ онъ на добромъ конѣ, бурымъ Бахматѣ.
Подъ нимъ добрый конь, какъ лютый звѣрь,
Онъ самъ сидитъ, какъ ясенъ соколъ,
Его лукъ-колчанъ по бедрамъ бьется.
У молодца не мало стрѣлъ:
Полтораста стрѣлъ.
Кажда стрѣлочка во пять сотъ рублей,
Только тремъ стрѣламъ цѣны нѣту:
Онъ день стрѣляетъ, а ночь стрѣлы сбираетъ.
Потому эти стрѣлы дороги:
Гдѣ стрѣла лежитъ, тутъ свѣча горитъ,
Свѣча горитъ воску ярова.
Оттого же эти стрѣлы еще дороги:
Въ ушахъ перья все орловые,
Не здѣшнихъ орловъ Тульскихъ,—заморскихъ,
Которые вьются надъ Окіянь-моремъ,
Выроняютъ *) въ Окіянъ-море;

*) Перья.—*О.*

Сбираютъ перья корабельщички.
Ко всему эти перья надобны:
И плоты плотить, корабли снастить,
И для снастей (и для струментовъ) всѣхъ;
Эти перышки царю надобны.

*

2.

(Кирша Данилов).

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ славна Волынца, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ;
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Дюкъ сынъ Степановичь,
По прозванью Дюкъ былъ Боярской сынъ.
А и конь подъ нимъ, какъ бы лютой звѣрь,
Лютой звѣрь конь, и буръ, косматъ,
У коня грива на лѣву сторону, до сырой земли;
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ.
Не много съ Дюкомъ живота пошло:
Что куякъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчугѣ на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей,
А и конь подъ нимъ въ пять тысячей.
Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ;
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берега на берегъ:

Потому цѣна коню пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи;
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку Шимаханскаго.
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ;
А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы—за Синимъ моремъ *):
Своимъ устьемъ впала въ Сине море.
А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица во сине море,
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь;
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ:
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлы дороги?
Потому они дороги,

---

*) За Хвалынскимъ, Каспійскимъ; не смѣшана ли здѣсь Кума?—*О.*

Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю по дорогу, самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки сбираетъ;
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплются воску яраго:
Потому онѣ стрѣлки дороги.
Настрѣлялъ онъ Дюкъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.

Онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Что у ласкова князя Владиміра,
Середи двора княжепецкаго,
А скочилъ онъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ кольцу булатному,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Ко великому князю Владиміру.
Онъ молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ четыре стороны.
Тутъ сидятъ князи-бояра,
Скочили всѣ на рѣзвы ноги,
А глядятъ на молодца, дивуются;
И Владиміръ князь, стольной Кіевскій,
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подавали Дюку Степанову.
Принимаетъ онъ, не чванится,

А принялъ чару единой рукой,
А выпилъ чару единымъ духомъ;
И Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Посадилъ его за единой столъ хлѣба кушати;
А и повара были догадливые,
Носили яства сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупичаты
Передъ того Дюка Степанова.
А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Со тѣми князи и бояры,
Откушалъ калачики крупичаты,
Онъ верхню корочку отламываетъ,
А нижню корочку прочь откладываетъ.
А во Кіевѣ былъ счастливъ добрѣ
Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичь;
Оговорилъ онъ Дюка Степанова:
«« Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?
«« Верхню корочку отламываешь,
«« А нижню прочь откладываешь?»»
Говорилъ Дюкъ Степановичь:
« Ой ты гой еси, Владиміръ князь!
« Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:
« Печки у тебя биты глиняны,
« А подики кирпичные,
« А помелечко мочальное,
« Въ лоханъ обмакиваютъ;
« А у меня, Дюка Степанова,
« А у моей сударыни матушки,
« Печки были муравлены,
« А подики мѣдные,
« Помелечко шелковое,
« Въ сыту медвяную обмакиваютъ;
« Калачикъ съѣшь—больше хочется.»
Втапоры князю Владиміру
Захотѣлось къ Дюку ѣхати,
Зоветъ съ собой князей-бояръ,
И взялъ Чурила Пленковича.

И пріѣхали они на нашню къ нему,
Ко тѣмъ крестьянскимъ дворамъ;
И тутъ у Дюка стряпчій былъ,
Припасъ про князя Владиміра почестной столъ,
И садился ласковый Владиміръ князь
Со своими князи-бояры
За тѣ столы бѣлодубовы;
И въ тѣ поры повара были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя.
И будетъ день въ половину дни,
И будетъ столъ во полу столѣ,
Владиміръ князь полсыта наѣдается,
Полньяна напивается.
Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
«Каково про тебя сказывали,
«Таковъ ты и есть.»
Покушавши, ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ домъ его переписывать,
И былъ въ томъ дому сутки четверо:
А и домъ его крестьянской переписывали,—
Бумаги не стало. То оттеля Дюкъ Степановичь
Повелъ князя Владиміра
Со всѣми гостьми и со всѣми людьми
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Честной вдовѣ многоразумныя.
И будутъ онѣ въ высокихъ теремахъ,
И ужасается Владиміръ князь,
Что въ теремахъ хорошо изукрашено.
И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обѣдъ чинила про князя Владиміра
И про всѣхъ гостей, про всѣхъ людей;
И садился Владиміръ князь
За столы убраные, за яства сахарныя
Со всѣми гостьми, со всѣми людьми.
Втапоры повары были догадливы,
Носили яства сахарныя, питья медвяныя.
И будетъ день въ половину дни,

Будетъ столъ, во полу столѣ,
Говорилъ онъ ласковой Владиміръ князь:
« Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная,
« Съ своимъ сыномъ Дюкомъ Степановымъ!
« Употчивала меня со всѣми гостьми, со всѣми людьми;
« Хотѣлъ было вашь и этотъ домъ описывать,
« До отложилъ всѣ печали *) на радости.»
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владиміра
Своими честными подарками:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурпастыхъ **) лисицъ,
Еще сверхъ того каменьи самоцвѣтными.

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье ***),
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря.
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

* *
*

*) Заботы, хлопоты.—*О.*
**) Бурыхъ.—*О.*
***) На тишину, чтобъ было тихо.—*О.*

СУРОВЕЦЪ СУЗДАЛЕЦЪ.

I.

1.

(Симбирск. губ., село Головино).

Ой ты гой еси, охотничекъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ *)!
Ѣздилъ ты ровно три года,
Не убилъ ни гуся, ни лебедя,
Ни малова, ни сѣрова утёночка.
Тутъ молодецъ не загнойчивъ **) былъ.
Билъ коня по крутымъ бедрамъ,—
У коня бедры разъѣряются,
Молодецкое сердечко разгорается,—
Поѣхалъ самъ далече во чисто поле,
Еще того подалѣ ко раздольицу.

Тутъ стоитъ сырый дубъ,
Сырый дубъ колповистый ***);
На дубу тутъ сидитъ черный вранъ,
Черный вранъ, птица вѣщая;
Провѣщаетъ человѣческимъ голосомъ;
Хочетъ онъ его подстрѣлити,

---

*) *Суздалецъ*, — по мѣсту, откуда родомъ; *Суровенъ*, *Суровецъ* или *Суражанинъ*, *Сурожанинъ*,— торговецъ по Сурожскому или Азовскому морю; объ этомъ см. въ « Замѣткѣ » на концѣ выпуска.— *О.*

**) Можетъ быть это *незагнойчивъ*; если же и *незагнойчивъ* (отъ корня *гни*—, откуда *гнивъ* и *гной*), то значеніе одинаково: не задоренъ, не жаденъ, выносливъ, терпѣливъ. Ср. въ другихъ пѣсняхъ выраженіе: « тѣло его распотѣлося (озлобилося), сердце пожадѣлося, » наступила жажда и жадность.— *О.*

***) *Колповистый*—кляповистый, поклянный, изогнутый; вѣроятнѣе—*кряковистый*, о чемъ ср. выше.— *О.*

Подстрѣлити, погубити;
Натягивалъ тетивочки шелковыя,
Накладывалъ стрѣлочки кленовыя;
Возговоритъ ему черный вранъ,
Провѣщаетъ человѣческимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
«Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ!
«Что ты меня подстрѣлишь,
«Какую себѣ корысть въ домъ *) получишь?
«Пукъ перья по чисту полю,
«Кровь пустишь по сыру дубу,
«По сыру дубу, во сыру землю.
«Я скажу тебѣ диво-дивовище,
«Самъ тому дивý подивуешься:
«Поѣзжай ты далече во чисто поле,
«А еще того подалѣ ко синю морю,
«Ко широкому, ко чистому раздольицу;
«Тутъ стоитъ Кумбалъ царь,
«Кумбалъ царь Самородовичь,
«Со многими Татарами со уланами,
«Хочетъ онъ тебя погýбити,
«Погубити и сорубити.»

Тутъ молодецъ не загнойчивъ былъ.
Билъ коня по крутымъ бедрамъ,—
У коня бедры разъляются,
Молодецкое сердечко разгорается,—
Поѣхалъ онъ далече во чисто поле,
Еще того подалѣ ко раздольицу,
Ко раздольицу, ко синю морю,
Ко тому ли ко царю ко Кумбалу.
Сталъ по силѣ поѣзживати,
Сталъ Татаръ попугивати,
Попугивати, потукывати;
Гдѣ онъ не проѣдетъ—тутъ улица,
Гдѣ онъ не станетъ—тутъ площадью,

*) Въ томъ?—*О.*

Гдѣ онъ не оберпется—тутъ проулочекъ.
Возговоритъ тутъ Кумбалъ царь:
« Не велика птица въ полѣ показалася:
« Много она въ полѣ начудила,
« Начудила и накурила,
« Много Татаръ въ полѣ положила!
« Ой вы еси, Татарищи уланищи!
« Ройте вы рóвы глубокіе,
« Ставьте поторчи *) желѣзные:
« 'Вось ** ли собака обрушится,
« Ево добрый конь набрушится ***).»
Первый ровъ его Богъ перенесъ,
Другой-то ровъ его конь перевезъ,
Третій ровъ—обрушился,
Его добрый конь набрушился.
Берутъ его за бѣлы руки,
Тысяча беретъ за руку,
Другая тысяча за другу руку.
Возговоритъ добрый молодецъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ:
— Ой гой еси вы, Татарищи уланищи!
— Моя-то смерть будетъ чудная,
— Чудная и прокудная ****):
— Кто у васъ поменѣ, тотъ поближе стань,
— Кто у васъ поболѣ, тотъ подалѣ стань,
— Всѣмъ бы была она видимая,
— Видимая и слышимая.—
Тутъ они его слушались:
Кто у нихъ поменѣ, тотъ поближе сталъ,
Кто у нихъ поболѣ, тотъ подалѣ сталъ.
Встаетъ тутъ молодецъ на рѣзвы ноги,
Онъ беретъ Татарина за ноги,
Сталъ Татариномъ помахивати,

---

*) Къ верху вострые колья, на которые можно наткнуться.— *О.*

**) Авось.— *О.*

***) Напорется (*бружать*—бодать).— *О.*

****) *Прокудная*, то же почти, что *чудная*, но вмѣстѣ съ изъяномъ, съ пакостью для кого ни будь.— *О.*

Сталъ онъ Татаръ попугивати,
Попугивати, потукивати:
Гдѣ онъ ни пройдетъ, тутъ улица,
Гдѣ ни повернется, проулочекъ,
Гдѣ онъ ни станетъ, тутъ площадью.
Возговоритъ тутъ Кумбалъ царь:
« Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
« Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ!
« Будь ты мнѣ названый братъ,
« Вотъ тебѣ палаты золотой казны,
« И отдамъ тебѣ копей заповѣданныхъ.»
Возговоритъ добрый молодецъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ:
— Ой ты гой еси, Кумбалъ царь!
— Видя смерть, отговариваешься,
— Братомъ нарекаешься,
— Сулишь палаты золотой казны,
— Отдаешь табуны заповѣдные!—

(Получено отъ Языкова).

*

2.

Въ старые вѣки, прежніе,
Не въ нынѣшнія времена, послѣднія,
Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ,
Суровецъ богатырь, онъ Сурожанинъ,
По роду города Суздаля,
Сынъ отца гостя богатаго.
Охочь онъ ѣздить за охотою,
За гусями, за лебедями,
За сѣрыми за утицами.
Ѣздитъ день до вечера,
А покушать молодцу нечего.

Какъ наѣхалъ во чистомъ полѣ на сырой дубъ,
Сырой дубъ, еще не простой,

Не простой,—корокольчестой *);
Что на томъ на дубу сидитъ черной вранъ;
Черной вранъ, птица вѣщая;
Онъ снимаетъ съ себя крѣпкой лукъ,
Крѣпкой лукъ и калену стрѣлу,
Онъ накладываетъ на тетивочку шелковую,
Хочетъ стрѣлить по верьхъ дерева,
Хочетъ убить черна ворона,
Черна ворона, птицу вѣщую.
Что возговоритъ ему черной вранъ,
Черной вранъ, птица вѣщая:
« Гой еси ты, Суровецъ молодецъ,
« Суровецъ богатырь, еще Сурожанинъ!
« Тебѣ меня убить,—не корысть получить:
« Мясомъ моимъ не накушаться,
« Кровью моей не напитися,
« Перьямъ моимъ не тѣшиться.
« Инъ я тебѣ вѣстку скажу,
« Вѣстку скажу, вѣстку радостную:
« Какъ далече-далече во чистомъ полѣ,
« А далѣ того во зеленыхъ лугахъ,
« Какъ стоитъ тамо Курбанъ царь,
« Еще Курбанъ царь да и Курбановичь,
« Со всею силою могучею,
« Что со всей ли поляницею удалою;
« Что стоитъ онъ широкими рвами окопавшися,
« Земляным валомъ оградившися. »

Молодецкое сердце не утерпчивое,
Разгоралася кровь богатырская,
Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,—
Подымается его добрый конь
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Горы и долы между ногъ пускаетъ,
Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
Широкія раздолья хвостомъ устилаетъ,

*) У котораго *кора кольцами*: по значенію то же, что *кряковистый*.—*О.*

По землѣ бѣжитъ,—земля дрожитъ,
Въ лѣсу раздается, на нивахъ чуть *).
Онъ взялъ—поскакалъ во чистыя поля,
Во чистыя поля, еще къ Курбану царю,
Еще къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
Первой ровъ его Богъ перенесъ,
Другой ровъ его конь перескочилъ,
Въ третій ровъ онъ обрушился,
Его доброй конь набрюшился.
Ай что взяли—прискакали удалы молодцы,
Подъ лѣву руку взяли двадцать человѣкъ,
Подъ праву руку взяли его сорокъ человѣкъ,
Поперегъ подхватили—еще смѣты нѣтъ.
Взяли—повели еще къ Курбану царю,
Еще къ Курбану царю да и Курбановичу.
Молодецкое сердце разъярилося,
Богатырская кровь разыгралася,
Какъ взялъ онъ Татарина за волосы,
Да какъ учалъ Татариномъ помахивати,
Какъ куда побѣжитъ, тамо улица лежитъ,
Гдѣ повернется, тамо площадью;
И пробился молодецъ онъ до бѣлаго шатра,
Что до бѣлаго шатра и до Курбана царя.
Какъ возмолится ему Курбанъ царь:
« Ты гой еси, Суровецъ молодецъ,
« Суровецъ богатырь и Суроженинъ!
« Погляди-ко ты, что въ книгѣ написано:
« Что не велѣно вамъ князей казнить,
« Что князей казнить и царей убивать.»

(Пѣсенникъ Новиковскій, ч. II, М., 1780 г., стр. 204—206).

* *
*

*) Слышно.—*О.*

САУРЪ ВАНИДОВИЧЬ

ИЛИ

САУЛЪ ЛЕВАНИДОВИЧЬ

СЪ СЫНОМЪ.

I.

1.

(Симбирск. губ.).

Изъ сильнаго было царства Астраханскаго,
Жилъ-былъ тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичь.
Накопилъ онъ силушки себѣ многое множество,
Накопя онъ силушки въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ подъ три царства:
Подъ первое царство Латынское,
Подъ другое царство Литвинское,
Подъ третіе царство Сорочинское.

Провожала его молодая жена,
Провожала она его за два рубежа,
Отъ третьяго назадъ воротилася.
Входила она на вышку на высокую,
Становилась на бѣлъ-горючь камень,
Глядѣла-смотрѣла въ чисто поле:
«Далеко ли идетъ мой князь
«Сауръ сынъ Ванидовичь?»
Изъ того ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася,—

Во чревѣ дитя встрепенулося.
Она пишетъ ярлыки скорописные,
Посылаетъ за самимъ княземъ,
Чтобы князь Сауръ сынъ Ваиидовичь
Воротился домой:
«Молодая княгиня беременна.»
Догоняетъ его скорый посолъ,
Кладетъ (пакеты) на бѣлы руки.
(Пакеты тѣ) онъ прочитываетъ:
— Да не первый-то разъ она меня обманываетъ,
— Да не другой разъ она меня назадъ ворочаетъ:
— Теперь не ворочусь я домой!
— Коли дочь родитъ,—пой-корми пятнадцать лѣтъ,
— А на шестнадцатомъ за мужь отдай;
— А сына родитъ,—такъ лелѣй его до восьми годовъ,
— А на девятомъ году присылай его ко мнѣ на помочь.—

Родила княгиня сына себѣ.
Поила-кормила она его восемь лѣтъ,
На девятомъ году собирать
Она стала его на подмочь,
Давала силы съ нимъ сорокъ тысячь.
И пошелъ же молодой выпошь къ отцу на подмочь:
Латынское царство онъ выжегъ и вырубилъ,
А Литвинское царство въ полонъ все взялъ;
Подходитъ онъ къ царству Сорочинскому.
Увидали старики Сорочинскіе,
Они дѣлали сходки все великія:
«« Подступила намъ, братцы, сила несмѣтная,
«« Просютъ поединщика.»»
Возговорили старики Сорочинскіе:
«« Есть у насъ, братцы, полоненочекъ, затюремщичекъ *),
«« Пошлемъ мы его напротивъ силы поединьщикомъ.»»
Приходили же старики Сорочинскіе къ земляной тюрьмѣ:
«« Ты гой еси, полоненьщичекъ,

*) У Сербовъ *заточникъ*: колодникъ, приберегаемый на случай отчаянной битвы.—*О.*

«« Ты гой еси, затюремщичекъ!
«« Сослужи ты намъ службу великую,
«« Напротивъ силы поединьщикомъ.»»
Возговорилъ еси князь Сауръ сынъ Ваиндовичь:
— Ой вы гой еси, старики Сорочинскіе!
— Давайте мнѣ коня добраго
— И збрую богатырскую.—
Сѣлъ на добра коня
И полетѣлъ напротивъ силы во чисто поле.
Съѣхались, поздоровались
И поцѣловались, врозь разъѣзжались,
И бились день до вечера,
И никто никого не одолѣваетъ.
И взозрѣлъ князь Сауръ
Сынъ Ваиндовичь на небо:
— Помоги ты мнѣ, Господи,
— Молодаго воина изъ сѣдла выладить!—
И выладилъ изъ сѣдла,
И палъ ему на бѣлу грудь,
И сталъ его спрашивать:
— Охъ ты гой еси, молодой воинъ!
— Какого ты роду-племени?—
« Не моя въ полѣ Божья помочь:
« Не сталъ бы я много спрашивать,
« Срубилъ бы съ тебя буйну голову
« По самыя могучія плечи *)!
« Былъ у меня батюшка
« Князь Сауръ сынъ Ваиндовичь,
« Пошелъ воевать подъ три царства,
« Тамъ и пропалъ.»
Тутъ князь Сауръ сынъ Ваиндовичь заплакалъ,
И поднялъ за бѣлы руки, и возговорилъ:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
— Вѣдь я твой родной батюшка!—
Тутъ онъ написалъ письмо

*) Теперь не моя побѣда въ поединкѣ; а была бы моя и сидѣлъ бы я у тебя на грудяхъ, я не сталъ бы тебя спрашивать....—*О.*

И послалъ гонца къ своей матушкѣ:
« Гой ты еси, моя родная матушка!
« Выручилъ я роднаго батюшку.»

(Доставилъ Языковъ).

2.

(Кирша Даниловъ).

Царь Саулъ Левандовичь
Поѣхалъ за море синее,
Въ дальну орду, въ Половецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А царица его проводила
Отъ перваго стану до втораго,
Отъ втораго стану до третьяго;
Отъ третьяго стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
« Гой еси ты есми, царь Саулъ,
« Царь Саулъ Левандовичь!
« А кому меня царицу приказываешь,
« А кому меня царицу паказываешь?
« Я остаюсь царица черевоста,
« Черевоста осталась, на тѣхъ порахъ *).»
А и только царь слово выговорилъ,
Царь Саулъ Левандовичь:
— А и гой еси, царица Азвяковна,
— Молода Елена Александровна!
— Никому я тебя царицу не приказываю,
— Не приказываю и не паказываю;
— А то коли тебѣ Господи сына дастъ,
— Вспой-вскорми и за мной его пошли;
— А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
— Вспой-вскорми, за мужь отдай,
— А любимаго зятя за мной пошли:
— Поѣду я на двѣнадцать лѣтъ.—

*) Беременна на сносяхъ. — О.

Вскорѣ послѣ его царицѣ Богъ сына дастъ,
Попъ приходилъ со молитвою,
Имя дастъ Константинушкомъ Сауловичемъ.
А и царское дитя не по годамъ ростетъ,
А и царско дитя не по мѣсяцамъ;
А которой ребенокъ двадцати годовъ,
Онъ Константинушка семи годковъ.
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будетъ онъ Константинушка десяти годовъ,
Сталъ-то по улицамъ похаживати,
Сталъ съ ребятами шутку шутить,
Съ усатыми, съ бородатыми,
А которые ребята двадцати годовъ
И которые во полу-тридцати *),—
А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,
Еще ли дѣти купецкіе,—
Онъ шутку шутитъ не по ребячью,
А творки творилъ не по маленькимъ:
Котораго возметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ;
И котораго задѣнетъ за ногу,
По сраку ногу оторветъ прочь;
И котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окорачь ползетъ,
Безъ головы домой придетъ:
Князи-бояра дивуются,
И всѣ купцы богатые:
«« А что это у насъ за уродъ ростетъ?
«« Что это у насъ за выблядочекъ?»»
Доносили они жалобу великую
Какъ бы той царицѣ Азвяковнѣ,
Молодой Еленѣ Александровнѣ:
Вгаторы скоро завела его матушка во теремы свои,
Того ли млада Константинушку Сауловича,
Стала его журить-бранить,

*) Т. е. двадцати пяти.— *О.*

А журить-бранить, на умъ учить, смиренно жить.
А младъ Константинъ сынъ Сауловичь
Только у матушки выспросилъ:
« Гой еси, матушка,
« Молода Елена Александровна!
« Есть ли у меня на роду батюшка?»
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
— Гой еси, мое чадо милое,
— А и ты младой Константинушка Сауловичь!
— Есть у тебя на роду батюшка,
— Царь Саулъ Левипидовичь;
— Поѣхалъ онъ за море синее,
— Въ дальну орду, въ Половецку землю,
— Брать дани, невыплаты,
— А поѣхалъ онъ на двѣнадцать лѣтъ;
— Я осталася черевоста,
— А черевоста осталась на тѣхъ порахъ,
— Только ему царю слово выговорила:
—« А кому меня царицу приказываешь?»
— Только лишь царь слово выговорилъ:
—« Никому я тебя царицу не приказываю и не наказываю;
—« А то коли тебѣ Господь сына дастъ,
—« Ты, де, вспой-вскорми,
—« Сына за мной пошли;
—« А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
—« Вспой-вскорми, за мужь отдай,
—« А любимаго зятя за мной пошли.» —
Много царевичь не спрашиваетъ,
Выходилъ на крылечко на красное:
« Конюхи, приспѣшники!
« Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
« Подъ то сѣделечко Черкесское,
« А въ задней слукѣ и въ передней слукѣ
« По тирону по каменю,
« По дорогу по самоцвѣтному:
« А не для-ради меня молодца,

« Басы для-ради *), богатырскія крѣпости,
« Для-ради пути для дороженьки,
« Для-ради темной ночи осенней,
« Чтобы видѣть при пути-дороженьки
« Темна ночь до бѣла свѣта.»
А и только вѣдь матушка видѣла:
Ставалъ во стремя вальящатое,
Садился въ сѣделечко Черкесское;
Только онъ въ ворота выѣхалъ,
Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ;
А и только съ собою оружье **) везетъ,
А везетъ онъ палицу тяжкую,
А и мѣдну литу въ триста пудъ.

И наѣхалъ часовню, зашелъ Богу молитися,
А отъ той часовни три дороги лежатъ;
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо:
«« Кто этой дорогой поѣдетъ,
«« Конь будетъ сытъ—самому смерть;»»
А другою крайнею дорогою лѣвою:
«« Кто этой дорогой поѣдетъ,
«« Молодецъ самъ будетъ сытъ—конь голоденъ;»»
А середнею дорогою поѣдетъ:
«« Убитъ будетъ смертью напрасною.»»
Втапоры богатырское сердце разъярилося,
Могучи плечи разходилися,
Молодой Константинушка Сауловичь
Поѣхалъ онъ дорогою среднею.
Доѣзжать ***) до рѣки Смородины.
А втапоры Кунгуръ царь перевозится
Со тѣми ли Татары погаными.
Тутъ Константинушка Сауловичь
Зачалъ Татаровъ съ краю бить
Тою палицею тяжкою.
Онъ бьется-дерется цѣлой день

*) Для ради красы. — Вѣроятно: « не для ради меня, не для ради красы и крѣпости, а для ради пути-дороженьки.» — *О.*

**) Оружіе.— *О.*

***) Вѣроятно: доѣзжать, доѣзжаетъ.— *О.*

Не пиваючи не ѣдаючи,
Ни на малой часъ отдыхаючи.
День къ вечеру вечеряется,
Ужь красное солнце закатается,
Молодой Константинушка Сауловичь
Отъѣхалъ онъ отъ Татаръ прочь,
Гдѣ бы молодцу опочивъ держать,
Опочивъ держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и молодой Константинушка Сауловичь
Онъ молодецъ ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Бѣлымъ полотномъ утирается,
На востокъ онъ Богу молится.
Скоро, де, садился на добра коня,
Поѣхалъ онъ ко Смородинѣ рѣкѣ.
А и туто Татары догадалися,
Они къ Кунгуру царю пометалися:
«« Гой еси ты, Кунгуръ царь,
«« Кунгуръ царь Самородовичь!
«« Какъ намъ будетъ дѣтину ловить,
«« Силы мало осталося у насъ?»»
А и Кунгуръ царь Самородовичь
Научалъ тѣхъ ли Татаръ поганыхъ
Копати ровы глубокіе:
— Заплетайте вы туры *) высокіе,
— А ставьте поторчины дубовыя,
— Колотите вы падолбы желѣзные.—
А и тутъ Татары поганые,
И копали они ровы глубокіе,
Заплетали туры высокіе,
Ставили поторчины дубовыя,
Колотили падолбы желѣзные.
А по утру рано ранешенько,
На свѣтлой зарѣ, рано утренней,
На всходѣ краснаго солнышка,
Выѣзжалъ удалой доброй молодецъ
Младой Константинушка Сауловичь;

*) Плетушки, насыпаемыя землею.—*О.*

А и бѣгаетъ-скачетъ съ одной стороны,
И заверпется на другу сторону,
Усмотрѣлъ ихъ Татарскіе вымыслы,—
Тамо Татары просто стоятъ;
И которыхъ вислоухихъ—всѣхъ прибилъ,
И которыхъ висячихъ—всѣхъ оборвалъ.
И пріѣхалъ къ шатру къ Кунгуру царю,
Разбилъ его въ крохи .....
А достальныхъ Татаръ домой отпустилъ.

И поѣхалъ Константинушка ко городу Угличу.
Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ *),
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Сильна могуча богатыря,
Съ кѣмъ побиться-подраться и поратиться.
А Углицки мужики были лукавые,
Городъ Угличь крѣпко заперли,
И взбѣгали на стѣну бѣлокаменну,
Сами они его обманываютъ:
«« Гой еси, удалой доброй молодецъ!
«« Поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну,
«« А и пѣту у насъ царя въ ордѣ, короля въ Литвѣ,
«« Мы тебя поставимъ царемъ въ орду, королемъ въ
Литву.»»
У Константинушки умокъ молодешенекъ,
Молодешенекъ умокъ, зеленешенекъ.
И здавался на ихъ слова прелестныя,
Подъѣзжалъ подъ стѣну бѣлокаменну:
Они крюки-багры заметывали,
Подымали его на стѣну высокую
Со его добрымъ конемъ.
Мало время замѣшкавши,
И связали ему руки бѣлыя
Въ крѣпки чембуры шелковые;
И сковали ему ноги рѣзвыя,
Въ тѣ ли желѣза Нѣмецкія;
Взяли у него добра коня

*) Перемахивалъ участки (хоботы) величиною съ цѣлый темный лѣсъ.—*О.*

И взяли палицу мѣдную,
А и тяжку литу въ триста пудъ;
Сняли съ него платье царское цвѣтное
И надѣвали на него платье опальное, будто тюремное;
Повели его въ погребы глубокіе,
Мѣсто темной темницы;
Только его посадили молодца,
Запирали дверями желѣзными
И зысыпали хрящемъ, пески мелкими.
Тутъ десятники засовалися,
Бѣгаютъ они по Угличу,
Спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Левандовича:
И которыя подъ царя пригодилися,
И проѣхалъ тутъ онъ царь Саулъ
Во свое царство въ Алыберское.

Царица его царя встрѣтила,
А и молода Елена Александровна;
За первомъ поклономъ царь поздравствовалъ:
«Здравствуй ты, царица Азвяковна,
«А и ты молода Елена Александровна!
«Ты осталася черевоста:
«Что послѣ меня тебѣ Богъ далъ?»
Втапоры царица заплакала,
Сквозь слезы едва слово выговорила:
— Гой еси, царь Саулъ Левандовичь!
— Вскорѣ послѣ тебе Богъ сына далъ,
— Попъ приходилъ со молитвою,
— Имя давалъ Константинушкомъ.—
Царь Саулъ Левандовичь
Много ли царицу не спрашиваетъ,
А и только онъ слово выговорилъ:
«Конюхи вы мои, приспѣшники!
«Сѣдлайте скоро мнѣ добра коня,
«Которой жеребецъ стоитъ тридцать лѣтъ.»
Скоро тутъ конюхи металися,
Осѣдлали ему того добра коня,
И беретъ онъ царь свою збрую богатырскую,
Беретъ онъ сабельку острую и копье мурзамецкое.

Поѣхалъ онъ скоро ко городу Угличу.
А тѣ же мужики Угличи, извощики,
Съ нимъ ѣхавши разсказываютъ,
Какого молодца посадили въ погребы глубокіе,
И сказываютъ, каковы коня примѣты,
И каковъ былъ молодецъ самъ.
Втапоры царь Саулъ догадается,
Самъ говорилъ таково слово:
«Глупы вы мужики, неразумные!
«Не спросили удала добра молодца
«Его дядины *), отчины;
«Что онъ прежде того
«Не мало у Кунгура царя силы порубилъ:
«Можно за то вамъ его благодарити и пожаловати;
«А вы его назвали воромъ-разбойникомъ,
«И оборвали съ него платье цвѣтное,
«И посадили въ погреба глубокіе,
«Мѣсто темной темницы!»
И мало время понзойдучи,
Подъѣзжалъ онъ царь ко городу Угличу,
Просилъ у мужиковъ Угличевъ,
Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Которой сидитъ въ погребахъ глубокіихъ.
А и тутъ мужики Угличи
Съ нимъ со царемъ заздорили,
Не пущаютъ его во Угличь градъ,
И не сказываютъ про того удала добра молодца:
«« Что, де, у насъ нѣтъ такого и не бывало.»»
Старики тутъ вмѣстѣ соходилися,
Они думали думу единую,
Выводили тутъ удала добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣдну литу въ триста пудъ,
И его платьице царское, цвѣтное:

*) Дѣдины.—*О.*

Наряжался онъ младой Константинушка Сауловичь
Въ тое свое платье царское, цвѣтное;
Подошелъ Константинушка Сауловичь
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Сталъ свою родину разсказывати.
А и царь Саулъ спохватается,
А и беретъ его за руку за правую,
И цѣлуетъ его во уста сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милое,
«Младой Константинушка Сауловичь!»
А и втапоры царь Саулъ Леванидовичь
Спрашиваетъ мужиковъ Угличевъ:
«Есть ли у васъ мастеръ заплечной *) съ подмастерьями?»
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и къ царю привели.
Царь Саулъ Леванидовичь
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные во Угличѣ.
И садился тутъ на свои добры кони,
Поѣхали во свое царство въ Алыберское.

И будетъ онъ царь Саулъ Леванидовичь
Во своемъ царствѣ въ Алыберскомъ,
Со своимъ сыномъ младымъ Константинушкомъ Сауловичемъ,
И съѣхался со царицею, обрадовался.
Не пива у царя варить, не вина курить:
Пиръ пошелъ на радостяхъ,
А и пили да ѣли, потѣшалися;
А и день къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
И гости отъ царя разъѣхалися.

Тѣмъ старина и кончилася.

—

Конецъ пѣсень 3-го выпуска.

*) Палачь.—*О.*

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 3-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ЗАМѢТКА *).

Съ началомъ положительной русской исторіи, при развитіи слагающагося міра-народа, мало по малу опредѣлялись въ немъ разные *слои*, которые впрочемъ слѣдуетъ строго различать отъ *сословій*, ибо къ послѣднимъ наша древняя исторія питала рѣшительное отвращеніе, и у всѣхъ Славянъ появленіе сословій было всегда вѣрнѣйшимъ признакомъ извращенія народности, гибели самостоятельности или по крайности мучительнаго перелома.

Земская дружина, въ смыслѣ выборныхъ для защиты, огражденія или расширенія дѣйствій Земли и Земщины, слагается также изъ разныхъ слоевъ народа. Во главѣ ихъ такъ называемые *Богатыри*, различные, смотря по различію слоя, изъ котораго они выходятъ.

Сообразно съ симъ, древнѣйшее народное Былевое творчество, вокругъ Владиміра, въ рядахъ Земской Дружины, на богатырскихъ заставахъ и главнѣйшихъ точкахъ тогдашней жизнедѣятельности, выводитъ передъ наши взоры *Богатырей разныхъ слоевъ:* мы видѣли доселѣ Богатыря-Крестьянина, главнаго, потомъ Богатыря-Боярина, Поповича, Дьяка.

Теперь является намъ богатырь — *Гостиный сынъ*, сынъ гостя или торговца. Какъ народное творчество, желая въ Земской Дружинѣ или богатыряхъ очертить намъ силу молодую, силу движенія, не беретъ богатыря изъ *основы* извѣстнаго слоя, не выводитъ, напримѣръ, попа, и даже вмѣсто князя и боярина употребляетъ охотнѣе названіе «княжескаго» или «боярскаго сына (ср. пѣсни о Дюкѣ Степа-

*) Въ 3-мъ выпускѣ мы не помѣщаемъ въ Приложеніяхъ особой сказки, потому, что въ Замѣтку вошло и безъ того много выдержекъ изъ разныхъ сказокъ.

повичѣ),» такъ точно является и Сынъ Гостиной, какъ *отрыскъ, побѣгъ* гостинаго или торговаго слоя. Въ былевой пѣсни схвачена только одна сторона его удальства: хвастовство конемъ, тою охотою, которою всегда и вездѣ отличались богатые торговцы. Предметъ не малой важности для исторіи первобытной, успѣхи коня волновали не одну Грецію, не одинъ Римъ: отъ Кіева до Чернигова волнуется вся земля; въ закладъ входятъ князья и бояре, и гости-корабельщики; цѣлая область Черниговская, въ лицѣ своего Владыки, споритъ съ Кіевскою, съ княземъ Владиміромъ; послѣ побѣды, Черниговцы захватываютъ въ полонъ Днѣпровскіе корабли съ заморскими товарами — награда побѣдителя, и, захвативши товары, имущество, хвалятся какъ торговцы, забравшіе въ руки самое сильное орудіе дѣйствительности: послѣ этого, говорятъ они, « князи и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ. » — При ближайшемъ разсмотрѣніи, *Иванъ Годиновичь*, отличенный только отчествомъ какъ сынъ Година, является другою стороною того же Ивана сына Гостинаго; ниже мы должны будемъ войти въ большія подробности объ этихъ любопытнѣйшихъ лицахъ.

За Гостинымъ сыномъ слѣдуетъ богатырь-*Ловчанинъ* или ловчій, охотникъ. Его служба—охота, и самое средство для его гибели выбрано въ той же службѣ: желая его сбыть, ему кладутъ урокомъ—ѣхать на Буянъ островъ, убить звѣря лютаго-сивопрянаго, цымать птичку бѣлогорлицу. Занятіе охотою опять не маловажное для тогдашней жизни; въ ней непремѣнно долженъ былъ явиться слой подвиговъ и подвижниковъ по этой части: вспомнимъ, что пѣсни застаютъ Владиміра частехонько за охотою; что для того были у него особые « потѣшные луга и острова; » что здѣсь же, по лугамъ, рѣкамъ, лукоморьямъ и тихимъ заводямъ, встрѣчаемъ мы безпрестанно богатырей за тѣмъ же промысломъ; Олегъ выражаетъ хитрость-мудрость свою счастливыми ловами; ловъ Свѣнальдича открываетъ драму временъ Олега, Ярополка и Владиміра; первые князья и княгини простираютъ по землѣ русской, вмѣстѣ съ сѣтью погостовъ и перевѣсищь, свои ловища; Владиміръ Мономахъ въ Поученіи со всею страстью посѣдѣвшаго охотника пересчитываетъ свои подвиги въ этомъ родѣ: отсюда же занимаетъ Слово о полку Игоря столько живѣйшихъ красокъ ; отсюда , по преданіямъ изъ рода въ родъ , господство охоты при всѣхъ Московскихъ увеселеніяхъ царскихъ, отсюда царь Алексѣй, не послѣдній изъ страстныхъ охотниковъ, и его Уряд-

никъ Соколиной охоты, и т. д., и т. д.—Но подвиги Даниды Ловчанина загораживаются въ пѣсняхъ величавымъ образомъ жены его Василисы Микулишны. Это старшая дочь знаменитаго, впрочемъ такъ еще недавно выяснившагося для насъ, представителя Земли, Микулы Селяниновича. Изъ крестьянскаго быта, изъ семьи пахаря вынесла эта женщина величайшую изъ человѣческихъ силъ, силу самопожертвованія, силу—положить жизнь въ жертву за другаго. Едва ли какое произведеніе какой бы то ни было народной словесности, если взять отдѣльную пѣсню, а не рядъ ихъ, какъ рядъ на примѣръ пѣсень, сцѣпленныхъ въ Одиссею, превзойдетъ своею драматической силой эту русскую пѣсню, гдѣ жена падаетъ на трупъ мужа добровольною жертвой супружеской любви и вѣрности, этой женственной честности брака. Но по тому же самому, по этой высотѣ драматизма, пѣсня, о которой идетъ дѣло, всегда останется особнякомъ среди нашего былеваго творчества; никто не заподозритъ ея народности или самобытности: ея собственный строй разрываетъ спокойное теченіе былеваго творчества и выдѣляетъ ее изъ эпопеи Владиміровой въ драму времени болѣе развитаго, представляя готовое содержаніе даже творчеству позднѣйшему. Такой судъ не принадлежитъ намъ однимъ: онъ произнесенъ уже самимъ былевымъ творчествомъ русскаго народа. Тонкое въ высшей степени по своему художественному чутью, дошедши до предѣла, гдѣ уже предстоялъ выходъ къ драмѣ, оно возвратило героевъ снова на почву Были и Былины: Василиса сдѣлана женою Ставра, и въ этомъ новомъ положеніи, сохранивъ всю силу самопожертвованія, она спасаетъ тѣмъ своего мужа, вразумляетъ Владиміра, и былевое творчество входитъ въ свою привычную колею, на свою покойную дорогу. Въ такомъ видѣ перешло имя Василисы и въ сказки: когда мы будемъ говорить о пѣсни Ставра, мы приведемъ близко соотвѣтствующія мѣста сказокъ, о Василисѣ Поповой, Василисѣ Прекрасной, Василисѣ Золотой Косѣ.

Трудно рѣшить при настоящихъ данныхъ, имѣло ли въ виду творчество сопоставить богатыря *Даниду Игнатьевича* съ Даниломъ Ловчимъ. Если оно спасло мужа Василисы, посредствомъ пѣсни о Ставрѣ, то Данило Игнатьевичъ можетъ быть продолженіемъ того же Даниды Ловчаго, на закатѣ дней его, когда, разставшись съ женою, постригся онъ въ монастырь (по пѣсни живутъ они врозь: такъ часто въ нашей исторіи полюбовно расходились въ старости своей супруги, чтобы остатокъ дней посвятить одному Богу). Какъ бы то

ни было, эта пѣсня—отрывокъ сказаній о послѣднихъ дняхъ нѣкогда грознаго и страшнаго богатыря: будемъ ожидать открытія пѣсень о былой его славѣ; въ настоящемъ видѣ своемъ, онъ принадлежитъ другому, особому слою Земской, или лучше, Земско-дружинной жизни. Живя при монастырѣ и только по необходимости выходя отсюда на подвиги, преклонный лѣтами, но еще могучій остаткомъ силы, въ огромномъ колпакѣ, съ каличьею клюкою въ сорокъ пудовъ вѣсомъ, онъ то же, что Старчище Пилигримище въ Новгородѣ (извѣстный по пѣснямъ о Васильѣ Буслаевѣ [1], онъ тожественъ съ *Калѣками Перехожими*.

Эти послѣднія лица, въ особыхъ былевыхъ пѣсняхъ, у насъ помѣщенныхъ, представляютъ намъ еще новый слой тогдашней жизни, занесенный и въ творчество. *Сорокъ каликъ со каликою, старцы* по названію, хотя они иногда и молоды лѣтами, *сильные, безобразные* и *пьяные*—опять не всегда въ дѣйствительности, а въ народномъ представленіи и такъ сказать по службѣ и исповѣданію, полные представители былыхъ временъ, стихій слагавшагося вѣросознанія, кочевья, спасшіеся для новой жизни подъ условіемъ быть странниками по святымъ мѣстамъ и носителями народнаго творчества, въ особенности Стиховъ духовныхъ, они вынесли изъ пройденной эпохи, и удержали еще по характеру тогдашней жизни, громадные и величавые размѣры: они также богатыри, хотя совершенно особаго склада: отъ ихъ зычнаго голоса падаютъ верхи съ теремовъ: отъ ихъ прошенія милостыни, скорѣе похожаго на требованіе, вздрагиваютъ слушающіе; ихъ гуня по тысячѣ пудъ; ихъ колпакъ—дорожный колпакъ земли Греческой, иногда просто церковный колоколъ: ихъ тяжелую клюку просятъ часто на подержаніе самые сильные богатыри; ихъ переметная сума, знамя кочевой жизни, подшита бархатомъ; ихъ лапти пролетены шолкомъ и золотомъ. Въ Новгородѣ, а по его образцу вѣроятно и въ другихъ большихъ городахъ, они составляли особую часть городскихъ обывателей, свою сотню, *Сляпчево сто;* отъ ихъ кочеваній и передвиженій охали всѣ мыслящіе люди древней Руси, начиная съ Нифонта; отъ яствъ, для нихъ готовившихся, ломились монастырскіе столы; отъ нихъ огораживались братчины, чтобы не ѣли и не пили они « сильно; » отъ кормовъ ихъ, этихъ сладкихъ кануновъ, крякхтѣли доброхотные дателн; въ югозападныхъ областяхъ, при запосномъ устройствѣ, они завели было свои *Старечьи цѣхи*. Однимъ словомъ, пока, силою развивавшихся Христіанскихъ понятій, эти лица доведены

до скромнаго и уже невиннаго образа нынѣшнихъ Слѣпцовъ, питаемыхъ народомъ за сохраненіе отрывковъ изъ древняго Духовнаго творчества, пока дожили они до нашего времени и уже вымираютъ на глазахъ нашихъ, дотолѣ долго и долго хранили они заданный изъ стари строй и складъ, по которому не рѣдко встрѣчали ихъ словами: «Не калики есте перехожія, есть вы русскія могучія богатыри;» слышались и другіе голоса: «Не калики то ходятъ перехожія, разбойники ходятъ, грабежники.» Въ этой еще древнѣйшей, могучей силѣ, въ этихъ и величавыхъ, и громадныхъ, порою и чудовищныхъ образахъ очерчены намъ лица Калѣкъ предложенными пѣснями. Мы еще возвратимся къ нимъ, когда придется ближе познакомиться съ главою ихъ, богатыремъ *Потыкомъ Михайломъ Ивановичемъ:* тогда будетъ у насъ случай замѣтить, какъ эти образы, близкіе къ Владиміровымъ богатырямъ, имѣютъ и другую сторону; какъ разсказъ о калѣкахъ въ своей завязкѣ близокъ къ Стихамъ объ Іосифѣ Прекрасномъ, и какъ всѣ эти лица, представители особаго слоя жизни изъ поры Владиміровой, тонкостію народнаго творчества не выводятся однако какъ постоянная сила Земской жизни, а только со стороны, мимоходомъ, врываются въ нее и въ Кіевъ съ другой, болѣе важной для нихъ дороги.

Мы пока не помѣщаемъ особыхъ пѣсень о *Хотинѣ Блудовичѣ* и *Чурилѣ Плёнковичѣ*. Первый изъ нихъ богатырь-Бояринъ, хотя и глубоко отличный отъ Добрыни: его исторія есть начало и зародышь послѣдующаго Мѣстничества, борьбы сословій, пытавшихся подняться изъ народа; онъ выведенъ на сцену благодаря спору матерей, посчитавшихся родами, заслугами отцовъ, воспитаніемъ дѣтей, средствами ихъ жизни; это уже внутренняя исторія древняго города, скорѣе накипь разбогатѣвшей и досужей столичной жизни. Такую же сторону берутъ и пѣсни о Чурилѣ: если кто можетъ служить образцемъ древняго горожанина и посадскаго человѣка, въ его обыденности, возведенной однако творчествомъ въ богатырство, то это онъ, богатырь-*Горожанинъ*, богатырь-*Посадскій*, досужій щеголь древней Руси, краса игръ, хоровода, бесѣдъ и посидѣлокъ, зазноба молодицъ и дѣвушекъ, гроза старыхъ мужей, прислужникъ и потаковникъ княжескій, завистникъ и ругатель заѣзжихъ молодцевъ. Если мы прибавимъ еще этотъ слой городской, посадской жизни къ помянутымъ выше,—вотъ все, что передала намъ былевая пѣсня о составѣ Земли и ея богатырской Дружины; и мы можемъ прибавить, едва ли исто-

рія по лѣтописямъ и актамъ возсоздастъ намъ слои древнѣйшей жизни яснѣе и ярче этихъ образовъ былевой пѣсни. Только Казачество съ его пѣснями, до которыхъ намъ еще далеко, можетъ дополнить картину, но уже для времени болѣе поздняго, съ характеромъ уже много измѣнившимся.

Теперь обратимся къ богатырямъ другаго рода, о которыхъ предложены пѣсни въ 3-мъ выпускѣ. *Дунай Ивановичь*, прозвищемъ *Тихій*, собственнымъ своимъ именемъ напоминаетъ ту древнѣйшую пору, когда Русскіе Славяне, за одно съ прочими своими братьями, жили еще при Дунаѣ; сказаніе о смерти его, давшей имя рѣкѣ, роднитъ его также съ богатырями Старшими, именно съ Суханомъ или Сухманомъ; онъ достаетъ Владиміру знаменитую жену Апраксію и, стало быть, предшествуетъ эпохѣ Владиміровой, когда эта соблазнительная личность начинаетъ играть важную роль во всѣхъ почти пѣсняхъ; однимъ словомъ, *по происхожденію*, это богатырь *Старшій*, и какъ такой, ставится иногда на ряду съ Самсономъ, Святогоромъ, Колываномъ (ср. 1-й выпускъ, стр. 60). Но творчество совершенно почти забыло его древность и пріурочило его къ богатырямъ Владимірова времени, передѣлавши даже самого его, на почвѣ обособившейся Руси, въ *Дона*, а жену его въ *Днѣпру* (ср. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, и у насъ вып. 1-й, стр. 60): быть можетъ самая отвлеченность имени, снятаго съ рѣки, была тому причиною. Какъ бы то ни было, онъ стоитъ совершенно въ ряду Ильи, Добрыни, Алёши и даже прочихъ. Только лишь порою творчество даетъ замѣтить, что онъ не исконный житель земли Кіевской, что онъ явился со стороны, что онъ принадлежалъ до появленія на Руси и другимъ племенамъ — Славянскимъ, служилъ многимъ царямъ, многимъ королямъ. Здѣсь переходъ къ богатырямъ *Заѣзжимъ*.

Кромѣ *Мѣстныхъ* богатырей, дѣйствующихъ постоянно вокругъ Владиміра и Кіева, при Владимірѣ и въ Кіевѣ, собравшихся сюда изъ разныхъ слоевъ тогдашней Земли, изъ разныхъ областей, для постояннаго житья «на богатырской заставѣ,» есть еще богатыри *Заѣзжіе*, изъ областей и племенъ, не подвластныхъ Кіеву и Владиміру. Нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавши, оставались здѣсь навсегда: таковъ *Михайло Казариновъ* или Козаринъ, изъ Козаръ, о которомъ скажемъ еще послѣ; другіе, на примѣръ *Соловей Будимировичь* и

Дюкъ Степановичь, показывались только на время, чтобы блеснуть передъ Владиміромъ славою своего края, похвастать богатствомъ, поискать русскихъ невѣстъ. О Соловьѣ будемъ мы говорить впослѣдствіи: теперь перейдемъ къ Дюку.

Дюкъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ «изъ за горъ высокихъ,» «изъ Волынца красна Галичья,» «изъ славнаго богатаго Волынъ-города,» «изъ странъ порубежныхъ, по отдаленности называемыхъ часто въ пѣсняхъ Карелою и Пидіею: здѣсь нужно видѣть Русь *Галицкую*, гдѣ онъ былъ «княженецкимъ» или «боярскимъ сыномъ.» Но тамошняя Русь черезъ Угровъ познакомилась рано съ западными пріемами, обычаями, названіями, роскошью: онъ *Дюкъ*, т. е. конечно *Дюкъ*, герцогъ (ср. у Славянъ имя *Дука*, область *Дукадинъ—ducatus*, *Герцеговину*); его пріемы рыцарскіе, образъ жизни болѣе изящный или изысканный, удивляющій Владиміра, богатырей, весь Кіевъ. Любопытный образчикъ, какъ дѣйствовало на простоту нашихъ домосѣдовъ впечатлѣніе иностранныхъ приманокъ еще въ ту пору: Русь поражена домомъ Дюка и не находитъ достаточно красокъ для описанія богатства и роскоши.

Наконецъ въ эпоху Владиміра, внѣ Кіева, не касаясь Новгорода и еще до Москвы, полюютъ по сторонамъ областямъ Руси и другіе богатыри. Такова область *Суздальская* или вообще *Суздальщина*, въ самыя первыя времена, обозначенныя именемъ Владиміра, еще не привѣтливавшаяся въ составъ Руси Княжеской. Въ нашихъ пѣсняхъ (вып. 3, стр. 10), богатыри Кіевскіе горюютъ и жалуются, что въ Кіевѣ, «въ слободѣ Ерусалимской,» отведенной для пришельцевъ и заѣзжихъ людей, «нѣтъ молодцевъ удалыхъ *Суздальцевъ*.» Каковы должны быть эти удальцы Суздальцы? Издревле сторона ихъ — сторона мелкихъ торговыхъ промысловъ; издревле ея жители—разнощики и развощики красныхъ и такъ называемыхъ галантерейныхъ товаровъ; какъ Аоеи или Ооеи, они въ переходахъ своихъ выработали даже извѣстный искуственный языкъ, нужный имъ для мелкихъ торговыхъ сдѣлокъ и скрытныхъ переговоровъ, занесъ въ него, конечно черезъ Дунайскія и Задунайскія страны, множество словъ греческихъ; таковы они даже доселѣ (по нѣкоторымъ уѣздамъ, особенно Владимірской губерніи), они, развившіе въ народѣ свой особый вкусъ, отъ иконъ до всякихъ узоровъ, извѣстный подъ именемъ *Суздальскаго*. Кромѣ того, въ

древности они являются особенно торговцами по *Сурожу*, *Сурожскому* или *Суровскому*, т. е. Азовскому морю; потому въ пѣсняхъ подобный удалецъ называется обыкновенно по роду *Суздалецъ*, по промыслу и занятію *Суроженинъ* или *Суровецъ*. Это сынъ Гостиный, сынъ торговца, и самъ торговецъ, но любопытно—шелковыми товарами, а шелкъ — *сырецъ* или *суровецъ*, латинск. *sericum;* до сихъ поръ въ Москвѣ рядъ съ шелковыми товарами сохранилъ имя *Суровскаго*. Открыть связь между *Сурожемъ* и *сырцомъ*, *Суровскими* товарами и латинск. *sericum*, — дѣло не столько филолога, который можетъ указать лишь на яркую близость словъ, сколько историка. Какъ бы то ни было , только подвиги Суздальца, отрывкомъ уцѣлѣвшіе въ пѣсни, стоятъ совершенно внѣ Кіева; они близки къ подвигамъ другихъ заѣзжихъ и сторонніхъ удальцевъ, Дюка, Михайлы Казаринова, королевичей изъ Крякова (ср. Пѣсни, собр. П. Н. Рыбник.). Достаточно того, что и Суздальца древняя былевая пѣсня съумѣла возвести въ богатырство. Вотъ еще отрывокъ изъ сборника Кирши, не вошедшій въ нашъ выпускъ именно по причинѣ своего отрывочнаго склада, несовмѣстнаго съ стройною былиной; сперва запѣвъ былевой пѣсни (1), потомъ другой запѣвъ — шуточная передѣлка Стиха Іерусалимскаго (2), и наконецъ какое-то событіе безъ всякой связи (3):

1. Высока ли высота—поднебесная;
Глубока глубота—Океанъ море;
Широко раздолье—по всей земли;
Глубоки омуты—Днѣпровскіе;
Чуденъ крестъ—Леванидовской;
Долги плеса—Чевылецкіе;
Высокія городы—Сорочинскія;
Темны лѣса—Брынскіе;
Черны грязи—Смоленскія;
А и быстрыя рѣки—Понизовскія.

2. При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ,
При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Черницы по дорогамъ—разбойницы,
Сынъ съ отцемъ на судъ идетъ,

Братъ на брата съ боемъ идетъ,
Братъ сестру за себя емлетъ.

3. Изъ далеча, чиста поля,
Выскакалъ тутъ, выбѣгалъ
Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
Богатаго гостя Заморенина сынъ *).
Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Себѣ сильна-могуча богатыря,
Побиться, подраться, порататься **),
Силы богатырски проотвѣдати ***),
А могучи плечи пріоправити.
Онъ бѣгалъ-скакалъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ ****);
Не нашелъ онъ въ полѣ сопротивника,
И поѣхалъ ко городу Покидошу *****).

Во славномъ городѣ Покидошѣ,
У князя Михайлы Ефимонтьевича,
У него князя почестной пиръ.
А и тутъ молодцу пригодилося,
Приходилъ на княженецкой дворъ,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Великому князю поклоняется.
А князь Михайло Ефимонтьевичь
Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Подаетъ ему, доброму молодцу,
А и самъ говорилъ таково слово:
«Какъ, молодецъ, именемъ зовутъ,
«Какъ величать по изотчеству?»
Сталъ, молодецъ, онъ разсказывати:

---

*) Сынъ Гостиный, сынъ гостя, Заморскаго, ходившаго за море, и самъ таковъ же.

**) Вѣроятно «поратиться.»

***) Или «поотвѣдати», или «проповѣдати, провѣдати.»

****) Объясненіе этого выраженія см. выше, вып. 3, стр. 3, 121, въ примѣч.

*****) *Кидешъ*, *Кидишъ* ср. вып. 1, стр. 79.

— Князь, де, Михайло Ефимонтьевичь!
— А меня зовутъ, добра молодца,
— Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
— Богатаго гостя Замореннъ сынъ.—
А и тутъ князю то слово полюбилося:
Посадилъ его за столы убраные,
Въ ту скамью богатырскую,
Хлѣба съ солью кушати
И довольно пити, прохлаждатися.

Остается сказать о пѣсни *Саулъ Левандовичь*. Хотя изъ этого имени передѣлано на Татарскій ладъ «Сауръ Вандовичь,» хотя въ пѣсни, у насъ подъ № 2-мъ, выставленъ Угличь, вообще переведено все на русскую мѣстность, а самая былина, по своему складу указываетъ на одинакую древность происхожденія съ былинами времени Владиміра: но всякого останавливаетъ первый уже вопросъ — какой же тогда могъ быть на Руси «царь», притомъ православный (такъ онъ описывается)? И пѣсня подъ № 1-мъ отчасти выводитъ насъ изъ затрудненія, давая знать, что это царство имѣло дѣло по одну сторону съ царствомъ «Латинскимъ,» по другую съ «Сарачинскимъ,» да и самое поприще дѣйствій для царскаго сына *Константина* назначается въ землѣ «Сарачинской.» Такимъ царствомъ была въ то время только Грецiя, или, лучше, Византія; такимъ царемъ или царевичемъ православнымъ вић Руси могъ быть только Византійскій государь, Константинъ, Самуилъ, Мануилъ, и т. п., съ женою, которая въ пѣсни названа *Еленою*. Поэзія южныхъ Славянъ, выводя часто греческихъ царей, обыкновеннѣе называетъ ихъ *Константинами;* и у насъ, въ Духовныхъ Стихахъ, почти всякой царь православнаго Востока есть непремѣнно *Константинъ Самойловичь* или *Константинъ Сауйловичь*, а въ одной любопытной дѣтской пѣсни разсказывается нѣчто подобное объ неожиданномъ рожденіи царицею «царя Константина *).» Мы не сомнѣваемся почти, что

*) Дѣтскія пѣсни крайне важны; въ одной изъ нихъ покойный Предсѣдатель Общества А. Ст. Хомяковъ открылъ описаніе отношеній Тіуна (княжескаго) и Владыки: см. Моск. Сборникъ 1832 г., стр. 322. Не менѣе любопытна и слѣдующая пѣсня (изъ сборника П. А. Безсонова):

Туру, туру, пастушокъ!
Далеко ли отошелъ?

все это — отрывки преданій, занесенныхъ изъ тогдашней Греціи и только привитыхъ къ Руси посредствомъ передѣлки; будемъ ожидать разъясненія отъ дальнѣйшихъ открытій.

Въ этой же надеждѣ на будущее, при пѣснях 3-го выпуска ставили мы вездѣ «Отдѣлъ I-й,» хотя II-го пока еще нѣтъ: но если въ наше время возможны такія открытія въ народной русской словесности, какія представилъ намъ недавно посвященный Обществу Любителей Р. Словесности Сборникъ П. И. Рыбникова, то не позволительно ли ожидать, что отрывки нашихъ былинъ успѣютъ еще значительно пополниться новыми трудами собирателей?

*

Мы обѣщали возвратиться къ Ивану Гостиному сыну и Ивану Годиновичу, или, говоря короче, къ *Ивану-богатырю:* это тѣмъ болѣе необходимо намъ, что здѣсь же, при случаѣ, опредѣлимъ мы отношенія Былины къ Сказкѣ, вопросъ, котораго, раньше или позже, намъ никакъ нельзя миновать при изданіи.

При всемъ томъ, что былины объ Иванѣ-богатырѣ крайне отрывочны, лице это до такой степени многозначительно, что въ состояніи приковать глубочайшее вниманіе, и на глазахъ нашихъ возникъ объ немъ и перешелъ было въ литературу самый горячій споръ между наиболѣе умѣреннымъ (а потому наиболѣе надежнымъ) русскимъ миѳологомъ, Д. И. Шепингомъ, и К. С. Аксаковымъ: первый готовъ былъ видѣть въ немъ полнаго представителя

«Отъ поля до моря,
«До Кіева города
(Разпорѣчіе—Далеко ли ты пасешь
Отъ Кіева города?).»
Что царь дѣлаетъ?
«Туру ногу (испорчено) пишетъ,
«На золотомъ стулѣ,
«На серебряномъ блюдѣ.
«Стулъ подломился,
«Царь покатился:
«Жена его Марья
«Сына породила.»
А какъ ему имя?
«Царя Костянтина.»

русской жизни, олицетвореннаго въ народномъ творчествѣ; второй, разумѣется, не уступалъ этой чести, подобающей Ильѣ Муромцу *).

Какъ бываетъ большею частію, истина остается между рѣшеній крайнихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иванъ-богатырь имѣлъ, и мы знаемъ — доселѣ имѣетъ для Руси значеніе огромное. Имя Ивана — самое любимое у Русскихъ: пословица шутитъ надъ этой любовью, заставляя горевать женщину — «Горе мое, горе, что мужь Григорій; хоты бы болванъ, да Иванъ.» Послѣ сказокъ и былинъ, раскройте всѣ другіе русскія пѣсни: всюдѣ любимый герой Ванюша. Царство растительное окрашено самыми живыми сказаніями по поводу цвѣтка — «Иванъ да Марья.» Есть много основаній думать, что имя это зачалось въ языкѣ своимъ самостоятельнымъ путемъ еще въ язычествѣ: необъясненное доселѣ *Эванъ* Орако-пеласгическихъ *Сабацій*, повторяемое доселѣ въ празднованіи западно-славянскихъ *Соботекъ*, видимо подходитъ къ христіанскому имени *Ивана* въ соотвѣтствующемъ у юго-восточныхъ Славянъ торжествѣ женственной *Купалы*, которая въ свою очередь сближаетъ съ одной стороны праздникъ *Кивелы* или *Кувелы* (греч. υ соотвѣтствуетъ у насъ краткому у) съ Сабаціями, а съ другой, въ христіанское время, перешла на день Ивана Крестителя. Многочисленныя народныя сказанія объ Иванѣ Крестителѣ, окрашенныя рѣзкими чертами язычества, ввели это имя у южныхъ Славянъ также въ самое развитое употребленіе и дали покойному Ю. И. Венелину основательный поводъ доказывать, что у Болгаръ и Сербовъ названіе *Ивана* опережаетъ времена христіанскія, вырождаясь изъ названія *Ивы*, какъ *Вербанъ*, *Славянъ*, *Драганъ*, *Цвѣтанъ*, *Миланъ*, и т. п. Какъ бы то ни было, но сіе время имя *Иванъ* у насъ почти что нарицательное, общее, готовое собою замѣнить каждое: вспомните, что всякой возница, или, лучше, всякой, кому не знаемъ личнаго имени, *Ванька*. Отъ того же вся Русь окрещена у Болгаръ однимъ общимъ именемъ *Ивана*: «дѣдо Иванъ, чичё (дядюшка) Иванъ.» Но названіе русскаго Ивана-богатыря перешло и за предѣлы Славянскіе; въ заносной отъ сопредѣльныхъ народовъ сказкѣ объ Еруданѣ Лазаревичѣ, «Иванъ русской богатырь» является богатыремъ страшнымъ и общеизвѣстнымъ; его отправляется искать Еруданъ:

---

*) Статья г. Шепинга, которою поднятъ вопросъ, помѣщена была въ Москвитянинѣ 1852 г., № 21; К. С. Аксаковъ обратился къ Московскимъ Вѣдомостямъ.

«И ѣхалъ мѣсяцъ, и другой, и третій, ажно наѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ чистѣ полѣ рать-силу побитую, и ѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ тое ратное побоище, и крикнулъ громко голосомъ: ««Есть ли въ сей рати живъ человѣкъ.., чья рать-сила побитая, и кто ее побивалъ?»» И говоритъ ему живъ человѣкъ: ... — Та рать-сила побитая лежитъ Ѳеодула царя змія, а побивалъ ее князь Иванъ руской богатырь, а доступаетъ у него прекрасной царевны Кондуріи Ѳеодуловны, а и ищетъ ее за себя взять неволею. — И говоритъ ему Ер. Лаз.: ««Брате, живъ человѣкъ! Далече ли его сустигать?»» И говоритъ ему живъ человѣкъ: — Государь Е. Л.! Не далече его съѣжжать, князя Ивана рускаго богатыря: обьѣдь ты сію рать-силу побитую, и увѣдаешь коней слѣдъ. — И Е. Л. обьѣхалъ рать-силу побитую, и нашелъ ступь коневью и копытъ *), скакано зъ горы на гору, долы и подолки вонъ выметываны **). И Е. Л. поѣхалъ тѣмъ же путемъ, и сталъ скакать съ горы на гору, долы и подолки вонъ выметывалъ. И говоритъ самъ себѣ: ««Конь коня лутче, а молодецъ молодца и давно удалѣя!»» И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, и наѣхалъ въ чистѣ полѣ—шатеръ стоитъ, а у шатра доброй конь стреноженъ, на бѣлой полстѣ ***) зоблетъ бѣлоярую пшеницу. И Е. Л. припустилъ добра коня Араша вѣщаго къ тому коню, а самъ пошелъ въ бѣлъ шатеръ: ажно въ бѣлѣ шатрѣ опочиваетъ младъ молодецъ замертво. И Е. Л. вынялъ у себе саблю булатную, и хощетъ его скоро смерти предать; а самъ себѣ подумалъ: ««Не честь мнѣ будетъ, не хвала, что сонного убить: сонной человѣкъ, аки мертвой.»» И Е. Л. легъ опочивать въ шатрѣ, на другой сторонѣ, и уснулъ крѣпко. И князь Иванъ руской богатырь пробудился и вышелъ изъ шатра вонъ, и посмотрилъ на свой доброй конь: ажно его доброй конь далече отбитъ, и щипletъ траву въ чистомъ полѣ, а на бѣлой полстѣ чюжь конь незнаемой зоблетъ бѣлу-ярую пшеницу. И князь Иванъ руской богатырь вшедъ въ шатеръ, и посмотрилъ, ажно въ бѣлѣ шатрѣ, на другой сторонѣ, спитъ младъ молодецъ; и князь Иванъ руской богатырь, выня саблю булатную, хощетъ его смерти предати, а самъ себѣ подумалъ:—Не честь мнѣ будетъ, не

---

*) Вѣроятно «ископыть.»

**) Ср. у насъ въ пѣсняхъ: «широкія раздолья выметывалъ, хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ.» Таковъ именно, какъ ниже описывается, конь у Ивана Гостинаго сына.

***) Полости.

хвала молодецкая, сонпаго человѣка убити: сонной человѣкъ аки мертвой.—Учалъ будити: — Стань, человѣче, убудись, не для ради моего буженья, для ради своего спасенья! Не вѣдаеши, что не по себѣ товарища избираешь: за то рано напрасною смертію умрешь. За что лошадь свою къ чюжему корму припущаешь, а самъ не спросясь въ чужей шатеръ ходишь? за то люди напрасно много крови проливаютъ. И какъ еси тебя зовутъ по имени, и откуды ѣздишь, и какова отца сынъ?—И говоритъ ему Е. Л.: «« Господине, князь Иванъ руской богатырь! Язъ ѣду отъ Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь Лазаревичь, и мати у меня Епистимія, а меня зовутъ Еруслономъ; а добра коня къ чюжему корму припустилъ, что ему стоять безъ корму неудобно, а твоего коня прочь не отбивалъ; что ты говоришь, не гораздо ладно: когда бываютъ люди добрые, и они прежь худыхъ рѣчей пьютъ и ѣдятъ, и потѣшаются, въ чистѣ полѣ разъѣзжаются. Есть ли у тебя, князь Иванъ руской богатырь, чѣмъ вода черпати?»» И говоритъ ему князь Иванъ руской богатырь:— Есть у меня чара, чѣмъ вода черпати. — И говоритъ ему Е. Л.: «« Князь Иванъ руской богатырь! Когда тебѣ есть чѣмъ вода черпати, и ты почерпни воды и умойся, да мнѣ подай.»» И говоритъ князь Иванъ руской богатырь:—Е. Л.! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать: и ты дитя молодое. — А въ тѣ поры Е. Л. шти лѣтъ по седьмому году пошелъ. И говоритъ Е. Л.: «« Князь Иванъ руской богатырь! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать: не имавъ птицу, да теребишь, а добра молодца, не отвѣдавъ, да хулишь и хулу возлагаешь.»» И говоритъ Иванъ руской богатырь: — Я во князѣхъ князь, а въ боярехъ боярипъ, а ты казакъ: тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать.—И говоритъ ему Е. Л.: ««Язъ въ чистѣ полѣ богатырь, и у царей во дворѣ богатырь; а ты когда у царей во дворѣ, и тогда ты князь, а когда ты въ чистѣ полѣ, и тогда ты песъ, а не князь: тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать.»» И видитъ князь неминучую бѣду, и вземъ чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подалъ. И Е. Л. умылся и садился на своего добраго коня, и князь Иванъ руской богатырь поѣхалъ во всю пору лошадиную, и Еруслонъ поѣхалъ ступью бредучею; и понадогналъ Е. Л., и ударилъ своего добраго коня Араша вѣщаго по окорокамъ, и выпередилъ князя Ивана рускаго богатыря, и помолился: «« Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мнѣ, Господи, всякаго человѣка убить копьемъ, тупымъ концомъ! »» И оборотилъ

Еруслонъ свое долгомѣрное копье тупымъ концемъ, и ударилъ князя Ивана рускаго богатыря долгомѣрнымъ своимъ концемъ *), и выпихъ его изъ сѣдла вонъ; и Арашь, его вѣщей конь, наступилъ на долгоспѣшное **) ожерельеце. И обратилъ Е. Л. свое копье долгомѣрное острымъ концемъ, и хощетъ его смерти предать; и говоритъ ему князь Иванъ руской богатырь: — Государь Е. Л.! Не дай смерти, дай животъ: прежь сего у насъ брани не бывало, а и впредь не будетъ. — И Е. Л. слазилъ зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю, и принимаетъ его за правую руку, и цѣлуетъ его во уста сахарныя, и называетъ его братомъ. И поѣхалъ Е. Л. ко бѣлу шатру, ажно и братъ его за нимъ: и припустили своихъ добрыхъ коней къ одному корму, а сами пошли въ бѣлъ шатеръ, и учали пити и ясти, и веселитися. И какъ будутъ оба на веселіе ***), и говоритъ ему Е. Л.: «« Брате, князь Иванъ руской богатырь! Ѣхалъ я въ чистое поле, и наѣхалъ я—двѣ рати побитыя лежатъ: и кто ихъ побивалъ? »» И говоритъ князь Иванъ руской богатырь: —Та рать-сила побитая Ѳеодула царя змія, и побивалъ язъ, а доступалъ у него язъ прекрасныя царевны Кондуріи Ѳеодуловны, и хощу ея за себя взять; а сказываютъ, что ея краше на свѣтѣ нѣтъ; и въ завтра у меня будетъ останошной бой. И ты, Е. Л., стань въ сокровенномъ мѣстѣ, и посмотри моей храбрости, и потѣшайся.— Легли спать. И по утру, вставъ рано, князь Иванъ руской богатырь осѣдлалъ своего добраго коня и поѣхалъ въ чистое поле, а Е. Л. пошелъ пѣшь и сталъ въ сокровенномъ мѣстѣ, и учалъ смотрѣть. И какъ пріѣдетъ на князя Ивана рускаго богатыря Ѳеодулъ царь змія, конныхъ и вооруженныхъ отроковъ 30,000 по морю и по брегу, и не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди, напущаетъ Иванъ руской богатырь на рать Ѳеодула царя змія, и побилъ, и присѣкъ, и конемъ притопталъ 20,000, и самого Ѳеодула царя змія убилъ, и которые остались, люди малые и старые, и некому противъ Ивана рускаго богатыря выти. И взялъ князь Иванъ руской богатырь прекрасную царевну Кондурію Ѳеодуловну, и повелъ ее къ своему шатру, а достанная сила Ѳеодула царя змія воротилась къ своему царству ****). » За симъ продолжаются другіе

*) Копьемъ.

**) Драгоцѣнное.

***) На веселѣ.

****) Изъ «Памятниковъ стар. русск. литер.», 1860, вып. 2, по списку XVII в.

подвиги Еруслана, между которыми впрочемъ встрѣчаетъ онъ какбы повтореніе Ивана-богатыря, «Ивана Бѣлую Епанчу,» слугу Индѣйскаго царя «Далмата,» у котораго подвизается и нашъ Иванъ-богатырь по сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ, Жаръ-птицѣ и Сѣромъ волкѣ. Такое свидѣтельство о богатырѣ Иванѣ въ сказкѣ явнаго восточнаго происхожденія (какъ думалъ покойный А. Ст. Хомяковъ отъ Армянъ или Грузинъ; *Еруслань* есть извѣстное восточное имя *Арслань*, левъ), при томъ свидѣтельство, чуждое русскаго пристрастія, ибо Еруслань побѣждаетъ Ивана, весьма важно, показывая широкую извѣстность послѣдняго. Нельзя также не припомнить, что при Артуровомъ «Кругломъ столѣ» занимаетъ мѣсто богатырь *Yvain* или *Owen*, а нашего Ивана-дурачка напоминаетъ въ Бретанскихъ сказкахъ *Передуръ*. Однимъ словомъ, очевидно, что Иванъ-богатырь знаменитъ и что онъ дѣйствительно представитель Руси, для нея самой и сосѣдей: весь вопросъ — для какого времени онъ представитель? И мы сей-часъ увидимъ, что дѣйствительно Иванъ съ Ильею Муромцемъ размежевали между собою и время, и области славы, такъ что въ народномъ творчествѣ для одной поры, и при томъ *по сказкамъ*, главный богатырь Иванъ, а для другой поры и *по былинамъ*— Илья.

Всего ближе въ знакомство съ Иваномъ-богатыремъ вводитъ былина «о Ванькѣ, удовкинѣ сынѣ,» напечатанная въ собраніи П. Н. Рыбникова. Она довольно уже близка къ сказкѣ: но на сколько въ ней удержанъ характеръ былины, это, можетъ быть, древнѣйшая изъ былинъ, никакъ не моложе, а вѣроятно еще старше пѣсень о Святогорѣ. Событія взяты по ту сторону сложившагося міра-народа Русскаго, не только въ язычествѣ, въ колебаніи стихійнаго вѣросознанія и кочеваго быта, но даже при самомъ еще началѣ всего этого. Лице дѣйствующее, представитель Руси, еще не обособившейся отъ Славянскаго племени и едва выдѣляющейся отъ другихъ племенъ, Иванъ представляется «сыномъ вдовкинымъ,» т. е. сиротой, меньшимъ и слабѣйшимъ въ семьѣ раздѣляющихся народовъ, подобно тому, какъ сказочный Иванъ всегда сынъ меньшой между сыновьями, братъ младшій, большею частію загнанный, запуганный, оклеветанный, одураченный, вслѣдствіе именно того, что онъ выдѣляется изъ семьи позднѣе, когда прочіе уже возмужали, и вся его надежда на одно будущее. Онъ служитъ рабски существу, въ которомъ видите древнѣйшаго, первобытнаго бога, «царю *Волшану*,» имя кото-

раго однокоренно и однозначуще съ *волхвомъ* и *волшебствомъ*, а въ формѣ *Волота* (извѣстнаго по стихамъ Іерусалимскимъ) стоитъ рядомъ съ *Велесомъ*, *Волосомъ*, и прочими существами, означающими стихійность, расплывчивость, отсутствіе всякой опредѣленности вѣросознанія *). По былинѣ, путь впередъ начинается съ того, что Ивану нужно отъ Волшана «обрядиться,» т. е. спрятаться, такъ, чтобы не нашелъ, передѣться, пройти иные виды бытія. По сказкамъ задача такого рода выражается разными уроками, которые задаетъ Ивану выполнить притѣснитель, государь, иногда отецъ. Иванъ пускается на подвигъ: по сказкамъ онъ отворачиваетъ камень и спускается въ яму, въ колодецъ, въ пропасть, въ подземелье,—т. е. ищетъ скрыться, перейти въ бытіе скрытное сравнительно съ прежнимъ. Въ миѳологіи, въ общей исторіи вѣросознанія народовъ, это скрывательство обозначаетъ въ конечной цѣли обращеніе къ средоточію человѣческаго духа, и прійти сюда предстоитъ многотрудными путями и переходами, въ началѣ же приходится прятаться даже въ камень, куда уходитъ сила духа отъ древняго стихійнаго божества, какъ въ кремень искра. И такъ Иванъ прячется. Въ этомъ скрытномъ бытіи начинается исторія его переходовъ отъ одного вида бытія къ другому дальнѣйшему: чрезъ всѣ царства природы, еще не бывшей для духа внѣшнею, но владѣвшей имъ какъ божество, чрезъ минералы, растенія, животныхъ. Въ былинѣ это выражается такъ: Иванъ оборачивается въ горностая, пролѣзаетъ въ подворотню,

Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Зашелъ за тый ли за единый вязъ,
И сидитъ тамъ (спрятался было) добрый молодецъ.

Во второй разъ:

Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,

---

*) Корень не болѣе, какъ *влъ* или *въл*, откуда Ц. слав. *въл-а-тисѧ*; съ развитіемъ посредствомъ *х*—*влъ-х-въ*, *влъ-х-ва*; *вл-а-х-ъ*—вялый, скопецъ; съ переходомъ *х* въ *с* — *влъ-с-ьнъ*, косноязычный, нѣмой; *власъ*; съ переходомъ *х* въ *ш*— *влъ-ш-ьба*; съ развитіемъ посредствомъ *к* — *влакно*, *волокно*; посредствомъ *г*—*влъ-г-а*, влага; съ *н* — *влъ-н-а*, въ смыслѣ воды и шерсти, волосъ и т. д.

Зашелъ за тый ли за единый дубъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Но у Волшана есть «Книга Волшенская:» въ ней законы тогдашняго бытія; стоитъ раскрыть ее Волшану, и она волхвуетъ ему, разсказываетъ, куда дѣвался и спрятался Иванъ; каждый разъ Волшанъ находитъ его и ворочаетъ, угрожая наказаніемъ. Иванъ не достигаетъ искомой цѣли, принужденъ снова и снова возвращаться къ прежнему, опостылѣвшему виду бытія. Въ сказкахъ это выражается переходами своего рода: въ подземельѣ Иванъ ходитъ по тремъ царствамъ, отъ одного къ другому; гоняется за тремя дѣвушками, отъ одной къ другой, одна другой лучше: на пути его встрѣчаютъ существа, о которыхъ здѣсь было бы долго распространяться, но которыя представляютъ собою кочевой бытъ: это *Кощей безсмертный* или *Кошь*, костлявый, вѣчно блуждающій всадникъ, похититель дѣвицъ *умычкою* — знаменемъ кочевья, извѣстный изъ Слова о П. И. по «сѣдлу Кощіеву,» признаку кочеваго быта, извѣстный по имени, переносившемся на Половцевъ и всѣхъ кочевыхъ народовъ (ихъ называли «погаными кощеями»), извѣстный по названію *коша*, перешедшаго позднѣе къ козачеству, наконецъ даже по словопроизводству имени тожественный съ *кочевьемъ;* во вторыхъ *Баба-яга, костяная нога*, скачущая въ ступѣ, заметающая всякій слѣдъ своихъ блужданій, и для которой, подобно какъ для Кощея, Иванъ былъ представителемъ «русскаго духа:» пахнетъ русскимъ духомъ, русскою косткой. Такъ или иначе, Иванъ отъ нихъ отдѣлывается, убиваетъ разныхъ зміевъ, чудовищъ, сражается, въ сказкѣ «объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ,» съ *Полканомъ*, этимъ половинчатымъ богатыремъ, получеловѣкомъ, полукопемъ, извѣстнымъ въ ряду нашихъ старшихъ или стихійныхъ богатырей, и т. п.

Наконецъ Иванъ достигаетъ цѣли переходовъ. По былинѣ, при третьей попыткѣ укрыться, онъ добрался до берега:

Выскочилъ Ванька на крутъ бережокъ.
Пошелъ-поскакалъ о сине море
По этому по крутому по бережку,
Прошелъ-прискакалъ къ сыру дубу.
Сидятъ птицы, дѣти Могуль-птицы,
Сидятъ они—всѣ перезябнули,

Сидятъ они—всѣ перемокнули,
Сидятъ они—всѣ перехолоднули.

Иванъ спасаетъ ихъ отъ голодной и холодной смерти; налетѣла Могуль-птица, хотѣла пожрать его, но, узнавъ о спасеніи дѣтей, въ благодарность сама спасаетъ его. Она выноситъ его, на своихъ огромныхъ крыльяхъ, *на свѣтъ Божій;* наученный ею, Иванъ заклинаетъ и Волшана, и его Книгу, и всѣ «слова проклятыя.» Книга умолкаетъ въ своихъ волхованіяхъ; Волшанъ въ отчаяніи сожигаетъ ее; разрушены законы этого постылаго бытія; Иванъ спасается, становится самъ царемъ.

Раскрываемъ сказку объ *Иванѣ царевичѣ и Норкѣ-звѣрѣ* (Аѳанас. Нар. русск. сказки, 1858 г., вып. 1, стр. 28 и дал.). У царя въ царствѣ проявился великій звѣрь Норка, все поѣдаетъ; нужно убить его, а для того лазить за нимъ по норамъ, въ подземельѣ. Два старшіе сына не могутъ ничего сдѣлать, приходится меньшому, Ивану (вспомнимъ, что при нашемъ *пыр-ять*, *пор-а*, стоитъ санскрит. *при*, *пара*, человѣкъ, а названіе *Порци* послли Славяне на извѣстной ступени ихъ древняго племеннаго бытія). Царевичъ подымаетъ камень, спускается въ подземелье, совершаетъ тамъ обычные переходы, убиваетъ звѣря. Но какъ Волшанъ, съ помощію книги, не даетъ Ивану высвободиться, такъ въ сказкахъ ту же роль играютъ старшіе братья Ивана, родные, дядька, и т. п., т. е. другіе старшіе, сравнительно съ Русью, народы, успѣвшіе созрѣть прежде, завидующіе успѣхамъ младшаго. Они обманываютъ его разными способами, обрѣзаютъ веревки, когда совсѣмъ было поднялся уже онъ на свѣтъ Божій изъ подземелья, и т. д. Они *погружаютъ* его въ то же бытіе, обрекаютъ опять на блужданіе. «Ишовъ, ишовъ царевичъ. Во якъ паднялась буря, заблискала маланья, загремѣвъ громъ, полився дождь. Іонъ пришовъ къ деряву, штобъ захавацца (спрятаться) падъ имъ. Глядить: ажъ на томъ дерявѣ маленькіе птушки (пташки), савсѣмъ измокли; іонъ и зняв съ себе адёжу, да и накрывъ ихъ, а самъ сѣвъ падъ деревамъ. Кали лятить птица, да такая вялікая, што и свѣтъ затмився: то было тёмна, а то яще патямнѣло. То матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прилятѣвши тая птица, якъ набачила, што яё дятёнышы адѣты, и кажа: «Хто накутавъ маихъ птушакъ?» А далѣ, набачивши царевича, и кажа: «Ета ты зра-

бивъ, спасиба тябѣ. Чаго хочешъ, праси адъ мене за ета, все сдѣлаю для тябе!» Іонъ кажа:— Выняси мене на той свѣтъ. — ... Лятѣвши чи багата, чи мала, вынесла яго, напращалась и палятѣла.» Почти слово въ слово, какъ въ былинѣ.

Птица эта, знаменитая въ нашихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ *Могуль-птица*, *Огъ* или *Ога*, сербск. *Ой*, страусъ, въ передѣлкѣ съ греческой формы *Страфиль*, *Стратилъ*, и т. п., «великая, страховитая,» извѣстная особенно по Голубиной Книгѣ, отчасти по Стихамъ объ Егорьѣ, гдѣ онъ встрѣчаетъ ее, поѣзжая по Руси и водворяя благоденствіе жизни. По совершеніи подвига, спасеніи русскаго человѣка, она умирена христіанскими воззрѣніями и, какъ символъ нѣкогда совершившейся черезъ нее побѣды, водворена въ Кіевѣ на вратахъ Корсунскихъ, гдѣ по Стихамъ и Сказаніямъ, пугала подступавшихъ враговъ Руси.—Въ другихъ сказкахъ объ Иванѣ эта птица является знаменитою *Жаръ-птицей*, которую для спасенія своего старается добыть Иванъ-царевичъ.

Въ сказкахъ есть и другіе образы, впрочемъ сходные между собою и выражающіе также спасеніе Ивана, а въ немъ Русскаго человѣка. Между ними слѣдуетъ упомянуть одно сказаніе: Иванъ разными путями дознался, въ чемъ жизнь и смерть Кощея: «У меня смерть, признался Кощей, въ такомъ-то мѣстѣ; тамъ стоитъ дубъ, подъ дубомъ ящикъ, въ ящикѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ моя смерть.» Подобно, какъ при встрѣчѣ съ Ягой-бабой, Ивану приходится спасаться посредствомъ разныхъ силъ и существъ природы, деревьевъ, волка, медвѣдя, вороны или сокола, рака или щуки, такъ и здѣсь предстояло пройти ему разные образы бытія. Онъ встрѣчаетъ волка, ворону, щуку и спасаетъ ихъ: за то щука перевозитъ его черезъ море; изъ найденнаго подъ дубомъ ящика, выскочилъ и побѣжалъ заяцъ,—онъ пойманъ волкомъ; когда изъ разрѣзаннаго зайца вспорхнула утка, ворона напугала утку. Наконецъ яйцо въ рукахъ у Ивана: прошедши всѣ возможные виды бытія, онъ дошелъ до средоточія, до скорлупы, въ которой сосредоточена смерть и жизнь, смерть для Кощея, для бытія прежняго, стихійнаго, для быта кочеваго, начало жизни для бытія новаго. Только пожать яйцо въ рукѣ, и Кощей чувствуетъ уже страшную боль; онъ молится: «Не бей меня, Иванъ царевичъ! станемъ жить дружно, нашъ весь міръ будетъ покоренъ,»—сознаніе,

что въ яйцѣ сокрыта міровая сила, и, пока яйцо не тронуто, міръ не развивается, въ бытіи скрытомъ. Но Иванъ царевичь раздавилъ яйцо,—Кощей умеръ, начался новый порядокъ вещей. Такъ у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ, особенно Индѣйцевъ, уцѣлѣло вѣрованіе, что міръ творится—для человѣка, для его духа и сознанія—послѣ того какъ раздавлено яйцо и изъ него высвобождается жизнь (ср. Сказки А. Н. Аѳанас., 1856 г., вып. II, стр. 66—72, 168—173).

По спасеніи Ивана, всѣ враги, мѣшавшіе его освобожденію, разнымъ образомъ побѣждены, пристыжены, запуганы въ сказкахъ. Человѣкъ русскій становится въ рядъ съ другими старшими народами, опередившими его на пути развитія; ему обѣтуется царство, за правду, за подвиги въ ея имя.

Приведенныя нами черты могутъ быть блистательно выяснены и подтверждены тысячами примѣровъ изъ миѳологіи другихъ народовъ, проходившихъ тотъ же, общій для всѣхъ путь развитія въ язычествѣ, пока народъ слагается, образуется въ народъ, занимаетъ мѣсто между другими народами. Разнорѣчія изъ множества русскихъ сказокъ могутъ быть подысканы въ прекрасномъ собраніи А. Н. Аѳанасьева.

Съ окончаніемъ для вѣросознанія путей стихійныхъ, черезъ посредство разныхъ видовъ бытія отъ природы неорганической до органической, и высшей, начинается развитіе внутренняго человѣческаго духа, обрѣтшаго свое средоточіе, мѣру, цѣль и цѣлость: близко запечатлѣніе духа Христіанствомъ. Въ положеніи внѣшнемъ, за пройденымъ путемъ племеннаго броженія и кочевья, выдѣляется народъ съ началами и основами своей народности: для русскаго человѣка создался міръ-народъ, форма его бытія политическаго, съ значеніемъ Земли и Земщины. Дружины, міра-сходки, общины, верви, города, и т. д. Сообразно тому, настала и пора истиннаго творчества: творчество на этой первой порѣ явилось Былевымъ, сосредоточено около Владиміра, въ области Кіевской.

Посмотримъ на Ивана-богатыря въ этомъ новомъ періодѣ жизни. Здѣсь объ немъ должны быть *Былины*, а онъ самъ долженъ явиться *Богатыремъ времени Владимірова*.

Такъ и случилось: была минута, когда *Иванъ-богатырь*, какъ

представитель русскаго человѣка, могъ быть какимъ-угодно древнѣйшимъ русскимъ богатыремъ.

Во первыхъ, онъ является представителемъ самой Земли и Земщины, весьма близкій къ *Микулѣ Селяниновичу*, хорошо извѣстному по сборнику П. Н. Рыбникова. Таковъ Иванъ въ сказкахъ—съ прозвищемъ *Голь Воянскій:* онъ маленькій, худенькій, пахарь; какъ Микула, выпрегъ онь кобылку изъ сохи и поѣхалъ на подвиги съ богатырями; перепугалъ ихъ всѣхъ, — Илья Муромецъ, Чурила Пленковичь и прочіе почтительно ему служатъ; онъ убиваетъ Добрыню и, какъ « мужичёкъ съ ноготокъ, бородка съ локотокъ, » помялъ онъ бока самому Ильѣ Муромцу (см. Приложенія къ 1-му выпуску Пѣсень П. В. К.). Но на этой ступени Иванъ не могъ удержаться въ народномъ представленіи и творчествѣ: тогда какъ черты Микулы въ высшей степени строги, Иваномъ овладѣваетъ въ сказкѣ шутка; рѣзкая противоположность между его фигурой и степенствомъ служащихъ ему богатырей подаетъ поводъ ко множеству остроумныхъ выходокъ въ сказкѣ. Вышшемъ шутливое описаніе начала его подвиговъ: « Одинъ разъ отецъ и сохи стали Ивана посылать на полё допахать сколько-то лѣхъ (бороздъ) пашни. Парень поѣхалъ. Пріѣхалъ на пашню, запрёгъ лошадь, проѣхалъ съ сохой разъ ли, два ли, — видитъ: счоту нѣтъ комаровъ да мо́шокъ. Онъ схватилъ хлыстикъ, стегнулъ по боку лошадь, убилъ ихъ безъ смѣты; ударилъ по другому, убилъ сорокъ паутовъ (слѣпней), и думаетъ: « Вѣдь я на одинъ за́махъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой шошки смѣты нѣтъ (сравните разсказъ Микулы, какъ побилъ онъ мужичковъ въ Городни)!» Взялъ ихъ всѣхъ, положилъ въ кучу... самъ не сталъ пахать, выпрёгъ лошадь, поѣхалъ. » Или: « Мужичокъ простачокъ пахалъ пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облѣпили слѣпни съ комарами. Вотъ простачокъ взялъ свой кнутъ, да взмахнулъ такъ счастливо на диво, что разомъ убилъ тридцать трехъ слѣпней, а комаровъ безъ счета. Простачокъ мумужичокъ думать сталъ: « Малъ да удалъ, въ богатыри я попалъ; тридцать трехъ молодцовъ съ разу положилъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ! » Големъ мужичокъ назывался: смотришь, и Голь взвеличался. Выпрягъ свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сѣлъ верхомъ, выѣхалъ на большую дорогу, срубилъ дерево стоярстовое, и поставилъ столбъ съ надписью: « Здѣсь проѣхалъ богатырь Голь

Воянской, встрѣтился съ силой бусурманской, тридцать трехъ богатырей съ разу положилъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ; если какой богатырь на встрѣчу ѣдетъ, у столба поджидай, а позади, такъ меня догоняй (см. Сказки Аоан., вып. II, стр. 8—12; 135—139 и др.). » Здѣсь исторія Ивана есть совершенно исторія Микулы Селяниновича, только на выворотъ и въ шутку.

Далѣе Иванъ отождествляется съ *Ильею Муромцемъ*, именно въ той точкѣ, когда богатырь сложившагося міра-народа только что выходитъ изъ поры предшествовавшей, сидитъ сидемъ, поднимается на ноги Калѣками перехожими. Это *Иванъ крестьянской сынъ*, въ сказкѣ того же имени. Сказанія объ Ильѣ знаемъ мы по 1-му выпуску Пѣсень П. В. К. и собранію П. Н. Рыбникова; объ Иванѣ выпишемъ начало лубочной сказки (весьма замѣчательной, съ годомъ—1793, въ собраніи П. А. Безсонова): « Въ нѣкоей деревнѣ былъ крестьянинъ не весма богатой. И тотъ крестьянинъ жилъ со своею женою три года, а дѣтища у нихъ не было. На четвертое лѣто жена ево понесла и родила сына, котораго и назвали Иваномъ. Когда Ивану сему минуло пять лѣтъ, а ходить онъ не могъ, потому что былъ сидень, то отецъ его и мать стали кручинитца и просили Бога, чтобъ далъ сыну ихъ здоровье, ноги. Однако сколько они ни молились, а сынъ ихъ не могъ ходить и сидѣлъ сидемъ тридцать лѣтъ и три года. Въ нѣкое же время пошелъ крестьянинъ съ своею женою къ обѣднѣ. И въ то же время пришолъ подъ окно ихъ избы нищей и сталъ у Ивана крестьянскова сына просить милостыню. Иванъ крестьянской сынъ на то ему сказалъ: « Я бы подалъ тебѣ, подалъ милостыню, да встать съ мѣста не могу. » Тогда ему нищей молвилъ:—Встань и сотвори мнѣ милостыню: ноги твои здоровы.— Исцѣленый Иванъ крестьянской сынъ тотъ часъ всталъ съ мѣста, и несказанно обрадовался, что ноги его совсѣмъ стали здоровы и невредимы. Онъ кликнулъ нищаго въ избу и накормилъ. Тогда нищей попросилъ у него пива напиться: а Иванъ тотъ часъ пива принесъ. Однако нищей пива не пилъ, и велѣлъ ему всю ендову выпить; а онъ въ томъ не отрекся и выпилъ. Тогда нищей спросилъ его: —Что, Иванушка, много ли ты теперь въ себѣ силы чувствуешь?— « Очень много, отвѣчалъ ему Иванъ. »—Прости же теперь,—молвилъ нищей, и проговоря сіи слова сталъ невидимъ; а Иванъ остался въ великомъ удивленіи. Вскорѣ послѣ того пришелъ его отецъ съ ма-

терью, и увидя сына своего здрава, весма удивились, и стали его спрашивать, какъ онъ исцѣлился отъ болѣзни; тогда Иванъ пересказалъ обо всемъ ясно. И старики подумали, что приходилъ къ нему не нищей, а нѣкій святый человѣкъ исцѣлилъ его отъ скорби, и начали пировать. А Иванъ пошелъ силу испытывать: вышедши въ огородъ, и взялъ въ руки колъ, воткнулъ въ огородѣ по срединѣ онаго, и повернулъ его такъ сильно, что вся деревня съ коломъ повернулась (сравните слова Ильи: «кабы столбъ отъ земли до неба, я бы своротилъ всю землю»). Послѣ онъ вошелъ въ избу и началъ съ стариками своими прощаться и просить у нихъ благословенія. Старики стали плакать горкими слезами и просили его, чтобъ онъ пожилъ у нихъ хотя малое время. Однако Иванъ, не смотря на ихъ слезы, сказалъ имъ: «Ежели вы меня не отпустите, то я и такъ отъ васъ уйду.» Тогда старики его благословили, и сталъ Иванъ крестьянской сынъ молиться, на всѣ четыре стороны кланяется, съ отцомъ и матерью прощается, и сошелъ съ своего двора.» Похожее начало, гдѣ Иванъ выходитъ на подвиги благодаря также оказанной милостынѣ, есть начало сказки объ *Иванѣ-царевичѣ*: «У одново царя много лѣтъ содержался мужичокъ — руки желѣзны, голова чугунна, самъ мѣдной, хитрецъ былъ, важной человѣкъ. Сынъ царю Иванъ-царевичь былъ маленькой, ходилъ мимо тюрьмы. Этотъ старикъ подкликалъ ево къ себѣ и взмолился ему: «Дай, пожалуста, Иванъ-царевичь, напиться.» Иванъ царевичь еще ничево не зналъ, былъ маленькой, почерпнулъ воды и подалъ ему: старика съ этово въ тюрьмѣ не стало... Старикъ зоветъ ево: «Поѣдемъ, говоритъ, ко мнѣ въ гости.» Поѣхали. Старичокъ ввёлъ его въ богатой домъ, крикнулъ малой дочерѣ: «Ей, давай-ко намъ пить и ись, да и полуведёрную чашу вина!» Закусили. Вдругъ дочь приноситъ полуведёрную чашу вина и подноситъ Ивану-царевичу. Онъ отказывается, говоритъ:—Мнѣ не выпить!—старикъ велѣлъ браться. Взялъ чашу, и откуда у него сила взялася, на одинъ духъ такъ и выпилъ это вино. Потомъ старикъ созвалъ его разгуляться. Дошли до камня въ пятьсотъ пудовъ. Старикъ говоритъ: «Поднимай этотъ камень, Иванъ-царевичь!» Онъ думатъ себѣ: — Гдѣ мнѣ поднять такой камень! Однако попробую.—Взялъ, и легко перекинулъ. Самъ опять и думатъ: — Откуда жо у меня берётся сила? Небось этотъ старикъ въ винѣ её мнѣ подаётъ!» — Все больше и больше

поятъ Ивана, а въ немъ все прибываетъ силы. « Пошли со старикомъ разгуляться : Иванъ-царевичь легонько метнулъ камень въ полторы тысячи пудовъ. Тогда Старикъ далъ ему статёртку-самовёртку, и говоритъ: « Ну, Иванъ-царевичь! Въ тебѣ теперь много силы: лошадь не поднять! Крыльцо дома вели передѣлать: тебя оно не станётъ поднимать; стулья надо други жо, подъ полы можно наставить чашше подстоекъ. Ступай съ Богомъ (см. Сказки Аѳан. вып. II, стр. 47—54)! » Того же сидня изображаетъ сказка объ *Ивашкѣ Запечномъ* и замѣчательнѣйшая объ *Иванѣ По́пиловѣ*, изъ которой приведемъ начало: « Ёнъ двѣнацать лѣтъ ляжавъ у по́пялѣ, во пасля́ таго вставъ изъ по́пялу, и якъ стряхнувся, дакъ изъ яго́ злятѣло шесть пудовъ по́пялу (Ск. Аѳан. вып. I, стр. 24 — 28; вып. II, стр. 100 — 103). » Нельзя здѣсь не вспомнить, что по Ляшскимъ и Чешскимъ преданіямъ родъ *Попеловъ* самый старшій и *Попелъ* есть родоначальникъ, представитель Славянскаго племени въ минуту раздѣленія на Славянскіе народы. Но на этой ступени, на которой сталъ твердо Илья Муромецъ, опять не удержался Иванъ: дальнѣйшіе его подвиги сказочные, свойственные ему одному и сказкамъ; любопытно однакоже, что въ сказкѣ объ *Иванѣ крестьянскомъ сынѣ*, подобно тому, какъ Илья встрѣчается съ стихійно-кочевымъ богатыремъ Святогоромъ, Иванъ борется съ такимъ же *Полканомъ*.

Еще далѣе, Иванъ сближается съ *Добрынею*, именно въ томъ обстоятельствѣ, которое служитъ существенною частію былинъ о богатырѣ боярищѣ: когда отъѣздомъ богатыря воспользовался другой, обвѣнчался было съ его женою, но богатырь воротился, наказалъ виноватаго, простилъ жену, бросившуюся къ нему изъ за свадебнаго стола (см. 2-й выпускъ Пѣсень П. В. К. и сборникъ П. Н. Рыбникова). Раскрываемъ заключеніе сказки *объ Иванѣ царевичѣ, Жаръ-птицѣ и Сѣромъ волкѣ* (по старому лубочному изданію изъ собранія П. А. Безсонова): « Иванъ-царевичь пошелъ въ городъ, и, пришедши во дворецъ, засталъ, что братъ его Василій царевичь женится на прекрасной королевнѣ Еленѣ (онъ воспользовался во зло положеніемъ Ивана и хотѣлъ взять добытую имъ королевну), и сидитъ за столомъ, пріѣхавши отъ вѣнца. Иванъ-царевичь пошелъ въ полаты, и, какъ скоро вошелъ въ тотъ покой, гдѣ сидитъ за столомъ братъ Василей царевичь съ прекрасною ко-

ролевною Еленою, а прекрасная королевна Елена, увидѣвъ Ивана-царевича, выскочила изъ за стола и его начала въ сахарныя уста цѣловать, и закричала: «Вотъ мой любезный женихъ, Иванъ-царевичь, а не тотъ злодѣй, которой за столомъ сидѣлъ!» Такое же заключеніе въ сказкѣ *о Булатѣ молодцѣ*, помогавшемъ Ивану-царевичу за оказанное благодѣяніе (по весьма старому лубочному изданію изъ собр. П. А. Б.): «Иванъ-царевичь пошелъ въ кухню и легъ спать. По утру рано царь, вышедъ на теремъ, и смотрѣлъ на непріятельское войско, и видитъ, что все побито, послалъ за нареченнымъ зятемъ (дядькою Ивана, который, играя роль послѣдняго, хотѣлъ воспользоваться его добытою невѣстой), и сказалъ ему: —Ну, любезный зять! Теперь отдаю я тебѣ въ супружницы.— Тогда начали дѣлать пріуготовленіи и чрезъ нѣсколько дней обвѣнчался дядка на прекрасной царевнѣ Церіи. И когда послѣ вѣнца они сидѣли за столомъ, тогда Иванъ-царевичь, пришедъ къ повару, отпросился у него (посмотрѣть), какъ баринъ сидитъ за столомъ съ невѣстою своею; поваръ отпустилъ и далъ ему свое платье (см. 2-й вып. Пѣсень, собр. П. В. К., гдѣ Добрыня, отправляясь на свадебный пиръ, передѣвается скоморохомъ или калѣкой; сказаніе о томъ, что Иванъ пришелъ на пиръ отъ повара изъ кухни, возникло ближе всего изъ того, что Добрыня на пиру выступаетъ «изъ за печки»). И тогда Иванъ-царевичь, пришедъ въ царскія палаты, сталъ за людми и смотрѣлъ на своего дядку и на прекрасную царевну Церію. Тогда царевна Церія узпала Ивана-царевича, выскочила изъ за стола, взяла Ивана-царевича за руку, и сказала: «Вотъ этотъ мой женихъ, а не тотъ, а не тотъ, которой со мной вѣнчался!» Но и на этой ступени, художественно переданной въ былинахъ о Добрынѣ, Иванъ не удержался, и сказки, изъ которыхъ привели мы заключеніѣ, очерчиваютъ совсѣмъ другіе сказочные его подвиги.

Теперь обратимся къ *Ивану Гостиному сыну*, гдѣ герой нашъ является подъ собственнымъ своимъ именемъ. По первому выпуску Пѣсень П. В. К. намъ извѣстно, что вставши на ноги и получивши силу, Илья началъ пытать коней, какой годится, и долго пыталъ, пока нашелъ. То же передается въ сказкахъ объ Иванѣ. *Объ Иванѣ царевичѣ и Булатѣ молодцѣ*: «Тогда Иванъ-царевичь пошелъ въ царскія конюшни и выбиралъ себѣ добраго коня. На котораго

руку наложитъ, и конь тотъ ежели падетъ на колѣни, то оной для него не годился. Итакъ ходилъ онъ по всѣмъ стойламъ, а не могъ выбрать себѣ коня по мысли, и пошелъ въ великой кручинѣ изъ конюшни.» Булатъ молодецъ указалъ ему, гдѣ достать коня подходящаго: «Иванъ-царевичь пошелъ въ чистое поле, и увидѣлъ три дуба зеленыя, и нашелъ дверь желѣзную съ мѣднымъ колцомъ, и взялъ онъ за то колцо, и подпелъ дверь (совершая переходы по подземелью, Иванъ оттуда же добываетъ и копя; ср. выше), збилъ двѣнадцать замковъ, и отворилъ двѣнадцать дверей, и вошелъ въ конюшню, гдѣ и увидѣлъ добраго коня и всю збрую богатырскую; и наложилъ Иванъ-царевичь свою руку копю на спину, и тотъ конь на колѣни не падаетъ, а толко погнулся отъ руки ево, и услышалъ конь по себѣ сѣдока, началъ ржать громкимъ голосомъ, на колѣни передъ Иваномъ-царевичемъ падаетъ, дается ему взнуздаватца.» Въ сказкѣ *объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ:* «Иванъ крестьянской сынъ привелъ ихъ (рабочихъ) предъ царской домъ и велѣлъ рыть землю. Работники, рымши землю, и увидѣли желѣзную дверь съ мѣднымъ колцомъ, и ту дверь Иванъ крестьянской сынъ одною рукою отломилъ, и оттуда выбросилъ, и увидѣлъ тамъ добраго коня богатырскаго со всею збруею и доспѣхами богатырскими, и конь увидѣлъ по себѣ сѣдока, палъ предъ нимъ на колѣни, и промолвилъ человѣческимъ голосомъ: «Охъ ты гой еси, добрей молодецъ, Иванъ крестьянской сынъ! Засажепъ я здѣсь силнымъ и храбрымъ богатыремъ Лукоперомъ, и сижу здѣсь лѣты несмѣтныя, и ждалъ сюды тебя ровно тридцать лѣтъ и три года, и на силу дождался. Садись на меня и поѣзжай, куды тебѣ надобно: я служить тебѣ буду вѣрой и правдою, какъ служилъ Лукоперу силному богатырю.» Въ другихъ сказкахъ Иванъ получаетъ коня «откуда ни возьмись,» въ подарокъ отъ отца, за уваженіе къ нему преимущественно передъ другими сыновьями. Какъ бы то ни было, до сихъ поръ, когда идетъ выборъ коня и добывается конь подходящій, мы видимъ изъ былинъ Илью Муромца, отчасти и другихъ богатырей: но, когда конь появился, выступаетъ въ былинахъ настоящій Иванъ Гостиный сынъ. Мы видѣли изъ пѣсень 3-го выпуска, что всѣ былины, о немъ уцѣлѣвшія, сосредоточиваются на его Сивкѣ-буркѣ-каркѣ, косматочкѣ, троелѣточкѣ, на его поскокахъ, на добытой имъ побѣдѣ въ раздольѣ отъ Кіева до Чернигова; у другихъ богатырей знамениты

конь, но знамениты и другіе подвиги, — у Ивана Гостинаго сына одинъ подвигъ, подвигъ коня; конь по преимуществу, конь изъ коней, есть по былинамъ конь Ивана Гостинаго сына. Таковъ же конь Ивана сказочнаго: это одинъ и тотъ же богатырь. Приведемъ описанія коня изъ сказокъ, отзывающіяся весьма сильно складомъ былинъ. Въ сказкѣ объ *Иванѣ крестьянскомъ сынѣ*: «Иванъ крестьянской сынъ сѣдлаетъ того добраго коня, надѣваетъ на него уздечку тесмяную, накладываетъ сѣделичко Черкаское, и подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шелку Шемаханскаго, и садится на добраго коня, и бьетъ его по крутымъ бедрамъ, и тотъ конь осержается, отъ земли подымается, выше лѣсу стоячева, что пониже облака ходячева, долы и горы между ногъ пускаетъ, великіе рѣки хвостомъ устилаетъ, и изъ ушей своихъ выпускаетъ густой дымъ, а изъ ноздрей кидаетъ пламя великое.» — Объ *Иванѣ-царевичѣ и Булатѣ молодцѣ*: «И осѣдлалъ Иванъ-царевичъ добраго коня, и взялъ палицу боевую, и мечь кладенецъ, и вывелъ коня изъ конюшни, вонъ и сѣлъ въ сѣделичко Черкаское, и взялъ шелковой поводъ въ руку бѣлую, и захотѣлось ему добраго коня испытать: онъ билъ его по крутымъ бедрамъ. И конь доброй осержается, отъ земли отдѣляется, подымается выше лѣсу стоячеву (такъ), а пониже облака ходячева, горы и долы межъ ногъ пропускаетъ, мелкіе рѣчки хвостомъ устилаетъ, глубокія рѣки переплываетъ, чрезъ болота перепрыгиваетъ.» — *О Сивкѣ-буркѣ, вѣщемъ воронкѣ* (Аѳан. вып. II, стр. 73—77): «Иванъ-дуракъ поѣхалъ въ чисто поле, въ широко раздолье, самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко, вѣшшой воронко! » Сивко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламя пышетъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ— напился-наѣлся, въ другое вылѣзъ — одѣлся, молодецъ такой сталъ, что и братьямъ не узнать, сѣлъ на сивка и поѣхалъ.» — *О Иванушкѣ дурачкѣ* («Лѣкарство отъ безсонницы» 1819 г., и отдѣльно 1838 и 1847 г.): «Дуракъ пошелъ въ чистое поле, самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнулъ богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» Прибѣжалъ конь и сталъ какъ вкопанной. Дуракъ въ одно ушко коню влѣзъ, — напился тамъ наѣлся, хорошохонько нарядился, а въ другое вылѣзъ — и сталъ такой молодецъ, что ни вздумать ни взгадать, ни

въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Сѣлъ на коня и поѣхалъ... И какъ пріѣхалъ къ лобному мѣсту, ударилъ коня по крутымъ бедрамъ: его конь осержается, отъ земли отдѣляется, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго.» Въ сказкахъ этого послѣдняго рода, конь — главное: какъ Иванъ Гостиный сынъ въ былинѣ выигрываетъ закладъ, такъ сказочный богатырь всѣми успѣхами одолженъ коню. Любопытно, что въ былинахъ конь такого рода описывается обыкновенно «какбы лютый звѣрь,» т. е. волкъ: подобное сравненіе основано не на одномъ наглядномъ сближеніи, а истекаетъ изъ представленій древнѣйшихъ. Иванъ, мы видѣли, до выхода на свѣтъ Божій, въ міръ-народъ, долженъ былъ пройти безчисленные виды бытія, чрезъ образы разныхъ царствъ природы, и наконецъ животныхъ. На этомъ основалось русское сказаніе объ оборотняхъ: въ сложившейся Руси, оборачиваться въ образы животныхъ, ходить въ нихъ, означило быть мудрымъ, то есть пройти періодъ потребнаго народному герою развитія. Въ оборотняхъ же главную роль играетъ всегда волкъ: сравните Слово о П. И. Потому, въ тѣхъ сказкахъ объ Иванѣ, гдѣ не обрисованъ ярко его конь, тамъ Иванъ, напр. *Иванъ-царевичь*, вмѣсто коня пользуется «сѣрымъ волкомъ,» лютымъ звѣремъ; волкъ зачастую подъ Иваномъ превращается въ коня, и на оборотъ. — Наконецъ передъ нами въ сказкахъ является и *Гостиный сынъ* или *Купеческій*, т. е. съ тѣмъ же именемъ, какъ въ былинахъ и съ тѣмъ же конемъ. Такова сказка *О свинкѣ-золотой щетинкѣ, золоторогомъ оленѣ и золотогривомъ конѣ* (Аоан. вып. II, стр. 88—95), изъ которой мы выпишемъ начало: «Жилъ-былъ царь, у него была дочь, царевна Неоцѣненная Красота, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Царь сдѣлалъ кличь по всѣмъ городамъ: кто поцѣлуетъ царевну черезъ двѣнадцать стёколъ, тотъ, какого бы роду ни былъ, возьмётъ царевну себѣ въ жены и получитъ за нею полцарства (закладъ на подвигъ удалаго коня). А въ этомъ царствѣ жилъ *купецъ*, у него было *три сына*: два, старшій и середній, умные, *а третій*, *меньшой*, *дуракъ*. Вотъ старшіе братья и говорятъ: «Мы, батюшка, поѣдимъ добывать царевну.» — Поѣзжайте съ Богомъ, — говоритъ купецъ. Взяли они себѣ что ни самыхъ лучшихъ лошадей и стали собираться въ путь-дорогу, а дуракъ то же себѣ собирается. «Куда тебѣ, дураку, ѣхать», говорятъ братья, «гдѣ тебѣ поцѣловать царевну!» И вся-

чески надъ нимъ смѣются. Поѣхали они, а дуракъ вслѣдъ потащился на худой поршивой лошадёнкѣ. Выѣхалъ въ поле, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «Гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! Стань передо мною, какъ листъ передъ травою.» Откуда ни взялся отличной конь, бѣжитъ — земля дрожитъ. Дуракъ влѣзъ ему въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сдѣлался такой молодецъ да красавецъ, что и не видано, и не слыхивано. Сѣлъ на коня, пріѣхалъ къ царскому двóрцу: какъ разлетится, такъ шесть стёколъ и разбилъ,» и т. д. (подъ конецъ добываетъ конемъ царевну). — Другая сказка, объ *Иванѣ Купеческомъ сынѣ*, выводитъ такого же Ивана-дурака, съ обыкновенными сказочными приключеніями (ср. помянутую статью г. Шеппинга, стр. 10); далѣе есть сказка объ *Иванѣ-Кручинѣ, Купеческомъ сынѣ* («Русск. народ. сказки, собр. Б. Бронницынымъ», Спб. 1838); Сахаровъ упоминаетъ (хотя и не печатаетъ) изъ своего собранія двѣ сказки — *Соловей сынъ Гостяной Ивановичь* и *Иванъ Гостиной сынъ* («Русск. нар. сказки,» 1841, стр. 269); наконецъ цѣлая книга въ двухъ частяхъ — «*Похожденіе Ивана Гостинаго сына* и другія повѣсти и сказки,» С.п.б., 1785 и 1786 г., гдѣ, при передѣлкахъ и искаженіяхъ, проскользаютъ однако, какъ поводъ къ сочиненію, нѣкоторыя черты чисто-народныя *). — Такимъ образомъ *Иванъ Гостиный сынъ*, хотя и удержался въ былинахъ, какъ богатырь времени Владимірова, но не на долго: былины объ немъ коротки, отрывочны, сосредоточены только около коня. Изъ былинъ вырвался Иванъ въ широкое раздолье сказокъ: но и здѣсь не удержался подъ именемъ одного *Гостинаго сына*, а раздробился и на *Сына крестьянскаго*, и на *Царевича*, и на *Ивана-дурака*, и т. д.

Наконецъ, Иванъ-богатырь всего болѣе удержался въ былинахъ подъ именемъ *Ивана Годиновича* (см. нашъ 3-й выпускъ и сборникъ П. Н. Рыбникова). Мы замѣтили выше, что онъ тождественъ съ *Иваномъ Гостинымъ сыномъ*: вопреки характеру прочихъ богатырей Владимира, отличающихся подвигами разнообразными, все дѣло Ивана Годиновича сосредоточено на одномъ — сватаньѣ, женидьбѣ; онъ ѣдетъ свататься «*ко гостю ко купцу* ко Дмитрищу

*) Книга эта чрезвычайно рѣдка.

(Рыбник. № 33),» «къ Димитрію *гостю богатому* (у насъ вып. 3, № 2),» то есть ищетъ ровню себѣ, какъ сынъ Гостиной; и на оборотъ, когда нужно добыть невѣсту для Владиміра, о невѣстахъ, какъ опытный дѣлецъ, подаетъ совѣтъ *Иванъ Гостиный сынъ* (у насъ вып. 3, стр. 70, 71). Съ другой стороны мы убѣждаемся, что Иванъ Годиновичь—тотъ же извѣстный сказочный герой: подобно сказочному Ивану, онъ ведетъ изъ за невѣсты борьбу съ *Кощеемъ Трипетовымъ* (Рыбник. № 33: Кощей Трипетовъ—тройной; сравни три царства въ похожденіяхъ Ивана, три царевны и т. д.). Еще болѣе: былина объ Иванѣ Годиновичѣ перешла почти цѣликомъ въ знаменитую сказку объ *Иванѣ царевичѣ, Жаръ-птицѣ и Сѣромъ волкѣ*. Стоитъ только хорошенько разобрать ту и другую (беремъ старую лубочную сказку изъ собран. П. А. Б.):

а) Отецъ Ивана-царевича *Выславъ*, напоминающій «солнушка *Всеславича*,» какъ часто именуется Владиміръ (Всеславъ могло перейти въ Выслава, благодаря чтенію рукописей), названый отецъ богатырей.

б) Соперникъ Ивана Годиновича (см. у насъ вып. 3, № 2), имѣющій виды на его невѣсту, есть *царь Афромей*: соперникъ Ивана-царевича *царь Аѳронъ*.

в) Добывши невѣсту, Иванъ Годиновичь, на возвратномъ пути къ Кіеву, легъ съ нею спать въ шатрѣ: сказка передаетъ — «Иванъ царевичь возлюбилъ сердцемъ своимъ Елену, а она Ивана царевича.... Иванъ-царевичь поѣхалъ вмѣстѣ съ прекрасной королевною Еленою на конѣ златогривомъ, и не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ, остановился и слѣзъ съ прекрасною королевною съ коня вмѣстѣ для отдохновенія, и легли отъ зноя солнычнаго на траву подъ деревомъ, а коня привязалъ къ тому жь дереву...Они лежали и разговаривали полюбовныя разговоры, и заснули.»

г) Въ то самое время наѣхалъ на Ивана Годиновича соперникъ, отняли невѣсту, Ивана связали; Иванъ высвободился благодаря налетѣвшему черному ворону, какъ передается у Рыбник. № 33:

На ту пору на то времячко
Налетала птица черный врапъ,
Садился онъ врапъ на сырой дубъ,
Проязычилъ языкомъ человѣческимъ:

« А не владѣть-то Марьей Дмитріевичной
« Царю Кощею сыну Тришетову,
« А владѣть Ивану Годиновичу,» и проч.

Такъ точно во время сна Ивана-царевича наѣхали враги, убили его, невѣсту взяли: «Иванъ-царевичь лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тритцать дней; и въ то самое время набѣжалъ на него сѣрой волкъ...; увидѣлъ сѣрой волкъ одного ворона и двухъ воронятъ:» тутъ и спасъ воронъ Ивана-царевича.— Такимъ образомъ нашъ Иванъ, какъ Иванъ Годиновичь, удержался въ былинахъ, но самыя эти былины сказочнаго свойства!

Изъ всего нашего изслѣдованія получаемъ три вывода:

1) Иванъ-богатырь, по ту сторону сложившагося міра-народа русскаго, времени Владимірова и былинъ Владиміровскихъ, съ своими приключеніями и похожденіями, выражавшими развитіе племенное, обще-славянское, стихійную пору вѣросознанія и кочевой бытъ, занесенъ только въ одну былину «о Ванькѣ удовкинѣ сынѣ,» въ полнотѣ же обрисованъ многочисленными русскими сказками. Съ наступленіемъ новой поры въ вѣросознаніи, бытѣ и творчествѣ, онъ хотя и попадалъ въ отрывочныя былины, и мѣнялся ролею съ нѣсколькими богатырями, но вообще не удержался въ былинахъ и перешелъ цѣликомъ въ сказки: почему это было — потому же, что онъ былъ старше новаго порядка вещей, не имѣлъ твердости и крѣпости сего послѣдняго, выражалъ стихійность и броженіе. Сказки совершенно овладѣли существомъ его: кромѣ приведенныхъ и помянутыхъ выше, къ нему же относятся еще сказки—*Иванъ Водовичь*, весьма народный, сражающійся съ *Чудомъ-Юдомъ* (ср. помянутую статью г. Шеппинга, стр. 13); *Иванъ-царевичь и Марья-царевна* (Аоан. вып. II, стр. 47—54); *Иванъ-царевичь и лягушка* (тамъ же, 58—66); *Лягушка и Иванъ-богатырь* (162—167); *Иванъ-дуракъ* (многочисленныя сказки, отчасти съ главною ролью коня, отчасти со вставочными шутками, вообще направленія шутливаго); *Объ Ивашкѣ Медвѣжьемъ Ушкѣ*, и т. д., и т. д. Но, какъ лицо Ивана-богатыря, мы видѣли, перешло въ сказанія не только прочихъ Славянъ, но и разноплеменныхъ сосѣднихъ народовъ, такъ точно, и естественно, въ сказки этого рода, какъ въ распахнувшіяся двери, вторглось вліяніе и Запада, и Востока: пер-

ваго—въ разныхъ рыцарскихъ чертахъ и пріемахъ, втораго — въ восточныхъ именахъ, черезъ чуръ фантастическихъ краскахъ. Отъ того-то большая часть нашихъ изслѣдователей проходила мимо Ивана-богатыря, не признавая въ немъ яркихъ отличій древняго русскаго лица, и честь перваго серьезнаго вниманія къ этому дѣлу принадлежитъ все-таки г. Шепингу.

2) Второй выводъ совершенно уяснитъ намъ различіе *Былины* отъ *Сказки* и взаимныя ихъ отношенія. Былевое творчество, выражаемое въ Былинахъ извѣстнаго склада, началось собственно тогда для Руси, когда она сложилась прочно и крѣпко въ міръ-народъ, со всѣми отличіями этой новой поры жизни; Былина есть именно выраженіе, Слово (эпосъ) этой поры, признакъ ея, спутникъ: Сказка началась раньше, предшествовала Былинѣ, откликаясь на событія доисторической жизни, на времена броженія въ вѣросознаніи, бытѣ и творчествѣ. Былина имѣетъ строго-опредѣленный характеръ; въ ней всегда опредѣлены имена, или *историческія* или *какъ историческія*; также точно опредѣлена мѣстность, указано *по своему* время событія; складъ опредѣленный, стихъ выработанный, до того, что если онъ и разрушенъ въ устахъ пѣвца, но знакомый съ другими былинами можетъ съ приблизительною точностію возстановить его, благодаря обычнымъ былевымъ (эпическимъ) пріемамъ, постояннымъ прозвищамъ (эпитетамъ), мѣрѣ, чуткой для уха образованнаго: ничего этого нѣтъ въ Сказкѣ, если не брать исключеній; характеръ распущенный, дающій просторъ полный вымысламъ и воображенію, не охотно подчиняющійся правиламъ народнаго искусства; объемъ можетъ расширяться въ безконечность, in repetitum; имена переставляются, нѣтъ притязанія на ихъ историчность, какъ нѣтъ притязанія на дѣйствительность приключенія; мѣстность и время—повсюду и всегда; самыя отдаленныя событія передаются какъ вчера и нынче, какъ здѣсь и рядомъ; складъ сопровождается нѣкоторой нѣвучестью, но, болѣе опредѣлясь, переходитъ въ стихъ Былины, а Былина, разрушиваясь, черезъ Побывальщину и Бабью Старину, разрѣшается въ сказку; не запишите Сказки вѣрно или запишите отъ дурнаго разсказчика, и никогда, какой бы вы ни были знатокъ народной словесности, не возстановите внѣшняго склада, нѣвучести, даже едва ли подыщите выпавшее слово, прозвище. Отъ того вообще Былина крѣпче составомъ и долговѣчнѣе жизнію въ из-

вѣстномъ своемъ видѣ; она меньше допускаетъ посторонныхъ вставокъ; съ ослабленіемъ былеваго творчества въ народѣ, она дробится, переходитъ въ Былину изъ Богатырской въ Козацкую, въ Молодецкую, въ Безъимянную, но переходитъ какъ Былина, и даже вымираетъ какъ Былина, то есть скорѣе готова умереть, чѣмъ измѣнить своему свойству и складу: Сказка, по мѣрѣ приближенія къ былевому содержанію, можетъ быть крѣпка, но тогда она просто повторяетъ Былину, понемножку лишь подтачивая ее и растлѣвая, — таковы сказки объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ, Васильѣ Буслаевѣ, и т. п., образецъ которыхъ находимъ мы въ нѣкоторыхъ изданіяхъ лубочныхъ и отчасти въ изданіи Сахарова, хотя, правду сказать, въ послѣднемъ наложена уже рука художника внѣ народа; въ собственномъ же, своеобразномъ видѣ своемъ, какъ преддверіе ли Былины, или какъ ея обломокъ, а чаще независимо и сама по себѣ, по внутреннему условію своего существа, Сказка расплывчива, даетъ просторъ всевозможнымъ вставкамъ, роднится съ любымъ произведеніемъ народной словесности, готова растянуться въ Сказаніе и Повѣсть, въ ряды Сказаній и Повѣстей, да и сжаться въ Пословицу и Поговорку: она, какъ вышла изъ поры стихійной, такъ и доселѣ какъ стихія, способная принять всевозможные образы, сплотиться при легкомъ напѣвѣ, принять отпечатокъ музыкальной мѣры, и тутъ же разлетѣться въ нескладицу; потому ей невозможно вымереть въ народѣ, она не знаетъ смерти, ибо готова оборотиться оборотнемъ какимъ угодно. Былицу полуразрушенную не станетъ пѣть пѣвецъ хорошій, какъ ни просите: много, если согласится ее *пересказать:* Сказку, какъ бы ни складна она, не станутъ петь какъ Былину, и никогда никто не откажется перелать ее, хоть бы зналъ долю и отрывокъ; чего нѣтъ, всякій замѣститъ и добавитъ, хоть бы самъ видѣлъ порчу, хоть бы вы чувствовали ее сами. Однимъ словомъ, какъ всего короче и вѣрнѣе выразился самъ народъ русскій, — «Сказка *складка*, а Пѣсня (въ основномъ и первобытномъ видѣ своемъ) *Быль*.»

3) Наконецъ о значеніи Ивана-богатыря, въ сходствѣ и отличіи отъ Ильи Муромца. Мы согласны съ г. Шепкинымъ, что Иванъ-богатырь, или, лучше, просто-Иванъ въ народномъ творчествѣ есть дѣйствительно представитель Руси, человѣка русскаго; но съ ограниченіемъ—для времени первобытнаго, стихійнаго, бродячаго, коче-

ваго, до міра-народа, до Владиміра, до истиннаго и главнаго былеваго творчества; онъ вторгается и въ міръ былинъ, но лишь вторгается, не занимая опредѣленнаго мѣста, рѣдко подъ собственнымъ именемъ, чаще подъ именами чужими; онъ переводитъ на себя и пріемы, и отчасти содержаніе былинъ, но переводитъ чтобъ раздробить и размельчить; онъ остается представителемъ Руси и послѣ сложившагося міра-народа, и послѣ Владиміра, и внѣ былинъ, но остается лишь по столько, по сколько есть въ народѣ память доисторическая, а вмѣстѣ, по сколько не всѣ еще первичныя силы, зародившіяся въ обще-славянскомъ племени, волновавшіяся Русь такъ сказать до Руси, народъ до народа, въ пору разгара язычества, когда слагался языкъ и народъ, по скольку, говоримъ, эти силы не всѣ еще поступили въ опредѣленный складъ вѣросознанія, не всѣ закрѣпились въ опредѣленную форму быта, не всѣ выразились былевымъ словомъ, а продолжаютъ бродить какъ стихія, волноваться летучимъ эѳиромъ, носить въ себѣ сѣмена еще неоплодотворившіяся, откликаться народнымъ лепетомъ. Однимъ словомъ, это представитель Руси, но только *въ сказкѣ*. Согласны мы съ мнѣніемъ и покойнаго К. С. Аксакова, не разъ отъ него слышаннымъ: самый главный, выразительный и опредѣленный представитель Руси въ народномъ творчествѣ есть Илья Муромецъ. Онъ представитель міра-народа,—но *съ тѣхъ поръ*, какъ создался этотъ опредѣленный народный міръ, умирился и сложился народъ, съ вѣросознаніемъ, вскорѣ завершившимся въ Христіанствѣ, съ бытомъ своимъ, съ былевымъ творчествомъ; и *до тѣхъ поръ*, пока народъ не перестанетъ быть народомъ, не измѣнитъ опредѣленію своего народнаго бытія: представитель въ дѣйствительности, въ были, *въ былинѣ*. Чѣмъ глубже онъ народенъ, тѣмъ менѣе исключителенъ и болѣе человѣченъ: вспомнимъ, какъ больше всѣхъ товарищей щадитъ онъ всякую новую и молодую силу, какъ бережетъ и лелѣетъ Ермака, котораго, какъ младшаго и позднѣйшаго богатыря, творчество подводитъ къ нему ребенкомъ. Въ этой мягкости своей и благосклонности, даетъ Илья, какъ и самъ народъ, мѣсто и просторъ нарожденію и образовательности силъ, постоянно бьющихъ въ народѣ свѣжимъ ключемъ, новой струею: а эти силы, въ бытіи еще несозрѣломъ и несформировавшемся, въ задаткѣ, въ плывучести, въ лепетѣ и сказкѣ, сосредоточиваетъ вокругъ себя то лице народнаго творчества, которое нѣкогда и предшествовало Ильѣ,

и объ немъ предсказывало, и рядомъ пошло съ нимъ, и на мгновеніе мѣнялось даже именами, и доселѣ не отстаетъ съ боку—русскій Иванъ, богатырь ли, крестьянской ли или гостиной, купеческій сынъ, князь ли или царевичъ, и какого угодно званія, слоя и вида. Илья — представитель *Русскаго народа*, Иванъ — представитель *Русскаго человѣка*. Одинъ отъ другаго хотя и дѣлится съ разныхъ точекъ зрѣнія, но пока существуютъ оба вмѣстѣ въ народномъ русскомъ творчествѣ, и одинъ безъ другаго не существуетъ.

П. Б.

КОНЕЦЪ 3-ГО ВЫПУСКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ 3-ГО ВЫПУСКА.

	Стран.
Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл.	I.
Пѣсни Былевыя. Время Владимірово. — Богатыри:	
Иванъ Гостиный сынъ.	1 — 8.
Иванъ Годиновичь.	9 — 27.
Данило Ловчанинъ съ женою. . .	28 — 38.
Данило Игнатьевичь съ сыномъ. .	39 — 51.
Дунай Ивановичь.	52 — 80.
Сорокъ каликъ со каликою. .	81 — 99.
Дюкъ Степановичь.	100 —106.
Суровецъ-Суздалецъ.	107 —112.
Сауръ Ванидовичь или Саулъ Леванидовичь съ сыномъ.	113—124.
Приложенія.—Замѣтка П. Б. о пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ 3-мъ выпускѣ, съ соотвѣтствующими сказками.	I —XXXVI.

*

2007041550